

ГР. КАПАНЦЯН

ХАИАСА-КОЛЫБЕЛЬ АРМЯН

ЭТНОГЕНЕЗ АРМЯН
И
ИХ НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ЕРЕВАН

1948

11

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO, ILL.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO, ILL.

ԳՐ. ԴԱՓԱՆՅՑԱՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆ—ՀԱՅԵՐԻ ԲՆՕՐՐԱՆ

ՀԱՅԵՐԻ ԷԹՆՈԳԵՆԵԶԻՍԸ ԵՎ ՍԿԶԲՆԱԿԱՆ

ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԸ

9(47.925)

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ГР. КАПАНЦЯН

ХАЙАСА—КОЛЫБЕЛЬ АРМЯН

ЭТНОГЕНЕЗ АРМЯН И ИХ НАЧАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

Древ.
742

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1947

11

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

RECEIVED

Введение

Предлагаемая монографическая работа о стране и царстве Хайаса или Аззи, составлявших единую политическую единицу, представляет не только общий историко-научный интерес в аспекте политических и культурных взаимоотношений стран и народов древней Малой Азии, но и специальный интерес с точки зрения происхождения и исторического становления армянского народа и его государственности.

До сих пор специальных исследований по интересующему нас вопросу еще не было, если не считать одной маленькой работы Э. Форрера („Hajasa—Azzi“). Были также кое-какие спорадически сделанные заметки или высказывания по поводу термина или местоположения страны Хайаса или Аззи, однако до сих пор не имелось более обширного, а тем более арменоведческого подхода, где были бы использованы многочисленные, но пока большей частью фрагментарные данные географического, этнологического, культурного, языкового, культового и фольклорного порядка. Этот пробел претендует восполнить настоящая работа.

Естественно, в этом исследовании о Хайаса—Аззи, как о начальной стадии истории современных армян, мы не можем претендовать, из-за недостаточности материала, на окончательное и всеисчерпывающее решение интересующих нас многих проблем. Однако, когда вышепоименованные многочисленные и многосторонние факторы, хотя и небогато представленные, не только не противоречат или взаимно исключают, а скорее дополняют друг друга и совместно свидетельствуют о действительном наличии данного исторического процесса или факта, то в этом уже нужно видеть правильность методологической установки, а следовательно и гарантию успеха. Тем самым думаю, что сумел,

при всей фрагментарности источников, дать не только пока возможное приближение к этой новой научной постановке вопроса, но и к его разрешению. Тема эта сугубо интересна, ибо касается происхождения и оформления армянского народа и государственности на заре исчезновения многих древнемалоазиатских и переднеазиатских государств, культур и народов. Естественно, армяне не образовались каким-то чудом в этой исторической ситуации, не пришли откуда-то в готовом и раз навсегда данном виде и т. п., как могут думать некоторые, а явились историческими участниками, продолжателями и освоенителями как некоторых из этих народов или племен, так и их культур.

Исторический процесс образования современных армян и их древних политических формирований продолжался, по-моему, очень долго, по крайней мере с половины второго тысячелетия до н. э., когда выступает двуединое „царство“ Хайаса—Аззи, приблизительно в пределах поздней Малой и Высокой Армении, кончая концом третьего века до н. э. Весь этот длительный процесс я делю на два качественно отличных состояния—с 1400 годов до начала седьмого века и с седьмого века до конца третьего и начала второго, т. е. до царствования Митридата в Малой Армении, Арташеса в Араратской Армении и Зарнадра в Софене.

Интересующая нас тема о происхождении и формировании армян в связи с Хайаса—Аззи не могла быть поставлена раньше по той простой причине, что само это двуединое объединение Хайаса—Аззи стало известным лишь недавно, за какие-нибудь тридцать лет, благодаря обнаружению хеттских клинообразных надписей из архивов их царей в местечке Богаз-кей (в вилайете Кайсери современной Турции), на месте столицы древних хеттов под названием Хаттуша.

О Хайаса—Аззи конкретно говорят надписи хеттских царей Шуппилиума и Муршила II в связи с походами их и их предшественников в эти страны и заключенным мирных трактатов в промежутке 1410—1335 годов.

Предлагаемую работу „Хайаса—колыбель армян“ я

делю на три части. В первой рассматривается все то, что относится к народу или племенам хайасцев на месте их первоначального домена между верховьями рек Ефрата, Чороха, а возможно и Аракса, кончая моментом их движения (экспансии) на юг до Мелитены включительно. Во второй же части моей книги рассматривается уже то новое политическое и этническое состояние этих хайасцев, когда они под именем арменов, даваемым иностранными древними писателями или надписями, выступают уже на базе исторического государства Урарту, двигаясь от Мелитены на восток в Софену, Тарон и юго-восточнее (в Арзанену), а с другой стороны частично внедряются от Малой Армении на восток и северо-восток, по долинам Чороха и Аракса, доходя до Араратской области. В заключение, в третьей части, мной дается некоторое общее подытоживание, в роде резюме, всего сказанного в первых двух частях.

В первой части моего труда в частности рассматривается следующее: 1) К истории интерпретации имени и местоположения страны Хайаса—Аззи; 2) Данные хеттских надписей о стране Хайаса—Аззи и уточнение ее локализации; 3) Цари и мужи из страны Хайаса—Аззи и этимология их имен; 4) Факты из армянского языка и культа, говорящие за местоположение этих районов в пределах части древней Малой Армении в соседстве с хеттами; 5) Культурно-историческое состояние Хайаса—Аззи. *Во второй же части* я обстоятельно разбираю этапы и формы распространения этих хайасцев, как бы перерастающих в этом процессе в новое этнокультурное и политическое состояние. Здесь под заглавием „Haj-kh=Armina“ мною разбираются следующие вопросы или темы: 1) О некоторых заефратских племенах или народах (пала, мандэ, сала, кашка, тегарама, мушки) в связи с этногенезом армян; 2) Влияние киммеров (и саков) на политическую ситуацию древней Малой Азии в седьмом веке до н. э. и в частности на хайасцев-армян; 3) Передвижения хаяв в Урарту (новое армянство 7—3 веков до н. э.); 4) Индоевропейская концепция происхождения армян; 5) К происхождению имени Armina; 6) К уточнению местоположения армянов среди субаро-хурритского этнокуль-

турного мира районов Ar(i)me—Suria; 7) Урартизмы и хурритизмы арм. языка; и 8) Роль Малой Армении.

Не могу не присовокупить также, что если круг главных вопросов моего труда имеет специальную целеустановку, то это отнюдь не предрешает того, чтобы здесь не затрагивались, конечно, и многие вопросы или проблемы, имеющие для нашей главной задачи побочное значение, что отчасти и помещается в примечаниях. Прав акад. В. Струве, когда, подчеркивая максимальное использование данных археологии, стратиграфии, памятников материальной культуры, данных этнографии и языкознания, прибавляет: „Историк древнего Востока не может пренебрегать никакими, даже самыми незначительными, данными и только в комплексном изучении всех имеющихся в его распоряжении источников может приблизиться к восстановлению истинной картины и понять отдельные явления в истории изучаемой страны“ (см. его „История древнего Востока“, 1941 год, стр. 8).

HAJASA—AZZI

1. К истории интерпретации имени и местоположения страны Хайаса—Аззи

Обратимся к истории выяснения со стороны ученых местоположения страны Хайаса—Аззи, составлявших, как увидим, единое целое.

Ученый Э. Форрер, а с ним и Уингид,¹ страну Хайаса—Аззи хеттских надписей приурочивал к верхней Армении и на карте к „Сообщениям“ немецкого „Восточного Общества“ за 1921 год № 61 эту Хайасу поместил только в северо-западной Армении, хотя, примыкая к Г. Винклеру, он там же ошибочно помещал и страну Хурри.² В другой же ранней статье тот же Форрер местоположение страны Аззи передвигал к району юго-восточнее Трапезунда, что принимал и А. Гётце.³ В статье же „Das Hettiterreich“ (в журнале „Das Alte Orient“, 1929 г., стр. 25,3)

¹ См. Reallexikon der Assyriologie, I. Band, I—IV Liefer., 1928—1930; см. I вып., стр. 89.

² См. об этом в статье Э. Форрера под заглавием „Hajasa—Azzi“, составленной в 1927 г. и напечатанной в журнале „Caucasica“, Fasc. 9 за 1931 год (Лейпциг), стр. I, прим. 1.

³ См. его статью „Zur Geographie des Hettiterreichs“, напечатанную в 1927 г. в журнале „Kleinasiatische Forschungen“, B. I, стр. 108—114; см. там же, стр. 113, прим. 2 („Auch nach Forrer ganz im Nordosten [Малой Азии], beginnend südöstlich von Trapezund“). В другой своей работе под названием „Kleinasien zur Hettiterzeit“, напечатанной в Гейдельберге в

Гётце говорил, что Аззи составлял часть Хайасы, а известный историк Эдуард Майер („Geschichte des Altertums“, II. B. 1, 1, 459) говорил, что Муршил „в десятом году своего царствования совершает поход в страну Аззи или Хайаса в *северо-западной Армении*“. И. Фридрих в одной своей работе, напечатанной в 1925 г., страну Хайаса помещает в Высокой Армении, понимая под этим видимо и Малую Армению (что часто путалось и у арм. историков).¹ П. Кречмер в статье „Национальное имя армян Haikh“, напечатанной в серии венской Академии наук, о чем у нас еще будет речь, в общем также примыкает к вышепоименованным ученым, прибавляя, что вероятно Хайаса составляет часть Армении, причем конечное его -š(a) известно нам как малоазийский суффикс, корнем нужно считать *haia-*, а все имя должно значить „страна хаев“, подобно как с персидским суффиксом места -stan имеем новообразованное Хайастан „Армения“.² Но еще раньше П. Кречмера об этническом

1924 г., стр. 6, А. Гётце помещал в соседстве с „Верхней страной“, и на карте, приложенной в конце, Хайаса обозначена на пространстве между реками Ефрат, Чорох и Ирис, что приблизительно правильно. В работе же „Kleinasien“ (1933 г., Мюнхен), тот же Гётце располагает страну Хайаса—Аззи на верхнем Ефрате, называемом Карасу, по его долине вверх.

¹ См. в его переводной работе „Aus dem hethitischen Schrifttum“, напечатанной в Лейпциге в 1925 г., где (I. Heft, стр. 9, прим. 8) он страну Хайаша отождествляет с „Hocharmenien, nordöstlich von Tegaramma; dasselbe ist weiterhin mit dem Lande Azzi gemeint“. То же самое он подчеркивает (Haiaša—das heutige Hocharmenien) и во втором выпуске (II, стр. 21, прим. 7). Как видим, Иоаннес Фридрих, помещая страну Хайаса—Аззи к северо-востоку от Тегарама (=арм. Thorgom < Thogarma, поздняя Мелитена), фактически под Хайаса—Аззи понимает не Высокую Армению, а Малую Армению.

² В лувийском языке, столь близко родственном с хеттским, суффиксом -ša также образуются подобные имена, как от имен богов Tarhunt и Datta [=Тешуп] имеем производные имена мест Tarhuntaša и Dattaša. Значение же, придаваемое этим суффиксом -ša (писание через -šša есть чисто орфографическое явление, быть может, в связи с ударением на предыдущем гласном), по А. Гётце является possessivным („dem X. gehörig“, см. его „Kleinasien“, в серии „Kulturgeschichte des Alten Orients“, München, 1933, III. Abschnitt, I. Lieferung, стр. 54). Так что и хеттские *Haiaša*, *Hurluša* и др. можно будет переводить „К хайа принадлежащее место“, „к хурри принадлежащее место“ и пр.

тождестве имени армянского Haj-kh „армяне“, „Армения“ и имени страны Halasa говорил и ученый Карл Рот, как на это указывает акад. Я. Манандян в своей книге „Критический обзор истории арм. народа“ (стр. 33, прим. 1).¹

У нас в СССР на эту тему отозвался проф. А. Захаров в книге „Хетты и хеттская культура“ (в серии Госиздата „Культура Востока“), говоря следующее: «Когда ветвь фригийцев около 706 г. до Р. Хр. передвинула армян в Малую Армению, они подверглись сильному туземному влиянию, которое Форрер считает балайским. Затем армяне, приобретшие этот балайско-грузино-кавказский оттенок, завоевали в следующем столетии Великую Армению. Таким образом, к области балайского языка следует отнести царство Halasa, которое лежало в верховьях долин Ефрата, Аракса и Чороха» (стр. 105).

О связи страны Хайаса с армянами говорил в 1933 г. и А. Хачатрян в своей книге „История Армении в клинописный период“, но его сопоставление Halasa с армянским Hajastan „Армения“ в буквальном перерастании из Halas + tun („дом“), т. е. „Хайасов дом“, является явной аккомодацией, ложной этимологией (Volksetymologie), вопреки армянским грамматическим нормам. Ссылки же на такие армянские словообразования, как Palnatun или Palanakan tun „дом (= род, область) Палин или Паланский“, приводятся им совершенно безосновательно, ибо -stan в имени Hajastan есть обыкновенный в армянском иранский суффикс места, не вызывающий в данном месте спора или сомнения.

Независимо от вышепоименованных ученых и даже раньше Кречмера, Хачатряна и др., я в 1931 г. в работе Chetto-armeniaca (изд. Госиздата Армении, 1931—1933 г., стр. 6) сближал корень имени страны Хайаса с армянским национальным именем հայ haj „армянин“, помещая страну Хайаса в районе древней Малой Армении, как это приблизительно локализовали и другие, напр. А. Захаров, И. Фридрих.

¹ Статья К. Рота помещена в арм. журнале венских вихтаристов „Handēs Amsōraçaj“ за 1927 г., № 11—12, стр. 743.

Как видели выше, большинство ученых склонно было поместить царство Хайаса хеттских надписей либо в районе Высокой Армении (вокруг Эрзерума), либо в северо-западной Армении, или еще западнее, а именно в верховьях рек Ефрата, Чороха и Аракса, что как будто не очень противоречит предыдущим локализациям. Мысль же о том, что Хайасу нужно поместить в районах поближе к озеру Ван, хотя это в начале и было высказано вскользь, является совершенно необдуманной и необоснованной как потому, что такая страна не упоминается в урартских и ассирийских надписях, столь подробно перечисляющих области и районы Урарту, так и особенно потому, что само описание хеттских надписей помещает эту Хайасу (и Аззи) в ряду приефратских стран или городов Заззиса, Зимарриа (Зихурриа?), Тибиа, Пала, Дурмитта и др., у верхнего Ефрата, *рядом с „Верхней страной“*, о чем у меня будет сказано подробно.

По вопросу о Хайаса—Аззи больше всех из иностранных ученых говорили Эмиль Форрер и Пауль Кречмер.

Хеттовед Э. Форрер, как мы видели, склонен был отнести царство Хайаса к области распространения балайского языка, сближаемого им с грузинским. Конечно, непосредственных данных для этого нет, кроме того, что вообще язык народа или племен *pala* (*bala*) является более принятым в песнопениях о серебре, воспеваемых хеттскими жрецами „по-палайски“ (по-хеттски *palaunni* значит „по-палайски“),¹ с почитанием божества *Zibagua*, а богатые се-

¹ При помощи суффикса *-unni* или *-inni* в хеттском образуются имена людей, происходящих из того или иного места. Напр., имеем *luunni* „луни-ец“ (лунт, лувец, жившие в Арзава), *burušhandunni* „бурушхандец“ (из города Бурушханда), *ankullaunne* „анкуллаинцы“ (из гор. Анкулла), *arinnunne* „аринны“ (из гор. Аринна) и т. п. См. Code hittite изд. Фр. Грозного, стр. 16, прим. 5. Суффикс же *-ili* в слове *palaunni* „по-палайски“ есть и в других случаях, напр. *ḫatili* „по-протохеттски“, *burili* „по-хуррийски“ и пр. В хеттском своде законов особо отмечается убийство хеттских кушцов в странах Арзава и Пала (С. II, стр. 4), за что убийца платил 1½ мин (около 750 грамм) серебра и возмещал за товар убитого.

ребряные рудники находились в Спере (у совр. Гюмушхане), близ грузинского коллектива племен. Несомненно, что язык (или языки) многочисленных палайцев должен был быть азиантическим (по терминологии П. Кречмера) или, как еще говорят, малоазийским, а в этой связи, конечно, мог иметь некоторые языковые общности и с грузинским и с хайасским. В хеттском своде законов страна Пала имеет почти такой же политический вес, как Хатти и Арзава. Большей же частью эти палайцы ассимилировались с армянами, судя по географическим терминам Палли, Палуни, Бала-ховит и пр., о чем будет сказано ниже. Не отрицается, по-моему, их языковое родство с хаями Хайасы. Неправильно мнение Форрера в том отношении, что фригийцы в 706 г. передвигают армян, очевидно, чистых индоевропейцев, с запада в Малую Армению, где они подвергаются „сильному туземному влиянию“, ибо эти районы входили „в области распространения балайского языка“. Никаких исторических данных для этого переселения нет. Концепция же об армянах, как пришлых индоевропейцах, выступает и у П. Кречмера, который вместе с Леман-Хауптом выводил из западной Малой Азии также и урартов (халдов).

Я позволю себе немного подробнее остановиться на статье П. Кречмера, которая мне известна резюмативно из армянского журнала „Handes Amsōreaj“ (см. выше), и на работе Э. Форрера „Hajasa—Azzi“, напечатанной в „Saucasica“ (Fasc. 9, Лейпциг, 1931 г.).

Правильно подметив аналогию форм $\mathcal{S}aj\mathcal{p}$ Taj-kh (им. п. мн. ч.) и $\mathcal{S}aj\mathcal{p}$ Taj-oç (род.-дат.-исх. п. мн. ч.) с одной стороны и $\mathcal{Z}aj\mathcal{p}$ Haj-kh— $\mathcal{Z}aj\mathcal{p}$ Haj-oç с другой, П. Кречмер, наравне с греческим $T\acute{\alpha}\lambda\alpha\iota$, приводимым Sophainetos'ом (у Ст. Византийского), и $T\acute{\alpha}\lambda\alpha\chi\alpha\iota$, приводимым Ксенофонтом („Анабазис“, IV, 7), восстанавливает первичность основ $haio-$ и $taio-$. Не говоря о первой основе $haio-$, столь очевидной для любого знатока древне-армянского языка, я со своей стороны могу подкрепить основу $taio-$ также древнейшей клинописной ее формой, звучавшей у урартцев $diau-$, что произносилось $diao-$ (пишется $di-a-ú-e-ḫi$ или $di-a-ú-ḫi$).

с притяжательным суфф. *-hi*) и сохранилось не только в армянском Тајо-с, но и в грузинском Тао.¹

Многие хотят в звуке *kh* греческих форм *Ῥαχοι* и *Καρδοχοι* усмотреть знак мн. числа, как *kh* в армянских *Տալք Taj-kh* и *Կորդուք Kordu-kh* (собств. „таи“ и „кордун“). Но это явное недоразумение. Если исключить греч. окончание для мн. ч. на *-oi*, то основы *ta(i)ox-* и *kardux-* станут для нас местными хурро-урартскими отыменными образованиями на *-hi* (= *-xi*) от этнических основ *ta(i)o-* (< *diao-*) и *kardu-* (|| *kordu-*), входящих, напр., в арм. Тајо-с „таев“ и *Kordua-с* „кордуюев“ (род. п. мн. ч.), приобретающих и значение местностей „Таоя“ и „Кордуя“ (= Кордуена). Хурро-урартская форма *kardu-hi* (*kardu-xi*) „кардуюец, кардуюйский“ чередовалась с семитической формой *kardu-ai* (ср. греч. *Καρδοαῖοι* = *Καρδοχοι*) с альтернацией двух разноязычных, но однозначущих морфем *-hi* (*-xi*) и *-ai* (= арам. *-ala*): ср.

¹ Этот наирский народ (или союз племен), ставший в одно время во главе всех наирских 63 племен по нижнему течению реки Арацани, был весьма сильным и многочисленным. В ассирийских анналах он под именем *daiaeni* упоминается еще со времен Тиглатпилесера I (конец 12 в. до н. э.) и имел царей *Sini* и *Asia*, а в урартских надписях царей Мелуа и Аргишти упоминается также царь *Uṣururṣi* (= Утупурс), как глава племен *diao*. Из описания ассирийцев видно, что их цари, переправляясь через реку Арацани в районе Харберда, попадали в область племен или стран *Suḫmi* и *Diao*, после чего, двигаясь на восток, вступали в область урартцев и приходили к озеру Ван. Поэтому не убеждает меня Б. Пиотровский, когда Тиглатпилесера I и других приводит в долину Чороха, в область Тайк (груз. Тао), как это делали и Маркварт, Леман-Хаупт и др., куда ассирийцы в один поход никак не могли пойти, не говоря о том, что перед ними стоял непроходимый Дерсим, что нужно было бы обходить в течение месяцев. Несомненно, племена *diao* частично или полностью под давлением ассирийцев, а позднее и урартских царей, переселились из долины нижнего течения реки Арацани (Мурадчай) на северо-запад, в долину нижнего Чороха и восточнее. Я думаю даже, что, когда Ксенофонт („Анабазис“, V, б, 17) говорит—«а кардухов, таохов и халдейцев, которые не были подчинены царю и очень опасные были враги, мы подчинили нам, ибо должны были взять продукты, которые они не хотели нам предоставить»—, то тут под таохами можно разумеать остаток древних таохов в долине Арацани, что географически также близко упоминается с кардухами и тароцкими

также аккадские: *kaldai-* „халдей“ (=арам. *xaldaja*), *subr-(i)ai-* „субарец“, *madai* „миднеец“ и пр. Есть также имя бога *Καρδουχας* собств. „Кардуец“ (см. „*Orientalistische Literaturzeitung*“, Berlin—Leipzig, XXXVI, 82).

Но Кречмер видит основу *haio-* армянского национального имени не только в *Haïasa*, но и в имени *Хоi*, упоминаемом греческими писателями Алдинусом и Гекатеем Милетским (в его описании *Ἰσθμῶς*), судя по эксцерптам, сохранившимся у Ст. Византийского. Но насколько я мог изыскать, этот народ хоев упоминается рядом с вихирами: *Хоi, ἔθνος Βεχελρων ἐγγύς* „Хои народ вблизи вихиров“ или *ἐς μεν τοῦτο ἡ Βεχερικὴ, ἔχοντι δ' αὐτῶν Хоi* „до сих пор земля вихиров, а с ними рядом живут хои“ (см. В. Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о скифах и Кавказе, СПб, 1890), а это очень важное обстоятельство для точной локализации хоев. Укажу также, что соседние с хоями вихиры упоминаются и в урартской над-

халдами (ср. также курдские племена „халдан“ в 21 селе севернее Сегрда, южнее Сасуна). Халдайцы же, как правильно указывает Маркварт, упоминаются также, как отдельная ветвь, на северо-западе у Черного моря, рядом с халибами и макронами (Анабазис, VII, 8, 25). Если халды упоминаются в Тароне и у Черного моря, то почему таохи не могли быть в разных местах, подобно халдам, мардам, матнепам и др. В надписи Аргишти I на ванской скале (Col. I) страна Днао упоминается рядом со страной Забаха (=Джавах). Надпись же Менуи в Зивние (у Сарикамыш) подтверждает соседство днаойцев и джавахцев. Но ведь о стране Днао с царем Утупури говорит и надпись села Язлы-таш у горного хребта Дагар, при Маназкерт (в 36 строк), где упоминается столица днаойцев Шашилу, отделенная от страны Шешетини с городом Зуайни рядом с городом Утуха (строки 7—11). Следовательно, ветвь племен днао можно видеть и в районе севернее озера Ван, не говоря уже о днаойцах по нижнему течению Арацани, упоминаемых ассирийцами (Тиглатпилесером I и др.). Вообще же поздняя (при армянах, греках) дислокация племен не может быть принята за отправную точку их расселения и изучения, а разноместность и расселяемость племен одного и того же происхождения не требует доказательств. Между прочим ученый Шанла (*Şanda*) также помещал страну Данаени к востоку от страны Сухме, в долине нижнего течения Мурад-чай (см. его „*Untersuchungen zur Kunde des alten Orients*“, стр. 4—5, см. у Гюбшмана, „*Die altarmenischen Ortsnamen*“, стр. 6).

писи Сардура II, а именно в третьей надписи его знаменитой стелы, открытой И. Орбели в 1916 г. на северной стороне Ванской скалы. После описания похода в страну Кулха (т. е. Колхида) с упоминанием ее царя Меша, столицы Илдамуша (или Елдамуша=нин. Ардануч?) и оставления надписи на „таблице (из) железа“ (DUB ANBAR), Сардур прибавляет: „В том же году... я пошел походом на страну Вихирскую (Uihiruhjedi)“, причем говорится также о шести вихирских племеновеждах.¹ О многочисленности же этих вихиров мы знаем и из других источников: напр., греческий писатель Аполлоний Родосский трактует их как „многочисленные племена вихиров“ (см. у Латышева, стр. 413). Племена вихиров и хоев жили по побережью Черного моря.

Между прочим, поминное Ксенофонтom Тῶσι (Анабазис, IV, 7, 1) заменено в передаче Диодора Сицилийского формой Χῶσι, что правильно дало основание ученому Томашеку говорить об описке или искажении писца. П. Кречмер, соглашаясь с этим, говорит: „Быть может и правильно это мнение о форме Χῶσι, ибо Ксенофонт в соответствующем месте упоминает о тайцах, но ту же самую оценку сделать о форме Χοι будет полной прихотью“. Соглашаясь с Томашеком и Кречмером о несомненном искажении у Диодора этнического имени Тῶσι в Χῶσι, я все же не могу не возразить против сличения χοι с арм. haġ „армянин“. Во-первых, хои жили в припонтийском побережии Черного моря рядом с вихирами, до которых дошел в восьмом веке урартский царь Сардур, бывший до того в Колхиде, куда он дошел из района сзера Чалдыр (здесь оставлена им надпись у села Дашкепри). Следовательно, Сардур дошел до побережья Черного моря, идя севернее Пархарских гор, а не с южных областей, где он никогда

¹ Интересно, что в этой урартской надписи середины восьмого века урартский начальный звук u (=w) слова Uihir- соответствует греческому β, урартск. b (=x)=греч. χ, урартск. гласный i=греч. дифтонгу ei или монофтонгу e. Урартская форма Uihiruhjedi есть направительный падеж на -e-di от Wiġir-uhġi „Вихирский“, образованного от основы wiġir+суф. притяжательности -uhġi (= -uxi).

не бывал. Во-вторых, армянское национальное имя haј начинается с твердого заднеязычного сипранта „х“, что относится к возражению и относительно сопоставления искаженного хай с этим армянским haј. Так что к правильно-му сопоставлению имени Hайаса=арм. haј Кречмер напрасно прибавил и имя припонтийских хоев.

Говоря о том, что свой этнический термин „хай“ индоевропейские армяне унаследовали от одного из местных народов [Hайа-sa] еще до халдэв, что в армянском языке есть и неиндоевропейские элементы, что армяне соматически имеют особый характер [„арменонды“ по Лушану],¹ что Бельк в Хойте (Сасуне) видел людей, не похожих по типу на современных армян, курдов и т. д., Кречмер касается и вопроса о халдах, повторяет мнение [свое и Леман-Хэупта] об их приходе из западной части Малой Азии, при-совокупляя—„до сих пор не указано, что халдский язык оказал влияние на армянский“. Кречмер, несомненно, ошибается, думая, что урартцы пришли из западной Малой Азии и что в армянском совсем нет урартского влияния. В своей работе „История Урарту“ я даю заметное количество слов и форм, перешедших от урартцев к армянам, хотя сам урартский лексикон надписей весьма однообразен и немногочислен (до четырехсот слов), а во многом и непонятен.

¹ В этот соматический тип арменондов Ф. Лушан вводил кроме армян также хеттов. Многих, видимо, смущал этот местный антропологический тип армян, ибо армяне-де пришлый индоевропейский народ, родственник фригийцам. Оказывается, случайные наблюдения или просто пересказы Геродота или Евдокса имеют большую ценность, чем непосредственные исследования Лушана над черепом древнего малоазиатца (хетта) или современного армянина. Потому и предлагаются вместо „арменонд“ новые термины „переднеазиатская раса“ или же „таврический человек“ (homo tauricus). Тип арменонда имеет следующие характерные признаки: голова, низкая (короткая) или высокая, имеет плоскую и круто (отвесно) падающую заднюю сторону; лицо продолговато и немного широковатое; нос—необычно большой, крупный, часто очень согнутый (наподобие орлиного клюва) и выступает от линии лица; комплекс тела неопределенный, но ростом среднего размера. Этот тип от Малой Азии Хайаса—2

Заканчивает же свою статью П. Кречмер следующими словами: „Употребленное в богазейских надписях имя Haisa значит „Армения“, жители которой известны были грекам под видом Хос. Индоевропейские армяне свое национальное имя haj унаследовали от этих неиндоевропейских дохалдских жителей“. Я, конечно, не могу здесь оставаться на многих предвзятых определениях или предложениях почтенного ученого. Выше уже было указано о невозможности отождествить имя припонтийского народа „хой“ с основой Haisa, как и с армянским haj, а насчет индоевропейского характера армянского языка, как доминирующего качественного его состава, я также совершенно иного мнения.

Наибольшее значение для нашего труда имеет маленькая работа (в 24 стр.) хеттолога Эмиля Форрера, напечатанная в 1931 г. в журнале *Caucasica* (Fasc. 9) под заглавием „Hajasa—Azzi“, хотя она была подготовлена к печати еще в 1927 г.

Здесь собран весь материал из хеттских клинописных надписей, относящийся к стране Хайаса—Аззи. Саму эту страну Э. Форрер относил приблизительно к Высокой Армении, а в 1921 г. он ее поместил на карте „Сообщений“ немецкого „Восточного Общества“ на месте „Северо-западной Армении“ (ibid., прим. 1). Перечислим здесь этот хеттский эпиграфический материал, относящийся к Хайаса—Аззи.

Первый поход хеттов в эти страны Хайаса—Аззи автор склонен видеть в одной надписи (2BoTU. 34. I. 3'),¹ говорящей о деяниях хеттского царя Тудхалия III (1410—1390 г. до н. э.), с упоминанием страны Хайаса. При втором походе туда же этого царя сопровождал его сын Шуппилиума; им навстречу пошел хайасский царь Караний и дал битву при городе Куммаха (2 BoTU. 34. IV. 41—44),

доходит до восточной Персии, а на Балканах смыкается с динарским типом“ (см. у Гётце в его „Kleinasien“, 1933, стр. 17).

¹ В этой надписи упоминаются также гашгайцы и город Шамуха. Хайаса упоминается и в надписи 2 BoTU. 31. I. 17' с упоминанием имени хеттского царя Тудхалиа.

что Форрер справедливо сопоставляет с поздним Кемахом на верхнем Ефрате.¹ От царя Шуппилулуума (1380—1346) сохранился трактат с хайасским царем Хокканом, за которого хеттский царь выдал замуж свою сестру. Справедливо отмечая отсутствие в этом договоре причин его заключения и изложения их прежних отношений, что так свойственно другим договорам, заключенным, напр., с арзавскими и другими князьями, признавая также значение этого договора в области социально-бытовой стороны (женитьба на сестре или сестре жены), о чем у меня будет сказано особо, автор, по-моему, неправильно трактует „беглость“ Хоккана, который приходит к Шуппилулуума, как „подчиненный, зависимый“ (arriizzi) от какого-то другого царя, предположительно митанийского Тушратта. По-моему, этот термин значит „второй, последующий“ (от арра „потом“), понимая в отношении хеттского царя; т. е. хайасский царь занимает при заключении договора вторичное место (rang), а не равное, хотя в отношении хайасского Анииа применяется термин kurivana „независимый, полунезависимый“, как-бы конфедерат (об этих ступенях см. у меня ниже, ч. I, § 5). В договоре же Хокканы говорится о муже Мариа (Marias), который был затем мужем дочери этого хайасского царя, а по одной другой надписи (см. фрагменты в „Hittite Texts from Boghazkei“, № 85) он стал его преемником и предшественником царя Анииа. Существование же по Форреру другого Мариа (деда первого?), убитого мол при Тудхалии за „заглядывание через окно“ (попытка изнасилования) к палатным дамам царя Тудхалии, пришедшим в гости к Хоккане, мне представляется недо-

¹ „Da das obere Euphrat-Tal die gegebene Einfallsstrasse vom Hatti-Reiche nach Hocharmenien ist, liegt es auf der Hand, dass Kummaha die Stadt Kemach am oberen Euphrat ist, die aus armenischen Historikern und in der Gegenwart wohlbekannt ist“ (стр. 1—2). Между прочим, в одном хеттском списке (листе), упоминающем чужие страны, читаются рядом KUR URU Kummahaz KUR URU Hatašaz с формой исходного падежа. Форрер думает, что Куммаха тут понимается независимой и от хеттов и от хайассцев, что неправильно. Список же он относит к середине царствования царя Шуппилулуума.

казанным. Скорее всего здесь фигурирует одна и та же личность (жаль, что текста не приводится). Договор отмечает также возвращение подданных (перебежчиков) хеттского царя и исправление границ. Часть же призыва богов и свидетели и защитники присяги, данная в конце первой расщелины таблицы, обломана и кончается только хеттскими богами. К счастью, как будто и этот пробел сейчас восполнен. Э. Форреру удалось найти в неопубликованных фрагментах (Во. 866, 3793 и 4747) подобную клятвенную часть с именами как хеттских, так и хайасских богов. Здесь говорится (см. *Caucasica*, стр. 6): „Я сделал эту договорную таблицу (=надпись), теперь мы призвали в этой клятве 1000 богов для суда“. Далее идут с хеттской стороны эти клятвенные боги-свидетели, как защитники договора (бог солища неба, богиня солища города Аринна, бог грозы городов Хатти, Халпа, Зиппаланды..., Бадтейарига..., Шапинуа..., Лихэпна и пр. и пр.) и боги с хайасской стороны. Имена последних мной будут разобраны особо. Форрер склонен считать это остатком трактата, заключенного еще при царях Тудхалпа или Шуппилиумума. Есть еще фрагмент договора с войском Хоккана (Во. 3406, неопубл.).

Излагая далее столь ценные для Хайасы летописные данные хеттского царя Муршила II (1345—1320), когда в начале его царствования независимые (Хурри, Кизватна, Арзава) и зависимые страны (Кашка, Араванна и Калашма, Лугга и Питашша) стали предпринимать враждебные действия, Форрер справедливо отмечает недружелюбное отношение и хайасского царя Анниа, который всилу предыдущих договоров должен был помочь хеттам. Правильно подчеркивается им угрожающий тон ответа Анниа на письмо Мур-

¹ В трактате Хоккана с Шуппилиумума эта роль мужа Марна выступает уже определенно, что дает основание Форреру считать его „фельдмаршалом“ Хоккана. Это явствует из IV. 25, из IV. 35 и 42, где читаем: „когда вы, люди из Хайасы, меня в будущем защитите хорошо, то защищу также и вас, людей Хайасы, Мариа и свояков (зятей, родственников?) хорошо“. См. там же, стр. 5. По-моему *l.ij gaepašša* нужно понять не „своих, зять“ и т. п., а скорее „знать царя“ (=род).

шила о возвращении хеттских рабов („если ты попытаешься их получить...“) и последующий заискивающий ответ Муршила („я пришел и расположился лагерем перед границей твоей страны, не опустошил твоей страны., людей, крупный скот и овец не взял..., только ты проявил ссорливость, [ведь это ты] пришел и опустошил страну Данкува [хеттов]. Так пусть боги... вынесут решение для меня“). Но мне думается, что Форрер ошибается, когда Аннию считает нейтральным в борьбе гашгайца Бихунна из страны Тибиа, соседа хайасцев с запада (im oberen Euphrat-Tal, как правильно отмечает и Форрер). Мне кажется, что Анниа своим нападением на хеттскую Данкуву в „Верхней Стране“ помогал гашгайцу Бихунна, ведущему в это время борьбу с Муршилом.¹ Последовавшая битва хеттов с хайасцами в 1338 г. вероятно заканчивается взятием крепости Ура, что Форрер правильно помещает не очень далеко от хайасо-хеттской границы, на стыке горного района между Ерзинканским и Эрзерумским вилайетами, на месте нынешнего „Kür-Oghlu-Kalesi“ в 4 километрах южнее города Мамахатун.

Э. Форрер справедливо отмечает недостаточность результатов этого седьмого похода Муршила в 1338 году, ибо в следующем году продолжались переговоры между им и хайасцами, которые сперва обещали вернуть беглых хеттских подданных (см. 2 BoTU. 56, IV, § 82 и 2BoTU 57. IV), а потом и отказали (2 BoTU. 58. A. II. § 85, строки 1—15), и воспользовавшись затруднениями хеттов (в Сирии начались враждебные действия царя из Нухассы, ассирийский царь Ассур-Убаллит напал на Аштату при среднем Ефрате, умер брат Муршила, защищавший Каргемиш и т. д.), хайасцы открыто начали враждебные действия, вторглись в страну Иштитина, подступили к городу Ганну-вара, имея 10.000 пехотинцев и 700 всадников. После гаданий на успешность похода на них посылается полководец

¹ Бихунна также грозно ответил Муршилу: „не в моей стране я тебе бой дам, а в твоей“.

хеттов Нуванза, которому Муршил сказал через принца Nana-lū-iš (= Nanazidiš?): „иди снова, того же врага из Хайасы раньше дал тебе (в руки) бог молнии, мой господин, ты его сразишь“ (2BoTU 58. В. II, § 92). И действительно, хайассы потерпели жестокое поражение под этим городом Ганнувара (рядом город Ишмиригга), что Форрер помещает в Ерзинганской долине. По-моему эти места лежали в „Верхней стране“. Это было в 1336 году, когда Муршил был походом в Каргемеше и проектировал отсюда окончательный разгром Хайасы. В следующем 1335 году Муршил приказывает своим войскам сосредоточиться, как в исходном пункте („плацдарме“), в городе Ингалава, что Форрер напрасно ищет в позднем армянском городе (крепости) Ангел (Egil) области Ангел-тун (Ангелена) в Арзанене—Четвертой Армении, хотя им не отрицается возможность расположения этой Ингалавы в верхне-ефратской долине („борьба Хайасы с хеттским государством всегда разыгрывалась в долине верхнего Ефрата“, *ibid.*, стр. 13). Тем не менее Форрер делает попытку искать местоположение двух аззийских городов-крепостей Aripša и Dukkama(na), упоминаемых в походе 1335 г., на востоке от Ишуву—Софены, имея особенно в виду помещение крепости Арипсы „внутри моря“, что графически точно читается, несмотря на дефектность идеографически переданного ŠAG A-AB-BA „среди моря“. Также читают И. Фридрих (ZA. NF. II, стр. 278, 288),¹ А. Гётце (в „Die Annalen des Muršiliš“) и др. Мы знаем, конечно, что хеттские цари через Ишуву (= Софену) двигались в Alzi (= Арзанену) и на Ассирию, но ведь за Ишувой нечего искать Хайасу—Аззи, которая, по мнению всех ученых, в том числе самого Форрера, находилась на Верхнем Ефрате. Выражение „сказанная (asi) Арипса в море лежит“ заставило его с первого же видимо впечатления искать эту крепость на полуостровах и островах сперва Черного моря от Синопа до Керасунда, а затем и Ванского озера, где есть острова Ak-Tamar [= арм. Աղթմար].

¹ См. у Форрера в его „Hajasa-Azzi“, *Caucasica*, Fasc. 9, стр. 15, прим. 3.

дур Althamar],¹ Tscharpanak, Adir [=арм. Առտըր Artēr], но так как Арипса была на горном, скалистом и труднодоступном месте, то и эта попытка им была оставлена. В конце концов Форрер остановился на полуострове у западного берега Ванского же озера у местечка Kuzwan-Daghy, а вторую крепость Dukkam(in)а он помещает на месте Dagnevana или Dognavana римских дорожников, приурочивая к современному Tatwan [Tadwan].² Конечно, исследовательская смелость сама по себе может быть очень ценной, а иногда и фактически открывать новые перспективы, но в данном случае не учитываются многие определенные условия и факты. Во-первых, о стране Haisa—Azzi нет и намека в урартских надписях (как и в ассирийских), так подробно иногда описывающих территории вокруг Ванского озера. Затем, самому Форреру вероятно было известно соседство между Хайасой и Верхней Страной хеттов, местоположение которой довольно близко было определено еще при Форрере. В третьих, он сам склонен был Хайасу—Аззи расположить на Верхнем Ефрате, где и помещает хайасский город Куммаху, приурочиваемую им к современному Кемах на Ефрате. В четвертых, было бы более естественным при таком рискованном подходе хайасский город Дуккама, известный еще и в клятвенном списке договора хайассцев с хеттами (при Тудхалии?) под именем Дуггамма-на с почитанием бога Балтанк, приурочить к одноименному городу у ишувийцев, упоминаемому в договоре, заключенном между хеттами и Ишувой с прилегающими к ней странами (Во. 2540), тем более, прибавим мы с своей сто-

¹ Для Althamar по образованию ср. Զղիմար Džlimar „Джуламерк“, Kullimeri = арм. Գղիմար Khlimar (город в Шуприн), Tadmir „Пальмира“ (в Сирии) и пр. с суф. -мар или -мир.

² Это приурочение Dagnevana (Dognevana) римских дорожников к современному Датвану у юго-западного угла озера Ван было сделано еще Конрадом Миллером (Itineraria Romana, стр. 745) и И. Марквартом (в своем „Südarmenien und die Tigrisquellen“, о чем см. в арм. журнале Handes Amsoreaj за 1914 г., стр. 106). Я. Манандян справедливо это оспаривает (см. „Известия“ Инст. наук и искусств Армении за 1931 г., № 5, стр. 75), предлагая Dognevana сопоставить с арм. Դոնեվանք Dogevankh (из *Dogevankh), что находилось в области Харк, севернее озера Ван.

роны, что в этой Ишуве—Софене есть озеро Гёджук = арм. *Շովք* Tsovk, где есть и остров. В этом договоре (Rs. 1) говорится о муже Arhbbizzis из города Battejariga и муже Ajissija из города Duggāna. Наконец, почему Форрер под именем „море“ ищет только Ванское озеро, упуская из виду, быть может по неведению, факт существования озера—болот у Эрзерума (до 15 километров в длину), не говоря уже о других озерках на Верхнем Ефрате, которые были и могли даже сейчас не сохраниться (ср. местечко *Լիճք* Lič-kh, что по-арм. значит „озёра“, западнее Ашкалы, на Ефрате).

При описании конечной фазы борьбы Муришла II с хайасцами от внимания Форрера не ускользнул один факт. Мы знаем, что этот царь на десятом году своего царствования (1335 г. до н. э.), после четырех лет неустанных давлений на Хайасу—Аззи, сумел в конце концов подчинить себе эту страну и продиктовать свои условия. Но в этом году он их привел только к присяге и еще не сумел „привести в порядок“ (*taninnanzi*), т. е. расставить гарнизоны, назначить своих чиновников и т. п., а потому весной 1334 г. он для этой цели снова направляется в Хайасу—Аззи. Жители последней, иначе говоря, старейшины, посылают навстречу Муришлу некоего Мутти, которому удастся все сладить, возратить беглых и новых подневольных работников (NAMRA), скот и пр. Старейшины выступают и в предыдущую осень 1335 г. при взятии Арипсы и Дукамы. Все это заставляет Форрера правильно подчеркивать большую роль хайасских старейшин, точнее предводителей родов или племен, и отмечать как-бы отсутствие царя.

Сохранились два фрагмента из хеттских клинописных документов (Во. 3281, неопубликованный, и № 85 из каппадокийских таблесток Брит. Музея „Hittite Texts from Boghazkei“), из которых Форрер хочет делать заключение, что существовал трактат между хайасцем Анниа и хеттским царем Муришлом II. Первый фрагмент говорит об Анниа, как о самостоятельном или точнее полунезависимом владетеле „Lú Ku-ú-[ri-va-na-an]“, упоминая с ним и мужа

4LU) Gabili(ij)s) [Gapildi(ij)s), а во втором фрагменте выступает имя известного нам мужа Maria(s), как предшественника царя Анниа.

О стране Хайаса—Аззи упоминается и позже, спустя семьдесят лет, а именно в одной надписи хеттского царя Тудхална IV (1260—1230?). Здесь (Во. 510, неопубл.) страны Аззи, Гаšга и Лукка считаются враждебными и имеют общие границы с хеттским государством.¹

В конце своей работы Форрер приводит несколько имен городов, богов и мужей. Так, он отмечает приношение жертв богу Нергалу (U-GUR), т. е. богу подземного мира, в городе Хайаса.² В городе Санагурванта кроме своих богов отмечается почитание бога молнии и грома страны Аззи.³ В списке наличных богов какого-то места отмечается некий жрец Vanni(ij)s) памятника бога молнии и грома из (города) Хайаса.⁴ И, наконец, в одном большом тексте,⁵ касающемся наследования и городов, упоминается URU TEL URU На-ла-за, т. е. „город Холм город Хайаса“, что Форрер помещает в Хеттии. Он сомневается, чтоб существовал город Хайаса. По-моему, этописание нужно понимать как „город Телль города (=страны) Хайаса“, ибо зачастую „город“ выражает „страну“, хотя правильное бы-

¹ Считаю излишним привести эти интересующие нас строчки хеттского текста, как и их перевод у Форрера (стр. 22): namma-šmaš šumēš kineš BE.LUXia | hāntēzi aurinš manlaḫbeškatteni | IŠTU KUR URU Azzi KUR URU Gašga | IŠTU KUR URU Luga nu ZAG šekkaniti | ZI-it anda le kuiški zābi aruša | pāuvaru šanahzi le kuiški | našma-gan vašdulaš UN-aš EGIR-pa anda | uizzi nan-zan-gan anda tarnati | našma-zan-gan avan arba tarnati | naš damēdani KUR-e LU KUR palzzi | nan-gan kuuš AN-meš arba barninkandu= „Ferner ihr Herren bzw. Vorsteher (??), die ihr euch die Wachtposten verwaltet, gegenüber vom Lande Azzi, vom Lande Gasga, gegenüber vom Lande Lugga. Die Grenze darf mit bewusster Absicht niemand herwärts überschreiten... darf niemand suchen. Oder ein Mann eines Vergehens kommt zurück herwärts, du lässt ihn herzu, oder du lässt ihn los und er geht in ein anderes Land eines Feindes, denjenigen sollen diese Götter vernichten“.

² KBo. IV 13 и Во. 346, 5' (=KÜB. X. 82).

³ Во. 434. IV. 18 (неопубл.).

⁴ Во. 2376 I 24 (=KÜB. XII. 2).

⁵ Во. 2048. Vs. 36 (неопубл.).

ло бы писать URU TEL URU Hajašaz. Для такого моего предложения и толкования я имею в виду наличие древнеармянского села *Թիլ* Thil недалеко от Еризы (Ерзикана). Само же имя Hajasа Форрер этимологизирует наподобие лувийских притяжательных форм в топонимических образованиях (см. его „Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches“, напеч. в ZDMG, 76, 1922 г., стр. 218—220). Слово Hajasа он объясняет буквально следующим образом: *хайе своя страна* (dem Haja sein Land), *хайа—страна* (Haja—Land), причем Haja может быть именем мужа, народа или бога.

Заканчивает он свою маленькую, но очень ценную работу, суммированием следующих главных политических моментов, как-бы вех, к истории Хайасы—Аззи:

К 1395 г. до н. э. большая держава страны Хайасы под властью царя Карани. Все верхние страны были им завоеваны, и город Шамуха стал пограничным районом против хеттского государства.

К 1395 г. до н. э. Тудхалиа III и его сын Шуппилиума победили царя Карани под городом Куммаха и подчинили Хайасу. Заключение договора, который сохранился как Во. 966 (неопубл.).

К 1375 г. до н. э. подчинение Хайасы вероятно Тушраттой, царем Митании (Сев. Месопотамия). Бегство принца Хуггана к Шуппилиума, сестра которого выдается замуж за Хуггана.

К 1355 г. до н. э. подчинение Хайасы хеттскому царю Шуппилиума. Поставление Хуггана царем Хайасы. Договор Хугганы (Во. 2020=КВо. V. 3). Ему наследует в управлении свой зять Мариа (НТВ. № 85).

1338—1334 до н. э. война между Муршиллом II и Анниа из Хайасы, законченная его подчинением и договором Во. 3231 (неопубл.).

1260—1230 до н. э. ко времени Тудхалиа IV Хайаса—враждебная страна для хеттского государства.

2. Данные хеттских надписей о стране Хайаса—Аззи и уточнение ее местоположения

Как мы видели, мнения почти всех ученых сводятся к тому, что страна Хайаса—Аззи занимала районы северо-западной Армении, конкретнее—области между верховьями рек Чороха, Ефрата и Аракса. Эти места соответствуют отчасти местоположению древней Малой Армении, а именно ее восточной части (между Сатала—Никополь—Зимара), а также части Высокой Армении. В центре страны Хайаса—Аззи помещают области современных городов Камах, Ерзинган, Мамахатун и Спер. Если же когда-либо Аззи и Хайаса территориально и политически разъединялись, то думается, что Аззи занимал западные районы этих территорий, простираясь возможно по долине реки Келькит (Ирис) и южнее, а Хайаса относилась скорее к восточным районам, охватывая Даранали, Екелеац (Акилисене), Держдан и Спер поздней Высокой Армении, а возможно и районы Карина (Эрзерума) той же высокой Армении.

Разберем некоторые данные хеттских летописей, особенно царя Муршила II (1345—1320), которые могут в той или иной степени способствовать выяснению приблизительного местоположения городов и границ страны Хайаса—Аззи, имея под рукой хорошее издание этих хеттских надписей со стороны Э. Форрера в его „Die Boghazköi-Texte in Umschrift“, кн. II, Лейпциг, 1926 г. (сокращенно 2 ВotU) и анналов Муршила в транскрипции и переводе А. Гётце („Die Annalen des Muršiliš“, Лейпциг, 1933 г.).

Особенно же нас должны занимать летописные материалы, относящиеся к VII—X годам царствования Муршила, когда им намечались или осуществлялись военные выступления против царства Хайаса—Аззи.

Э. Форрер следующим образом отмечает главные факты царствования Муршила II в эти VII—X годы его царствования.

Седьмой год: Поход на страну Тибиа. Прежние деяния мужа (царя) Бихуниа. Посольство к Бихуниа и его от-

вет. Победа над чим. Посольство к Анниа, царю страны Аззи. [Покорение Аззи].

Восьмой год: Отсутствует текст.

Девятый год: [Прислужничество Айтагамы из Кинзы]. Победа маршала Нуванзы над войском Хайаши. Подчинение города Яхрешша и гапгайцев города Биггаинарешша.

Десятый год: Поход на Аззи. Покорение Арипса и Дуккама.

Хотя Форрер правильно отмечает отсутствие текста за восьмой год царствования Муршила, но в „пространной версии“ ашшуров Муршила все-же остались кое-какие весьма дефектные строки или их следы, которые говорят о походе и победе над Мананадаттой [царем Арзавы] и о переговорах с хайасцами. Поход против последних не предпринимается, отчасти из-за празднеств в честь богини Хенит из Команны. Точно также продолжают переговоры с хайасцами и в девятом году царствования Муршила. Здесь упоминается царь Анниа,¹ хайасский царь при седьмом году царствования Муршила, напавшего на пограничный город-крепость хайасцев Ура. Если Анниа тогда (в 1338 г.) вынужден был заключить договор с Муршилом, однако теперь, в 1336 г., он продолжает давать Муршилу уклончивые ответы о выдаче хеттских рабов-беглецов, как и хайасцев, которые должны были поставляться хеттам для подневольной работы. В этот девятый год царствования Муршила хайасцы даже нападают на зависимый от хеттов город Ганнувара, но терпят жестокое поражение от хеттского полководца Нуванза, посланного Муршилом, и теряют десять тысяч солдат. При описании же похода на Хайасу в десятом году царствования Муршила, когда берутся крепости Арипса и Дуккама, мы больше не читаем о хайасском царе Анниа, а вместо него выступает пославец старейшины „муж Мутти“.

Как для изучения территориальных-топонимических вопросов, так и проблем политического-культурного харак-

¹ См. у Гётце, Die Ann. d. M., стр. 104, соответственно 23oTU-58A. (=KUB. XIV 29+ KUB XIX 3).

тера считаю нелишним здесь наперед привести текстуальное описание походов Муршила, предпринятых им в седьмой и десятый годы своего царствования против Хайасы—Аззи.

Текст первого похода (в седьмом году царствования) довольно дефектен. Здесь читается:

„После же, когда страну города Тибиа я сокрушил,¹ к Анниа, царю города Аззи, вестника я послал и ему написал: когда мой отец в стране города Митанни был, к тебе рабы мои, что пришли... [их возврати мне]“ (2BoTU. 48, § 34). Текст здесь прерывается. Но по „пространной версии“ в дальнейшем кое-что сохранилось, что А. Goetze транскрибирует и переводит („Die Ann. d. M.“, 96—99) следующим образом: „Когда я, солнце, это услышал, то написал ему..., там тебе ничего не [сдела]ли, также от людей Иштетены тебе никакого зла не причинено. Но ты пришел и пошел походом на страну Данкува,² сразил ее, вместе с рабочим людом.³ быками и овцами взял ты ее и увел в страну Хайаша. Владелец же страны Аззи написал

¹ Между прочим, когда хеттские (да и другие) клинописные тексты говорят „страна города А.“, то это не всегда нужно понимать в буквальном смысле, что такой город действительно был. Под таким именем города, как это указывалось другими, нужно понимать большей частью политико-родовое объединение в пределах известной области или района.

Видимо такая же политико-идеологическая концепция существовала и позже, в средние века, когда в армянском эпосе о сасунских богатырях говорится о построении города, которому дается имя Сасум (=Сасун), тогда как в Сасуне, т. е. в области Хойт, вообще городов не было. Возможно, конечно, понимание „укрепление“, ибо арм. *gushig khafakh*, взятое из ассирийского *kalakku* „обнесенное место“ (ср. рус. город и городить, изгородь и пр.), могло сохранить это древнее значение, а отсюда уже название этого укрепленного пункта распространилось на всю эту горную страну Хойт, т. е. современный Сасун.

² Ближе к Данкуве находились города Šaddupa, Karahina и Marišta (Marištaḫa). Этимологически же к имени Данкува близко подходит образование имени города Dakuvaḫina со сложным суф. -hina, что так часто встречается и в урартских именах городов Rusahina, Argištiḫina и др.

³ Идеографически передающее NAM-RA (сумерское слово) обыкновенно переводят через „пленный“ (И. Фридрих и др.). А. Гётце в данном месте (Die An. d. M., 97) также переводит „пленный“, хотя и нахо-

мне обратно следующее—Что касается того, что ты мне лишишь, что когда рабы (пленные) ко мне пришли и некоторые... то их тебе не предоставим; если же ты их требуешь...—Я же следующее ответил письмом: „Я пришел и у границы твоей расположился лагерем, твоей страны я не сразил, рабочего люда, быков и овец я не взял, но ты с солидем (=со мной) ссору начал, пришел, сразил страну Данкуна и опустошил (обезлюдил) ее. Боги да выступят на моей стороне и решение в мою пользу вынесут. Но так как он злые слова мне начал говорить, то я стал враждебным (=врагом) и пошел походом. Город Ура, каковой город страны города Аззи первой (*Ši-zi* по 2BoTU. 56. §75=*hantezzi* по 2BoTU. 54. §75) крепостью был, на крутом месте расположенным (был)... Кто это письмо... услышит, то пусть пошлет [человека] и увидит упомянутый город Ура, как снова был он построен“ (2BoTU. 56, §§ 74—75, а также 54, §§ 73—75). В конце же этого последнего места (§ 75) читается также—„Когда же Анииа, владыко страны города Аззи“...

Здесь хочу отметить, что по 2BoTU. 54. § 71—75 упоминается не только Аззи, но и Хайаса (§ 73 и § 74), как одна и та же враждебная страна.

Теперь перейдем к описанию десятого похода того же хеттского царя Муршила II против интересующей нас страны Хайаса—Аззи.

днт, что тут имеем дело не с обыкновенными пленными, а с угощаемым из завоеванных городов людским материалом, что он по-немецки передается через Kolope. В хеттской клинописи есть, конечно, и термин „раз“, также передаваемый идеографически (ARAD). Чисто хеттским словом для понятия „пленный“ видимо было *hiraqa-*, что фигурирует, напр., в своде законов. Так предлагает перевести проф. А. Вальтер, имея в виду его аккадское эквивалентное *asirum*. Слово *hiraqa* (с одним „р“) мы читаем и в хеттских иероглифических надписях с тем же значением (см. у И. Гельба в его *Hitt hier.*, II, 17). Для уточнения значения социально важного термина NAM-RA, как подневольного рабочего люда, я бы указал на подобный же термин из урартских надписей, где часто говорится о „людях года“ (*taršuanī MU*), которых, как обязательный рабочий контингент, ежегодно должны были поставлять урартским царям их подвластные провинции.

Уже к концу девятого года своих походов Муршил планировал поход также в страну Хайаса, но год склонялся к концу и видимо трудности этого похода также заставили Муршила изменить этот маршрут и направиться к югу к городам Харрана, Яхрешша, Биггайнарешша и др. Интересно это место: „Когда страну города Каргамниш я упорядочил, то из страны города Каргамниш я наверх пошел и в страну города Тегарама пришел; когда до страны города Тегарама я дошел (достиг), то Нуванза [генерал Муршила] и главари (войска) все в городе Тегарама навстречу (мне) пришли и там нашли меня. Хотя в город Хайаша я также пошел бы (походом), но год чересчур укороченным стал и мои главари сказали: год очень укороченный (есть), наш господин, в город Хайаша не иди (походом). На город Хайаша я не пошел (походом), а на город Харрана пошел“ и т. д. Муршил с юга возвращается в свою столицу Хаттуша, но зимует в городе Анкува (см. 2 BoTU, 58 B, § 97—101).

С весны следующего X года он уже предпринимает поход в страну Аззи. Здесь мы приводим это описание по транскрибированной *пространной версии* (2 BoTU, § 58. B, §§ 102—108, стр. 112—114):

„Когда весна (hamešhanza) наступила, в страну города Аззи, взявши путь (направление), снова я пошел. В городе Ингалава солдатам (войскам) и всадникам (=колесничим) для похода быть (=находиться) я сделал (=приказал). Людей же города Аззи я —солнце (=мое сиятельство) так как раньше разбивал, и Нуванза, главный (мой) военачальник [собств. „главный вина“=виночерпий], их под городом Ганнувара (также) разбивал, то со мной снова днем сразиться они [=азийцы] не отважились, а меня ночью сразить устремились [zikkiḡ „тянулись“];¹ ночью-де мы

¹ Ионанес Фридрих этот хеттский корень zikk- переводит в других случаях через „бросать“, что так близко звучит с арм. ձիզ dzig— „тянуть, бросать“, о чем см. мою работу „Хеттские боги у армян“, Ереван 1910, стр. 21. Однако, фонетически и по содержанию к хеттскому ближе было бы арм. ձիզի իջից „усилие, рвение“ с новым конечным „п“, ибо хеттскому z почти всегда соответствует арм. ձ (iṣ). Алтернация и

его там сразим (говорили они). Когда же я (солнце) (это) слово услышал (= об этом деле узнал), что люди-де города Аззи ночью по лагерю ударить стремятся (= собираются), то я (солнце) лагерь инструктовал. Как днем для отражения оно [войско] шагает, так и ночью нападение подобным образом будет. И когда люди города Аззи эту (= нашу) защиту увидели, то тогда..." Надпись здесь имеет большой пробел (стерто) и по краткой версии "десятилетних анналов" можно здесь дополнить: "тогда пехотинцы (войска) и всадники страны города Аззи на бой не пришли" (см. заметку Э. Форрера в 2BoTU, стр. 112). Далее говорится о крепости Агирша в стране Аззи, которая (крепость) была расположена на высоком месте, на озере (собственно "в море"), среди гор и скал. Муршил берет ее, приказывает население города, откуда "никакой главарь не ушел", ограбить и направить в Хаттуша, а сам ночует с войском в городе Арипса. На следующее утро Муршил собирается напасть на город Дуккамму, но ее люди, видя это, идут навстречу, падая ниц, хватаются за ноги Муршила и просят, чтобы с ними не обошлись как с жителями Арипсы, а подчинили бы их с условием предоставления хеттам ежегодного людского материала для войска и т. п. Интересна передача заключения в основном тексте "десятилетних анналов": "Город Арипса и город Дуккамма с боем я поверг вниз. Я—солнце скольких пленных, (NAM-RA) в дом царя угнал, три тысячи пленным было. Города же Хаттуша военачальники скольких пленным быков и овец угнали, в этом (счете) нет." (см. 2BoTU. 48, § 41). Между прочим последний оборот существует и в урартских надписях, где говорится, что кроме официально перечисленной добычи и пр., вонны *сверх того* также взяли себе.¹ Далее в пространной вер-

дифференциация между армянскими dzig—"тянуть" и tšig—"рвание", конечно, не исключается. О непроизводности хеттс. zik(k)-говорил и Вальтер Петерсен (Arch. Or., Vol. IX, № 1—2, 1937 г., стр. 214), но его сопоставление с лат. fac-io "делаю" не выдерживает критики.

¹ См. напр. "Археол. экспед. 1916 г. в Ван" Н. Марра и И. Орбели (изд. в 1922 г. в Петрограде): inani LUGAL-e nuni met ali Lù A.Sip

сии муршиловских анналов говорится, что жители всей страны, увидев поражение своих укрепленных городов, которые „каменисты (= скалисты) с высокими (bargaw-eš)¹ и крутыми горами“, испугались, а старейшины страны пошли навстречу Муршилу, схватили его за ноги и просили их считать подчиненными (= подданными) с предоставлением наперед людей для войска и пр. Далее говорится (2Bo TU 53. B., § 106—107): „Для меня год так как укоротился (уменьшился), более я не упорядочил [= не смог привести в порядок] страну города Аззи; людей города Аззи я привел (только) к присяге и потом в город Хаттуса я отправился и в городе Хаттуса прозимовал и праздники шести лет я справил. Когда же весна стала (= наступила)², то в страну города Аззи для упорядочения я пошел. Но как только люди страны города Аззи слышали, (что) солнце идет, то люди страны города Аззи Мутти, мужа (из) города Халимана, навстречу (мне) прислали и мне следующее заявили (vatarñāḫḫir): „господин, нас раньше так как ты загубил (ḫarnikta), то, господин наш, более не приходи, а нас, господин наш, в услужение (= подданство) бери; господину нашему пехотинцев и всадников (колесничих) отныне предоставим, а также хеттских пленников (NAM-RA), которые там при нас, мы отдадим. И мне (этих) пленников для города Хатти, (а именно) одну тысячу пленников отдали. Мне так как того Мутти, мужа города Халимана, навстречу уже прислали, пленных же для города Хатти мне (уже) отдали (возвратили), то после я (солнце)

-še irbītu (в другом месте partu) šeri partu (Col. II, 45—46) = этот [вражеский] царь пришел и что войска (= воины) увели, (то) лишнее увели. Ср. также Col. V, стр. 28: „Сарлур говорит—šecri 'aše SAL lutu Lū A.SI ne arubī „лишнее (число) мужчин-женщин войскам я предоставил“.

¹ Ср. заимствованное с хеттского армянское слово բարձրացած bargawac „(возвысившийся >) развившийся“ из корня barg(u)- „высокий“ с суф. -ac из хеттс. -anza (= -ant || -and) для прич. наст. вр. средних и страд. глаголов. Армянское слово говорит за фонетическое хеттское barg(u)-, а не park(u)-, как обыкновенно пишут.

² По Гётце эта весна была при следующем одиннадцатом году царствования Муршила (ibid., стр. 139).

Хайаса—3

в страну города Аззи больше не пошел (походом), их услуженню я предал, их подчинил. После я (солнце) в этот год в просторы ни в какие не пошел (походом) и в город Анкува я отправился. В городе Анкува я прозимова¹ (ibid.).

Весь вышеприведенный мною здесь материал из хеттских клинообразных надписей дает, по-моему, достаточно данных для уточнения местоположения Аззи-Хайаса, как и отчасти для выяснения отношений между этими племенами и хеттским государством. При отце Муршила II Шуппи-лулиуме, как известно, был заключен договор („Hugganaš—Vertrag“), по которому хайашский царь Хуккана, женившийся на сестре этого хеттского царя, признал себя вассалом хеттского государства. Но как только этот грозный Шуппилулиума замешкался на некоторое время при походе в Митанни, то рабы из хеттского государства частью убежали к азийцам (хайасцам), которые не побоялись их приютить. Видимо рабам-пленникам у азийцев и других жилось лучше. Но здесь может быть и другое объяснение: от хеттов убегали в родные места также те хайасо-азийцы, которые по договору ежегодно предоставлялись хеттам как для использования в качестве работников, так и для пополнения войска. Во всяком случае вассальные страны чувствовали себя довольно свободными, не были придавлены системой хеттской государственности и при любом удобном случае отказывались признать ее суверенитет. Азийский царь Анниа, как видели выше, дает уклончивый письменный ответ посланцу Муршила.

Здесь нам интересна та подробность, что царь Муршил, предварительно собравший свое войско у границы страны Аззи¹, не рискнул совершить непосредственное на-

¹ Термин „граница“ (ZAG=хеттс. *irā-ā*) подчеркивает точное установление границ между Аззи и хеттами. Сведения надписей, что азийцы (замещается и словом хайасцы) совершили набег на город Танкува, а также на Иштитина, Зазина и Ишмирига, близкие к стране Тибиа, дает нам реальные возможности для определения этой аzzo-хеттской и аzzo-тибийской границ. Но к несчастью места эти пока не поддаются дислокации. Предложение ANA ZAG KUR-KA *pīran tuzziānūn*

падение, хотя азийцы до этого „злоумышленно“ разграбили преданный хеттам город Танкува. Как бы идет угон варяжине азийцев: „и у границы страны твоей и расположился лагерем, страну твою я не сразил, из нее пленных, быков и овец я не угнал, а ты повздорил со мной и пошел... сразил город Танкува“. Из этого я хочу заключить, что Муршил готов простить азийцам за то, что они после Шаппилулуна отказались предоставить людей и скот и даже напали на город Танкува, вероятно находившийся на чисто хеттской пограничной территории с гарнизонам. Наконец, нелишне будет отметить еще одно явление военнотактического характера в соотношении сил между азийцами (хайасцами) и хеттами. Когда год склонялся к концу, то военачальники Муршила во главе с Нуванза посоветовали своему царю не нападать на Аззи, а двинуться на юг, где несомненно суровых условий поздней осени и зимы не могло быть в той степени, как в районах „верхних стран“, т. е. Аззи-Хайаса и др. Видимо эти условия (снега) затрудняли движение хеттских военных колесниц (лошадей) на высокие горные места, где как раз и защищались эти азийцы-хайасцы. Последние рассчитывали выиграть сражение только ночным нападением, но Муршил, узнав об этом, заблаговременно инструктирует лагерь, т. е. приводит в защитное состояние. Припомним, как трудно было Лукуллу удерживать свое войско в повиновении при борьбе с Тиграном II в этих же высокогорных местах. Из-за суровых условий и ропота своих солдат даже этот грозный римский полководец вынужден был удалиться. Техническо-военное и культурное состояние азийцев-хайасцев несомненно было ниже хеттского. Наконец, когда Муршил берет город Арипшу, видимо с большим трудом („ни один главарь не ушел“), то он все-же вынужден был согласиться на простое подчинение жителей города

дословно значит „На границе страны твоей впереди и расположился лагерем“ (tuzzianni образовалось от tuzzia „лагерь“, как от арм. banak „лагерь“ образован глагол banaket „расположиться лагерем“).

Дуккамма, как и всех азгийцев. Иначе говоря, Аззи-Хайаса снова стала вассальной частью Хеттии, как это было до отложения, и условия видимо не были отягощены.

Уточнение мест „городов“ Хайаса-Аззи

Перейдем теперь к уточнению мест в стране Аззи-Хайаса, насколько это представляется нам возможным на основании имеющегося у нас материала. Здесь нас должно интересовать не только общее расположение Хайаса и Аззи, но и особенно местоположение „городов“ в этих странах. Чисто местными городами числом до пятнадцати считаются Куммаха, Ура, Арипса (Арипша), Дуккамма, Халимана и пр. (см. ниже); близлежащими же пограничными городами будут Шамуха, Данкува, Ингалава, а по соседству с областью Тибиа (район совр. Акна?) были города Ганнувара¹, Иштитина, Ишмиригга, Заззиса (Заззиша).

¹ Имя города Gannuwara (или Kappuwara) я рассматриваю как сложение из корневого *gan(n)-* или *kan(n)-* и из вторичного *war*, что по-моему должно значить „род, племя“. Есть подобное же образование и в именах древне хеттских городов *Šalawara* и *Šalahšuwara* (по ассирийским надписям), а также в имени города *Kizūwar* (Bo 2715, Bo 424), что по Гётце было в хурритской среде. Личное мужское имя *Šalahšu* определенно тяготеет к древнейшим языкам Малой Азии (протохеттскому, лувийскому, палайскому и пр.), как это видим в именах мужчин туземцев, приводимых в древнеассирийских клинописных документах из Кюльтепе и пр. Ср. напр. из таких имен—*Arzapaḫšu*, *Berwaḫšu*, *Ḫišṭabḫšu*, *Kinaḫšu*, *Laḫṭaḫšu*, *Nuḫaḫšu* и пр. с окончанием *ḫḫ-и* (последнее „и“ есть ассирийско-вавилонское окончание). Затем, судя по хеттским иероглифическим надписям (см. напр. у Игнатия Гельба, *Hittite hieroglyphs*, II, стр. 27), было много имен (городов и людей) оканчивавшихся на *-war a*, как *Kumawarasi*, *Halrawarasa* (личное имя), *X-pa-ta-wa-ra-ā*, *X-sa-sa-ḫa-wa-ra*, *X-ni-wa-ra-ā* и пр., где первый иероглифический знак пока не уточнен (обозначается „X“). Есть и имя *Ašduwareš* „женородный“? Наконец, у армян и грузин есть изрядное количество слов и имен на *-war || -wer* со значением „род“. Напр. *phesawer* „родич зятя“, из рода зятя (*phesa* „зять“), *harsnawer* „родич невесты, из рода невесты“ (*harsn* „невеста“), ср. груз. *kharti-vel-i* „картвел, грузин“ из *khartiwe-i* („из рода карт“), имена мест *Šulawer*, *Çagveri*, *Uraveli* и пр., армянские *Talaver* (*Talaweru gel*), *Narver* (село в 4 ч. пути от города Акна).

Хайаса и Аззи

Если Хайаса имеет определенно этническое происхождение и образована с суф. места -sa, как от этнического halt-„хетт“ имеем у самих хеттов Ḫaltusa (Ḫaltuša), имя главного города хеттского государства (на месте нынешнего села Богаз-кей в вилайете Кайсери в Турции), от этнического ḫurri или ḫurlī имеем город Ḫurluša или Ḫurlaša и т. п., так то же самое мы не можем сказать про образование имени Аззи. Взаимоотношение имен Ḫaiasa и Azzi мне напоминает взаимоотношение этнического имени страны Ḫurri и видимо неэтнического Miṣanli. Между прочим хеттские надписи *страну Хайаша-Аззи помещают рядом с „Верхней страной“*, которая приурочивается к районам западнее современных дерсимских гор (по И. Фридриху эта „Верхняя страна“ доходит до истоков реки Алис, см. его Aus dem hethitischen Schrifttum, I, стр. 10).

С другой стороны страна Тибиа, как уже у нас было отмечено выше, также примыкала, если не входила в эту „Верхнюю страну“ (по надписи царя Шуппилиумума), имея вблизи города Иштитина, Ганнувара, Заззиша и др., а мы знаем, что аззийцы или хайасцы также доходили до этих Ганнувара, Иштитина и пр., которые они разорили. Следовательно, *страны Тибиа и Хайаса-Аззи также сопредельны.*

Наконец, из описания фактов военного похода Муршила в десятом году его царствования вполне явствует, что *политически и территориально Хайаса и Аззи идентичны.* Муршил говорит: „людей же города Аззи я (солнце) так как разбивал раньше и Нуванза, (мой) главный военачальник, их под городом Ганнувара также разбивал, то со мной снова днем сразиться они (=аззийцы) не от-

Ефрате). Vaḵawer (село в областях Голген и Басен, что едва ли от vaḵ „давний“ и awer „развалина“) и пр. Есть даже арм. -vaḡ как в хеттских именах, напр. арм. Alwaḡ (село в Верхнем Басене, южнее Асанкала), Kaḡwaḡ (имя крепости в области Андзаваци на верховьях реки Бохтан-су, восточнее Шатаха), Carḵwaḡ (*Вашкифур*)—село около Арабкира на Ефрате и т. д.

важились". По одной же другой надписи это же поражение от полководца Нуванза под городом Ганнувара потерпели уже *хайасцы* (2 BoTU. 58. B. § 94). Тут говорится о том, что Муршил при своем движении из города Аштаты (в Сирии) в город Каргемиш, послал своего сына, царевича Наназити, к полководцу Нуванзе для извещения о нападении хайасцев. Царевич же доносит своему отцу следующее: „город Ганнувара, так как люди города *Хайаша* разоренным держали, то на них (*хайасцев*) Нуванза, главный военачальник, пошел и их под городом Ганнувара застиг и им — 10000 пехотинцам и 700 всадникам — бой дал и их Нуванза сразил (*taraḥṭa*); убитым же многим и пленным (счета не было)¹."

Из этого важного отрывка нам становится вполне ясным, что *аззийцы* и *хайасцы* идентичны у хеттов. Об ограблении городов Иштитина и Ганнувара хайасцами-аззийцами говорится и в других местах (2 BoTU № 53 A, § 91; № 58 B, § 91A, за что они, как видим, жестоко заплатились.

Перейдем теперь к этимологическому и топонимическому уточнению терминов Хайаса и Аззи, насколько, конечно, это можно сделать по доступному материалу.

¹ Ср. также параллельный вариант описания этих походов в 2BoTU № 58. B. § 91: „Из страны города MUḪ [—верхний] страны города *Хайаша* так как воины (пехотинцы) и всадники пришли и страну города Иштитина разорили, город же Ганнувара, город, осадили, то Нуванзе, что главнокомандующий, начальникам войска (лагеря), воинам и всадникам всем в стране города MUḪ оставаться я заставлял и к Нуванзе, главнокомандующему, посланца я послал, (говоря): смотри-де (=приготовься), люди города *Хайаша* из страны города MUḪ на город Иштитина пришли, город Иштитина разорили, город же Ганнувара, город, обступили. Воинов и всадников туда в помощь пошли, в город Ганнувара иди и людей врага из города Ганнувара выгони. Нуванза, главнокомандующий, воинов и всадников в помощь туда посылает, в город Ганнувара идет"... (см. там же, строки 16—26). Так что *хайасцы* и *аззийцы* и тут идентичны. То же самое говорят и А. Гётце (в его Kizzuwatna, стр. 19, прим. 75): The identity of Azzi and Hayaša needs no longer any comment. При этом он ссылается и на работу Э. Форпера „Hayaša-Azzi" (Cauc., Fasc. 9).

Хайаса

Это имя образовано, как уже подчеркнуто многими, из корня *haiā-* и суф. *-sa*. Последний признак (суф. *-sa*), по моему, свойственен был только топонимике тех языков (resp. стран), расположенных западнее Ефрата, которые имели в род. падеже существительных флексию *-s*. Вообще же говоря, топонимические образования на *-sa*, *-ia*, *-ina*, *-ua* и пр. я склонен вывести из первично притяжательного (поссесивного) образования на *-s* (род. п. ед. ч.), *-hi* (суф. притяжательности), *-ini* (то же самое), *-ue* или *-we* (род. п. в хурро-урартских языках) и т. п. Прибавляемое с конца „а“, заменяя последние гласные названных частиц, с своей стороны как-бы особо уточняет или квалифицирует их топонимичность.

Этимология самого *hai-* едва ли может быть дана даже чисто теоретически. Возможно, конечно, его какое-либо нарицательное первичное значение, в качестве ли родового названия, тотемного обозначения и т. п. Его обоже-ствление в виде армянского *Hayk*, как имени созвездия („Орион“?), как эпонима—бога хришителя рода и т. п., находит идеологическую поддержку в древнем мире, как имя бога *Karduhas* от имени рода (народа) *kardu-*, как божество *hurri* от имени народа *hurri*, что смыкается с *hurri* „бык“ (тотем?), имена богов *haldi* или *Assur* от народов (или наоборот?) и т. д.; ср. имя армянской области *Arberan* „роды (beran), чтившие Арн (бога)“, *Tagiberan* „роды, чтившие быка (taugh-)“ и т. д.

Но нас должна интересовать не только эта этимологическая сторона имени страны *Haiaza*, но и историко-топонимическая. Это имя, как название страны, естественно не могло сохраниться. И если оно не есть хеттское нареkanie с суф. места на *-sa*, свойственным языкам к западу от Ефрата, а местное хайасское имя, то оно могло сохраняться только при условии его конкретизации и применении к какому-либо городку, селу, горе, реке, подобно, напр., как имя страны *Baiana* стало именем города *Van*.

С этой точки зрения в имени села *Мини* Хаса, находящегося в 25 км ниже по течению верхнего Ефрата (Кара-су), начиная от Ани-Камаха, по дороге, ведущей по южному берегу Ефрата от города Ерзика к Акину, мы можем видеть древнее имя Хайасы в стянутой звуковой форме. Древние топонимика могут сохраниться и сейчас, как это видим в именах Комана (в Понте, совр. Кюменек), Малатия (=древняя Мелита), Ардаса (к северу от Гюмушхане), Адана (=Atania в совр. Киликии) и т. п. Но для этого нужно доказать бытование этого села Хаса еще до арабского влияния, ибо это имя может быть арабским Ха^сс „отменный“, что имеем, напр., в таких географических именах сел, как Хас-кёй (севернее Диарбекира), Хастур (в Алашкертской долине), Хас-гюх (у Муша) и др. За некоторую древность и за исключение арабизма в этом Хаса могло бы говорить конечное „а“, так свойственное древнему суф. -sa.

Но этническое hai(a)- могло входить и в другие топонимические образования с разными суффиксами для обозначения места этих хаев. Так, напр., теоретически могли бы быть топонимические—*Хайаха (Haiāha), *Хайна (Hai-na), *Хайита (Haiitha), *Хайавар или *Хайвар (Haiavara „хаев род“), *Хайбер (id.) и т. п., не говоря о „чисто армянском“ Haj-kh „армяне>Армения“. Оставляя эту последнюю возможность (хотя ср. имя села *Հայկ* Hajk у города Мамахатун, судя по карте), я хочу поддержать наличие возможного варианта Haiāha („Хайаха“). Что такое образование в древности было закономерным с суф. -ha, так за это говорят имена городов—Alaiha или Lalha (нын. Тель-Атшанех в Сирии), Kunzurha, Paranha, Pimaḥa (KBo 9 Col. I), Šamuha, Šamaḥa (на границе Азии с Верхней Страной), Kumtaḥa (в стране Хайаса и у Самосата), Gašmaḥa (в Хайаса), Marištaḥa, Kuridha (2BoTU. 65, 66), Arrarha (=Киркук), позднее Urha (=др. Ur-ušsa?) и т. д. В поздней форме вместо Haiāha („Хайаха“) мы бы ожидали Haiah (Хайах), как имеем Камах, Шатах, Аттах, Эрах (у Битли-

са), Карцах (в Джавахетии), Меледух и пр.¹ Но вместо ожидаемого Хайах мы застаем немного измененное имя городка *Քայէկ* Хайёк^h, расположенного на истоках одного из притоков Чороха, к сев.-вост. от гор Баджи-Кардаш, в 40—50 верстах по прямой линии от города Байбурта на юго-запад (по карте). Рядом есть также маленькая деревня Гёлла-Хайек, т. е. „Озерное Хайек“. Этот Хайек упоминается и у армянских древних писателей вместе с городом Езика (Ериза=нын. Ерзинган): *Քայէքն և Եզիկա* „(города) Хайек и Езика“². По армянскому топонимическому словарю Х. Эприкяна (*Հ. Էփրիկեան, Բնակավայրերի Բանարան*, напечат. в Венеции в 1900 г., стр. 338) это село Хайек (*Քայէկ*) или Кейик (*Կէյիկ*) помещается в области Баберда (Байбурта) и имело армянское население в 50 домов с двумя церквями.

Вместо ожидаемого Најах мы застаем Хайек(h), и следовательно начальное „h“ заменилось заднеязычным твердым спирантом (фрикативом) „х“, быть может как диалектическое армянское произношение под влиянием переселенцев армян из Васпуракана (в II веке), у которых древнее h заменяется через х. Замена же конечного древнего „х“ взрывным аспиратом „kh“ или даже простым „к“ замечается и в других случаях. Напр., в урартской надписи Сардура середины восьмого века до н. э., а именно в надписи на скале у селений Изоглу и Кумурхан (на Ефрате, против Малатии), на строках 28'—30' мы читаем имена завоеванных городов области Tsura: *Ḫazani, Urahi, Tumiški., Arusi, Kulbitarrini* и др., которые, по-моему, сохранились в современных Хозан, Урек, Чмишк, Алус, Колоберд, в районе города Харберда (Харпут). Здесь интересно соответствие древнего *ḫ* (*Urahi*) армянскому *ք* kh (в *Քայէք* *Utekh*),

¹ В таких топонимических образованиях, как *Օսխա* Osxa (упомянется др. арм. писателем Лазарем Парпеци в обл. Басен), *Կիւսխա* Khusxa (по карте в обл. Тортум), *Թենխա* Thenxa (на истоке реки Тортум) и т. п., последнее „а“ не сократилось из-за естественной краткости.

² См., напр., в книге Гарегина Сьвандзьяна „Торос ахпар“ (*Թորոս ախքար*), изданной в 1879 г. в Константинополе (стр. 65).

хотя таких Уреков мы встречаем и в других местах с осмыслением их как „Ивняк“ от армянского *իւնի* *uñi* „ива“, как от *խնձոր* *həndʒor* „яблоко“ имеем имя места *Хəndzo-gek* „яблонник“, „яблонная роща“ (это село находилось севернее Камаха), от *ընկույզ* *ənkujz* „орех“ имеем *Ənkuzek* „Орешняк“ (ср. местечко *Ənkuzeki dzor* „ущелье орешняка“ на р. Тортум) и т. п. Даже у армянского историка Ст. Орбелян имя села *Արդախ* *Ardaḥ* (в районе Джахука на Араксе у Нахичевани) пишется *Արդաք* *Ardəkh*. Для соответствия урартского *ḫ* (= рус. х) позднему *kh* или *k* я бы сравнил имена мест: *Մտիս* (в Маназкертской надписи царя Менуа) и арм. село *Մտաք* *Otokh* (в Тортуме или на Чорохе), *Սիմի* (в Чилдырской надписи Сардура II) и арм. село *Սիմի* *Okomi* (ср. также *Սիվրաձ* *Ukiam* на реке Ольти). Что же касается возможности этнического происхождения топонимика на *-ա* (*a*), подобно нашему **[aia]a* > *Хайekh*, то для этого я бы обратил внимание на имя местечка *Շանիս* *Tsanax*, значившего вероятно „место (ḫa) тсанов“, т. е. чанов—лазов (ср. *Շանիսք* *Tsanag-kh* „тсаны > Тсания, Чания“), *Բաշախ* *Khašax* (село в районе Моткан Битлинского вилайета), что могло значить „место кашка, т. е. касита“, *Երախ* *Eraḥ* (курдс. село там же) от возможного племени (или рода) „эр“, для чего ср. *Արրերաձ* *Arberaḥi* (область к сев.-вост. озера Ван), что значит „Арроды“, имя области *Երևաձ* (в урартс. надписях), соответствующей современному Ширазу и т. п.

А з з и

Обратимся теперь к выяснению другого имени интересующего нас царства Хайаса-Аззи, а именно к историческому бытованию топонимического *Azzi*. Термин видимо не этнического происхождения. Внешне с ним созвучно имя мужчины (герср. племен?) *'Aza* или *Haза*, властвовавшего до прихода урартцев в районе современного Армавира на Араратской долине. Было также имя *Aza* у древних

маннейцев (у озера Урмия), не говоря о хеттском женском имени Azzia (КВо. V. 7, строки 28—29).¹

Но если Аззи хайасцев первоначально было именем определенного центра (города или села) с дальнейшим распространением своего наименования на всю область, смотря, конечно, по политическим обстоятельствам (хотя бывает и обратное явление),² то нет больших помех для приурочения имени древнего нашего Аззи к имени города Аза римского времени, существовавшего в малой Армении, т. е. в древней Хайассе-Аззи.

Судя по римским дорожникам („итинерариям“) императора Антонина Августа и Таблицам Певтингера (Tabula Peutingeriana), дающим названия разных пунктов между Саталой и Никополем, с обозначением расстояний в тысячах шагов (mille passuum), между этими пунктами, мы можем не только древнее Azzi приурочить к Аза или Haza римского времени, но и довольно близко определить его местонахождение, хотя сейчас этого Аза уже нет. Сатала, город древней Малой Армении в ее восточной части, находилась приблизительно на полпути между современными Ерзинганом и Гюмушхане в Турции и сейчас еще сохранила свое армянское имя Садаг (*Սատաղ* Satal), в котором современный конечный спирант „г“ вышел из древнеармянского заднеязычного твердого сонанта Լ (=русс. лъ). Это принимается сейчас всеми учеными. Город же Никополь, как северо-западный пункт древней Малой Армении, находился приблизительно в 60—70 километрах западнее Саталы, около современного Эндереса, при местечке Пюрк, и обязан своим именем (по греч. Никополь=Город

¹ Упоминается хеттская семья, состоящая из мужа Tivatara, жены Azzia, сына Hativanduli и дочек Anitti и Šantavia („молния“?). Для первой части Tiva-tara („мировладелец“?) ср. личное имя Tiva-šarpaš при Кирара šarpaš, Hūlja-šarpaš и пр. (см. J. Gelb, *Hittite hieroglyphs*, II, стр. 13—14).

² Имя страны (=государства) Biaina („место бийцев“) позже стало именем ее главного города, современного Ваи, тогда как имя столицы этой страны—город Tišra—стало позже при армянах именем области (района) вокруг Ваи, звучавшей *Տոշր* Tosp (ср. греч. Thosphis).

победы) победам римского полководца Помпея над понтийским царем Митридатом. По итинерарию имп. Антонина Августа обозначаются следующие пункты между Никополем и Саталой: Никополь—Олотоедариза¹—Драконес (по Табл. Певт. „Draconis“) — Аза—Сатала. Но тут обозначаются также параллельные пункты, видимо по смежной дороге, а именно: Никополь—Калтиорисса—Драконис—Кунисса—Хассис (Hassis)—Зизиола—Сатала. Н. Адонц, разбирая эти пункты в своей классической работе „Армения в эпоху Юстиниана“ (стр. 78—79), говорит об Аза следующее: „И действительно, Hassis ничто иное как Аза в творительном падеже, в каковой форме приводятся обыкновенно назва-

¹ Пишется также Aladoleariza, Aladadeariza, а по „Noticia dignitatum“ читается Aladaleariza. Ср. также Λαταράριζον у Прокония (De adificiis, III, 4, стр. 253, 16. изд. Бона: „восстановил он уже разрушившийся Люснормон вместе с Лутараризом“), что справедливо отождествляется Рамзеем с первым именем. См. об этом у братьев Фр. и Евр. Кюмонов „Studia Pontica“—Voyage d'exploration archeologique dans le Pont et la Petite Arménie, II, 1906, Bruxelles (по арм. переводу в серии „Национальная библиотека“ № 81 венских мхитаристов, стр. 333). Относительно части -ariza вышеприведенных имен авторы ссылаются на И. Маркварта в его „Untersuchungen zur Geschichte von Eran“, II, 1905, (стр. 132, § 2). Переводчик этого Studia Pontica армянист-мхитарист Як. Ташян указывает и на село ԼԵԹԱՐԻԶ Լեթարիэ по армянскому топонимическому словарю Эприкяна (Բնակավայրերի բառարան, I, 485), что находилось в окрестностях города Шабин Кара-Хиссар. Нет для меня сомнения, что правильные формы всех этих имен будут Aladarariza и Ladarariza в соответствии с хеттским словом aladdari и сокращенному laddari „хлеб“ (по Ф. Зоммеру). По-моему это хеттское aladdari значило „зерно“ (говорится „горсть ал.“), имея в виду арм. заимствованное աղանդեր ałander „яства из жаренных зерен“ (ср. также арм. աղանդել ałandz-el „жарить“ зерна и пр.). Вторую же часть Aladar-ariza мы имеем в виде աՐԻԶ ariz в многочисленных армянских топонимиках (Մկրտչի, Արշոյ աՐԻԶ, ԿերթաՐԻԶ и т. п., как самостоятельное Արիշ=Ariza || Eriza древних), что я сравнивал с мегрельским orenji „приток, место существования“ (И. Кипшидзе, Грам. мегр. яз., 301) и с утйским aiz „село“. Семасиологически для Aladarariza („Зерно-поселок“) ср. также имя митридатовской крепости в той же Малой Армении под именем Βαζυοῦδαριζα, что я перевожу через „Свекло-поселок“ от арм. բազուկ bazuk (с суф.-իկ, частым в именах растений) „свекла“. Ср. также Pazkariz—село в доли-

ния станций в дорожниках¹. Cunissa и Ziziola—промежуточные стоянки, первая между Draconis и Aza, а вторая между Aza и Satala. Доказательством того служат междустанционные расстояния: по Ant. [т. е. по итинерарию Антонина Августа] от Дракона до Азы 24 м. р. [mille passuum], а отсюда до Саталы 26; а по Pent. [=таблицы Певтингера] от Дракона до Куниссы 13 м. р. и оттуда до Hassis 10, всего 25 против 26 Ant.. Разница незначительная².

Как видим из всего этого точного описания местонахождений и расстояний разных пунктов между Никополем и Саталой, все варианты этих описаний говорят о том, что, во-первых, Аза или Haza (|| Hassis) обозначают одно и то же место, и во-вторых, этот пункт находился в 25—26 тысячах шагов, т. е. приблизительно в 40 километрах западнее города Саталы. Между прочим об Аза говорит и римский писатель Плиний в своей работе „Historia naturalis“ (VI, 26), как об известном городе Малой Армении: oppida celebrantur in minore [Armenia] Caesarea, Aza, Nicopolis (см. у Н. Адонца, *ibid.*, стр. 82). Форму же Caesarea, как правильно замечают братья Фр. и Евг. Кюмоны, нужно исправить в Carsagea (=Carsaga), соответствующему позднему армянскому Герджанис (=нын. Руфзя), ибо Кесария находилась в Каппадокии, т. е. вне Малой Армении³.

не Эрзерума (севернее города). SunkariՇ „Грибо-поселок“ (южнее его) от арм. sunk „гриб“. По-моему неправ Ачарян, когда арм. bazuk „свекла“ выводит из bazuk „рука“, взятого с иранс. bāzū (*id.*). В арм. bazuk „свекла“ корнем я считаю baz- (с суф. -uk), что вероятно—местное азнаническое слово. Ср. по суф. -uk (-ուկ) растения: շաքուկ, խրչրիւնուկ, դիմիճուկ, փտտիկուկ, խրիճիւնուկ, փրփրուկ, հոսի կուրուկ, էրիշիւնուկ и т. п.

¹ В новейшем издании „Itineraria Romana“ К. Мюллера (Штутт-гарт, 1916 г.) по дорожнику Ant. Августа читается не Aza, как у Н. Адонца, а Haza. Чтение же Aza дается только у Плиния („Натур. ист.“, 676).

² См. *Studia Pontica*, арм. перев., стр. 339. Между прочим братья Кюмоны (Сумони) город Haza (Aza) приурочивают к нынешнему Тер-суну (*ibid.*, 332).

Может быть научный соблазн считать форму *Naḥa* более древней, а *Aḥa* у Плиния более новой. И имея ввиду, что вместо *Naḥa* фигурирует в римских итинерариях и форма *Nassa*- (в твор. п. мн. ч. *Nassis*), т. е. имеется на- личное *Naḥa* || *Nasa* (писание *Nassa* подчеркивает звук „s“, а не „z“), я мог бы выдвинуть бытование формы древней *Naḥasa* в новой форме греко-римского периода—*Nasa*, как стянутая форма (см. выше об имени *Ваша* *Ḥasa*). Но есть некоторые доводы и в пользу древности формы *Aḥa*, а не *Naḥa*, если принять мою презумпцию, что часть хайасцев (вместе с палайцами), переселившись на восток по долине Аракса, дала современным селам Верхний и Нижний *Aḥa* (в Голтене) свое древнее имя *Aḥa* (из *Azzi*), как это мы можем видеть и на именах города *Ани* (*Uḥi*) в Хайасе на Ефрате и на р. Ахуриан, племени *Пала* (*Бала*) к западу от Хайасы-Аззи и на востоке, в области совр. Карабаг, о чем будет сказано особо.

К у м м а х а

Место этого хайасского города точно определяется современным Камахом на реке Ефрат, что подметил еще Э. Форрер. Рассказывая о возвращении своего деда из похода на страну города *Маḥa* (*Maḥa*), что в западной Малой Азии, а затем о походе на кашкайские города *Гатхарна* и *Газзапа*¹, автор одной хеттской надписи (2 Bo TU. 34. § 28),

¹ Это имя припонтийского кашкайского города *Gazzara* или *Kaz-zara* я приурочиваю к совр. *Zaghara*, что в 36 километрах восточнее села Пюрк (=Никополь), и следовательно древнее *Aladaḡariza* есть скорее совр. Айванис (Агванис) в 20 км сев.-зап. от Герджаниса (=Carsa-ga), как правильно полагают Кюмоны, чем совр. *Zaghara*, как предлагают другие. Имя *Gazzara* есть, по-моему, пала-протохеттское образование и своим корнем *gaz(z)*- сближается с городом *Gazu* (в Хайасе) и *Gazziura*, крепостью в Понте в хеттское и римское время. Для суф- -ара ср. также имена городов или стран: *Dunnapara* (КВо. II. 9. Col. I) при имени другого города *Dunna* (см., напр., в договоре Муршилы II с Души-Тешуи из страны Амурру у Н. Фридриха „*Heilhitische Texte*“, II, 1, Leipzig, 1926, стр. 22), город *Kartapa* (ḫa) в Верхней стране (Georze, Kleinas. z. H., 9), город *Gatapa* (ibid.), что пишется и *Kātara* и была зимней

вероятно Муршил II, прибавляет: „Когда мой дед затем возвратился, то на страну города Хайаша пошел; отец же мой при нем был; когда мой дед на страну города Хайаша... [пропуск одного-двух слов], то с ним Каранлис, царь страны города Хайаша под городом Куммаха в бой [вступил]“. Клинописные знаки для слова „под“, переданного аккадским *ša-rai*, стерты, и остались только их конечные два маленьких клина $\asymp$ от большого клинокомплекса для „rai“ („bai“). Чтение же знаков „город Кум-“ легко дается, хотя и они частично пострадали. Вполне принимая это чтение Э. Форрера, что не вызывает сомнений, мы должны этот город поместить в Хайасе и не путать с соименным *Kummaḫa* = класс. Комагене, упоминаемым в ассирийских и урартских (*URU Kummaḫa-al-lī* „из города Кумаха, кумахец“) надписях, близ Самосаты на Ефрате. Имя хайасского царя Кар-

квартирой хеттских царей; страна *Hišaḫara*, город *Ṣallara* в стране Арзава (2Bo TU. 51. A). Последние два имени сложены из *Hišaḫa*, что своим *-aḫa* столь напоминает древне-азиатские имена мужчин (для женс. имен прибавляется еще *-ṣar* „служанка“?), и из хеттс. *ṣalli-* „большой“. Для топонимика на *-ара* я бы указал еще на два имени Малой Армении—*Кахарт* и *Овартата* (Карана, Варсапа), приводимые Птолемеем (V, 6. 18), и на армянские—*Արտաշ* *Urtarh* (к северу от Битлиса), *Արտաշ* *Artarh* (в Алашкергской долине, близ Днадина, в 12 милях к сев.-зап. от Базида), *Անթի* *Antharh* (=район к югу от впадения реки Шернан в Мурат), *Հատաշ* *Hatar* (=ущелье по дороге между Амасней и Тавнумом), что так напоминает хеттс. *Кагара*. Быть может этот азиатский суф.-ара есть диалектная разновидность суф. *-aw*, также применяющегося в древне-армянских и грузинских топонимиках, как *Վեհ* *Kṣaw* (село в Моксене) „щебенистый“ (ср. *Կիճ* *kič* „щебень“) *Ջրակ* *Dziraw* (село и поле в Багреванде) „обильнокорневой“ (ср. груз. *dziri* „корень растений“=антар. *mdziri*-(id.), *Սուխ* *Sukaw* (гора на „Армянском пар“=хребте) „грибообильный“ от арм. *sunk* и груз. *soko* „гриб“, *Օրդն* *Ordhaw* (село в Лори) „червястый“ от арм. *ordn* „червь“, *Քարտա* *Partaw* (город в Азербайджане) „тополистый“ от арм. *barti* „тополь“ и т. п., ср. также груз. *Thelawi*, что, по-моему, значит „имеющий много вязи“ от груз. *thela*=арм. *Թեղի* „theḡi“ вязь, *Շիրհաւի* от имени тернистового растения *ṣurd* (=арм. *զրդի*, *զրդի* „можжевельник“, ср. асир. *ṣi-ir-lum* „деревцо в садах дающее елей“, т. е. оливовое дерево, см. Br. Meissner, Assyriol. Studien, V, стр. 19).

an-pi-iš поставлено в именит. падеже как субъект, и выражение „то с ним (pi-šši) Карании, царь страны Хайаша, под городом Куммаха в бой...“ должно быть восполнено *nat* „вступил“. Как жаль, что столь важная для нас эта надпись дефектна.

Но хайасский город Куммаха упоминается еще в одном списке чужих стран (см. у Форрера „*Hajasa Azzi*“, стр. 1, прим. 6), где читается KUR URU Kimmahaz KUR URU Hiašaz в формах исходного (отложительного) падежа на -az. Форрер переводит разъединенно — „из Кумахи, из Хайасы“, чем он предполагает их бывшую независимость друг от друга. Но мне думается, что второе слово служит для первого косвенным дополнением, подобно как в других случаях это же соотношение части к целому передается аккадским предлогом ŠA (в роде англ. *of*). И следовательно, нет никаких препятствий для перевода „из Куммахи, что из страны Хайаса“, ибо были и другие сомненные Куммахи. Если-б первое имя не стояло в форме исходного падежа, а в форме именительного, то было бы написано KUR URU Kimmahaz KUR URU Hiašaz „Куммаха (из) страны Хайаса“.

Я уже упомянул о другом городе Куммаха (=Комагене классических писателей) на Ефрате же, но в северной Сирии. Укажу также, что к северу от Битлиса, по дороге на Ахлат, что на западном побережьи Ванского озера, было армянское село под именем *Կումախ* Камах.¹ Есть также курдское село Кемухи в районе Арабкира (в Турции).

Нет сомнения, что хайасский город Куммаха есть поздний Камах, нынешний Кемах (*Կեմախ* Khemah) на Карасу—Ефрате, как правильно приурочил еще Э. Форрер („*Hajasa-Azzi*“, стр. 2). Область этого города, с крепостью *Անի* Ani на противоположном берегу реки, называлась у армян *Կարախան* Karahan, что у Птолемея передано через

¹ По этому пути были расположены армянские села *Փարշէշ*, *Կաշի*, *Չոլ*, *Չոլար*, *Կաշի* и др. (см. у Б. Ферухана „Путешествие в Вавилон через Армению в 1847 г.“, издано в Армахе в 1876 г. на арм. языке).

Δραμίσσα. Этот Камах упоминается также греческими писателями в форме τὸ Κάμαχος, ἡ Κάμαχος, сирийцами (QMH), арабами (KMḤ), как отмечено у Гюбшмана („Die altarmenischen Ortsnamen“, Strassburg, 1904).¹

Можно будет научно поставить даже вопрос об этимологии этого древнего имени города Куммах.

В этой связи я бы хотел обратить внимание и на этимологию армениста Ачаряна. Приводя в своем „Корневом Словаре“ (III, 1242—1243) все те этимологические вариации для армянского слова *կմախ-ք* кмах-кх „скелет“, кои даются разными учеными, как, напр., Броккельманом и Отраном, сравнивающими это арм. слово, как заимствование, с ассир. *kiṁaḥḥ*-и „гроб“, Н. Марром, сличающим армянское кмах-(кх) с сирийским *gmḥā*—„кости“, проф. Ачарян с своей стороны прибавляет к ним и имя города Камах, тем более, что тут хоронились и армянские цари аршакиды.

Мне же думается, что этимология древнего имени городов Киптаḥа, встречающегося в трех-четырех разных местах восточной Малой Азии и Урарту—Армении, не может быть научно дана без отрыва от подобного словообразовательного процесса и лексическо-формального материала этого же древнего азианического мира. На этой почве корнем интересующего нас имени Киптаḥа я считаю кипша-, что, как увидим, выступает и в других случаях, а последнюю часть -ḥа, как уже было подчеркнуто выше, я ставлю в генетическую связь с тем же -ḥа (из поссесивного -ḥi с заменой „i“ на „a“) в таких именах городов, как Рараḥа, Alalḥа (=нын. Тель-Атшанех в Сирии), Pimaḥа, Šammaḥа („Камышинск“), Šamuḥа (Id.), Kunziḥа, Kartapaḥа. Marištaḥа² и проч. Я не сомневаюсь также, что подобное же образование имеем и в армянских топонимика—Атта

¹ См. в переводе Билизекяна, Вена, 1907 г., стр. 127.

² Вместо Marištaḥа есть и простое Marišta (см. у Гётце, *Kleinasiens zur Hettiterzeit*, стр. 7). Говорится о певичах этих городов Marištaḥа и Kartapaḥа.

(Աթթախ),¹ Татах,² Шатах (Շատախ), Андзах (Անձախ ձոր „ущелье Андзаха“), Эрах,³ Кашах (Բաշախ),⁴ Ардзах (Արձախ или Արցаխ), и т. п.

Для корня-основы kumna- имени Кумтажа я бы указал на хурритское слово kumte с неизвестным пока значением, входящее как второй компонент в следующие хурритские личные имена: Aštikumte, Ari(k)kumte (в ассирийских надписях) и Raiškummi (из надписей в Нузи). Было и имя города Кумте в связи с богом Тешупом из Кумми (Tešubam Kummenien из надписи в Мари, ср. также Tešur URU Kumminiwee, KBo VI 33). Несомненно, производными от нашего kumni- нужно считать и имена городов Кумта-ли (в Понте, Каппадокии и Кизватне—Киликии), реки Кумтеджа, что читаем еще в хеттских надписях. Вероятно, такого же образования и название села Kumiala в районе города Амасии (см. *Studia Pontica*, арм. перевод, стр. 258). Можно поставить и вопрос однородного происхождения и арм. города Կումայրի Kumajri (=нын. Леникан) со второй частью -ajri („пещерный“, от ajr „пещера“). Ср. аналогичные армянские Surmajri (=нын. Сурмалы), Khobajri (Խոբայրի =нын. Khobēr), Bagnajr (Բաղնայր) — местечко с церковью

¹ Ата́х передан в армянском через Աթթախ, у греков через Ἀτταχ, Ἀτταχᾶς, и находился недалеко от Неферкерта (Муфар-кья), где предполагается и Тигранакерт.

² Крепость Татах (=греч. Ταταχῶν) вместе с крепостью же Ἀλαλεῖς составляли знаменитый горный узел или ущелье под названием Клейсуры (Κλεισούρα), что у современного села Фис (Фейс) к западу от Муфаркин—Тигранакерта, почти дневной путь от последнего (по Проклпию, см. у Адонца, Арм. в эп. Юст., 10—11). По-моему Alaleis- значит „место (племени) ал'ов“, как Balaleis- „место (племени) бала“. Недаром место Тигранакерта по Страбону раньше называлось Oliberia „место (-а) рода (ber-) оли“. Есть и elī, что свидетельствует в пользу рода al- || el- || ol- на близких территориях.

³ Села Эрах (Էրախ) и Кашах (Բաշախ) были в районе Моткан в битлисском вилайете, причем первое село курдское, а второе—армянское и имело 25 домов (146 душ). См. Топоним. словарь Эприкьяна, стр. 365 и 797.

⁴ См. Nuzi personal names, в листе П. Пурвеса, стр. 229.

у Ани, Авагагг (*Աւարագ*) село в Артазе (Макинская обл.), на поле которого произошла знаменитая битва 451 года н. э. между армянами и персами.

Имея все вышеприведенные данные для определения этимологии (состава и происхождения) хайасского и прочих Куммаха, я со всей определенностью выдвигаю его азианско-языковое происхождение, т. е. его местный состав.

У р а

При описании седьмого года походов Муршила II, как это передается по „пространным анналам“, мы читаем и о походе против Хайаса-Аззи при царе Аннии. Упоминаемый его город Ура считался „главным форпостом (крепостью)“ страны Хайаса или Аззи, (2BoTU. 54. §§ 73—75, 54, §§ 74 и 75).¹ Про этот город-крепость говорится также, что он *nakkil pīdī ašaṣa* „на трудном месте расположен“. Здесь прилагательное *nakkil* понимается как „трудный, крутой“ („schwer, wichtig, schwierig, steil“),² а сам термин *augi-* или *aṣari-* (*awari-*) как „форпост“ специально ограничивается его отношением к границе (*Wachtposten, Grenzposten*), как впервые это уточнил Теннер („*Annalertext*“, стр. 104).³ Исходя из этого, а также из того, что еще Куммаха была хайасским городом, впервые при деде Муршила подвергшимся нападению, мы должны ориентироваться на местоположение пограничных районов Хайаса-Аззи по верховью Кара-су—Ефрата, с изгиба у Зимарры и до Ерзерумских болот, ограничиваясь

¹ По-хеттски пишется об этом Ура, городе и Хайасы и Аззи, что он *št-zi augiṣ eša* „первой крепостью был“, заменяясь в другом случае *ḫandezi augiṣ eša* (id.).

² Это определение „трудный, крутой“ (хеттс. *nakkil*) дается напр. горам Ариннанда (в Арзаве), Эллуриа На первой горе укрепились лувийцы-арзавцы, но были разбиты, потеряв 15000 воинов. Ср. подобное же преувеличенное число (10000) воинов азийцев, взятых в плен или уничтоженных хеттским полководцем Нуванзой под городом Канлувара.

³ См. у А. Гётце („*Die Ann. d. Murš.*“, 29). Аккадским эквивалентом и заменителем является слово *madgaltu* (ib.).

на севере Пархарскими горами. В этом сельмом году своих походов Муршил ожидал ответа от хайасского царя у границы и после уклончивого или скорее отрицательного ответа Аннии хеттский царь вторгается в пределы Хайаса-Аззи и берет пограничную крепость Ура. Местоположение ее, конечно, невозможно определить, даже приблизительно. Я могу сделать только следующие догадки. Быть может, эта крепость Ура есть близлежащая к Камаху крепость Ани, где совершается переход через Ефрат. Само же новое имя Ани (*Ур*) могло быть дано царем Аннии взамен старого Ура, как любили древние цари окреплять своим именем новопостроенные ими города или изменять старое имя. Менее возможно будет приурочить хайасскую крепость Ура к современному селу *Աւիկ* *Urek*, находящемуся между Камахом и Ерзнкан, ближе к последнему и в предгорьях гор Казан-Кайа к югу от Ефрата. Это имя *Urek* представляется производным от арм. слова *աւիկ* *uŕi* „ива“, и, следовательно, *Urek* значит „Ивняк“, как имеем *Քոկուզեկ* „Орешник“, *Խէնձօրեկ* „Яблонник“, *Բլուրեկ* „Холмик“, *Երծաք* „Крепостца“ и т. д. Ср. также отуреченные Кюменек (=древнее Комана), Еврек (=арм. *աւեղակ* „развалины“, хотя здесь быть может и народная этимология от хеттс. *awarī* „крепостца, форпост“). Не думаю, чтоб древнее Ура было армянами осмыслено в *Urek* „Ивняк“, ибо этих Уреков весьма много. Есть, напр., Урек северо-западнее Харпута, что на вид вторит урартскому *Uraḫi*, городу Сардурской надписи при Изоглу. Был также Урек в одном километре от Агарака близ Каратуша Ерзнкайской области.¹ Судя по карте, есть Урек и южнее Кяхты западнее Гергеры на Ефрате, между Самосатом и Малатия. Даже в Западной Грузии, у устья реки Супса на берегу Черно-

¹ По сообщению одного армянина из этого бывшего Урека. По его же сообщению население Джимины (недалеко от Бтарица у Ерзика) состоит из отуреченных армян, ибо в фамилиях этих джиминцев до сих пор сохранились остатки армянских имен, как Кешиш-оглы (перевод арм. *terter* «священник»), Галуст-оглы и т. п.

го, царя есть урочище Уреки. Наконец, в Азербайджане в селе Ареш одноименного же района Ареш (Арашин),¹ судя по надписям на его церкви (построена в 1279 г.), она называлась „храмом Урека“ (*տաճար Աւելիսյ*).

Открытия в 1938 г. на холме-крепости Алтын-тепе, господствующей над Ерзнкайской долиной и расположенной в 4 километрах южнее Джимины, говорят в пользу седой древности этой крепости. Некоторые ученые считают ее урартским, а по-моему она скорее является хайасским или хеттским опорным пунктом. На этом основании можно было бы считать этот форпост хайасским Ура, но встает вопрос, а могла ли граница Хайасы-Аззи быть столь далеко на востоке от Камаха, вероятной столицы хайасского царя Карани в конце 15-го века до н. э.

Несомненно, в древности могли быть и одноименные города Ура (Ura). В имени Urha, (= Эдесса), соответствовавшей видимо более древнему или скорее иноязычно переданному имени Uru-šša (= Uru-ša), я хочу видеть основу одноименного нашего Ура. В одной молитве (KBo II 9, Col. I), научно обработанной Ф. Зоммером еще в 1921 г. („Zeitschrift für Assyriologie“, 1921, стр. 81 и сл.), призывается Иштар Ниневийская из разных чужих земель для помощи. Призывается из городов (resp. стран) Угарит... Дунапа... Алаха... Сидон, Нухашши, Кузила..., Гашга, Алаша, Алзи, Папанха, Пимаха, Хайаша..., Каркапа, Арзава... Маша, Кунтара..., Ура, Лухма..., Партахуина, Кашула (см. J. Friedrich, Aus dem hethitischen Schrifttum, 2. Heft, 1925, Leipzig, стр. 20—21, в серии „Der alte Orient“, том 25).

Выяснение местоположения хайасского пограничного пункта (крепости) Ура, как видим, не может быть пока определено даже приблизительно. Археологические рас-

¹ Жители села Ареша переселились из соседнего села Халдан, который сейчас в развалинах, „как передавали старцы“. Язык же армян Ареша образовался из смешения зокского, арцахского (карабахского) и хойского диалектов новоармянского языка. Надписи на церкви из Ареша и др. собрал в 1718 году албанский [=уже армянский] католикос Исаа. См. об этом *Բնակավայրի քանդակը* Х. Эприкяна (стр. 289).

копки могли бы дать некоторые общие ориентировки в деле дислокации культурных и военно-политических центров Хайаса-Аззи, но и то без эпиграфического материала было бы недостаточным.

Арипса и Дуккам(м)а

При описании похода на Аззи в десятый год своего царствования Муршил II отправляет пехоту и колесничих предварительно в город Ингалава, который возможно находился на отвоеванной уже части Аззи. Это, по-моему, говорит за то, что аззийцы (Анния) до этого отказались от трактата, заключенного между ними и хеттами. Как только жители узнают о приходе хеттского войска, то поднимаются в горные районы и ищут защиты в „укрепленных городах“. Аззийцы вначале думали-было сами напасть ночью на непрощенных хеттов, но Муршил принял меры защиты, и те не отважились на этот риск, тем более, что, как говорит Муршил II, аззийцы несколько раз терпели поражение от него самого и от его полководца Нуванзы под городом Ганнувара, находившегося, по-моему, на стыке владений гашгайца Бихунна из Тибни, аззийца Аннии и „Высокой Страны“ хеттов. Хотя в пространной версии описания походов Муршила текст на этом прерывается, но в основном кратком изложении тут говорится, что аззийцы в бой не вступили, видимо отказавшись предоставлять людей на работу хеттам, выслать их пленников, дать скот и ир. Муршил напал сперва на укрепленный город Арипсу (Aripša)¹, который, судя по пространной версии Муршиловских анналов, располагался „в море, внутри моря“ (2BoTU. 58 B. § 103) и имел скалы, был высокогорным (mekki bargu „очень высок“). Здесь чтение „в море“ передано идеографически (суммерскими словами) ŠAG A. AB. BA, причем от первого слова ŠAG „в, внутри“ остался только один

¹ В хеттской клинописной графике š имеет двоякое фонетическое значение: либо š=рус. ш, либо s=рус. с, ибо графически эти звуки не дифференцируются, как это имеем, напр., в клинописной передаче у ассирийцев, вавилонян, урартцев и др.

горизонтальный клин (—/////////), знак же А следующего слова („море“) целиком разбит, от знака АВ сохранилась конечная большая часть (////з), а последний знак ВА целиком сохранился. Это чтение „море“ (А-АВ-ВА), хотя немного дефектное, но определенное и не вызывает в своем восстановлении сомнений (принимается И. Фридрихом, А. Гётце и др.). Э. Форрер потому-то спешно и ухватился за определение места Арипса на полуостровах Черного моря или Ванского озера, что, конечно, как уже было мной указано, совершенно несостоятельно.

Постараемся всеми имеющимися у нас данными выяснить местоположение крепости Арипса, что в свою очередь способствовало бы более точному определению пределов самой страны Хайаса-Аззи.

Когда в хеттском тексте читаем „asi-ma-kān URU Arip-saš Š[AG A. A] B. BA kittari „besagtes Aripša aber liegt im Meere“ (см. у Гётце, Die Ann. d. M., стр. 132—133), то здесь слово „море“, конечно, не нужно понимать в современном смысле. Оно могло обозначать также и „озеро“, как это видим в передаче Ванского озера у ассирийцев. Но тогда спрашивается, а какое-же озеро могло быть на верховьях Ефрата, где была страна Хайаса-Аззи. Подчеркивается также скалистый и высокогорный характер крепости Арипса в этом озере, т. е. на острове или на полуострове озера. Более чем возможно, что здесь имеется в виду знаменитое озеро-болото у Эрзерума, имеющее в длину (теперь) до пятнадцати километров, а в ширину до пяти клм. Здесь, как-бы в озере, при истоке речки Мурца, притока Аракса, есть местечко (село) Бердак, как указано на армянской карте А. Абегяна (*Բերդակ* Berdak по-армянски значит „крепостца“). Севернее этого Бердака возвышаются горы Думлу, а южнее горы Девебойну, которые, как известно, очень высоки и молодоступны. На карте *рядом* с этим Бердаком указывается деревня Кесе-Мехмет, которая как-бы лежит в этом озере-болоте. Это мое приурочение хайасского Арипса к крепостце Бердак или Кесе-Мехмет в болотах Эрзерума находит свою поддержку, хотя бы косвенно, и в бытовании в шестом веке

к. э. села 'Арабессоу близ Эрзерума. Об этом селе говорят византийский писатель Менаандр при описании похода персидского царя Хосроя Нуширвана против византийцев. По его словам Х. Нуширван вступил через Арзен и Майпаркат в Армению, прошел области Багреванд и Тарон и, продвинувшись вперед в Басиану, вторгся в Ромейскую Армению со стороны Феодосиополл [= Эрзерума]; неожиданно для ромеев он „расположился лагерем в селе, называемом Арабесс, в области южнее города“ (см. у Н. Адонца, Арм. в эп. Юст., 20). Но здесь можно сделать одно серьезное возражение против предлагаемого мной отождествления хайасской Арипсы с поздним Арабессом у Эрзерума, имея в виду подчеркивание Менаандром местоположения Арабесса южнее Эрзерума, тогда как описание хеттской летописи Арипсу помещает в озере (resp. при озере), что не южнее, а северо-восточнее Эрзерума. Быть может, тут имеется перенос имени, что, конечно, не исключается на протяжении двухтысячелетнего периода. Но одно несомненно, судя по описанию Менаандра, это то, что Арабесс(ос), находившийся в каких-нибудь 15 километрах южнее Эрзерума, также имел недоступные позиции, ибо ромейские войска расположились севернее от Эрзерума у подножья одной горы (ibid.). По звуковой внешности азийское Aripssa XIV века до н. э. и Арабесс(ос) VI в. византийской эпохи не намного отличаются друг от друга.

Но так как часто бывают сомнительные города в разных местах, точно также были разноместные Арабисы или Арабесы, своей внешностью столь напоминающие древнюю форму Арипса (Aripša) у хайасцев. Напр., в западной части древней Малой Армении, близ Себастии и Никополя, упоминается Arabisos или Apepsun—пункт в древнем районе Atabisos (=нын. Նիփսիս Никте),¹ где есть и станционный пункт Doganis (=Δόγωνα у Птолемея)², столь напоминающий внешностью хайасскую крепость Duqqam(m)a, со-

¹ См. в топонимическом словаре Х. Эприкяна (стр. 278). хотя Нигде сейчас отождествляют с хеттс. Naḫita).

² См. Itineraria Romana (стр. 730) и у Н. Адонца (ibid.). Этот Доганис находился по дороге от Себастии на Никополь, недалеко от Камисы (Camisa, Comaza) и Зары, т. е. между современными Эндерес и Сивас.

предельную с Агирза. Был Арабис и на реке Албистан, проносимый теперь Ярпус (у Мараша), к сев.-зап. от Зейтуна). Имея в виду, что хайасцы при своем передвижении на восток по долине Аракса переносили имена своих родных мест и на новые места (ср. Ани на Ефрате и Ани на р. Ахурян, Аза у Саталы и Аза в Голтене у Аракса и т. п.), то я предлагаю то же самое видеть и в разных Арависах в Сюнии и пр. Так, напр., имеется *Արաւիս* Arawis (село в районе Хабанды), *Արաւիս* Arawis или *Արաւիշակ* Arawseak (село в районе Эринджак у Апракуниса на Араксе), *Արաւիս* Arawis (имя реки там же), *Արաւիշաք* Arawisabakkh (в районе Сотка, т. е. юго-восточнее озера Севан).

Если крепость хайасцев Арипса „лежала в море“¹ и имела скалистую и трудно-доступную позицию, то о сопридельной крепости Duggam(m)a подробно ничего не говорится. Упоминается подобный же город Dukkama(na) (с новым суф. -па) как в хайасском списке богов („бог Балтаик из г. Дуккамака“), так и в Ишуве, судя по одному трактату (см. выше)². Но был сомнительный город Duggama (из Duggama) и в северо-восточной Ассирии, судя по надписи урартского царя Аргишти I на южной стороне ванской скалы (Col. II, 52—57, Col. III, 8—12). Возможно, что это имя у хайасцев, ишувийцев и хурритов образовалось из корня duqa-(duka-), с фонетическим произношением дода-(doka-), и из прибавления суф. -па (а в дальнейшем

¹ Видимо в древней Малой Азии было много таких городов „на озере“, хотя многие озера исчезли (напр. в Себастии). Страбон при описании местоположения крепости Kizari или Ikizari (= поздняя Лаодика) говорит: ἐπὶ ὕδατι τῇ λίμνῃ „располагается (лежит) на озере“, совсем как хеттское выражение ŠAG A-AB-BA kittari. Ср. также имя современного турецкого села Sulu-Seraj „водная палата“ (= крепость), что на месте римского города Sebastopolis, соответствующего более древнему Каппа (по Страбону).

² Суф. -па, как вторичный в сложном -тапа имени Duggama(na) при наличии простом Duggama, может указать на возможное подобное же образование в других именах городов и пр. Напр. имя хайасского города Halitama несомненно стоит в связи с личным мужским именем Halita, известным нам из ассирийских хозяйственных документов в древней Каппадокии (см. F. Stephens, Personal names from cuneiform inscrip-

и -па), как имеем имена городов *Tarkuma* (от имени бога *Tarku-*) и *Haršama*, упоминаемых со страной Пигаи-нареша и городами Яхрешша, Таптияна и др. (см. КВо. IV 4 и 2ВоТУ. 58, 43'—44'), затем имена городов *Нигта* и *Kalašma* (в Кизватне), судя по летописям Муршила II. Наконец укажу и на имя села *Δαβιρζ*, упоминаемого в долине Харпута (см. Gelzer, *Georgii Cyprii descriptio orbis cognita*, стр. 48), приравниваемое Гюбшманом к армянскому *Դաժիճ* *Datim* (см. его „*Die altarmen. Ortsnamen*“, арм. перевод, стр. 153), что вероятно образовалось от имени бога *Dat(a)* или *Tai(a)*, бога грома и молнии у хеттов и лувийцев, как от имени бога *Tarku* имеем имя города *Tarkumta*, от имени бога *Hurri* (тотема хурритов) имя города *Нигта* и т. п.

Общее о топонимике и границах Хайаса-Аззи

Попытаемся теперь сделать некоторое возможное пока обобщение относительно местоположения городов, границ и протяженности царства Хайаса-Аззи.

Из имен городов наиболее веское и исходное для нас значение имеет Куммаха, как вероятный центр (столица) царя Карани. Его место определено (Форрером и мной). Это—современный город Камах (на верхнем Ефрате) с армянской крепостью Ани, как вероятной постройкой царя Анниа.

tions of Cappadocia, New Haven, 1928, стр. 38). Вероятно такого же отыменного происхождения и имя города *Wašumapa* (близ страны Пала), для чего ср. имя города Фазимон-итис (при греко-римлянах), приурочиваемого к современному Хавза, известному своими знаменитыми минеральными-целебными источниками. Подобно этому я бы выводил имя города Дазимон-итис (близ почтийской Команы) из старого **Dazumapa* или **Dasumapa*, что не аттестовано. Этот осложненный суф. -ша-па не нужно смешивать с суффиксированным -итпа или -итпп, что по-хеттски и хурритски значило первоначально „земля“ и стало формативом для обозначения людей, происходящих из того или иного места, как *šala-umšas* „палаец“ и пр. (см. стр. 12). Ср. также мужские личные имена из Каппадокии: *Agalıman*, *Arnuman*, *Limuršuman*, *Luhadunian*, *Simnıman*, *Šakııman*, *Šubeuman* (см. у Ф. Стефенса, стр. 89).

Упоминаемый затем „город Телль из страны города Хайаса“ есть, по-моему, армянское *Թիլ* Thil, село недалеко от города Еризы (Ерзнкан). С этим селом Тилль у армян связывается почитание богини Нане и хоронение армянских первосвященников. Само название Thil, что по-семитически значит „холм“, я считаю последствием ассирийских торговцев-колонистов, пребывавших здесь и особенно в Каппадокии с конца третьего тысячелетия до н. э.

Далее уже сравнительно меньше уточняется местоположение хайасо-азийских городов Арипса и Дуккама. Очень вероятно, что они были расположены на самых восточных краях, далеко от опасности внезапного нападения хеттов, а именно у Ерзерумских болот: либо на месте нынешних Бердак или Кесе-Мехмет, либо же юго-восточнее Эрзерума (в 15 километрах), где в VI веке было село Арабис и вероятно болото.

Имя города Аза или чаще Наза, существовавшего в римское время к западу от Саталы, я считаю преобразованием имени страны Azzi. Сохранение в имени главного города страны имени самой страны-государства наблюдается и в других случаях (ср. имя страны Vlaina в имени современного города Ван, называвшегося при урартах „Тушпа“).

Имя средневекового и современного города Хаякх; который неизвестен в хеттское время, возможно в себе таит древнее образование из **Ḫaiāḫa*, что в свою очередь может свидетельствовать в пользу первоначального дома хайасцев к юго-западу от Спера-Байбурта. Ср. также имя села *Ḫajk* около современного Мамахатуна.

Если имя города *Ṣatteia* —, имеющее в конце недостачу одного или двух клинописных знаков, восполнить слогами -*ri ga* (или -*rig*), то оно будет соименным с хеттским *Ṣittariga*. Хайасский же соименный Паттеарик, где почиталась главная богиня страны, адекватная семитической Иштар, есть, по-моему, современный *Բաթարիկ* Bətharic недалеко от города Ерзнка.

Все прочие же города царства Хайаса-Аззи, кан-то-

Ura, Hallmana, Arna, Parraia, Tamatta, Gazū, Paḥḥudela, Argita, Laḥirḥila, Gašmīaḥa и др. территориально пока не могут быть определены и этимологически объяснены¹.

Коснемся теперь вопроса о границах интересующей нас Хайасы-Аззи. Естественно, более или менее могут быть регламентированы западные ее границы, где хайасоаззийцы приходили в соприкосновение с хеттами, сообщаящими нам об этом некоторые ценные сведения. Здесь некоторые данные о границах выступают перед нами, когда говорится о гашгайских районах у Зимурри (=Зимарра ?) с горой Тарикариму и о Тибиин в соседстве с „Верхней Страной“ и городом Заззиша, подвергавшимся ограблению как со стороны гашгайцев, так и аззийцев-хайасцев. Следовательно последние тут граничили как с гашгайцами Зимуррии и

¹ Также пока неопределимы и пограничные с Хайасой-Аззи городов Канууvara (Ганнууvara „ганну-род“), Ишмиригга, Иштитина (есть и сомненное Ишмиригга в Кизватне), Данкува (Танкува). Ингалава и др. Впрочем имя хайасского города Лахирхила можно объяснить на данных языков Каппадокии, в том числе и хеттского. Имея ввиду наличие личного имени Laḥir-aḥḫi в ассирийских каппадокийских таблетках (см. G. Seneceau, *Tablettes Cappadociennes*, Vol. IV, Musée du Louvre, стр. 87, прим. 15), которое образовано с -aḥḫi („правитель, князь“?), подобно другим каппадокийским же туземным именам, как Arzan-aḥḫi, Berw-aḥḫi, Hiṣi-aḥḫi, Kipaḥḫi и др. (см. у Ф. Стефенса, стр. 76), имея в виду также наличие личного имени Laḥirā (La-ḥi-ra-a; см. Knut Tallquist, *Assyrian Personal Names*, Vol. XLIII, № 1, стр. 120), а также хеттского ḫila „портик, хижина“, я предлагаю имя хайасского города Laḥirḥila перевести через „хижина Лахира“; ср. личное имя War-ḫilla из тех же каппадокийских таблеток (см. Sidney, Smith, *Cuneiform Texts from Cappadocian Tablets in the British Museum*, Part I, 1921, 38 с: 2) или ḫila-ruada имя одного мелитийского хеттского царя из династии Шаху (судя по урартским надписям Аргишти I на ванской скале, колонна II, 6', и по изоглифской надп. Сардур, 2', 23'), что дословно значит „портик [бога] Руаза“ (ср. имя бога Ruā в одной хеттс. нерогл. надп. 1. Gelb, H. N., II, стр. 29). Имя хайасского города Aḫḫila возможно значило „Пограничный“. (ср. хетт. aḫa || iḫa- „граница“). Подобное же имя города упоминается близ Ишувы. Было и Eḫḫila. В имени же города Gašmīaḥa последняя часть ḫa есть конечно суффикс для мест.

Тибии, так и с „Верхней Страной“ хеттов: Когда в одной надписи (Во. 2002, Rs. I, 35 и сл.) говорится, что кашкайцы и „люди города Куммаха были соседями хеттской страны“, то здесь я понимаю Куммаху хайасцев, а не на юге (т. е. в северной Сирии), следовательно с конца 15 века до н. э. граница хеттов и хайасцев (при царе Карани) проходила около современного Камаха на северном Ефрате-Карасу.

Установление границ зависело, конечно, от взаимоотношения сил гацгайцев, хеттов и хайасо-аззийцев, что естественно менялось.

В смысле разграничения территорий большое значение для нас могло бы иметь установление точного местонахождения пограничных городов Ганнувара, Заззиса, Ша-муха и Данкува, которые иногда подчинялись хайасцам. Напр. имя Заззиса можно было бы объяснить как „место заза“ и ставить даже в связь с курдами заза, живущими сейчас рассеянно в Дерсиме¹, Балу..., хотя в шести часах пути южнее современного Сиваса (Себастья) в селе Улаш, у гор Теджир-Даг, также жили эти курды заза и гочкирлы. О городе Шамуха в „Верхней Стране“ мы читаем (КВо. VI. 28. s. 12): „С той стороны враг страны города Аззи пришел, страны Верхней Страны целиком он опустошил, город Шамуха границей сделал“. В этом городе почиталась богиня Лельвани, исцелявшая людей от разных болезней. Соименное Шамуха упоминается еще за два тысячелетия (до н. э.) при ассирийских колонистах, которые в „Верхней Стране“ помещают города *Halhum*, *Harana*, *Šamuha*, *Timelkia*, *Luhuzatta*, *Tegarata*. Упоминается также *Šammaha* близ горы *Ašharpaia* и города *Ziulila* (=совр. Зиле у Команы?), что вероятно идентично с *Šamaḥa*, за-

¹ Эти дерсимские курды, по свидетельству моего ученика Вардгеса Андreasяна, уроженца Дерсима, продолжают почитание луны (новолуния), падая ниц перед ее появлением и ставя особые колонны на холме с ее изображением (напр. в селе Дерсим). Несомненно эти курды заза древние обитатели этой горной местности и сохраняют до сих пор древний культ луны, столь распространенный в северной Сирии (особенно в Харране).

воеванным аззийцами. Но под тем же именем Шамуха был известен город и у арзавцев, если он не идентичен с предыдущим, судя по хеттским государственным договорам („Manapadattaš-Vertrag“ и „Alakšanduš-Vertrag“), как и по аккадским их переводам. В этом Шамуха почитался бог Арага(š). Видимо этот же город упоминается и в хурритских текстах (KUB. XXVII, 1), где говорится о богине *Ḫerit mišni* из городов Хатти, Уда (около совр. Мардина), Кизватна (Киликия у Аданы и Тарсуса), Шамуха. Топографическому уточнению этих городов под именем Шамуха, а следовательно и нашего Шамуха в „Верхней Стране“ (что между верховьями рек Алис, Ефрат и Тохма-су, см. у Гётце, *Kleinasien zur Hethiterzeit*, стр. 5—6), поможет и та этимология этого имени, что предлагаем мы, считая его производным словом с суф. -*ḫa* от местного азианического *šam(m)*-„камыш, тростник“, существующего у армян (*շամբ* *šamb*, из **šam(m)*), у грузин (*šambī* или *šambnari* „место камышей“), у аккадцев (*šammi* „растение, куст“)¹. Так что *šamaḫa* (и *šammaḫa*) фактически значит „Камышинск“. Не есть ли арм. *Elegarsina*, что между Никоподем и Зимарой, дословным переводом этого хеттского *šamḫa*, ибо по-арм. *հղհղ* *eḫḫn* значит „камыш“ (быть может оно—фригийское слово, где песня *eḫḫia* „элегия“ ставится в связь с камышевой свирелью), а -*arsina*, как толкует Н. Адонц, может быть римской передачей арм. *առիճ* *aṛiḫ*

¹ Армянское слово *շամբ* *šamb* употреблялось еще в древнейшей литературе со значением „Камышевая заросль“. Имеются также производные *շամբակ* *šambak* (с уменьшительным суф. -*ak*), *շամբուկ* *šambut* и сложное *հղհղշամբ* *eḫḫnšamb*. В армянских современных диалектах это *šamb* также в употреблении, напр. в Муше, Джуга, Карабаге, Карине (Эрзерум) Агулисе. В последних двух местах (Карин, Агулис) *šamb* стал собственным именем мест (см. Ачарян, Корневой словарь, стр. 257—258). В армянском языке комплекс *mb* в середине и особенно конце слов закономерно получается из простого *m*, что усиливаясь в *mm*, в дальнейшем дифференцируется (расщепляется) в *mb*. Ср. напр. *կաթմբ* *kaṭmb* „капуста“ из простого *к(н)am*, *խմբ* *ḫmb* „толпа, группа“ из хеттского *ḫum-ap* (здесь), *բռմբ* *brmb* „насыпь“ при лат. *tum-ulus* „тумба“ (=курган и пр.) и т. п. На основании этой закономерности, специфической в армянском, можно поддерживать заимствованность с армянско-

„поселок“ с суф. -ina (был и город Elegia в Каппадокии). Сейчас это село Elegarsina называется у турок Камышлы-дере, что у речки Герджанис, притоке Ляка (см. Н. Адонц, Арм. в эп. Юст., стр. 80). Быть может и хеттское имя города Šamluša имеет подобное же происхождение (для -luša ср. Hurluša).

Имея в виду данные всех хеттских надписей о стране Хайаса-Аззи, как и о ее городах, в общем не менее полутора десятков имен, имея в виду также мои сличения с позже бытовавшими топонимическими пунктами Малой и Высокой Армении, сейчас, я думаю, можно с полной уверенностью и основанием говорить о локализации этой двуединой страны Хайаса-Аззи, древней колыбели хаев-армян, в его первоначальных топонимических пределах: на западе она граничила с хеттским миром вероятно линией Зимара-Карахисар („Kolonia“ римлян), смыкаясь с „Высокой Страной“, а на востоке по Ефрату доходила видимо до Ерзерума, охватывая области Камаха, Ерзика, Мамахатун и Спер. И в этом отношении правы были те ученые, которые даже независимо друг от друга и без учета этнического соотношения Halasa к „хаям“ (армянам), располагали „царство“ Хайаса-Аззи между верховьями рек Ефрата, Чороха и Аракса. Вся протяженность с запада на восток этой страны составит не более 150—170 километров. Конечно, были претензии древних хайасцев и на земли западнее и южнее

то груз. šambī „камышевая заросль“, как трактовал Ачарян. В VII дополнителном томе своего „Корн. Сл.“ он приводит для сравнения и сходное акадс. šammi „растение, кустик“, считая это сходство случайным. Ари-груз. šamb из *šam(m)-может говорить за общее азиатическое его происхождение с аттестацией в древнейших собственных именах мест, как Šamtaša, Šamihā, Šamluša и пр. Даже можно в смысле древнейшего бытования этого слова šam(m)-„камышевая заросль“ поставить вопрос и о его заимствовании поздними ари-цами, имея в виду санскритское šamua, авестское šma со значением „камыш, трость“. Напрасно Ачарян тут видит случайное сходство. В этой общей географической протяженности—Малая Азия, Армения-Грузия, Месопотамия, Иран—при разрешении языковых культурных вопросов III—II тысячелетия до н. э. преимущественно нужно исходить из исторического примата семитико-азиатического мира.

этих исконных своих пределов, и напр. „Высокая Страна“ иногда оспаривалась не только кашкайцем Бихуниа, но и азийцем Анниа, потерпевшим там при Ганнуваре поражение, если не считать хеттов, которые эту страну считали своими исконными землями.

Выражение надписей KUR MUḪ ŠA KUR URU Azzi или заменительное KUR MUḪ ŠA KUR URU Ḫajaša значит „страна верхняя странъ (ŠA семитическая частица для род. п. следующего слова в роде англ. of) города Аззи“ или „страна верхняя странъ города Хайаша“. Иначе говоря, эта „высокая (верхняя) страна“, приурочиваемая к горным районам западнее Дерсима до истоков Алиса, как бы составляла часть Хайасы-Аззи, составляя, быть может, и некоторое этническое общее, ибо хеттов (протохеттов), балайцев (пала) и др., живших в этих просторах, также нужно считать однородными с аzzo-хайасскими племенами, а кашкайцы выступают тут только с 15 века, т. е. при новом хеттском государстве.

Но выражение KUR MUḪ ŠA KUR URU Azzi (или Ḫajaša) можно понять и как „страна верхняя из страны города Аззи (или Хайаша)“, т. е. понять ту новую верхнюю (горную) страну, которая была отвоевана у хайасцев-аззийцев и присоединена к бывшей чисто хеттской исконной „Стране Верхней“ с первичными и главными городами Хаклишша и Иштахара, управлявшимися принцами хеттского царского дома (см. KBo VI 29. I 26).¹ Эта хеттская „Верхняя Страна“ впоследствии расширилась за счет соседних стран (балайцев, хайасцев и др.) на востоке и юго-востоке.

3. Цари и мужи из страны Хайаса-Аззи и этимология их имен

Раз страна Хайаса-Аззи локализируется в основном на территориях отчасти поздней Малой Армении и отчасти

¹ См. у Гётце Kleinasien zur Hethiterzeit, стр. 7. Между прочим в Хайяисе сидел и управлял „Верхней Страной“ Хаттушил, брат и последний наследник царя Муваттали. Сам же Хаттушил III царствовал приблизительно в 1283—1260 гг. до н. э.

Высокой Армении (области Екелик, Дерксена, Спер) и считается нами культурно-исторической колыбелью армян, то бесполезно будет для этих же арменоведческих целей, с общенаучных позиций, попытаться разобрать имена хайасо-азийских *царей* или *мужей*, как трактуют сами надписи. Из таких имен известны *Каранни*, *Хуканна*, *Мариа*, *Анниа*, *Габилдий*, *Мутти* и *Ванний* (жрец), из коих Мутти, Габилдий, Мариа и Ванний титулуются просто „мужьями“, а остальные „царями“ (иногда „властителями“, „мужьями“). По своему происхождению все эти хайасские (и ишувийские) имена людей и богов преимущественно тяготеют к хурритскому и малоазийскому миру.

Каранни

Выше мы уже видели из одной надписи, что хеттский царь вторгся в пределы Хайасы и у города Куммаха столкнулся с царем Хайасы *Каранни*. Хеттский царь был дедом Муршила II, хотя имя его не упоминается. Это был, значит, Тудхалиа III (1410—1390). Последствие сражения нам не дается (надпись дефектна). Сохранился фрагмент договора, который Форрер приписывает этим царям (см. стр. 20).

Что же могло значить имя Каранни (пишется Kar-an-ni-iš)¹. Если откинуть хеттское окончание -s (-š) для имен. п., то основой имени остается Каранни. Исключая также

¹ Графическое Kar-an-ni-iš Э. Форрер считает передачей фонетического Karanniš (Granniš), ибо для фонетического Karannis он ожидает написание Ka-ra-an-ni-iš (см. в его статье „Hajasa-Azzi“, *Caucasica*, Fasc. 9, стр. 1, прим. 4). На это я бы возразил тем, что имеются писания Kar-ga-miš (см. 2 Bo TU 41, 7', 9' или № 50, 14', 21' и пр.) для фонетического же „Каргаммиш“, и особенно kar-aš-ta „он срезал“ (KUB VIII 50, Rs. Kol. III, 16') для обыкновенного глагола karš- „срезать“. Видно Форрер сам не уверен был в этом, ибо в одной другой статье „Für die Griechen in den Boghazköi-Inschriften“ (Kleinias. Forsch., B. I, H. 2, стр. 264) он вынужден был имя хайасского царя писать K(a)ranpis. Эта статья была им написана позже, хотя и раньше напечатана, чем статья „Hajasa-Azzi“ (в *Caucasica*). Для тематического „i“ в конце Karanpi-s ср. также Mut-ti-s, Vanniji-s, Gapiilti-s. Быть может, в последних двух случаях имеется долгое -i (Vanni-, Gapiilti-).

двухсложное писание „пи“ под влиянием предыдущего удара, а также последнюю гласную -i (тематическую?), мы могли бы основную часть *karan-* внешне связать со второй частью таких армянских собственных имен места, как *Balakaran* (=совр. Карабаг), о чем говорит арабский писатель Белазури, *Փայտաղարան* *Phajtakaran* (=греч. *Kasplanē*?) и *Դաժտաղարան* *Daštakaran*, которые упоминаются армянскими источниками (напр. в „Географии“). Все эти области находились на территории совр. Азербайджана. Хотя в этих сложениях значение *-karan* до сих пор не было выяснено, все же мы могли бы теоретически эту часть *karan* рассмотреть как армянское образование от глагола *kar-ei* „могу“ и *kar-an* понять как „могучий“ вроде арм. *iṣḫ-an* „владыко, князь“ от глагола *iṣḫ-ei* „властвую, держую“. И, следовательно, *Bala-karan* понять как „князь балов“, *Phajtakaran* как „владелец области *Phajt*“ (т. е. лесистой местности?)¹, а *Daštakaran* как „владелец области полей“ (т. е. равнинных мест от *dašt* „поле“). Но здесь имеется большое возражение в том отношении, что имя одного „владельца места“ как бы превращается в само имя местности. Тут аналогия с *հայք* *haj-kh* „армяне> Армения“, *Վիրք* *vir-kh* „грузины> Грузия“ и пр. делу не поможет, ибо последние слова обозначают множество людей (армяне, грузины), что может по ассоциации по смежности перейти и на само место, где живут эти люди. Мне думается, что эти армянские области *Balakaran*, *Phajtakaran* и *Daštakaran*, находившиеся на восточных просторах современного Азербайджана (древней Албании), носят в себе несомненное влияние иранцев и являются плодом иранского (персидского) языкового и культурно-исторического воздействия и следовательно совершенно далеки от возможности смыкания с именем хайасского царя Карани. Вторую часть сложных *Bala-karan*, *Phajta-karan* и *Dašta-karan* я предлагаю перевести через „племена, народы“ и следо-

¹ Вероятнее всего *Phajt* есть имя какого-то племени или племен и образовалось из **Phait* || **Phat* и т. п., а уже армяне его ложно этимологизировали и осмыслили в связи с армянским нарицательным словом *փայտ* *phajt* „дрова, палка“.

вательно эти слова перевести через „бала-племя (народы)“, „пайт-народы“ и „равнинные народы“. Для такого объяснения карап „племена, народы“ я имею в виду древнеперсидское слово *kāra*, употребляющееся однако только в единственном числе с собирательным значением „войско; народ“ (см. Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, стр. 465)¹.

Естественно этимология имени Каранин, как и прочей хайасской номенклатуры царей, богов, мест и пр., должна прежде всего базироваться на языковых данных древне-армянских („анатолийских“) и хурро-урартских языков, ибо их практика словообразования, бытование древнего корнеслова и языковая идеология ближе между собой, чем, скажем, позднеармянские или иранские языковые данные. Мой анализ происхождения имени *Karanni* определенно говорит за корневой элемент *kar-* (*qar-*) и суф. *-anni*, resp. *-ani*. Первый корневой элемент *kar-* (с возможным значением „сила, крепость, твердость“) можно видеть в имени *Կարին Karin*, даваемом древними армянами современному городу Эрзерум (греч. Феодосиополь) и его району: *Karnoj dašt* „поле Карина“, *Karnoj šamb* „камышевые болота Карина“ (= *Karnoj tsov* „море Карина“), *Karnoj khałakh* „город Карина“ и пр. Несомненно имя *Karln* тяготеет к более древнему *Karina* с известным суффиксом для мест на *-ina*

¹ С этим древнеиранским словом Бартоломэ сравнивал новоперсидское *kār-zar* „поле (место) брани“, литовское *kāras* „войско“, готское *harjis* „войско“ (=нем. Heer). Мне же думается, что для этого перс. *kāra*- первично нужно взять значение „народ“, а потом „войско“, как это семасиологически видим и на примерах немецкого *Volk* „народ“ и славянского „полк“, грузинского *eri* „народ“, но и „войско“, не говоря уже о новоперс. *karavan* „караван“ (первично „племя в движении, в дороге“) и армянском заимствованном *karaperi* „предтеча“, собственно „племеновождь, водитель племени“ из *kāra* „племя, народ“ и *pati* „глава, начальник“ (> арм. *պիտ* *pet*), как этимологизируются мной.

Первичное значение *kāra* „народ“ фигурирует и в надписи древнеперсидских царей. В издании Вейсбаха и Куна (§ 40, § 16) читаем: *kāra Parsa hya viđa-patīy*, *kāra Mada hya viđa-patīy* = народ персов, живущих по висам, народ медов, живущих по висам (см. у Н. Адонца, Арм. в эп. Юст., 378). Иранс. *viđa* „село“ = слав. „весь“ (село), греч. *oikos* (из **woikos*) „дом“.

(такого же образования *Թալին, Արտին, Ազին, Պալին* и прочая армянская топонимика на -in). Но как будто наличествует и основа *kar-an*, судя по имени того же города Карина-Эрзерума у римского писателя Плиния („Натуральная История“, V, 83). Здесь говорится, что Евфрат „начинается в Каранитисе, префектуре Большой Армении“, к чему как будто подходит и форма *Karanitin* в арабской версии армянской истории Агафангела, где буква „г“ искажена в „и“, которые очень похожи (см. у Н. Адонца, Арм. в эп. Юст., 328). Наконец, в Малой Азии, судя по Страбону, также было село, а позже уже город, по имени *Karanna*, переименованное римлянами в *Sebastopolis* (=нын. *Sulusera*) Область этого города также называлась *Karanitis* (см. „*Studia Pontica*“, ч. I, арм. перевод, стр. 51). В этих же пунктах, на истоках Алис, упоминаются места (города) *Doganis* и *Anniaca* (=нын. Койли-Гиссар, в 32 километрах севернее Никополя, т. е. современного Пюрка у города Эндереса). На вид эти имена мест *Karapa*, *Doganis* и *Anniaca* как бы являются лексическими отображениями хайасских *Karanni(s)*, *Dukkama* и *Annia*, хотя столь же смыкаются эти хайасские имена с топонимическими Карин (=Эрзерум), Анн (=Камах) и Арабис, близ которого была и Дуккама.

Между прочим в генеалогии древних македонских царей упоминается и имя царя *Caranus*, брата *Coenus*'а. Был и лапитский царь *Coronus* (сын *Caeneus*'а), живший севернее Фессалии и убитый Гераклом, согласно поэме *Aegimius*, приписываемой Гезиоду.¹

Но древний малоазиатский (и эгейский ?) мир оправдывает наличие не только корня *kar-* в этих *Karin*, *Karap* и т. п., но и суффикса *-ani*, как имеем в ликийских личных именах *Αύλανις*, *Ὀρδανις*, в ликаонском *Κουλανις* и пр. К ним я бы присоединил хеттс. личное имя *Kukullani*,² хурр.: *Halukanni* (ср. хеттс. *haluka* „весть“), *Hurlanni-s*, *Huban-*

¹ См. *The Cambridge Ancient History*, 1931, гл. XIX, в статье Н. Т. Wade-Gery под заглавием „*The Dorians*“, стр. 527—528.

² См. I. Gelb, *Hitt. hieroglyphs*, II, стр. 6.

ani-s (из города Ишмиригга, см. Goetze, Kizzuwatna, New-Haven, 1940, стр. 44) и пр. и особенно из таблесток в Нузи—Anitani, Šennani, Utani, Warani и пр. (см. Nuzi personal names, совм. труд И. Гельба, П. Пурвеса и А. Макрея, изд. Вост. Инст. в Чикаго, 1943, стр. 238). Уж я не говорю о многочисленных хурр. именах на-ан из Чагар-Базара, как Akkan, Annan (жен. и.), Ařeškan, Ašublan, Attenan (ж. и.), Halukan или Halukani, Hušan, Kanzan (ж. и.), Terikan, Tuk-kizan и пр. (см. I. Gelb, Hur. a. Sub., 64, прим. 128). Есть даже хурр. слово kar(i) или qar(i), karışian (KUB, XXVII, 1, ii, 12 или же 34. IV 11), к которым ср. личные имена из Нузи: Qari (Kāri), Qaria, Qariu, Qarizi, Karışše, Ewar-qari Šatam-qari (см. Nuzi pers. names, 223).

Хуккана и Мариа

После Карани при жизни хеттского царя Шуппилу-лиума (1380—1346) выступает другой хайасский царь Huggana или Hukkana. Хеттский царь заключает с пришедшим к нему этим хайасцем договор и выдает за него замуж свою сестру, хотя и с известными оговорками. Между прочим в этом договоре упоминается также имя хайасца Мариа, как высшего должностного лица (см. стр. 19). Сам же Хуккана в надписи именуется „царь Хайасы и Аззи“¹, а раз и просто „муж страны Аззи“ (Bo. 2170. III=KUB. XVIII. 2).

При этимологии интересующего нас имени Huggana || Hukkana нужно несомненно исходить из корневого hugg- или hukk- и суф.-ана, причем двойной согласный корня, как это часто видим и в других случаях, вызван ударением на гласном предыдущего слога. Так что вполне закономерно будет исследовать форму *hugana или *hukana. А. Хачатрян, не знавший древних малоазийских и сродных языков, готов был из этого хайасского имени Хуккана вывести эпонима армян—патриарха Хайка (Հայկ).² Конечно, та-

¹ См. в статье Э. Форпера „Für die Griechen in den Boghazköi Inschriften“ (в журнале „Kleinas. Forsch.“, I, стр. 252—272).

² А. Хачатрян, „История Армении в клинописный период“ (на арм. яз.), Ереван, 1933 г., стр. 49.

кого патриарха, как исторической личности, у нас не было. Тут имеется олицетворение этнического племенного имени *Հայ* *haj* „армянин“, как это часто делалось в древнем фольклоре и письменных документах—в клинописных текстах и Библии. Звук же „k“ в имени Хайк конечно ничего не имеет общего с тем же согласным имени хайасца Хуккана. Армянское Хайк буквально значит „хай-ец“ (т. е. армянин), подобно как *etrus-k* значит „этрусец“ (от *√turš-*), *bas-k* „басец“, *gotak* (по-этруски) „римлянин“, *Sal(a)k* „салец“, *Mandak* „мандец“ (или „манда-ец“) и т. п.¹ И наконец, армянское этнонимическое *Հայկ* *Hajk* не только персонифицировано, но по тому же древнему идеологическо-мифотворческому мышлению или представлению также обожествлено, получив даже место на небе (= созвездие Ориона), как это видим и у других культурных и крупных племен или народов древности. Этим я не хочу отрицать и другой более частой практики ономастики племен или родов, когда имя тотема или бога переходит и на самый род. В этом древнейшем этно-осознании ср. имя бога *Aššur* и *aššurai* „ассириец“, как *akk. kaldai* „халдей“ (от имени бога Халда?), *karduxai* „кардухец“ от имени бога *Karduxas* (от *kardu*)..., бог Кашшу (*ḫ Kaššu*) при этническом имени касситов или коссеев (от *kossai*-?), бог Амурру (*ḫ Amurru*) от этнического имени аморритов и т. п. Имя хурритов я ставлю в связь с именем бога Хурри (*ḫ Hurri*), который—обожествленный бык (ср. и груз. *ხაგი* *hagi* „бык“), как спутник бога грома и молнии Тешупа. Ср. также армянское имя области *Տուրքերան* *Turuberan* (к западу от озера Ван), что дословно значит „роды (-beran), чтящие быка (tur-)“, *Արբերան* (*Arberan*) (к северу от того же озера), что я перевожу через „роды, (чтящие) орла“ (или бога Ара?).

Хайасское имя Хуккана своей этимологией обязано тому же малоазийско-хурритскому языковому миру, что и другие имена. Своим суффиксом -апа это имя примыкает к таким образованиям, как *Kukullani*, *Halukan* или *Halukanni*, *Areškan* и пр. (см. выше, стр. 68—69), хотя подвид -апа мало

¹ Не такой ли этнич. суф. „g“ в *gurg-* „грузин“ от этнического *gurg-* („гурнец“), как и в *a-baz-g-oi* „абхазы“.

дается. Корень же *hug-* или *huk-* мог значить „обворожить, заговорить“, ибо такой глагольный корень наличествует в хеттском языке (*huik-zi* или *huk-zi* „ворожит, чарует“)¹ и в армянском. В последнем есть древний глагол *խոկ-ալ* *хок-ал* „говорю, размышляю, читаю“ (по „Корн. Словарю“ Ачаряна), а что от этого значения может получиться новое „очаровать“ и т. п., для этого я бы сравнил русское „говорить“ и „заговорить“, лат. *canto* „пою“ и англ. *incantation* „чары, колдовство, заклинание“, хеттс. *uttar* „слово“, но глагол *uttania* „колдовать, заклинать“, арм. *Թոթովեմ* *thothovem* „говорю речитативно“ при неударенном *Թովեմ* *thovem* „колдую, чарую“ (ср. и хурр. *tiv-* „говорить“). Так что хайасское имя *Hug(g)ana* или *Huk(k)ana*, произносившееся несомненно с заднеязычным глухим фриктивом „х“ (*Хокана*), могло значить „обворожительный“, если, конечно, это значение развилось из первичного „говорить“. Что личности можно было дать имя „Обворожитель, Обворожительный“, так подобное же идеологически-религиозное отображение в быту мы видим и в армянском имени *Հմայեակ* *Нмајеак*, образованного из иранс. *humai-* (арм. *Հմայեմ* *hmaj-em*) „обворожить, очаровать“.²

Относительно имени хайассца *Marja* нет пока удовлетворительных объяснений, если не упомянуть быть может случайное созвучие с именем местности *Marj* на устье Хабура, где, как известно (из „Телль-Харири“) раскопано несколько хурритских таблечек. Окончание же *-ia* имени *Marja* встречается во многих ассирийских и хурритском языках (см. ниже).

Анна и Мутти

Анна, этот царь или владетель Асси-Хайаса, был в ранге *kur-lwana(š)*, т. е. независимого властелина, выше ранга вассала, хотя и после поражения, в седьмом году

¹ Мне думается, что хеттс *huik-* (*huek-*), чередующийся с видом *huk-*, так отображен армянским *хок-*, как при хеттс. *tuik* (*uek-*) „часть тела, тело“ имеем соответствие арм. *Թոք* *thokh*, „легкие“.

² На эту аналогию концептуального характера в армянском *Н(и)-мајак* обратил мое внимание проф. А. Гарибян.

царствования Муршила, он видимо еще существовал, вынужденный заключить вассальный договор с Муршилом II. Однако, при десятом походе хеттского царя Анния уже больше не выступает. Видимо его постигла участь грозного кашкайца Бихунна¹. На этот раз вместо Анния мы застаем „мужа Мутти“. Интересны этимологии этих хайасских имен.

Имя Annia своим -ia напоминает имя хайасса же Matia. Ср. также хеттские имена Huzzia-, Tudhalia, Ištararia... (женс. и:), днаухское имя царя Asia, урартс. женское имя Tarigia, арм. имя патриарха Ամասիա Anasia и пр. Особенно часты подобные образования в хурритском, где это -ia придает ласкательный характер, как в мужских именах из Нузи: Ennia или Anniea II Annia (An-ni-ia), Matia, Mam-mia (ср. груз. Mamia), Aria, Akia, Kikia, Antaria, Dulia, Hun-nia, Nania, Šeria, Pušela и т. п. Как видим, наше хайасское имя Annia есть и в хурритском. Но это имя носил также один из князей города Сидон в Финикии², что, конечно, не говорит в пользу семитического происхождения имени Annia. Мы из других случаев знаем много сиро-финикийских личных имен определенно малоазийско-хурритского начала. Напр., имеются такие *несемитические* имена, как Aziraš, Šummitaraš, Huulaš, Tudhališa и пр., которые упоминаются у тех же семитов (аморреев) в местах между современными Бейрутом и Руадом (=древн. Арвад), в странах Барка и Каргемиш древних времен (см. Bogh. St., III, 130—135).

¹ Интересен тон и стиль ответа этого кашкайского владельца области Тибла царю Муршилу. Он, который ŠA ŠARRUTIM Ivar tararia „царствованию (=царю) подобно правил“, отвечает этому Муршилу: „Ничто тебе не возвращу, если же в бой пойдешь, то против тебя не в земле моей где-либо дам, а на твою землю против приду, тебе на твоей земле бой дам“ и пр. Но, конечно, кичливый Бихунна был разбит и схвачен.

² Приводится у Г. Винклера в его „Auszug aus der Vorderasiatischen Geschichte“; см. у Фр. Грозного Boghazkei-Studien, III, стр. 164, прим. 1.

³ Мне непонятен характер грузинских (мегрельских) имен на -ia (Šaria, Xoštaria, Babulia и пр.).

Хайасское имя смыкается не только с хурритским Anña (Enña), но по корню и с именем древнехеттского принца Anitta (из города Кушшара), ставшего царем в 1950—1920 годах до н. э., с хеттским женским именем Annitti и др. Между прочим подобные же производные имена имеются у хурритов; ср. мужские имена—Anita (A-ni-ta или A-ni-i-ta), Anitail, где суф. -il служит для происхождения (есть и в протохеттском), Anitani с суф. -ani, о чем см. выше.

Если корень этих слов не детско-лепетательного характера (Lallwort), то и не имеет, по моему, отношения к хеттскому глаголу an(n)ia- „учинить, производить, готовить“ (откуда annur „обряд, ритуал“), к урартскому anni „он учинил, назначил“ (мой перевод) или к семит. anni „милость“, annu „быть милостивым“ и т. д.

Отметить нужно имя города Anniasa в греко-римский период, где -аса есть суффикс. Город этот находился в 32 километрах севернее Никополя в Малой Азии (см. *Hinagara Romana*, стр. 679).

О возможности образования имени крепости *Ур* Ani на Ефрате (против Кемаха=древнего Кимтажа) от имени хайасского царя Anña у меня уже было сказано.

Что же касается общественного положения и имени „мужа“ Mutti (вин. п. ' Mu-ut-ti-in) из города Халимана, выступающего в десятом походе Муршила II при завоевании восточных районов Хайаса-Аззи, то тут может быть много предположений. Во-первых, если при седьмом походе во главе этих народов или племен стоял Анниа, царь (LUGAL) или властитель (EN), то при десятом походе его уже заменяет „муж“ Мутти, выступающий со всеми хайсо-аззийцами для изъявления покорности. Отсюда я делаю заключение, что царя Анниа заменил этот „муж“, который фактически был правителем или вождем. Этот Мутти мог, конечно, быть и старейшиной группы племен из района города Халимана, но когда после арипсийцев и докамайцев выступают *все аззийцы* во главе с этим Мутти, то тут можно было бы понять, что Мутти занимал или играл роль царя аззийцев. А что под термином подписей „муж“

иногда всплывает действительный царь, так мы это знаем и из других примеров. Для этого Э. Форрер приводит много примеров. Напр., в десятилетних анналах Муршила II (2 BoTU № 48, § 32, строка 68) Бихуниа называется „муж Тибни“ (области Т.), тогда как там же (строка 75) он „царственнообразно“ правил.¹ В пространных анналах (2BoTU 50, § 32 и § 33, строки 18 и 22) говорится о „муже из Ассира“, тогда как он фактически был царем Ассирии под именем Ашшур-Убаллит (как указано Форрером еще в его „Forschungen“, II, 46). Во всем договоре между Шуппилиума и Хоккана (Bo 2020=KBo 3) последний все время называется „царь Хайаса (и) Аззи“, тогда как в надписи Bo 2170 III он назван только „мужем Хайасы“. Анниа в десятилетних анналах назван „царем Аззи“, а в одной пространной летописи (2 BoTU 56, § 75, стр. 18) назван „властителем Аззи“, хотя Анниа выступал в одно и то же время (при VII походе Муршила). Или напр. арзавские князья в анналах и отдельных договорах с Муршилом нигде не имеют титула „царь“, но при Моваттале, наследовавшем Муршилу, все они названы „царями“ и т. д. (см. эти примеры из статьи Э. Форрера в Kl. F., V. I, стр. 263—264).

Исходя из обстоятельств выступления Мутти, „мужа из города Халимана“, заменившего побежденного своего предшественника Анниа, исходя также из практики трактовки хеттских летописцев термина „царь“ или „муж“ применительно к одному и тому же лицу и даже в одно и то же время, можно было бы выдвинуть и четвертого хайасо-азийского царя Мутти после царей Караниа, Хоккана и Анниа, хотя Мутти и посылается к Муршилу II.

Этимологически имя Мутти (¹ Mu-ut-ti-is) определенно тяготеет к древнему малоазийскому слову miva „дух,

¹ В пространных анналах Муршила II Бихуниа также назывался „муж из Гашга“ или „муж из Тибни“ (2 BoTU 54, § 70), хотя фактически он был царем. Не ограждает ли эта переменчивая терминология новое переходное состояние племеновождя в верховодителя с новым социально-экономическим и военным значением, близким к состоянию „царя“, как у хеттов.

сила", производные имена от которого, бытовавшие в греко-римский период, собрали Кречмер и Сундвал, а данные клинописного периода собрал и изучил Иоаннес Фридрих в своей статье „Zu den kleinasiatischen Personennamen mit dem Element *muwa*" (см. *Kleinas. Forsch.*, I, стр. 359—379). Судя по этой статье, в хеттский период существовало не только самостоятельное имя *Mu-u-ṣa-a-aš*, но и сложные — *Muwa UR-MAH* („сила льва"), *Uḫḫa-muwa*, *IŠTAR-muwa*, *Mittanna-muwa*, *Ḫera-muwa* и пр., а с суф. *-atta* или *-atti* имеются лидийское мужское имя *Μωαττης* и хеттское женское имя *Mu-u-wa-at-ti-iš* (дочь царя Шуппилулиума) и более развитая форма *Muwattalliš* или скомканное *Muttalliš* (= хеттский царь) со стягиванием комплекса „*uwa*" в „*u*" (см. у А. Гётце в его „*Madduwattaš*"-е, стр. 137 и сл.). Следовательно хайасское имя *Mutti* также есть сокращенная форма из **Muwatti*-, для чего ср. хеттское имя *Muwattiš*, лид. *Μωαττης*. Хотя из статьи И. Фридриха вполне явствует, что слова с элементом (= словом) *muwa* преимущественно были свойственны лувийскому миру (южная Малая Азия), как в древности при хеттах, так и позже при греко-римлянах, проникая даже к сирийцам, но такие имена не были констатированы для северных и северо-восточных районов древней Малой Азии. Наше хайасское имя *Mutti* определено говорит и в пользу распространения имен, производных от *muwa*, также в эту часть Малой Азии.¹ Хайасской форме имени *Mutti* вторит и хурритское мужское имя *Mutta*, встречающееся в надписях из Нузи, Ниппура, в среднеассирийских документах и пр. Есть даже нестянутая форма *Muwatta* (см. *Nuzi pers. names*, стр. 236 и 101.).

Ванний и Габилдий

В документах о Хайасе-Аззи и их представителях, приводимых Э. Форрером, фигурируют и мужи *Vannijls* и

¹ Впрочем сам И. Фридрих вынужден был сделать по этому поводу оговорку, говоря: „Freilich ist dabei der Zufall nicht ausgeschlossen, da das Gebiet [Norden und Nordosten von Kleinasien] archäologisch weniger gut durchforscht ist und deshalb nicht viel Inschriften geliefert hat" (ibid., 360).

Gapiltijis (Gabildijis). Мне представляется, что первое имя не есть собственное имя, для чего, как знаем, в клинописной передаче спереди ставится один вертикальный клин. У Форрера это как будто не отмечается, а выражение Lú vanijis (wa-an-ni-i-is) пужно скорее понять как „человек vanpi“, где vanpiis я рассматриваю как форму родительного падежа от основы vanpi-. Это выражение дается вместе с обозначением „памятника“ бога грома и молнии Хайасы, т. е. написано — „человек „ванния“ памятника бога грома (и молнии) города Хайаса“. Я предлагаю vanpi- понять как нарицательное слово со значением „обитель, дом, местопребывание“, имея в виду арм. վան van (основа vani-) „обитель, приют, монастырь“ (ср. Vanatur „приютодатель“, vanogaj, vaneag или vankh „монастыри“ и т. п.), груз. vapi „дом, жилище, пристанище, приют“ (есть и собств. имя мест Vapi того же происхождения). Я уж не говорю о многочисленных армянских сложениях с этим van в собственных именах мест — Datvan („обитель бога Дата“), Erewan (обитель бога Эри = Ара ?), Dagnavan („обитель бога Дагана“), Kalzovan и пр., хотя не исключается присутствие и վան awan „поселок“ во многих подобных сложениях (Նախնի վան, Բաղնի վան и пр.). Таким образом хайасское „имя“ Vannijis нужно понять как род. п., и следовательно помянутое место будет означать „муж обители при памятнике бога грома и молнии города Хайаса“. Термин „муж обители“ есть по-моему древнее выражение позднего „монаха“, „настоятеля“ и т. п.¹

О муже же Габильдие ничего сказать не могу.

¹ Армяно-грузинское van „обитель“ ничего не имеет общего, в смысле происхождения, с иранским миром, где этого слова нет, и армянское слово van напрасно сравнивают с санскр. vāsana. Более того, это арм.-груз. van было, по-моему, общеармянским словом. Для этого я бы указал на лидийское слово vana-s, что переводит разными, но близкими понятиями — „могила“, „склеп, гробница“ (см. у И. Гельба, Hittite hieroglyphes, II, 11, прим. 1: „burial cave, vault, tomb“). Это слово читается на надгробных памятниках („Это есть vana-такого-то, сына такого-то“ и т. п.), как на армянских подобных же камнях читаем: „это есть покой [հանգիստ hangist=место покоя] такого-то“ и пр. По-моему лидийское vana- значит „место покоя“, в переносном

Арихбиззи и А(й)иссиа

Хотя эти мужские имена ишувийские, а не чисто хайасские, фигурируют в договоре (Во. 2540. Rs. I), заключенном хеттами с Ишувой, соответствовавшей районам к северу и к югу от нижнего течения реки Арацани (Муррад), близ Софены, тем не менее они были этнически, а может быть и лингвистически близки к хайасцам, что видим и на примерах одинаковых богов и топонимии, не говоря об общем малоазийском субстрате.

Имя Анссиа (Аишшиа) своим конечным -ia сближается с хайасскими Appia и Maria (см. выше) и общим своим обликом близко примыкает к хурритскому мужскому имени Aššiaa, известному нам из таблесток в Нузи (см. NPN, 37) и карм. *ḫašḫi* Eašī. Ср. также имя диаухского царя Asia времен Тиглатпилесера I, судя по надписям последнего.

Второе ишувийское имя Арихбиззи своими лексическими элементами ariḫ- и -bizzi, как сложное имя, имеет вполне точные соответствия в той же хурритской номенклатуре из Нузи. Для первой части ср. Ariḫ-ḫa, Ariḫ ḫaia, Ariḫ-ḫamanna и Ariḫ-ḫagra (пишется и Ariḫ-ḫarme) с частым пропуском в писании, а может быть и в произношении одного из ḫ. Напрасно П. Пурвес (см. его „лист“ в NPN,

смысле, а затем могло значить „могила, склеп, гробница“ и т. п. Тот же смысл несомненно имело и иероглифическое хеттское слово wapa, или wapi-, что переводят либо через „памятник“ (см. у Гельба, *ibid.*, II, 11, III, 46, 49 и пр.), либо через „алтарь“ (*ibid.*, II, 11, прим. 1). Ср. также хурритское личное имя из Нузи Wan-tešur „обитель бога Тешупа“ (?). Имена городов Haratwanā (KUB XXVI 43:41), Harapwanā и пр. я хочу понять как „обитель богини Харат (=Хепит)“, „обитель бога Харана“ (что И. Гельб напрасно считает именем города Харрана, а не бога с тем же именем и Harana, приводимого в хеттских документах, как хеттский бог). Я не отрицаю, конечно, что wap- „местопребывание“ может стать и частицей для указания происхождения по месту (the ethnic ending, как говорит И. Гельб), как имеем Mizirriewanes „египтяне“, Tiwapawanis „туванец“ (из города Тувана), Saruwanis „сариец“ (.Hit. hier., II, 24), Lakawani- „лакец“ (*ibid.*, III, 46), hippariwanis „пленнородный“ (собств. „из пленного“, *ibid.* II, 17) и т. п., подобно как хетто-хур. umini „страна, место“ в сложениях получило то же значение происхождения: palamnis „паласец“, luvimnis „лувиец“ и пр.

стр., 204.) это Aṛiḥ- хочет вывести из Aṛip- с ассимиляцией предыдущего „р“ последующему „ḥ“. Наш пример имени Aṛiḥbizzī этого не подтверждает. Вторая часть -bizzī представлена также в хурритском лексическом элементе biz- или piṣ-: ср. женские имена Bizia ḥ Bizzia или Pizia, Pizati(m), Pizune ḥ Pizuni со сложным Teḥur-pizuni, мужс. имена Ḥambizi¹ и Unkubizi. Это biz- или piṣ- ученые Ензен, Мессершмидт и Спейзер сближают с разновидностью ṽpiṣ- „радость, радоваться“, что Фридрих сближает и с урартским piṣ-use „радость“ (ibid., 204, 212). Следовательно Aṛiḥbizzī дословно должно было значить „Ариха радость“, а если Aṛiḥ из Ari-ḥe (Ari-ḥi) понять как производное с обыкновенным суффиксом притяжательности -he (-hi) в значении русского „-ский“, „-ов“ и т. п., то все слово значило бы „Ариева радость“ (aṛi или aṛ „значит „дар“ от ṽaṛ- „давать“, существующего в хурритском и урартском).

4. Факты армянского языка и культа за местоположение Хайаса-Аззи

Данные армянского языка

Из предыдущих разделов нашего исследования мы видели, что многие данные исторического, а также географического характера определенно говорят за местоположение царства Хайаса-Аззи в основном в районах между верховьями Аракса, Ефрата и Чороха (до 200 килом. в длину), чему могут вторить и возможные этимологические данные самих собственных имен царей этой древнейшей страны.

Но как сейчас увидим, в пользу такого научного установления говорят также и определенные факты самого армянского языка, а также культа. Сам древне-армянский письменный язык *в своей основе* есть, по-моему, позднейшая обработка и развитие господствовавших племенных языков (или языка) Хайасы-Аззи, подвергшихся с

¹ Для Ḥam- сложного Ḥambizi ср. хурритские Ḥam-tiše и Ḥamitešur (ib., 213)

VII в. сильному влиянию (= смешению) языков хурро-урартского вида в областях Армина-Шуприа-Арзанена.

Уже давно было замечено, что армянский язык имеет не только индоевропейские элементы, но и другие „чуждые“ элементы — слова, формы, звуки. Это последнее обстоятельство приписывали влиянию неиндоевропейских „туземных“ языков территории исторической Армении, самих армян считая в конечном счете высленцами из „индоевропейской прародины“, т. е. из научной фикции. Н. Марр впервые определенно выступил против этой ложной презумпции, считая неиндоевропейские элементы армянского языка одним из основных ядер двуприродного смешанного армянского языка, сравнивая эти неиндоевропейские („афетические“) элементы, главным образом, с грузинскими. Ученый Карст и другие также делали попытки сравнить армянские языковые элементы (корнеслов) с другими неиндоевропейскими языками (сумерским, тюркскими и др.), но весьма неудачно, ибо здесь нет генетико-исторического обоснования. Мои изыскания с неиндоевропейскими элементами армянского языка сравнительно с хеттским, урартским, а отчасти и с грузинским и хурритским, дают солидный материал, говорящий о том, что после выделения всех заимствованных слов с иранского, сирийского, ассириовавилонского, греческого, грузинского и др., а также после отбора чисто индоевропейских корней (помоему не более 400—450), в армянском остается до пяти тысяч слов и до трех десятков словообразовательных и словоотносительных (склонение, спряжение) форм, которые являются *основным, качественно определяющим ядром или остовом армянского языка*.¹ Индоевропейские элементы в генетическом отношении являются вторичными, подсобными, хотя и важными для этого основного состояния. Иначе говоря, не следует трактовать армянский язык как равномерно смешанный, как это делал Н. Марр, ибо приблизительно такое же явление наблюдается и в других

¹ См. мою работу „К происхождению армянского языка“, Изд. АН Арм. ССР, 1946 г., стр. 25—31.

азиантических языках древней Малой Азии (хеттский, хурритский, урартский, ликийский, лидийский и др.), где сосуществуют разные генетические элементы с превалированием того или другого генетического качества. Например, в хеттском корнеслов в подавляющем большинстве неиндоевропейского происхождения, а индоевропейских не более десяти процентов, тогда как формы склонения и спряжения, как и словообразования, определенно тяготеют к индоевропейским, хотя и тут имеются местные малоазийские (азиантические) представители и морфологические средства (ср. хотя бы суффиксирование прилеп и особенно местоименных энклитик). Мои работы в области сравнительных армяно-хеттских языковых изысканий выявляют не менее сотни общих слов или корней неиндоевропейского облика, не говоря уже о формах или формальных возможностях, а это составляет до 8—10 процентов бывших у меня под рукой хеттских слов, судя главным образом по их наличию в словаре Стуртеванта (*Hittite glossary*, 1931 г.). В слабом отражении грамматического рода (а женского рода и совсем нет), богатством падежных форм ед. числа (семь форм) и их незначительностью во множественном (3 падежа), бедностью глагольных наклонений и т. п. хеттский язык исходит из того же азиантического языкового субстрата, что и армянский с теми же грамматическими особенностями или проявлениями.

Хеттские слова вошли в хайский язык, по-моему, не столько в период с VII века до н. э., когда арменизировались хетты, сколько в более древний период, с середины второго тысячелетия, когда Хайаса-Аззи соседила с сильной и культурной хеттской державой. В самих хеттских словах армянского (= хайского) языка нужно также установить двойкий генезис: одни из них могли быть изначально общими и хеттам и хаям, и следовательно трудно поставить вопрос о заимствовании, другие же несомненно хеттского происхождения, ибо оформлены хеттскими корнями и частницами.

К первому „общему“ типу хеттизмов армянского языка я отношу: 1) *hāt-* „резать“ = арм. *hat-anem* (id.); 2) *hāp-*

da-iš „горячий, пылкий“=арм. xand „ревность, горячка“, откуда xandz-em „опалая“, xandz-ol „головня“; 3) hazzika (с детерминативом „растительность“)=арм. hask (диал. хэšk) „колос“; 4) hila „притвор храма, портик“=арм. hiwl (xiwl) „хижина“; 5) handand-atar „опека, воля, мановение (бога)“=арм. jandz-andz-em „пекусь, забочусь“; 6) hul- и удвоенное hulhuliawar „поражать“=арм. хоlхоl-em „сражаю, убиваю“; 7) hān-aš „бабушка“=арм. hān(i), что есть и в лат. anus „старуха“, нем. Ahne; 8) hapat-iš „вассал“=арм. hpat-ak „подданный“; 9) huk- „заговорить, обворожить“=арм. хок-ам „говорю, размышляю; читаю“; 10) hal-anta „голова“=арм. хел-кх „головная часть (корабля, моста), крыша (дома), разум, ум“; 11) hān- „вынуть“=арм. hān-em (id.); 12) hazz-ia- „писать“=арм. (и груз.) хаз „черта“; 13) hūhart-iš (или hūhurt-iš) „горло, гортань“=арм. диал. (в Вагаршапате) хахурth (id.); 14) hum-an(i) „весь“=арм. хумb („сбор“=) „группа“ с „mb“ < „mm“ < „m“; 15) šaga „наверх“=арм. sar, sarak „верхушка“ (=урартск. šeri „сверх, излишек“); 16) šrant- „возлиять, жертвовать“=арм. sprand „жертва“; 17) špard- „выскользнуться, вырваться“=арм. sprd-im (id.); 18) šaga- „натягивать“=арм. (диал.) šafel (id.), sar-kh, sarguac-kh „спасти, состав“; 19) šalig- „изнасиловать“=арм. selex или silex „блуд, развратник“; 20) šagā-iš „знак, указание“ (и „предзнаменование“ > затмение ?)=арм. sak „норма, установленное состояние, условие“ (ср. также хеттс. šakla-iš или šakl-iš „закон, обычай, налог, пошлина“=арм. sak „определенный налог, такса“, что от армян перешло к персам); 21) ušk- „наблюдать“=арм. sk-em (id.), что получилось из *usk-em; 22) ešgi „внешность“=арм. eres-kh „лицо“; 23) išha- „хозяин, господин“=арм. išk-em „властвую, дерзаю“; 24) karp- (garb-) „взять“=арм. gerph-el „грабить“; 25) kiš- „делаться, становиться“=арм. s-kiz-bn „начало“ (s-ks-an/im „начинаю“ от i kis- с преф. s- из z-); 26) kušan „плата“=арм. ankosn-em || angosp-em „не ценю, пренебрегаю“ (an-есть отрицание), kōšn-el „дарить“; 27) kārī- „снисхождение, сострадание“ (kārī tia- „williahren“)=арм. kari-kh „нужда, потребность“ (karekič „сострадающий“); 28) katral „крюк“=арм. karth (id.); 29) kuēr- или kūr-

„отрезать, стричь“=арм. *khog-em* „чешу“, *kher-em* „скоблю“; 30) *tal-* (или *dal-*) „оставить“=арм. *thot-um* (id.), диал. *thal-el* „бросить“; 31) *tuk(k)-* „иметь силу, значение“=арм. *tok-at* „выдерживаю“, *tok-at* „бессильный“; 32) *tarra-* „страдать“=арм. *tař-ar-ım* (id.); 33) *arā(i)-* „подняться, встать“=арм. *jař-p-em* (id.) с повел. *arī* „встань“; 34) *арра* „назад“=арм. *ара* „после“; 35) *mal(l)-* „молоть“ (*memal* „мука“)=арм. *mal-em* (id.); 36) *akuřa* „яма (для капкана)“=арм. *akos* „борозда“; 37) *tapullī* „поднос“=арм. *thaphur*, диал. *dephur* или *terphur* (id.), ср. лат. *tabula*; гр. *table*; 38) *rauwant* (*bauwant*) „испеченный“=арм. *bov-em* „жарю“, „поджариваю“ (*bov* „горнило“), ср. лат. *foveo* „грею“; 39) *pittar* „крыло“=арм. *phetur* „перо“ (и нем. *Feder*); 40) *partipartiskizi* „щиплет“=арм. *pherth-em* (id.), *pherth* „лоскуток, кусок“ (ср. лат. *pars* с основой *part-* „часть“); 41) *zawall-iř* вид демонов=арм. *řiwař* „чудовище“; 42) *řalz-* „звать, призвать“=арм. *xiř* „совесть“; 43) хеттс. нерогл. *řaga-* „разрушать“=арм. *harxarem* (id.); 44) хеттс. нерогл. *wā-s, wāi(a)* „этот“=арм. *awa-s-ik* „этот“, *awa-d-ik, awa-n-ik* „тот“ и т. п.

Но есть и явные заимствования, например: 1) арм. *ařander* „яства, закуска“=хеттс. *aladdari* (из **alandari*)—вид хлеба, откуда собс. имя города *Aladar-ariza* „хлебо-поселок“, от корня *aland-* „печь“, что налично в арм. *ařandz-em* (>груз. *alandz-ua*) „поджарить“; 2) *manawand* „особенно“=хеттс. *manapa* „будто-бы“ (приблиз.), что могло иметь суф. *-anda*, как *katta* и *kattanda* „вниз“, *арра*—*arřanda* („назад“), *arariza*—*ararizanda* „кругом“, *para*—*parřanda* („вперед“); 3) арм. *kharthmanē-em* „ропищу, сержусь“=хеттс. *kartmiaz* „гнев“ от *kardi-* „сердце“; 4) арм. *harē-em* или *har-pamē-em* и по значению и по форме=хеттс. *řarna-* или *řar-pamnia-* „мутить, мешать“ (арм. *harřanānē, harriřanānē* также хеттс. оформление с суф. *-alanē* (из *-aland*) представленным и в *xand-ařat-ankh* (где *ařat* из *-aland*); 5) арм. *vař-el* „зажечь“=хеттс. *var-* „гореть“ (впервые это отметил Р. Ачарян), *var-ni-* „зажечь“, но есть и хеттс. *urani*=арм. *uřan* „трелка, светильник“ с переходом *wa>u*; ср. также переход *we>u* и в хеттс. *widar* „воды“=арм. *urd* „ручей, бассейн“, но и в именах мест—*Lastiverd, řalwerd.*, *Eliward, Tharřa-*

ward и пр.¹ Я не сомневаюсь, что арм. ambarhawaš „заносчивый“, bargawaš „развитой“ (ср. хеттс. bargu- „высокий“ bargaves „высокие“), mēldzawanī „кошмар“ (от *mēldz- „душить“), jahurd (jahurd) или jahort (johort) „дерзкий, задорный“, как и jahur(n) || jahur(n) „дерзновенно, бурно, безудержно“ (ср. хеттс. iaḫ- „двигаться, идти“), все подобные слова или корни хеттского происхождения и оформления.

С другой стороны в армянском выявлено много лексических и отчасти формальных элементов, которые тяготеют к грузинским языковым представителям, главным образом к лазо-мегрельской группе. Работы Н. Марра в этой области очень ценны. Конечно, в счет не должны приниматься позднейшие заимствования, в том числе и те общие слова, которые могли проникнуть при завоевании некоторых грузинских областей—предгорья Парнадра, Тайк, Кларджетия, Гугарк, которые были совершены во втором и поздних веках до н. э. при Арташесе, Тигране втором. Хайасский язык возможно был близок к палайскому и грузинскому.

Мои исследования также определенно говорят о наличии в армянском языке некоторых лексических и формальных элементов (до трех десятков). Имеющих отношение к урартскому языку (см. мою работу „История Урарту“, стр. 38—40), хотя самого урартского языкового материала мало представлено (до 400 слов). а многое и непонятно. Вместе с урартским есть некоторое число слов и из хурритского языка, что я считаю проникшим в армянский язык позже, на базе освоения языков местных народов Урарту, в том числе и арминнов. Об этих урартизмах и хурризмах см. в конце II части настоящего труда.

Конечно, хайасский язык, имевший свое определенное лексическое и грамматическое ядро, только ей и свойственное, мог под сильным культурным и политическим давлением хеттов постепенно впитать в себя и новые хеттские языковые элементы, как чистые хеттизмы, независимо от

¹ Заимствовано из хеттского и армянское vardawaš из vard (=хеттс. valar) „вода“ и хеттс. агг. „мыть“ („поливать“) с суф. -aw (<u>).

их общих азианических элементов. Такие хеттизмы нужно будет уже назвать заимствованиями, как я подчеркнул выше. Но с распадением грозной хеттской державы, к началу XII века до н. э., это влияние постепенно должно было падать и закончиться к седьмому-четвертому векам до н. э., когда сами хетты, как народ, исчезли и отчасти превратились в хайасском этническом коллективе, выступавшем уже в это время у иностранцев под именем армянов как в Малой Армении (=Хайасе), так и на территориях Урарту.

Проникновение хеттизмов в грузинский язык, хотя таковых немного, можно объяснить через опосредствование грузинских племен у южного Черноморья, как и мосхов и других, живших южнее. Но большинство тех хеттизмов, которые бытуют не только у грузин, но и у армян, я склонен приписать роли хайасо-азийцев и балтийцев, занимавших промежуточное географическое положение между хеттами с запада и грузинами с северо-востока.¹

Данные культа у армян

Но хеттский мир влиял на своих соседей, в частности на Хайасу-Аззи, Софену (Išuwa) и др., не только в языковом, экономическом, культурном, а также политическом отношении, но и как следствие всего этого также в культовом или религиозном отношении. Это — фактор, который никоим образом нельзя недооценивать, и в изучении

¹ Сравни, напр., следующие армяно-грузино-хеттские общие корни:

1) *ալիփ* aliph „немощность, расслабленность“, откуда *ալիփաօ* aliphu „немошный, расслабленный“, *ալիփ ափաօ* aliph aphu „расслабляюсь“ груз. *da-alph-eba* „делать дряблым“, хеттс. *alp-anza* „расслабленный, больной“; 2) *անթ* anthe „горячий пепел, уголь, сохраненный под пеплом“, груз. *anth-eba* „воспаление“, *va-anth-eb* „зажигаю, воспаляю“, *anthebul* „зажженный“, хеттс. *ant-(anza)* „горячий“; 3) *թափ* thoph или *թափ* thoph „заплетанное одеяние, сплетенная как сеть одежда или броня“, новоарм. (диал.) *thaph* „плетенка из прутьев (для ловли рыбы)“, грузинск. *thaphit* „кошница, плетенка“, хеттс. *tagur-* „собрать вместе“ (войско), сплестать ссучивать (веревку, нитки..), сочетать (слова); 4) *խაზ* haz „черта“ груз. *haz* (id.), хеттс. *hazza-ia* „писать“; 5) *խաբ* hab „жадный“, груз. *haxb* (id.) хеттс. *hab-iz* „враждебный“, что, быть может, действительно зна-

истории Хайаса-Аззи, как древнейшего домена армян имеет крупное значение.

Нигде в языческой Армении не было такого развития и сосредоточения культов богов, большей частью малоазиатского происхождения, как на территории Малой Армении и смежных с ней областей Екелик (Акилисена) и Держдан. Это говорит не только о большом влиянии малоазиатской (геср. хеттской) культуры, но и за высокое культурное состояние самих стран Хайаса-Аззи.

В городе Ериза (=совр. Эрзинкан) процветал культ богини Анаиты, которая под своим иранским наименованием (из вавил. Anāt-u?) и с некоторым придатком развратных черт Иштар, т. е. привнесом семитической Месопотамии, продолжала все же сохранять свое малоазиатское основное содержание трезвой богоматери или великой матери богов. Для меня нет сомнения, что этот культ в Еризе раньше оформился именем малоазиатской-хеттской (и хурритской) Хепит, мужем которой у фригийцев был Савази(ос). А ведь оба божества сохранились в измененных содержаниях у армян, где *հրպիտ* *həpīt*, а еще чаще *հրապիտ* *hətpit* (из **hərpit*) значит уже „обольстительница“, неженка, кокетка, проказница“, а *ասուած* *astuac* (из **aswaz* < *Savaz*-) значит „бог“. Образ матери-богини был известен в Малой Азии под разными наименованиями—*Хепит*, как у хеттов, хурритов [и хайасцев], *Ма* в западной

чисто также „жадный“; 6) *հեթեհեթ* *xethkh-em* „ударяю, наваливаю“, груз. *xethkha* „колоть, щепить, ударить“, хеттс. *ḫatḫ-* „притеснять, притворять (двери)“, что вероятно первично значило „ударять“; 7) *լախ* *lax* „сокрушать, разбивать“ в *լախեմ* или *լախեմ* (оба—интенсивные глаголы либо через повторение, либо через инфиксацию 1) груз. *lax* (id.), хеттс. *zəḫḫa* „бой, сражение“, хотя для хеттс. „z“ в арм. ожидали бы *zē* (ср. быть может диал. *հեծեհեծ* *ḥeḥeh-el* с тем же значением); 8) *թաւ* *thəw* „хмель“, откуда *թաւաթ* *thəw-im* „одурманиваюсь“, груз. *thw* (id.), хеттс. *tawal-* вид опьяняющего напитка. Связь между арм. *aḫḫ* и груз. *alph-* (в *da-alph-eba*), арм. *anthe* и груз. *antheba* указана была до меня еще Р. Ачаряном, приводящим для первого еще случайное совпадение с литовс. *alpnas* „слабый“, санск. *alpha* „незначительный“, а для второго—греч. слово *anthraks* „горячий уголь“. Хеттские параллели даются для них мной.

у подножия горы Масис (Арабат), но затем, когда был убит, его обожествили, построив ему храм в Багаване (=совр. Учкялиса у верховьев Арацани, недалеко от Алашкерта), где мол и был он похоронен. Храм же города Ани на Ефрате, посвященный Арамазду (герср. Мажану), имел большое культурное значение. По рассказу М. Хоренского, здесь была храмовая литература, архив и пр., куда съезжались для изучения даже из далекой Сирии. Так, например, известный сирийский ученый Бардайсан «вошел в крепость Ани и почитав храмовую историю, в которой и о делах царей, прибавляя к нему и свое [дополнение], все это перевел на сирийский язык, что потом с него было передано на греческий язык» (М. Хор., кн. II, § 66). В двадцати пяти или тридцати километрах северо-западнее этого Ани—Камаха, судя по карте А. Абеяна, составленного по Линчу и Освальду, идут горы Марик (*Մարիք*), откуда течет маленькая река. Здесь у верховьев ее отмечается „Большой Багаарич“, а ниже „Малый Багаарич“, что также указывает на наличие каких-то древних культов.

Судя по дорожникам Антонина Августа и Певтингерианской таблицы, севернее этих мест в Малой же Армении должно было находиться местечко *Dracones*, заменяемое, по-моему, древним *Agaugaka*. Что имя места *Dracones* имеет отношение к культу какого-то божества, в этом для меня нет никакого сомнения. Ср. имя села *Դիւնցա* *Devosa* от *dev* „демон“ (в 11 часах пути юго-вост. от Себастии) с монастырем св. Георгия. Возможно, что при *Dracones* были древнейшие каменные стелы вроде тех, которые были открыты на армянских горах Арагац и Гегамских, и народ по недоумению их называл „драконом“, как у нас курды и армяне называют „*azdaha*“ (=дракон), исходя из их исполинской большой величины (до пяти метров в длину). Н. Адонц помещает это *Dracones* восточнее Никополя, при впадении реки Герджанис в Ляк (см. его Арм. в эп. Юст., 79—80), хотя другие помещают его

при впадении Шейран-Су в Келькит.¹ Возможно, что имя *Dracones* есть греко-римский перевод из более древнего и местного имени *Ağuraka*. Само же это имя я этимологизирую из *Ar(a)-*, названия бога весеннего плодородия, ирригационного земледелия и воскресения, существовавшего в пантеоне почти всех древних малоазийских народов, подобно армянскому Ара Прекрасному. Вторая же часть *aurak* или *-awrak* возможно значила „замок, крепость“ (ср. хеттс. *auri* (id.). У греков все слово передано через *'Αραβραχῆ* или *'Αραυραχῆ*.

Обратимся к разбору имен чисто хайасского пантеона.

Воспользуясь обрывком одного политического документа (договора), заключенного, по мнению Э. Форрера, между хеттским царем Тудхалиа III и хайасским Каранни и заключающего в себе список не только хеттских, но и *хайасских богов* (см. у нас стр. 20), я считаю здесь необходимым привести имена и анализ этих последних богов, приводимых в договоре только для присяги или клятвы. На вид в этих хайасских именах богов нет, как будто,

¹ См. *Itineraria Romana* (изд. К. Миллер, стр. 676): „*Draconis*, Ad *Dracones*, *Dracones* (Ant. Avg.)—jetzt westlich von Ulu Schiran, am Scheirān-Su, bei Schamik“. Также у братьев Кюмон (*Studia Pontica*, II, стр. 332 арм. перевода Я. Ташяна, Вена 1919 г.): „Если правильны числа в Итинерарии, то *Dracones* мы должны искать близ слияния рек Келькита и Шейран-Су, а *Naža* в районе Терсуна“. Н. Адонц также поместил на Кельките, но несколько западнее от этого места. Из *Dracones* шла другая дорога на юго-запад через *Haris—Elegarsina—Bubalia—Zimara* (см. *It. Rom.*, стр. 682 и карту на стр. 680). Но объяснение, даваемое здесь месту *Draconis* (стр. 682), противоречит вышеприведенному. Тут (стр. 682) читаем: *Draconis*—jetzt bei Melikscherif wo CIL [Corpus inscriptionum latinarum] III 306 *Ağuracos vermutet*“. Как мы знаем, *Ağuraka* находилась на дороге Никополь—Олотоедариза—Карсат—Аравракос—Суисса—Сатала. Была и прямая дорога Никополь—Олотоедариза—Драконес—Хаза—Сатала. Первая дорога от Олотоедариза (ср. арм. Латарич из *Латарарич в районе Шапи Карагиссар) свертывает на юг в Карсат (Гарсагна), затем идет в Араврак—Суису—Саталу. Также из Зимары в Саталу идут по части этого тракта (Зимара—Аналиба—Синервас—Карсагис—Аравракос—Суисса—Сатала). Если узловой пункт *Carsagis* (*Carsat*) есть нын. Герджанис, то Араврака лежала севернее, не доходя до *Dracones*, и была вероятно у северных отрогов Чиман-даг, откуда по северным же отрогам Сипикор дорога вела через Суиссу на

армянских имен или слов, хотя не нужно забывать, что между пятнадцатым веком до н. э. и пятым веком н. э., когда впервые мы читаем древнеармянские имена богов, есть разность в двадцать веков.

В хайасском списке этих клятвенных богов названного документа приводятся следующие имена: бог подземного царства ⁴U-GUR города Хайасы, богиня Иштар города Ра-а-ad-te-u- -, [бог]...заппиш города Лахирхила, бог Загга- - города Кадкуша(?), бог грома и молнии города Армия, бог Таруму(с) города Кам- -, бог грома и молнии города Паххуутея, бог Териттитууни(с) города Таматта, бог Унагаста(с) города Газуу, бог ⁴U-tag-ša-an-na-aš города Архита, бог Балтанг города Дуггаммана, бог Унагаста(с) города Баррана, бог... хуху(с) города Гасмиаха, бог Силлили (?).¹

Как видим, во главе хайасского пантеона в данном месте фигурирует переданный идеографически бог подземного мира U-GUR, заменяющий аккадо-сумерского Нергала, непредставленного, между прочим, как подчерки-

Саталу, как предполагал Н. Адонц. Город Араврака был крепостью, здесь стоял римский гарнизон. Имя Араврака, где между прочим родился св. Евстратий, очень похоже на Sarabraka, чтение которого подтверждено по разным рукописям Птоломея (V, 6, § 13) и находилось на месте позднего каппадокийского Salambria. Был видимо город Араврака и у Никии в западной Малой Азии, но братья кюмоны его считают заимствованным в константинопольском греческом синнаксарии (изд. Delehayl, стр. 216, 38) под влиянием жития св. Евстратия (см. Studia Pontica, II, стр. 343). Епископ Аравраки подчинялся епископу Кемаха Малой Армении (ibid.).

1 См. Caucasia (Fasc. 9), стр. 6. Из призываемых „тысячи“ хеттских богов отмечаются: бог солнца неба, богиня города Аринна, бог грома города Хатти, бог грома г. Халаб, бог грома г. Зиппаланда..., бог грома г. Баттенарига..., бог грома г. Шапиуа, бог грома г. Лихзина, бог..., бог герой [Инар] города Гаразна..., бог Е—А, бог..., бог Иаррис..., бог Ашкашепа, царица..., бог Телипиуш..., богиня Иштар..., бог Нин-Гал, боги Малиаш(?) .. бог Лильваниш земли, бог солнца города Анкува, бог Гаттахаш города Катапа, царица города Шамуха, бог Апараш г. Хурма, бог Хантедашшуш города Тахарпа, бог Аммамаш торода Дунна, бог Халлара города Хубишна, бог Хувашианна, бог Шаминива(ш)...., боги и богини; все города Хатти, все, небо—земля, горы, источники, все боги Элат, большое море (šalliš arunaš).

вает Форрер, у хеттов. Мне думается, что в этом Угуре можно видеть хайасское (армянское) божество Ар или Ара, древнейшее божество смерти и воскресения, могшее в одно время (в связи с мировоззрением) стать также богом потустороннего мира, подобно тому, как египетский подобный же бог Озирис стал в конце концов богом подземелья, или Эр (= Ар) армянин в Памфилии, павший в бою и воскресший на костре, рассказывал о своих деяниях в том же царстве мертвых. И действительно ни одно армянское божество не оставило такого богатого культового и фольклорного материала у поздних армян, как Ара Прекрасный, эта местная вариация сумеро-вавилонского Таммуза, сирийского Дагона, финикийского Эшмуна—Адониса, фригийского Аттиса.

Но есть и другая возможность интерпретации хайасского ⁴U-GUR, имея в виду, что большинство личных хайасских имен ассирико-хурритского источника. Есть данные, что это писание нужно будет читать не идеографически, как заменитель какого-то местного божества (Ара?), а фонетически, т. е. ⁴U-gur, иначе говоря принять наличие хайасского местного бога Угур. Дело в том, что ⁴U-GUR встречается и в богазкейских надписях, относящихся к хурритам (KUB XXVII 1 i 62, а также 13 i 9), что, как говорит П. Пурвес (см. NPN, стр. 271), может быть или не быть идеографическим писанием. Угур, как сумерское божество, по значению передает аккадское слово *paṣṣatu* „меч, сабля“ (sword), а по функции равняется вообще аккадскому божеству подземелья Нергалу. И. Гельб, имея в виду наличие аккадских личных имен *Puzur-ugur* и *Ukur-tāb*, предлагает это божество Угур считать также аккадским. В хурритских же личных именах (из Нузи и др.) этот бог считается вполне местным. Но, как говорит Пурвес, „как и когда он был принят в хурритский пантеон, все же остается тайной“ (ibid.).¹ Прибавлю с своей стороны, что в

¹ Имеются следующие личные имена (из Нузийских таблечек): *Ugur-atal* (или *Ugurari*), *Ugur-elli* (женс. и.), *Ugur-kība*, *Ugur-šarri*, *Arip-ugur* (*A-ri-ip ū-ku-ur*), *Eḫlip-ugur*, *Hašip-ugur*, *Ḫulip-ugur*, *Iḫlip-ugur*, *Gelip-ugur*, *Kip-ugur*, *Naḫip-ugur*, *Wantin-ugur*, *Wandip-ugur* и *Lilip-ugur* (см. NPN, 271).

урартском пантеоне этого Угура нет, как не аттестован он и в личных именах из каппадокийских таблесток (см. у Stephens¹). При всем этом, мне думается, что это божество через хурритов Ишуву и соседних областей могло проникнуть к хайасцам. Проникновение аккадских слов непосредственно ли (через ассирийских колонистов) или посредственно (через хурритов) к этим хайасцам мы видим и в других случаях. Как отголосок этого ср. также наличие сумерских слов в армянском, о чем см. у меня в работе „Ассириовавилонские слова арм. языка“ (стр. 39).

Перейдем к имени супруги Угура. Это второе главное божество хайасцев, переданное также идеографически, есть двойник богини Иштар. Известно из поздней истории армян, какую огромную роль у них играла Анахита (гесп. Нанэ), как древнемалоазийское общее отображение, под новым наименованием, существа матери богов—богоматери, а также богини плодородия, любви и пр. Ее древнее, т. е. хайасское имя, несомненно, было либо Нанэ, либо же Хепит (Hepit), как у хурритов¹ и хеттов, что сохранилось в армянском слове hēpit (из hēpit) „кокетка, проказница, ряженая“ (с глаголом hēptim или хēptim „наряжаюсь, искушаю“ и т. п.). Но так как у армян кроме Анахиты (с культом в Еризе) сохранилось и почитание Нанэ в недалеком селе Тиль, то придется думать, что в древности почитались две богини—Хепит, сохранившаяся под иранским наименованием богини Анахиты (а раньше и Семирамиды), и Нанэ, как фригийское влияние в связи с Напа, богиней речки Сангар, матерью Аттиса. Но местная, как-бы автохтонная супруга Ара у армян выступает под новым именем—*Նուարդ* Nuard (<Nu-ward), что по-ирански значит „новая роза“. Одно несомненно, что у хайасцев бог иодземья имел супругу, адекватную Иштар, каковые пары представлены и в других сородных божествах—Таммуэ и

¹ Пишется Hepit (He-pi-it), Hepat, Hipta и пр., а сокращенно и Нера в сложных именах женщины Pudu-Нера („служанка Хепиты“), Giu-Нера („красота Х.“), Tadu-Нера („любовь Х.“). У хурритов была также сродная богиня Ša(w)uška.

Иштар, Озирис и Изиды, Дагон и Деркетто (Атаргатис), Аттис и Кибела., у хеттов вероятно Телипину и Хепат (напр. в шествии богов на скале „Язлы-Кайа“ с иероглифическим написанием *Ḫarai* под изображением этой богини).

Хайасский главный бог U-GUR [Ugur] связывается с „городом *Ḫaḷaša*“, что быть может нужно понять и дословно, т. е. принять существование не только страны, но и города Хайаса, что должно быть первичнее (Э. Форрер в этом сомневался, см. его „*Ḫaḷasa-Azzi*“, стр. 23). Ср. также звание к Иштар Ниневийской из города *Ḫaiasa* (KBo II Col. I) и сказанное мной о городе Хаек (*Ḫwjk*) между Еризой и Байбуртом. Прав был Э. Форрер, когда о нашем боге U-GUR и его супруге, адекватной богине Иштар, говорил: „*Diese beiden Götter waren offenbar die beiden Hauptgottheiten des Landes Ḫaḷasa*“.¹ Место этой богини Иштар читается дефектно: город *Pa-a-at-te(u)* —. Его отождествление с городом *Pattelariga* (*Batteiariga*), упоминаемым в хеттской части договора (§ 2, l. 8), и особенно с ишувийским таким же городом (см. издание этого договора А. Гётце в KUR. XXIII. 72) правильно отвергается Форрером, но его сопоставление имени этих двух последних городов с нынешними Печерич (по турецкой карте в 16 килом. к сев.-зад. от Кемаха), по-моему, тоже несостоятельно, ибо эти названия вышли из старого армянского Багаридж (*Բաղարիճ*), что собственно значит „бога (иранс. *bagā*) — поселок“. Хайасское дефектное имя города *Pa-a-at-te-[u]* — возможно было соименным с ишувийским (хеттским) *Pattiariga* и сохранилось в позднем армянском *Բեթարիճ* *Bətharič* или *Բեդարիճ* *Bədarič*, находящимся в 20 километрах юго-восточнее города Ерзинкан (по прямой линии),

¹ В надписи эти два божества (UGUR из Хайасы и Иштар из Патте- - -) написаны на отдельной строке (26'), с оставлением без записи следующей строки (27'), вероятно ради их выделения. А с 28' строки и до 34' включительно заполнено перечислением прочих уже второстепенных божеств.

где недавно обнаружены бронзовые и серебряные изделия.¹

Далее приводятся второстепенные хайасские божества. К несчастью многие из них, как и их города, представлены дефектно из-за обломанности или стертости. Бог -ša-an-ni-iš из города Лахирхила может быть дефектно прочитан и -ta-an-ni-iš, как замечает о знаке ša (или ta) Э. Форрер. Бог Za-ag-ga- - из города Qa?-ad-ku (или -та?)-ša (или -ta) имеет с конца недостаток двух клинописных знаков (по Форреру). Я предлагаю это восполнить знаками -ga-a и прочесть Zaggagā, имея в виду существование бога Zaga у хеттов (почитался в городе Хубишна, см. Bogh. St., III 98) и урартского бога Zi-ke-ku-ni-e (= Ziqequne, см. сакральную надпись Ишпуина и Менуи на „двери Мхера“, строка 11/50).

У хайасцев в большом почете был бог грома и молнии (Wettergott), ибо призываются в этом договоре три таких бога, точнее одно и то же божество, особо почитаемое в трех городах—Хайаша, Аринна и Паххутея. Имя города

¹ Такое восстановление Pa-a-at-te-[u]- - в Pātearik (Pa-a-at-te-ark?) предполагает конечно и наличие хетто-ишувийского однородного села, но более оговорок вызывает переход последнего к (g) в армянское tš (č) формы Bathārič или Bədarīč. Если село у Арагаца, звучащее сейчас Batrič, сомненно с первыми, то изменение в первом случае вызвано ударением на втором слоге (Bathārič), а изменение во втором случае предполагает ударение на первом слоге (Bātārič > Bātrič). Возможно, что само слово Bātārič первично значило „крепостца“, „городок“, образованное из batar или palat, что в урартском значило „город“, а -ič или -ik явилось уменьшительным суффиксом. Ср. также имя села *Եփրաթի* Efi-ratiš (в Ниге), что значит „Верхняя крепостца“. И действительно есть и поныне укрепления (стены) у арагацкого Патрича, а Бдарич у Ерзнкана, имевший 50 домов армян, церковь св. Саргиса, находившаяся недалеко от холма Алтын-Тепе (в 4 км южнее Джимины, бывшего армянского села, отуреченного не так давно). Бронзовые предметы Алтын-Тепе, особенно большой котел с тревожником, несомненно служили для ритуальных целей, как это было и в Мусасирском храме бога Халда. Следовательно можно предположить, что крепость Алтын-Тепе у Бдарича—Джимина имела храм, который был посвящен хайасской богине, равноценной сумеро-аккадской Иштар.

Арниа Э. Форрер напрасно приурочивает к городу Арна в урартской провинции Армарили (западнее оз. Ван), упомянутому в надписи Саргона II (см. „Восьмой поход Саргона“ у Тюр-Данжена, 1912 г., стр. 271) в 714 г. до н. э. Помоему город Арниа не только находился в Хайасе, но мог по происхождению быть и соценным с этим урартским Арна, с современным Арнис на северном берегу озера Ван между Беркри и Аканц, с урартским словом *agnišini* „предприятие, дело“ и пр. Ср. также имя каппадокийца *Агн-ишап*, что дословно значит „из Арна“ (см. у Ф. Стефенса, *Pers. names... of Cappadocia*, 15)¹.

Божество *Tarumi-(s)*² по своему имени отчасти напоминает хурритское слово *tarmi* с неизвестным нам значением. Так, имеются следующие личные имена из таблесток в Нузи: *Tarm-aru*, *Tarmi-tešur*, *Tarmi-tilla*, *Tarmi-zizza*, *Urša-tarmi*, *Tarmia* (*Tarmela*), *Tarmi(k)-kutu*, *Tarmi(n)-ninu*, *Tarmip-tašenni*, *Tarmii(š)-simiki* (см. NPN, 262—263). Ср. также личные имена из каппадокийских таблесток: *Taramkube*, *Taram-ša-IL!* („*Tarm bóra*“), *Tarmana* (см. у F. Stephens'a, *Pers. names of Cappadocia*, стр. 68). В нузийских именах есть и женское *Tarm-akkadi*, что И. Гельб хочет понять как аккадское образование (NPN, стр. 148), хотя и ставит под вопросом.

Интересно имя хайасского бога *Terittitun-iš* из города Таматта, причем конечный знак *-iš* имени бога читается предположительно. Основа этого имени фонетически должна была звучать *Tri-titun-*, что я перевожу через „трехножный“ или „треххвостный“, имея в виду хеттское *tri* „три“ (см. E. Sturtevant, *Hittite glossary*, Philadelphia, 1936, стр. 190), наличное несомненно и в хайасском, и из армянского *tuin* „хвост“, откуда *tətin* (id.). Следовательно это божество походило на грифона? Моя этимология хайасского *Terittitun* (из *tri-t* „с тремя“? и *titun* „хвост, нога“) говорит за наличие индоевропейских элементов в хайасском языке уже к середине XV в. до н. э., хотя индоевропеизмы

¹ Это личное имя взято из работы Сиднея Смита (*Cunelf. Texts from Capp. Tablets in the British Museum*, p. I, 1921, 336—18).

² Пишется *Та-а-гу-и-ти-иш*.

хеттского (resp. и хайасского?!) относятся к западной (k_1) группе. Для Trititūn ср. и греч. Tritōn, сына бога Посейдона.

В имени хайасского бога *Baltaik* (из города Dukkama-na) последнее -ik нужно выделить, как вероятный уменьшительно-ласкательный суффикс. Основу же Balta- с конечным „а“ (арамаизм?) считаю заимствованным из ассириовавилонского balṭu „жизнь“, идеографически передаваемое также сумерским TIL. LA или TI. LA („жить, жизнь“, „живой“). Аккадские личные имена с этим balṭu, как, напр., Balṭu-kašid („жизни достигший“) и Balṭu-šar(u) (= арм. Բալդաշար Baldasar)¹, вошли также в хурритскую номенклатуру из Нузи, где напр. первое имя пишется не только идеографически (TIL. LA. KUR), но и фонетически Bal-du-qa-ši-id, Bal-du-q-a-ši-id, Bal-tu(m)-ga ši-id и пр. (NPN, стр. 111). Этот balṭ- имеется и в имени одного царя из племени Диаухи (Diauhi) согласно одной надписи („Язлы-таш“) урартского царя Менуа, находящейся недалеко от города Манаскерт (Мелазгерд). Это имя звучит Baltul-, но с притяжательным суф. hi (строка 25). Суффикс -ul есть также в хурритском (Gilgamišul), в урартском (šisul- „обряд, ритуал“), в армянском (Կաթուլ, Բաթուլ) и пр.). Следовательно, имя хайасского бога жизни Balta-ik, как и возможно имя бога Угур, заимствованы через хурритов (и хеттов Ишуву?) из ассириовавилонского мира.

Хайасский бог из Гашмиаха (Gašmiah), от имени которого сохранились только последние клинописные знаки, дающие вместе -huḫiḫ или точнее -ḫoḫos, где конечное „з“ (š) есть флексия для хеттского имен. падежа, должен был произноситься Karḫuḫi, т. е. Karḫoḫo- („Кархохо“) с недостающим начальным знаком для одного кар или для двух ka-ag. Основанием для такого восстановления я считаю наличие бога Kar(a)ḫuḫa в хеттской иероглифической надписи из Каргемиша (см. I. Gelb, Hit. hier., III, 42, 47). Есть и хурритские личные имена Ḫuḫa (или Ḫuḫan), Niš-

¹ Это же семитическое имя встречается и в „каппадокийских таблетках“. Пишется Baldu-šar (Ba-al-du šar), см. у Ф. Стефенса (Pers. names of Cappadocia, стр. 25). Это же имя носил один из последних вавилонских царей („Валтасар“).

huba, Šubishuba, Ari-huba („дар деда“) и Iphuba (I. Gelb, Hurr. a. Sub. 52, 53, 64, 102). Но кроме этого хурритского huba (и huban) есть также хеттское hub(h)a, как в клинописи, так и в иероглифических надписях, что переводят через „дед“. У современных армян из Арабкира (в Турции) есть слово Хохо, которым пугают детей—*ho/ho ho ho* (хохоп ки gá=хохо придет), что возможно есть сокращение из имени хайасского бога Кархохо (Karhubu).

Видимо заметное положение занимал и хайасский бог *Unagasta-š* (с основой *Unagašta-*), ибо почитался в двух городах—Газу и Баррая (Паррая). Это имя несомненно производное из корня *unag-* неизвестного для нас значения и суф. *-ašl(a)*, что есть либо суффикс, сродный с хетт. *-ašti* (*dalugašti* „долгость, длина“, *rahašti* „ширина“ и пр.), ари. *-ast* в словах *hiduwan imast* „смысл“ от *imapan* „узнаю“, *an-šq-šum*, *ar-ag-ast* „покрывало“ (от *√ag-* „надеть“)... *-est* || *-ust* (*rahest* || *rahušt* „хранение“, от *√rah-* „хранить“), *-ist* (*han-gist* „покой“ от *√hang-* „покоиться“) и пр., что индоевропейского происхождения, либо же это хайасское *-ašt* (или *-št*.) нужно связать с хурритским *-št* в окончаниях личных имен, как *Enništa*, *Ithišta* (или *Ithišti*), *Iwishi*, *Tahirišti* (см. NPN, 258), к которым я бы присоединил и имя урартского царя *Argišti*.¹

Имя одного бога написано *U-dag-ša-an-na-aš* (почитался в городе Архита, *Ar-ḫi-ta*),² и так как первый знак (*u*)

¹ К указываемому Борком, Густавом и Гётце формативу *-št* в глаголах хурритского языка „письма Митанни“ (т. е. царя Тушратты), я бы прибавил адекватное *-št* в урартских глаголах—*sulušubi* (*suluštaibi*), *miluštubi*, *ašhaštubi*, *bugaštubi*, *šidištubi*, *amaštubi* и пр., что приласт, по-моему, каузативную функцию.

² Имя города *Arḫita* своим *-ita* напоминает словообразование городов *Išhubitta*, *Đurmitta*..., *Enzita* (страна), грузинских *Mxliḥa*, *Somxliḥa* и пр., а корнем *arḫ-* („граница“?) примыкает к *erḫa* или *erḫan* в нузийских личных именах *Ariperḫa(n)*, *Kiberḫa(n)* и *Erḫan-atal*. Есть и город *Erḫita* (Bo. 2611. Rs. 34 неопубл.) рядом с городами *Šalati*., *Litta* и *Temia*. Но упоминается город Архита (*A-ar ḫi-i-ta*) и близ области Ишува, куда как будто раз укрылись сбежавшиеся архитцы. Э. Форрер Эрхиту сопоставляет с Архитой в договоре Ишувы с хеттами, а город *Temia* с *Ti-mia* того же договора. Для хеттского (и хурритского) *arḫ-* || *erḫ-* || *iḫ-*

довольно отстоит от второго (dag || tak), потому и Э. Форрер знак „u“ читает идеографически, как имя бога грома и молнии с эпитетом takšānpas („Wettergot der Gleichheit“¹), хотя, по-моему, не отрицается и возможность чтения takšānpas, как одно слово.

Одно несомненно из анализа хайасского пантеона. Во-первых, некоторые имена явно семитического происхождения или опосредствования, вроде Угура, Балтанка, быть может Таруму, хотя они бытуют и у хурро-субаров и вероятно через них проникли к хайасцам.² Местного происхождения Кархохо, существовавшее и у народов близ Каргемиша. Так же нужно подойти и к происхождению бога Заггага, если, конечно, правильно мое восстановление этих двух имен (Кархохо и Заггага). Во-вторых, особо выделяются боги Угур, как олицетворение особого культа, сильно проявившегося у армян, и бог грома и молнии, имя которого не приводится (вероятно Datta- или Tešur). И здесь я бы отметил одно явление, характеризующее уже новое политическое состояние; это то, что бог грома и молнии (вероятно и неба?) страны Аззи (resp. Хайаса) почитался в городе Сапагурванта, судя по одному другому документу (Во. 434. IV. 18 неопубл.), а также в Арниа и Паххутея, хотя в отношении двух последних городов и не отмечается происхождение этого бога непременно из „города Хайаша“, как это говорится об одном

„граница, окружие“ и особенно для eḡan я бы сравнил и имя арм. города *Երևանի* Егехани, входившего во владения князей Мамиконян в области Тайк.

¹ От хеттс. takšan „середина, половина“, но и „совместно, равно“.

² В этом аспекте я бы уподобил плохо читаемое имя хайасского бога Ši-Il-[?]i-[?]i, т. е. возможное *Šilluli (*Šillili, *Šillulu) с акк. šillu „защита“, входящим в сложные личные имена хурритов Sil-Tešur (а чаще Zil-tešur), Zilīrari, Zilīḡatra и пр. (см. NPN, 277—278). Но имеются образования и от формы šulūl-u („shade, protecti“), как личные имена из Нузи — Zululi-Ištar (женс. и.), dAdad-zululi (муж. и.) (ibid., 312) или из каппадокийских имен — Ašur-zululi, Niraḡ-zululi (см. у Ф. Стефенса, 92), не говоря о сокращенном Zilia. Ср. также имена Zilulu, Zulili, Zulula и пр. из каппадокийских же таблиц (ibid.; 85).

жреце при памятнике „бога грома и молнии из города Хайаса“, не указывая места памятника (Во. 2376. I. 24 = KUB. XII. 2). Не указывает ли выдвижение этого хайасского бога на превалирование племени (или племен) „города“ Хайасы, т. е. хаев, в союзе племен этой страны?

Если вообще выделить из армянского пантеона все иранские и семитические названия богов, хотя, по содержанию, под ними скрываются и бытуют древние местные божества и культы, то большинство из них носит явно малоазийский характер, иногда, конечно, в завуалированном виде, как имя *Ḫepit*, ставшее у армян *ḫəpīt* или *ḫəpīt* „неженка, кокетка, проказница“, или фригийское *Sawazios*, (*Suazios*), ставшее у армян *astuac* „бог“. Ср. также малоазийские — *Tarku* (*Tarḫu*) и арм. *Torkh*, хеттс. *Ara* („Flurgottheit“) и арм. *Ara*, хеттс. *Zawall-iš* — вид богов и арм. *č̣wał* „чудовище“, хеттс. *telipi* (во мн. ч.) — вид богов (откуда и *Telipinu*?) и арм. *theplā*, *thəplī* — вид злого бога и т.п. Отмечаются между прочим и остатки культа фригийского Аттиса у армян (см. у меня „Культ Ара Прекрасного“, 1945 г., стр. 57).

С другой стороны почти не отмечается наличие или косвенное влияние урартского пантеона на армян. Еще в шестом веке армяне, быть может как союз известных хайасских племен, если уже не народ, представляли на юге исторической Армении большую силу, пять раз оказав сильное сопротивление персидскому царю Дарию, а в конце пятого века при отступлении десяти тысяч греков они нанимали из халдов-урартцев готовое войско и раз напали вместе с ними и мардами на греков Ксенофонта. Отсутствие влияния урартского (биайнского) пантеона на армян я объясняю имевшей уже место некоторой консолидацией армян в политико-культурном отношении еще до освоения части исторического Урарту к востоку от озера Ван.

Как видим из этого четвертого раздела нашего исследования, языковые и культовые данные поздних армян также идут навстречу тому научному положению или установлению, что древнейший этногенетический и культурно-

политический центр (ядро) хав-армян был в Даранали и Акилисене, на границе или узле столкновения их с хеттским и грузинским культурными мирами, т. е. там, где за 1400 лет до н. э. упоминается двуединое политико-культурное объединение Хайаса-Аззи, устанавливаемое и другими учеными приблизительно на тех же географических просторах.

5. Культурно-историческое состояние страны Хайаса-Аззи

Почти нет непосредственных данных, которые могли бы дать нам более или менее приблизительное представление о социальном, культурном или экономическом состоянии страны Хайаса (Аззи), трактуемой у хеттов „царством“. О таком ее культурном состоянии, за исключением материальных данных из Алтын-Тепе (у Ерзинкана), можно делать предположения только косвенно, в связи с подобными данными у близких соседей, иначе говоря, исходя из орбиты этого царства Хайаса-Аззи, вовлеченного в эту древнюю переднеазиатскую (ассиро-вавилонскую) и малоазиатскую (хеттскую) культурную сферу, не говоря об отложениях этой хайасской культуры у армян.

Так, например, недалекая от Хайаса-Аззи центральная Каппадокия, где находилась столица хеттов Хаттуша (у современного села Богазкей), еще за два тысячелетия до н. э. находилась на довольно высоком культурном уровне. Были дороги, ведущие отсюда в Месопотамию, развивалась торговля и вообще экономическая жизнь, искусство, ремесла и пр. В центральной Каппадокии, как и по промежуточным пунктам этих торговых путей, были торговые колонии и фактории семитов из Месопотамии, судя по ассирийским клинописным документам (числом до 3000, издано 1000), раскопанным в местечках Кюль-Тепе (хеттс. Канеж, в 20 км. к сев.-вост. от Кесарии), в Алишер-Уюке и др. Из них узнаем, что агенты торговых домов распространяли свои товары, брали в залог вещи и пр. Если же в срок не унылачивали за товар, то по решению суда должники ста-

новились рабами. Развито было производство оружия (из бронзы), предметов домашнего употребления, украшения, керамики и пр. Вообще эти так называемые „каппадокийские таблицы“ дают огромный материал о хозяйственно-экономической жизни *восточной Малой Азии*, сообщают о торговых пунктах или городах, о местных „князьях“, „палатах“, богах, об именах этих князей (в частности на -aḫṣu, -um) или княгинь (на -aḫṣašar), об отношении ассирийцев к местным людям и пр. и пр.¹

С другой стороны мы знаем также, что немного позже (с XIX в.) выступающее организованное хеттское общество, судя даже по его „своду законов“, имело довольно развитое садоводство: разводились виноград, груша, яблоко, слива, гранат и пр. с культивированными насаждениями. Была даже особая расценка (тариф) по сиклям на домашний скот. Были классы рабов и свободных, причем первые всегда вдвойне подвергались взысканию за преступления, чем свободные (agaḫḫ-eš). Были и профессии лекарей, парикмахеров, металлистов, жрецов и др. Видимо

¹ Язык этих каппадокийских документов—ассирийский диалект, тесно примыкающий к „среднеассирийскому“ диалекту книги законов, документов и писем. Фонетически, грамматически и особенно лексически этот диалект довольно отличается от вавилонского диалекта того же времени. Имена ассирийцев в каппадокийских табличках большей частью теофорные, преимущественно связанные с именем бога Ассур, но также Иштар и Адал. Временисчисление, как и в Ассирии, производилось по имени ежегодных служителей Ими, т. е. погодно, но исчислялось и по „Ḫamūštu“ (1/3 года?), по месяцам, из коих два их названия (Inat-um и karat-um) неизвестны в собственной Ассирии. Ассирийские колонии (kāḫ-um) и фактории (wabaḫ-um) были совершенно автономны, имея торговую и судебную привилегии, походя как бы на провинцию Ассирии. Судопроизводство и присяга (клятва) происходили перед священным оружием бога Ассур. Всюду ходили их посланцы (širḫ-u) и „комиссары“ (gaḫṣ-u), хотя во главе „палат“ были и местные „князья“. Происходили и бракосочетания ассирийцев с туземцами. Низший труд возлагался на рабов (ward-um || urd-um). Товар (lukut-um) упаковывался с прикладыванием печати и транспортировался на осликах (с эпитетом „черный“), реже на лошадях (sise) и телегах (ereḫḫ-um) из-за плохих дорог. Из Ассирии в Каппадокию ввозили свинец и материи („тонкие“, „нежные“, „черные“ или по названию места их приготовления). Свинец, слѣ-

труд рабов в хеттском государстве был настолько тяжел, что они пользовались временными ослаблениями или неудачами хеттов и бежали в соседние независимые или полунезависимые „царства“, как это отмечается, например, в причинах или поводах походов Муршила против царя Бихунна (области города Тибна) или царя страны Аззи и др.

Имея в виду, что страна Хайаса-Аззи в 1400—1200 годах непосредственно входила в политическую и культурную орбиту хеттов, а до этого в ней были и колонии ассирийских торговцев, то в свете этих положительных факторов я предлагаю понять и те объекты технического и материально-культурного состояния, что мы видим в новооткрытых предметах близ Ерзинкана, точнее из холма „Алтын-Тепе“ в 26 км восточнее этого города (20 километров по воздушной линии), в четырех километрах южнее села Джимин. Эти предметы были обнаружены при строительстве железнодорожного пути Сивас—Эрзерум, когда рабочие, весной 1938 г., на восточной стороне названного хол-

живший и мерилom обмена, от шести до семнадцати раз дороже ценился, чем серебро. Предметом оценки было золото и серебро (но не в качестве товаров). Они взвешивались, бывали в форме слитков, прутиков, пластинок; даже в виде топориков или серпов выносились на рынок. Было и „звонкое“ серебро (kasp-um šarḡur-um*). Серебро привозили из городов Вілатата, Канеš, Šalahšuara и Šalatuwar, и оно стоило восемь раз дешевле, чем золото (привозилось из города Hahḫum). Были и другие металлы, как, напр., amut-um (=?), что ценилось в пять раз дороже, чем золото. Медь же вывозилась из городов Haburata, Tišmugna и Wašḫania, была дороже серебра от 46 до 180 раз и шла также на приготовление бронзы. Из сельскохозяйственных предметов упоминаются зерно (šē-um) пшеница (kibt-um), ячмень (arṣat-um), uṭtat-um(=?), kem-um „мука“ dukl-um „солод“. Были ремесленники: парраḫ-um „кузнец“, aškar-um „кожевник“, ašlak-um „белильщик“. Между прочим лак (олифа) был очень распространен в западной Малой Азии, судя по раскопанной керамике. Упоминаются, конечно, и храмы с разными служителями: kuṣṣi-um „жрец“, wakurt-um (ukurt-um) „жрица“, šācīt-um „истолковательница снов“, bārīt-um „гадальщица“ др. Из местных богов приводятся: Hatanat-um, Hikiša, Kubabat, Ana и Nipas. См. у А. Гётце, „Kleinasien“, стр. 65—76.

ма, приблизительно посредине склона, использовали выступавшие известковые каменные массы для железнодорожных целей¹. Случайно проходивший инспектор народных училищ принял меры, чтоб находки были совершенно раскопаны и доставлены в Ерзинган, а сейчас хранятся в „Археологическом музее“ Анкары. Это местечко охранялось для будущих раскопок, как сообщает лектор-профессор Hans Henning von der Osten (см. „Neue urartäische Bronzen aus Erzincan“, напеч. в „Сообщении шестого интернационального конгресса по археологии“, Берлин, 1940 г., стр. 225—229). Этот ученый лично побывал на месте летом того же 1938 г. и исследовал место находок. По его словам, здесь мы имеем дело с большим местоположением, высеченным в скале, с использованием крупных, тщательно обтесанных прямоугольных глыб из камня. Только одна часть была разрушена железнодорожными рабочими для бута (щебня). Мусор и обвалившиеся камни запирают вероятные камеры и входы. „Очищение от мусора и дальнейшие раскопки обещают кроме выяснения плана этого интересного местоположения еще дальнейшие прекрасные находки“. Г. Остен в этих строениях холма видит „все своеобразие урартской скальной архитектуры“ (ibid., 226).

Г. Остен из обнаруженных бронзовых изделий и серебряных прутьев (Silberharren) подробно описывает следующие:

1. *Один большой бронзовый котел с крышкой и подставкой (Standfuss) в виде треножника.* Высота котла—45 см, поперечник (диаметр) раствора—56 см и 6 мм, поперечник котла—72 см, толщина стенки котла—3 мм, высота подставки—66 см 7 мм. Этот большой котел с округленным дном вылит из одного бронзового куска и имеет уплот-

¹ Холм возвышается над равниной Ерзингана на шестьдесят метров. У подошвы холма выходят два источника, вокруг которых лежат (в 1938 г.) большие тщательно обтесанные прямоугольные камни с этого же холма-крепости. Очертания стен крепости с трудом отмечаются. Поверхность холма плоска, была укреплена. Остались тут обломки полированных изделий.

пенный шов (фальц) на растворе (Öffnung). Ниже шва имеются четыре заклепанных рукоятки в форме бычачьей головы. Последние находятся на борту (поверхности) котла, подобно крылатым солнечным дискам (на ассирийских котлах), и после литья были хорошо гравированы. Они—близкие повторения рукояток из Топрак-Кале, находящихся в Британском музее (№ 91240). Сходную обработку локонов (холок) на лбу и бородки бычачьей головки мы видим и на одной позолоченной асфальтовой фигуре лежащего животного в музее Ирака (№ 11715). Что касается крышки котла, то она немного заострена кверху и вылита из более тонкого металла, чем самый котел. Трижды повторяющиеся две пары от бывших трех отверстий для заклепки (рукояток покрышки) показывают, что (именно) здесь были рукоятки заклепаны. Вероятно с ними найденная одна рукоятка принадлежит этому месту (на покрышке), потому что ее отверстия (дырки) для заклепки в точности соответствуют тем же отверстиям на покрышке. Наконец, стойка—подставка (Ständer), на которой покоится котел, представляет из себя треножник. Этот штендер состоит из одного обруча, который держится на возвышающихся из трех ножек штангах (стержнях). Из каждой ноги вертикально подымается прежде всего одна штанга, а затем справа и слева от этой же ножки подымаются другие, но они косо идут вверх и там, где подходят к ободу, в пространстве между двумя вертикальными штангами, эти боковые штанги загибаются и спускаются так же косо к другой ножке, с которой и закрепляются. Каждая из трех ножек имеет внизу овальную часть, украшенную тремя валиками (подушками) и заканчивающуюся моделированной ножкой быка. Эти ножки, через просованную в трубочки горизонтальные штанги, вторично соединяются друг с другом.

2. Один штендер с четырьмя короткоголовыми широкими сосудами из бронзы.¹ Эти сосуды почти одина-

¹ Высота этого штендера—91 см, высота сосуда—30—35 см, наибольший поперечник сосуда 30—32 см, поперечник раствора сосуда—9—12 см.

ковы. У одного отбита верхняя часть. Донья у них округлены, горлышки отброшены и верхняя кайма на проеме усилена. Штендер состоит из пяти штанг, которые просованы в трубочки среднего куска собственной пожки и совместно держатся при помощи крестовидного одного куска. Средняя штанга имеет коробкообразную наставку, на которой прикреплены четыре наростка, слегка отодвинутых наружу на согнутые боковые штанги. В каждый нарост снова просованы ободки (обручки), на которые ставились четыре сосуда.

3. *Части и фрагменты мебельных обшивок (оправ)*, в том числе особенно от двойных волют, сложенных из четырех частей. Они сделаны из бронзового листа и заполнены асфальтом (Erdpech).¹ Они идентичны с обивками одной мебельной части из Нимруда, хранящейся в Британском музее (№ 22491). Пока все фрагменты не очищены и сличены, трудно сказать о количестве этих двойных волют (Doppelwoluten). Кроме того имеются фрагменты из четырех листовых венцов (Blattkranz), также похожих на такие же венцы от мебельного экземпляра в Брит. музее. Некоторые экземпляры (Stücke) этих венцов показывают нам круглые вырезки на плече и треугольные вырезки на кончике (острие) каждого листа. Затем имеются фрагменты нескольких простых „капюшонов“ из бронзового листа, надевавшихся на оконечности бревен. Наконец, имеются фрагменты прямоугольно загнутых бронзовых листов с фальдами и прямоугольными вырезками, а также возможные фрагменты (части) мебельных обшивок.

4. *Части оружия из бронзы*. Имеется один колчан с заклепанным колечком для нацепки на кушак. Футляр, украшенный четырнадцатью волчьими зубами в два ряда, оставляет одну сторону (край) открытой. Маленькие дырки на полях показывают, что эта открытая сейчас сторона была задернута кожей или другим мягким материалом, чтоб освободиться от трения колчана [на спину]. Миндале-

¹ Эти волюты имеют высоту в 8,2 см, ширину в 5 см и толщину в 5 см.

видное дно колчана заклепано. Затем имеется некоторое количество прямоугольных бляшек с гранью (жилкой) и тремя заклепанными дырками на каждом конце. Это—очень вероятные части одного панцыря. Подобные экземпляры найдены в Нузи и Богазкее.

5. *Разные вещи из бронзы.* Найдены, во-первых, два бронзовых листа в форме полуовала, которые были заклепаны на одном мягком материале и загнуты на своих ровных сторонах (шарниры?). Во-вторых, имеются фрагменты колец с загнутыми снаружи краями (мебельные ободки?). В-третьих, один маленький розетовидный предмет, в котором вероятно была заставка из другого материала, и многие маленькие рукоятки. Наконец, есть фрагменты обшивок и других предметов неопределенной формы, которые до очищения и сличения не могут быть ближе описаны.

Приведя вышеизложенное подробное описание находок из холма Алтын-Тепе, Г. Остен склонен их место считать могильным приделом (Grabbeigaben) коменданта, находившимся на восточной стороне крепости позднеурартского времени. Как он говорит— „Крепость лежала на важной дороге, которая вела из центра урартского государства на запад и господствовала над всей Ерзинганской равниной. Отсюда можно увидеть начало и конец этой дороги“. Для датировки этих находок Остен хочет найти опору в раскопках К. Лаке на ванской крепости (Van-Kale). Раскопки этой „Ванской экспедиции“ в 1938 г. выявили в крепости двоякого типа гончарные изделия: одни—более древние и раскрашенные, сходные с фригийскими раскрашенными изделиями в форме и образе, а другие более новые, в которых хотя отчасти и сохранились эти формы, но в общем они тоньше и покрыты хорошо отполированной красной глазурью (Engöbe). Раскрашенные изделия добыты на ванской скале в большом множестве, но не внизу в городе, расположенном на склоне этой горы, где попадаются только красные изделия. Эти же последние, за редкими исключениями, наличны и в Топрак-Кале. Имея в виду, что Топрак-Кале, как крепость, было построено Ру-

сой I, Г. Остен склонен эти красноцветные изделия отнести к восьмому, а возможно и к седьмому веку до н. э. И так как те экземпляры в Британском музее, которые происходят из Топрак-Кале, отчасти походят на предметы из Алтын-Тепе, а Леман-Хаупт там же нашел рукоятки (от котла) в форме крылатого солнечного диска, но с женской [не бычачьей] головкой, то мы должны предметы из Алтын-Тепе датировать тем же восьмым веком, для чего имеются подобные же мебельные обивки и изделия из Зенджирли времен ассирийского царя Асаргадона, т. е. того же восьмого века. Но с другой стороны Г. Остен указывает на близкое родство и подобие между треножником из Алтын-Тепе с этрусским таким предметом из Эрлангена, хотя и здесь он склонен все это отнести к урартскому источнику, как металлообрабатывающему распределителю даже для Ассирии (*ibid.*, стр. 229).¹

Мне же думается, что, во-первых, невозможно на основании исторических данных Ерзинганскую долину отнести к Урарту, ибо его царя далее Басена (Пассинской долины) не доходили, с севера доходили (Сардур II) раз до Колхиды и земли вихиров, а с юга до Мазгерда и Палина. Во-вторых, местная металлообрабатывающая культура у ха-

¹ Бронзовые котлы с фигурками у верхнего края и треножником непосредственно из Урарту не найдены, но в его юго-восточной части, а именно в Мусасире, они имелись. Саргон, разграбивший храм бога Халда в этом городе, говорит между прочим и об «одном большом чаше (сосуде) из бронзы, вмещавшем 80 мер воды, с крышкой из бронзы, который цари Урарту, при совершении жертвоприношений перед Халдом, наполняли возлияниями». На рельефе из дворца Саргона, в сцене разграбления Мусасирского храма, перед храмом изображены два крупных сосуда, установленные на треножных подставках, ножки которых имели форму ног быков (см. Б. Пиотровский, История и культура Урарту. Ереван, 1944 г., стр. 227). Хотя найденные до сих пор котлы с фигурками-рукоятками и треножником большинство ученых относят к урартскому (Леман-Хаупт, Герцфельд, Остен, Боссерт...) или ассирийскому (Фуртвенглер) миру, но есть и сторонники средиземного их происхождения — коринфского (Ипсен) или ионийского (Дукати). Последний сюда присоединяет и подобный котел из холма у Ла Гаренн в южной Франции. Издатели „Древней Истории“ (Кембридж, 1927 г., I, стр. 352) считают его древне-греч. искусством VII — VI в., но восточного влияния.

либов, кои, по-моему, не переселенцы, ничуть не стояла низко, и даже недавно ерзинганские армяне, как и эрзерумские, слыли за первых в этом деле. Южнее Ерзинганской долины и юго-восточнее Эрзерума горы изобилуют медью. В-третьих, отмечая кое-какие сходные черты между алтынтинскими предметами и богазкёйскими или этрусскими, автор статьи напрасно упускает местоположение и культурно-историческую ситуацию этой долины Ерзингана, бывшего центра страны Хайаса-Аззи, что вероятно Остену не было известно.

Находки в Алтын-Тепе имеют для моей темы о Хайасе и ее роли в генезисе армян огромное значение. Если б даже эта крепость была стоянкой хеттского коменданта и его гарнизона, то этим только может подтвердиться культурное влияние хеттов на хайасцев и соседних с ними народов. Я уже не говорю о хеттских предметах и особенно о скальных работах Язлы-Кайи с внутренним высеченным храмом, галереями, лестницами и пр., что должно быть скорее использовано для научной трактовки формирования найденных в Алтын-Тепе бронзовых предметов и крепостных сооружений, чем с объектами далекого Урарту.

Если взять, наконец, один из районов южного Закавказья, который в отношении Хайаса-Аззи будет уже противоположным северо-восточным местоположением, а именно район Цалки (в Грузии), то произведенные здесь раскопки опять-таки свидетельствуют о довольно развитом культурном состоянии. Здесь в XV—XIV веках до н. э. употреблялись бронза, золото, серебро, а железо входит в быт только с XI века. Богатые находки из могильников Цалкинских раскопок, где обнаружены ведро, ковши, браслеты, серьги и пр. из золота и серебра, иногда с ритуальными сценами и одеяниями „в хеттском стиле“,—все это говорит в пользу тесных культурных связей между юго-западной Грузией и центральными областями древней Малой Азии, иначе говоря с хеттским культурным миром.

еще за полторы тысячелетия до н. э.¹ Не может быть сомнения, чтоб находившаяся между этими пунктами Хайаса-Аззи, как отчасти промежуточная и передаточная культурно-политическая среда, не вошла в этот культурно-политический оборот или орбиту, о чем свидетельствуют раскопанные в самой Хайасе предметы. Несомненно, по этому же пути вообще шло проникновение хеттского влияния на далекий северный Кавказ, к районам Майкопа (Кубанск. обл.), где в 1897 г. обнаружены драгоценные предметы с мотивами малоазийского-хеттского культурного проявления.

Для меня нет сомнения, что изучение материальной культуры Малой Армении, особенно главных ее центров, выявит немало фактов как чисто вещественного порядка, так и возможно эпиграфического, начиная со времен Хайасы и Аззи. В частности, пользуясь случаем, хочу обратить внимание историков материальной культуры Ближнего Востока (и Малой Азии), что найденным в Армази (в двух километрах от Мцхиты, столицы древней Грузии) гробницам грузинских властелинов (питахшов) этой области, их огромным размерам из тесаных плит, а может быть и формам погребения вторит описание могил армянских царей в городе Ани на Ефрате. Армазийские гробницы имели двускатное (как на домах) или горизонтальное покрытие, камни были связаны железными скобами, а щели между камнями тщательно замазаны известью. Эти погребения, благодаря найденным богатым предметам, монетам из римской эпохи (II—IV века н. эры) и пехлевийской, а также греческим надписям, относят к III в., что говорит также за связи груз. культуры того времени с эллинистической. Гробницы армянских царей той же эпохи (I—IV вв.) были, по данным армянских писателей Фауста Византийского и М. Хоренского, в крепостях Ангел

¹ См. напр. статью проф. Б. Куфтина в газете „Заря Востока“ от 10 июня 1939 г. под заглавием „Очаг древне-восточной культуры в Грузии“.

в области Ангелена (юго-восточнее Харпута) и в Ани на Ефрате. По Фаусту Меружан Арцруни, изменивший родине, вместе с персидскими силами разграбил многочисленные арм. области, проходя через Алзник (Арзанену), Большую Софену, Ангелену, Анзитену, Софену Шахидскую, Мзур, Даранали и Акилисену. Разграблены были и гробницы армянских Аршакидов в дараналийском Ани: «Եւ քանի զգրեղման զառաջին Թագաւորացն Հայոց զարանց քաջաց զԱրշակունւոց և խաղացունէին ի գերութիւն զսկիւրս Թագաւորացն. քայց միայն զգրեղման շիրմին Սանատրիկոյ արքային ոչ կարացին բանալ վասն անհեղեղ սկայապործ հաստաշինած ճարտարագործ արարածոց» (см. у Фауста, II, §.24).¹

¹ Имея в виду, что армянский древний город Ани на Ефрате, там, где нынешний Камах (Кемах), служил когда-то местом погребения армянских аршакидских царей, а в селе Тордан той же области Даранали похоронены были армянские первосвященники Григорий Просветитель, его сын Вртанес и внук Иусик, что конечно является отголоском исторических преемственных традиций, имея в виду также центральное и господствующее культурное значение этого армянского Ани с его храмовой древней литературой и архивом, где храм бога неба Арамзда несомненно есть продолжение культа хайасского бога грома и молнии, столь подчеркиваемого в клятве трактата между Тудхалиа и Каранни, имея в виду, наконец, важное значение города Куммаха при хайасском царе Каранни, защищавшего от хеттов свой этот оплот, как и имя крепости Ани на противоположном берегу Ефрата, против Камаха, построенной вероятно царем Аннина, я хочу решительно выдвинуть значение этого города Ани-Камаха, как столицы хайассцев и как культово-культурного и торгового центра страны Хайаса-Аззи. То, что через 50—60 лет после боя у Куммаха упоминается при Муршиле II главный форпост (крепостца) хайассцев Ура, вероятно на месте совр. Алтын-Тепе в Эрзинганской долине, отнюдь не отрицает главенствующей роли Ани-Камаха, тем более, что сами хеттские цари после овладения городами своих врагов их быстро восстанавливали, как это читается хотя-бы в летописях Муршила II. Нужно подчеркнуть также стратегическую важную роль этого города, особенно как транзитного пункта через Ефрат, где находится мост. Другой мост был и есть немного выше у современного городка Котура, где впадает в Ефрат речка Тузлу (ниже города Мамахатун), а ниже от Куммаха (Ани-Камаха) находится мост у города Аки (соврем. Эгин). Естественные географические условия для моста у Ани-Камаха также должны были способствовать возвышению этого города еще при хайассцах.

Об огромном размере могильных камней, что не удалось снять с гробницы арм. царя Санатрука, говорят такие же размеры каменных плит грузинских царей в Армази. Например, двускатная крыша, вытесанная из цельного камня, имела вес свыше ста пудов (см. о раскопках в Армази в „Заре Востока“ от 1 декабря 1940 г., а также Г. Церетели, Армазская билангва, Тбилиси, 1941 г.).

На отрезке этого же культурно-передаточного пути из Малой Азии в Закавказье (и Северный Кавказ?) мы находим и стелы, которые я приписываю Ара, т. е. боже-ству весны, плодородия, земледелия и возрождения (вос-кресенья), столь почитаемому и у поздних армян и у хай-асцев (UGUR, см. стр. 89—91). Эти стелы есть на горах Араратской долины (на Арагаце и Гегамских горах), в Грузии (Гандза, Шипек-Саномер, Топараван) и, как гово-рят, еще на горах Чорохской долины. Я не сомневаюсь, что они находятся и в местах исторической Малой Арме-нии—Хайасы (Аззи), о чем, быть может, свидетельствуют названия мест *Agauracos* и *Drakones* (см. выше, стр. 87). Вообще дальнейшие разыскания и раскопки в этих райо-нах древней Хайасы-Аззи нам дали бы весьма ценный ма-териал для истории северо-восточной древней Малой Азии, в частности для армянской и грузинской культуры, их за-чатков, генезиса и влияний. Даже в позднее время рас-пространение западного (византийского) христианского учения шло по тому же проторенному пути из Кесарии на северо-восток в Грузию и Армению. Григорий Просвети-тель, этот провозвестник и проводитель ви-зантийской цер-ковной идеологии, как и Гайанэ, Рипсимэ и прочие 50 дев, ~~шли~~ из Кесарии на Малую Армению (Хайасу), и далее между Чорохом и Ефратом на Месхетию, Джавахетию и далее. Также и с просветительницей Грузии св. Нинной. И разве случайно, что на этом пути так часто встречаются горы Сипикор, т. е. Сурб Григор („Святой Григорий“), не говоря о горе с пещерой Маиа-Айрк, где мол провел по-следние дни просветитель Армении.

Но, если мы справедливо в хеттском этно-культурном

мире ищем и находим возможности такого культурного воздействия на хайасоаззийцев, а это было очень продолжительным (XIX—VIII века до н. э.), то едва ли будет беспочвенной и попытка проследить такие же возможности воздействия и со стороны ассирийских колонистов Каппадокии, хотя бы это было и в незначительной степени. Ведь ассирийские торговые колонии были не только в одной Каппадокии, но и во всех широтах восточной Малой Азии. По А. Гётце, напр., были такие колонии не только в Канеше (Кюль-Тепе). Алишер-Уюке и пр., но и от „*верхнего Алиса и до верхнего Ефрата*“, где, по его мнению, были города (как торговые пункты) — *Ḫaḫḫum*, *Ḫaḡana*, *Ša-tuḫa*, *Tinelnkia*, *Luhazatia* и *Tegaḡama*. Южнее же от среднего течения Алиса, в „Нижней стране“ как величают ассирийские, да и хеттские документы, расположены были, по его же мнению, города — *Burushanda*, *Šalatuwara* и *Nepassa*. В направлении же на Месопотамию нужно искать города *Eluḫat*, *Luḫa* и *Niḫria*. Руководство всеми этими торговыми колониями было за Канешом. Дорога шла из Ассура по реке Тигр на Джезире, Тавры (Арзанене) и по долине нижнего Арацани на Малатию, где был мост (*titurr-um*) через Ефрат, и взымали плату за переезд. Эта дорога по Тигру („*Tigrisstrasse*“) хорошо известна и по поздним документам (ассирийским, персидским, греческим и даже армянским).

Я не знаю, насколько соответствует действительности локализация этих городов, особенно между реками Алис и верхним Ефратом. Напр., город [= страна] *Tegaḡama* лежал в пределах области Мелитены или севернее, что сейчас ни у кого не вызывает сомнения, хотя само имя Мелиты в хеттских надписях не выступает. Город *Ša-tuḫa* употребляется между прочим, и в хурритских текстах (KUB, XXVII, 1), где почиталась Хепит „*tuḫni*“ (=прекрасная?), как и в городах Хаттина (в стране Арзава), Уда и Кизватна (см., напр., у Фридриха „*Zum Subaräischen und Urartäischen*“, напеч. в журн. *Misc. Orientalia*, Roma, 1935 г., стр. 123 и сл.). Город Уда был крепостью в районе современного Мардина. Имя же Города *Ḫaḫḫum*, в котором послед-

няя часть есть древнеассирийское (вавилонское) окончание -u(m), в своей основе походит, по-моему, на имя арм. села Хах, сев.-зап. от Тила (*Թ/Լ*), недалеко от Ерзинкана;¹ ср. также *Ḫaḫi* (в форме *Ḫaḫi-ave-edla*) в урартских надписях Аргишти I (на ванской скале, Col. II, строка 43), упоминаемый после страны Uburda, вероятно близ Ассирии, что, конечно, случайно и по месту не совпадает. Местоположение города Нихриа в направлении от Каппадокии на Ассирию можно поддержать. Известно, что хеттский царь Хаттушил III предпринял два похода против Ассирии: один поход из города Алатарма (в стране Ишув, южнее Харберда) и один поход из города Нихриа, что я предполагаю сев.-западнее современного Дварбекира в Ангелене. Это место можно подтвердить и надписью урартского царя Сардура II в церкви св. Петра и Павла (в Ване), где говорится, что этот царь завоевал страну *Арме с ее столицей Нихирна(ни)*, где -ни есть несомненно окончание урартского вин. п. ед. ч. для собственных имен.

В общем же, соглашаясь с А. Гётце, что ассирийские торговые колонии и вообще их торговля доходила до северного (верхнего) Ефрата, считая от верховьев реки Алис, мы можем с большим основанием предположить, что благотворное культурное влияние этих развитых носителей древне-месопотамской культуры могло распространиться и на Хайаса-Аззи, которая как раз и находилась на этом верхнем Ефрате. Я хочу в этой связи объяснить происхождение некоторых собственных нарицательных слов у армян, подобно как проникли индийские слова к армянам через древние племена индусов Малой Азии. Во-первых, имя села *Թ/Լ* Thil в области Даранали есть чисто семитическое слово и значит „холм“ (ср. акк. *ṣi-u* или *till-u* „холм“, арабс. *tall-un*, сир. *tila*) = хеттс. URU TEL URU Xajasa, что едва ли взято через сирийцев, как часто

¹ См. М. Хоренский, История Армении, Тифл., 1913, стр. 306, а также Гюбшмидт, „Die altarm. Ortsnamen“ (арм. перевод, Вена, 1907, стр. 130).

объясняется, хотя есть еще Thil в мушской долине и Thil севернее Харберда (у Бердака). Затем, само имя области **Եկեղիք** Ekeḷi-kh (род. п. Ekeḷeas) с основой ekeḷi- несомненно значило „равнина, поле“, как и именуется сейчас долина в районе Ерзинджана, и мной выводится из ассировавилонского eḱl-um „поле“ с полногласием eḱl->eḱel-, как имеем арм. полногласное ekeḷeḱi „церковь“ от греч. eklesia. Наконец, есть возможность трактовать некоторые заимствованные ассировавилонские слова, которые наличны в армянском и грузинском, как вошедшие в эти языки не с юга, через хурро-урартские или сиро-арамейские языки, а непосредственно через ассирийцев восточной Малой Азии (Каппадокии) еще за два тысячелетия до н. э. В одной моей работе, написанной на арм. языке („Ассиrowавилонские слова арм. языка“, в „Известиях“ АН Арм. ССР за 1945 г. № 3—4), я сумел найти до сорока новых таких заимствований, не считая известных до тех пор двадцати пяти заимствованных слов. Конечно, огромное большинство этих 65 слов вошло в армянский через языки исторического Урарту, хурритов и сиро-арамейцев. Я уже отметил возможность проникновения „каппадокийским путем“ собственных имен мест Thil и Ekeḷi-kh¹, хотя нужно прибавить для первого Thil „холм“, что есть и арм. нарицательное (в наречиях и говорах) **թիւ** theḷ „куча (смолоченного хлеба)“, что также есть заимствование из того же семитического источника (арм. theḷ фонетически вытекает из thil). Я хотел бы обратить внимание на несколько армяно-грузинских слов, исходящих несомненно из этого же источника. Напр., арм. sxur „плата, вознаграждение“ (из *suxur) и грузинское -saxur с тем же первичным значением в слове msaxurі „слуга, служащий“ непосредственно примыкают к аккадскому subur, проникшему и к

¹ Насчет непосредственного заимствования арм. Thil из сирийского Гюбшманн говорил: „Можно было бы привести сир. tell „холм“, что так часто встречается в именах мест Месопотамии, но невероятно, чтоб в западной Армении столь распространенное имя имело сирийское происхождение“ (см. его „Die altarm. Ortsn.“, арм. перев. стр. 349). Гюбшманн, конечно, не знал об ассирийцах Каппадокии.

хурритам (ср. женс. имена из Нузи—Awašuhur, Šuhurnaia и муж. имя Šuhurzi, см. NPN 258). хотя есть и евр. sekher (śākḥār „плата священнику или работнику“), арабс. sakara „работник“ (но ср. и арабс. misaxxar „принужденный работать, подчиненный“) и др. Возможно, конечно, что эти слова связаны с торговыми операциями и напятием агентов, работников ассирийских колонистов. Ср. в тех же путях объяснения арм. aḷag (или eḷag) „путь“, груз. alagi „путь, стезя, место“, абхазс. alago и акк. alak-u (id.); арм. kšīr „весы“=асс. gišrīnu; арм. kṛak „огонь“, откуда и груз. keraki „очаг, печка“ из акк. Gira „бог огня, огонь“ (есть и girr-u „огонь“); арм. khurtm „жрец“=акк. kumr-u (сир. kumrā) „жрец“ (и рус. „кумир“ по Марру); арм. anōth „сосуд“ из. сумеро-акк. unutu (id.); арм. Angl (собств. имена крепостей) получилось из нариц. *agil „крепость“ (=акк. ekall-u из сумм. egal „палата“), что проникло и к грузинам в имени M-angl-isi („крепость“); арм. (и груз.) agarak „возделанный участок земли, поместье“ из сум. agar, перешедшего и в индоевр. языки; арм. ankiwł „серп“ родственно *по форме* с акк. akku-l-u „топор“ (?) [есть и xaššīn-u, как и raš-u в значении „топор“], а *по значению* с акк. ni-gall-u „серп“ (также и по звуковой стороне они близки), при груз. angala „лопата“ (Чуб., 39) и т. д. и т. п.¹

Во всяком случае, если многие армянские заимствования из арийских языков, конкретно из индийского, не-

¹ Я не отрицаю возможности и обратного проникновения слов, как и вообще принадлежности таких слов исхожи многим языкам передней Азии, вроде, напр. акк. šapaku „давить“=груз. ობოხ სძახა=арм. ճախել ճախ-ել (id.) или арм. ճախ-իմ, ճախ-ի՞ն или ճախճախի „бэлото“ с груз. ճա(հ)ობი „болото“, при акк. zaḥ-u, что я перевожу „болото“ (ср. выражение в договоре Матнуазы и хеттс. царя Шуппилилуума „пусть вашей страны земля будет настоящей zaḥ-u, что закрыто, и вы в ней потонете и не выйдете“). См. также у А. Гётце („Kleinasiens“.. 144): „Die Erde soll ein Kälteschauer sein, so dass ihr umstürzt. Die Erde eures Landes soll ein zaḥu sein, das verschlossen ist, ihr sollte eintauchen, aber nicht hinüberkommen“. В примечании к zaḥu Гётце говорит, что значение zaḥu неизвестно. По-моему арм.-груз. корень ճաх- или ճախ- „болото“ вполне уточняет это zaḥu.

представленные в географически опосредствующих иранских языках, легко могут быть объяснены из наличия влияния древних *индусов Малой Азии*, то спрашивается, а почему не может быть такой же возможности влияния ассирийских колонистов той же восточной Малой Азии (Каппадокии) на древних хайасцев, тем более, что это продолжалось веками.

Но если культурные и экономические (торговые и пр.) достижения месопотамских семитов через ассирийские торговые колонии оказывали благотворное влияние на развитие культуры древнейших народов восточной Малой Азии, в том числе на хеттов и хайасцев, то политическое и сравнительно большее культурное воздействие на этих хайасцев-армян естественно должны были оказать хетты, особенно в пору их политико-культурного подъема в 1400—1200 годах до н. э. Царство Хайаса-Аззи, если и могло порой иметь двух правителей („царей“), что не исключается, хотя и не констатировано, однако же оно было единым политико-культурным целым, не говоря об этническом однообразии („арменониды“), и входило в орбиту влияния хеттского государства. Одно несомненно, что начиная с Шуппилиума страна Хайаса-Аззи была подчинена хеттам и явилась их вассальным „царством“, хотя и делались попытки совершенного освобождения, как это явствует из летописи хеттского царя Муршила II.

Если не считать соседние великие державы, вроде Египта, Вавилона и Митании, с которыми хеттские цари заключали притетные договоры о дружбе, вождедея на веки вечные „мир“ (*salām-u*) и „братство“ (*aḫūt-u*) между этими „великими государями“, то были и другие договорные отношения, где хеттское государство проводило свою политическую линию. Здесь мы видим две ступени. С одной стороны соседи хеттов сохраняли свою независимость, обизываясь не допускать на хеттскую территорию внешних врагов и, следовательно, защищать границы Хеттии (эти полунезависимые царства назывались по хеттски *kuriwapaš* или *kuriwapaš*, подобно как при Великой Армении были бдешхи—арм. *բԷժի* *bdeaxh*, груз. *pitiaxši*

и др.).¹ С другой же стороны эта политическая связь между хеттским государством и соседними странами превращалась в отношения суверена и вассала. Иногда даже полунезависимые становились вассалами. А. Гётце так определяет положение хеттского вассала: „также вассал остается внутри переданной ему области сувереном, только во-вне (на внешние сношения) свобода его действия ограничена и ему отказано в собственной внешней политике как мирного, так и военного характера; посланцев чужих стран, которые случайно к нему приходят, он должен отослать к великому государю. Отсылаются также политические беглецы, как и рабы. Войну в чужой стране он может вести только в связи с хеттским войском, которому он должен поставить свой контингент; за эти обязанности сюзерен, в свою очередь, гарантирует ему и его династии принадлежащую область и защищает ее в случае нужды против нападающего“ (см. „Kleinas.“, стр. 92). Между прочим, эти вассалы ежегодно должны были являться к хеттскому царю в столицу (с подарками и данью) и приносить присягу

¹ Если многие справедливо хотят в греческом слове *koiranos* (из **koirwanos*) „повелитель, государь“ усмотреть заимствование из хеттского (гесо. протохеттского) *kuirwanaš*, то я предлагаю также подойти и к истории термина *bidiaxš* (*pitiaxš*), наличного в арм. բիճաշ bdeāšx, груз. pitiaxši, греч. bitaksēs (при древнем имени Pitlaksēs), лат. vitaxa (по Аммиану = *magister militum* у персов), сирийск. *aptaxšā* и пр. (см. у Hübschmann'a в его *Arm. Gr.*, 119—120). Этим термином обозначали полунезависимых правителей пограничных областей, как было, напр., в Армении, где известны были бдешхи Арзанены, Но(р)ширакана, Гогарены. Хотя Гюбшманн и хотел арм. *bdeāšx* (из *bidiaxš*) считать за иранское слово, вопреки мнению Нёльдеке (Tabari 449), однако он затруднялся дать этимологию этого слова. Я не сомневаюсь, что тут мы имеем древнее малоазийское слово, где начальное *bidi-* (*pidi-*) значило „место, край“ (ср. хетт. *peđa* „место“), а *-āšx* значило вероятно „властитель, владетель“, подобно кельто-герм. *-rīg* || *-rīk* „правитель, царь“ в именах Думнориг, Оргеториг, Фредерик, Теодерик, Генрик, Аларих. Так что *bidiaxš* значило бы „владелец места, края“, т. е. местный (туземный) полунезависимый вельможа, а не пришлый наместник сюзеренного царя. По образованию ср. собственные мужские имена туземцев Каппадокии и Малой Азии на *abš(u)*, судя по ассирийским „каппадокийским таблеткам“: *Arzanaḫšu*, *Bervaḫšu*, *Hištaḫšu*, *Kiniaḫšu*, *Laḫraḫšu* (или *Luh-*

в верности (по хеттс. *paḥḫiwar*), сами же хеттские цари ехали в эти вассальные страны для упорядочения.¹ Посылались и хеттские гарнизоны,² чтобы предупредить всякие случайности, ибо эти вассальные страны при первом же удобном случае объявляли себя независимыми.

Система этих вассальных штатов (*System der Vassallenstaaten*) образовалась при хеттском царе Шуппилиуме и более обосновалась при Муршиле II. Вассалами хеттов на юго-западе Малой Азии считались арзавские страны, делившиеся на четыре независимых друг от друга части: Арзава в собственном смысле, Мира-Кувалина, страна при реке Шеха и Хапалла; на востоке Аззи-Хайаса; в Сирии Амурру, Нухашше, Кинза. Эти страны не всегда имели своих царей или князей, особенно на востоке и северо-востоке. Возможно, как предполагает А. Гётце, здесь управляли старейшины племен или слой благородных, глава которых в аккадских текстах передается словом *ḫaṣan-u* („*Bürgermeister*“). Этот же ученый придерживается того же мнения о Хайасе, ибо при заключении договора между

raḫṣu), *Maḫiraḫṣu*, *Manutaḫṣu*, *Nimaḫṣu*, *Šubeaḫṣu*, *Šubunaḫṣu* и т. п. Упоминается и царь Кизватны (=совр. Киликия) по имени *iṣbudaḫṣu*. Корень *ḫṣ-* я сравниваю с хеттс. *ḫaṣṣu* „царь“, собств. „властелин“ (*ḫaṣṣuit* „он царствовал“), урартс. *ḫaṣṣibi* „я овладел“, *ḫaṣṣal-me* „победу дали мне (боги)“, не говоря об индоиранс. *kṣa-* или *xša-* „владеть“ (ср. иранс. *xšayardiā* „царь“, *xšadra* „владение“ > арм. *ašxarh* и пр.). Семасиологически для древне-малоазиатского (протохеттского, лувийского, палайского, хайасского) термина *bidiaxš-* „владелец места, края“ я бы сравнил иранские *marzrān* или (авест.) *dan'hupati* (=арм. *dehpet*) „начальник храя“, нем. *Markgraf*, арм. *կողմնակալ* *koḷmnakal* или *կռակալ* *kusakal* „владелец стороны или края (предела)“ и т. п. В греческом *κοίτ[ω]νος* и арм.-груз.-сиро-перс. слове *bidiaxš-* (*pitaxš-*) мы имеем ценное лексическое свидетельство былой культуры древней Малой Азии, ее государственно-правового влияния.

¹ По-хеттски *taniputanzi* значит „упорядочить, привести в порядок“ (*ordnen*), но видимо имело и значение „администрировать, применять санкции, наказывать“ и т. п.

² В битве при Кадеше против египетского фараона Рамзеса II хетты имели 17000 пехотинцев и 3500 военных колесниц, т. е. всего до 30,000 человек („*Kleinasien*“, 118).

Шуппилулиума и хайасским царем Хуккана партнером выступал не только царь („König“) Хуккана, но и „люди от Хайасы“ („Leute von Hajaša“).¹ Заключают договора также знатные и старейшины из стран Išwa [у Харпутской долины], Raḥḫuwa, Zuḫta и Maldia. Даже с разбойными кашкайцами был заключен договор, хотя они не только не имели „царства“, но и их „города“ были несомненно родовыми поселками. Во внутренних областях правила на положении „маленьких царей“ принцы царской фамилии (ср. такое же отсылание в армянские области Аштианк и Алиовит принцев армянских Аршакидов). Назначались также наместники с военной и гражданской функцией, напр. в „Верхней стране“, в „Нижней стране“, в Пала и Дурмитта, т. е. в пограничные зоны.

Договоры заключались на аккадском или хеттском языках, а то и на обоих. Интересующий нас договор между Шуппилулиума и хайасским царем Хуккана сохранился на хеттском языке и издан Иоаннесом Фридрихом в серии хеттских политических документов (ч. II) и отчасти Э. Форрером (см. *Caucasica*, Fasc. IX, 1931).² Мне не удалось пока его раздобыть, и здесь я использую некоторые места из работ других исследователей. Остановлюсь на пресловутом браке на родной сестре, о чем говорит этот трактат.

А. Гётде в своей статье, помещенной в „Archiv Orien-

¹ Ibid., стр. 95.

² Э. Форрер не приводит и не исследует всего договора, но касается только отдельных его мест. В частности, для интересующего нас места о браке на сестре передается как будто другое содержание. Так в III. 27'—29' говорится, что существует закон (duqqari šāklaiš, собств. „держится обычай“), по которому не подобает (ū-UL āra), чтоб мужчина сожительствовал также с сестрой или кузиной (SAL anin-piatiš) своей жены. В хеттском государстве (URU Hattuši) он не остается в живых. Этот закон в стране Хайаса недействителен (dam-buḫi). Поэтому если родная сводная сестра или двоюродная сестра жены Хоккана, т. е. сестры царя Шуппилулиумы, придут в гости, то Хоккана должен с ними есть, кушать, играть(?), но не сожительствовать. Это незаконно, и они умрут. Это должно быть в договоре точно.

talny" (Vol. II, № 1, стр. 154), говоря об этом, *Нуккана*—*Vertrag*—е, указывает на своеобразное явление из области брака, когда хайасский царь женится на своей сестре. У хеттов такой брак карался смертью. Когда же хеттский царь Шуппилиуму отдал свою сестру замуж за хайасского царя Хуккана, то он решительно возразил против хайасского такого обычая, сказав: „Какую жену ты имеешь, пусть она останется *parṣatu* [буквально по-акк.= затвор-ключ, т. е. затворная], разрешается, но супругой ее не считай“. А. Хачатрян, приводя это место в своей „Истории Армении в клинописный период“ (Ереван, 1933 г., стр. 49), с своей стороны указывает на бытование в начале нашей эры этого обычая при армянском царе Тигране II (или IV), женившемся на своей сестре Эрато. Но видимо нечто подобное в древнее время было и у хеттов, как явствует из слов того же А. Гётце (см. его „*Kleinasien*“, стр. 88): „Многократно утверждалось, что хетты-цари имели обычай бракосочетания с сестрой. Это неправда; напротив того, было ясно засвидетельствовано, что этот обычай действительно был в употреблении в полуварварской стране Аззи, в Хеттии же это наказывалось смертью“. Но из этого я скорее бы заключил, что раньше и у хеттов был такой обычай бракосочетания, а то не издавалось бы постановления о каре смертью. Несомненно, здесь многое утрировано.

В оценке этого явления мы, естественно, не можем исходить из современного нам миропонимания и этики. Я

изложено (III. 34'—42'). Также к дворцовым дамам хеттского царя должен он [*Хоккана*] относиться с уважением. Против этого согрешил *Мариа*, который из-за этого, когда при отце Шуппилиуму (= *Тудхална III*) заглядел через окно, должен был умереть (III. 52'—56'). Э. Форрер из этого делает заключение, что подобный договор навязал хайассам еще *Тудхална III*, победивший хайасса *Каранни*, а *Мариа* был его близким человеком. Выражение же *kuīš ešta* „который был“ (строка 52) дает Форреру повод говорить об умерщвлении (наказании) этого мужа *Мариа*, а тот *Мариа*, за которого *Хоггана* отдал свою дочь замуж, есть второй, быть может внук первого, и по одному документу (см. *Hittite Texts from Boghazkei*, № 85) именно этот *Мариа* и был преемником царя *Хоккана* и предшественником царя *Анна*.

бы указал, например, на наличие подобного брака у народа, который мы никак не можем назвать „полуварварским“. Это—древние египтяне. Последний изображается в кругу своей жены и детей, которых он наделяет нежными эпитетами. Но это не мешает их вельможам иметь много жен при „законной“ одной жене, которая большей частью родная сестра, носившая титул „госпожа дома“ и бывшая во всех отношениях, в частности, в юридическом, равной своему мужу. Это положение законной жены египетского вельможи (и фараона) напоминает мне хеттскую законную жену с титулом Таваппаппа.¹

Я хотел бы указать еще на один случай культурного смыкания или встречи между одним и тем же бытовым явлением из жизни хеттского и армянского прошлого. У хеттов ячмень и полба (Emmer), их главные хлеба, шли не только на приготовление муки и хлеба, но и пива, имевшего большое значение при жертвоприношениях и

¹ У хеттских царей также было много жен. Самая главная или законная носила титул „Таваппаппа“ и официально выступала при общественных, политических, наследственных, культовых и судебных делах. Приводится даже пример царствования женщины в местности Шугзиа (Šugzia). Жена царя Хаттушиля по имени Пудухепа самостоятельно переписывалась с „сестрой“, т. е. царицей Египта по имени Наптера, как и вообще почти все документы Хаттушиля составлены от ее имени. Самостоятельность видим и в царице Хаштаяр, жене Хаттушиля I (около 1780 г. до н. э.), склонившей на свою сторону знать и тем самым явившейся причиной смерти своего мужа, который в это время был в походе. Жена Шуппилулиума еще при муже получала оброк (дань) из Каргамиша и Аштаты. Все это указывает на то, что главная „легитимная“ жена хеттских царей, имея достоинство Таваппаппа, несомненно сохраняла в себе остатки материнского права—матриархата, столь сильно представленного в виде пережитков и в поздней Малой Азии (главный бог хеттов—*богиня* солнца из города Ариина). Рангом ниже этой Таваппаппа была „esertu—жена“ (=запертая), сын которой считался наследником, если от первой не было мужского потомка. Еще ниже рангом стояла парғаги, сын которой, смотря по обстоятельствам, также мог вступить в права своего отца. Кроме этих трех рангов жен хеттские пары имели еще гарем и наложниц (SAL. SUHUR. LAL). См. подробно у А. Гётце („Kleinasien“, 1939, стр. 87—89).

как обыкновенный напиток. С своеобразием приготовления этого пива А. Гётце ставит в связь его высасывание людьми из сосуда при помощи соломинок, как это показывают отпечатки и другие изображения.¹ Хочу к этому присовокупить, что через тысячу лет после этого мы находим подобный же факт приготовления пива из ячменя и питья (высасывая соломинками) у армян, соседей халибов, судя по описанию этого явления в „Анабазисе“ (гл. V, §§ 26—27) Ксенофонта. Трудно, конечно, утверждать, что этот обычай армяне унаследовали из Хайаса, что не исключается, имея в виду вышесказанное о хеттах Каппадокии (Канепа и др.)², как и нельзя не допустить, что подобное же явление было широко распространено и у других древних малоазийцев, урартцев, хурритов и др., т. е. на большом пространстве передней древней Азии. Одно только здесь нужно оттенить, что Ксенофонт это приписывает только армянам, *не отмечая этого явления у халдов-урартцев*, которые в 400 году до н. э. были еще самостоятельны и не слились с армянами.

Я уже говорил о большом развитии культов и храмов в Малой Армении, что есть несомненное отражение или наследство того же состояния в Хайаса-Аззи. Особенно же в почитании Анахиты и Нане нужно искать наследие малоазийской великой матери богов, как остатка матриархата в религиозно-идеологическом отображении. Когда Страбон описывает влияние и значение такого культового центра, как Комана Каппадокийская³, то по аналогии

¹ Mit der Eigenart seiner Herstellung mag es zusammenhängen, dass es, wie Siegelbilder und andere Abbildungen zeigen, mit Strohhalmen gesaugt wurde“ (см. „Kleinasien“, стр. 110—111).

² См. изображение сцены питья пива с соломинками в книге А. Хачатряна „Ист. Армении в клиноч. период“, стр. 253.

³ См. Страбон (XII, стр. 535): „Город достаточно велик. Большую часть его населения образуют духовные и служители храма. Жители, правда, подчинены царю, но более послушны главному жрецу. Это — глава храма и храмовых служителей, которых при моем пребывании было более 6000, мужчин и женщин. Вокруг храма много земли, доходами коих пользуется жрец. Он по своему положению второе лицо в Каппадокии после царя; большей частью жрецы того же рода, что и цари“.

у нас выступает такое же значение храма Анаиты в Еризе (Ерзинкане), т. е. в одном из крупных центров Хайасы, не говоря уже о таронском Аштишате.

Кроме всех вышеизложенных фактов и возможностей культурно-исторического порядка, столь положительно аттестующих „полуварварские“ племена хайасо-азийцев с их соседями, я хочу еще раз подчеркнуть и их политическую роль. Оставляя вопрос об их влиянии вместе с камийцами, ликийцами и др. на окончательную политическую судьбу хеттского государства к началу XII века до н. э., отмечу только, как много беспокоили эти хайасо-азийцы грозных хеттских властелинов на всем протяжении ново-хеттского царства. Столкновения отмечаются еще со времен хетта Тудхалиа III (1410—1390), современника хайасского царя Каранни, продолжались при Шуппилиуме (1380—1346) и особенно при Муршиле II (1345—1320), который четыре года вел подготовительные и враждебные действия против Хайасы-Аззи. Но и эта победа над неукротимым хайасцем Анниа не сломила воли этого народа или союза племен к независимости, к отказу быть вассалом хеттов, давать им людской материал для разных принудительных работ, скот, продовольствие и пр. Хайасо-азийцы если иногда и подчинялись хеттам, то в удобные моменты и отпадали. Их враждебность и опасность недаром отмечает и один из последних царей ново-хеттского царства.

Приведенные в настоящей главе моего труда многочисленные факты и факторы, так сказать, культурно-исторического порядка, как-то, во-первых, влияние ассирийских торговых колоний Каппадокии (вплоть до верхнего Ефрата) на развитие товарообмена, кредита, средств производства, техники обработки металлов, дорогих материй, лака (олифа), сельского хозяйства (злаки, шерсть...), на строительство новых торговых пунктов, храмов и т. и., во-вторых, влияние еще более продолжавшегося хеттского культурного мира в развитии тех же направлений, не говоря уже об их языковом, культовом и прочих воздействиях (искусство, антропологический тип), и, наконец, на-

личие высокого состояния материальной культуры у хайа-со-азийцев (Алтын-Тепе), у северо-восточных соседей хайасцев, а именно грузин, судя по раскопкам в Цалка и пр.,—все это заставляет нас с уверенностью сказать, что соседствующая с древней Малой Азией двуединая Хайаса-Аззи не могла избежать благотворного влияния этого культурного разворота малоазиатско-семитического мира, не могла не осваивать и даже развивать многие из таких достижений своего времени, претерпевая, быть может, уклон в сторону новой социальной дифференциации. Работы археологов в этой „нетронутой целине“ в свое время дадут всё новые внятные свидетельства в пользу былого наличия высокого культурного состояния родины хайасцев, так и их роли передатчика этих культурных стяжаний. Порукой этому—блестящие вещественные находки в Ерзинканской долине, на холме „Алтын-Тепе“.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

HAJ-KH=ARMINA

Как видели, древнейшее царство Хайаса-Аззи имело солидный вес в политическом, а возможно и в культурном отношении, хотя временами и входило в „вассальную систему“ хеттского государства. Оно заключало еще в XIV веке до н. э. договоры с могучими хеттскими царями—их соседями, как это видим на примере договора Шуппилиума—Хоккана. Хеттский царь выдачей своей сестры замуж за хайасского хотел, конечно, укрепить эту политическую связь. Но бывали и войны, и видимо иногда не без успеха для хайасцев, когда последние угоняли хеттских рабов или же давали им приют.

Если страна и народ Хайаса по данным хеттских надписей находились к северо-востоку от центральной Хеттии-Каппадокии, в чем сейчас уже нельзя сомневаться, т. е. находились в районах древней Малой и Высокой Армении (между верховьями Чороха и Ефрата) с некоторыми возможными отклонениями в сторону верховьев Келькита на западе и Аракса на востоке, и если этнический термин *haia-(sa)* есть то же самое, что и национальное имя армян *haj* „хай“ (с основой *hajo-* „хайо“), в чем как будто также не приходится сомневаться, то тогда в истории дальнейшего развития и исследования армянского народа нужно будет исходить из этого древнейшего царства и народа Хайаса-Аззи, как первичной колыбели или зародыша армян. Исходность в исследовании отнюдь не пред-

определяет объяснений всех дальнейших этнических, культурных и политических судеб армян, основываясь только и только на данных Хайасы, будет ли это относиться к истории поздней Малой Армении или Большой Армении и Софены.

Когда приблизительно к 1200-ым годам до н. э. прекращаются надписи хеттских и хурро-митаннийских царей, то из этого ученые делают вывод о крушении этих государств вследствие разных причин, главным образом из-за вторжения „заморских народов“, фригийцев, ликийцев, лидийцев и др. с Балкан, Крита и особенно из-за натиска малоазийских кашкайцев, мосхов, хайасцев и др. Хеттская конфедерация несомненно распалась, хотя отдельные хеттские царства, по данным ассирийских надписей, продолжали существовать вплоть до конца восьмого и начала седьмого веков до н. э., как это видим в Мелитене, Мараше, Каргемише, северной Сирии. Точно также урартские надписи восьмого века часто упоминают о хеттах и стране Хатина или Хатэ, при нашествии царей Менуа, Аргишти и Сардура в Софену и Мелитену, где существовали хеттские династии Шаха, Туате (или Туала?) и др. Окончательный удар этим последним хеттам Каргемиша, Мелитены и др. нанесли ассирийцы при Саргоне (722—705 до н. э.), сами ненадолго пережив их, как и Урарту. На место всех этих древних политических и этнических объединений хеттов, ассирийцев, урартийцев и др. начали образовываться и оформляться новые государства и этнические группировки, например в Малой Азии вокруг Лидии, Армении, Понта.

С этим временем совпадает и агрессия иранцев (мидян, персов) на запад, как и греков на восток, хотя греки-ахейцы упоминаются еще в хеттских надписях под именем *ahhaya*—с именами царей Атрей, Алаксанд, Этеокл [*Tawa-galawa*] и др., как правильно указал еще Э. Форрер. Хетты, как народ, в промежутке VII—III веков до н. э. окончательно денационализируются, сливаясь с другими народами и особенно с армянами, ибо хеттская Мелитена к этому времени уже считалась частью Малой Армении, а поз-

же выделилась во Вторую Армению. Западнее Мелитены находилась область Катаония (от корня *kat*=*xatti*, ср. гомеровское *keteoi*), восточная часть которой тоже была арменизирована (по Н. Адонцу).¹ Мы уже не говорим об области Софена, которая еще в восьмом веке была хеттской (по урартским надписям), а позже ко времени отступления десяти тысяч греков (400 г. до н. э.) так же стала армянской, имея своего царя.

Царство Хайаса-Аззи, будучи также в XIII в. до н. э. врагом Хеттии при Тудхалии IV (1260—1230), после распада или ослабления Хеттии естественно должно было еще более усиливаться, хотя непосредственных письменных или других данных об этом у нас нет. Об усилении хайасцев можно предположить по этнической экспансии их на юг, в сторону Мелитены и далее на восток в сторону исторического Урарту, поскольку мы условились под хаясцами понимать поздних армян-хавев.

¹ Об этой арменизации части Катаонии говорит Томашек в статье „*Euphrat und Ost-Kappadokien*“, помещенной в „*Festschrift für Kiepert*“, стр. 145 и сл., как указывается у Н. Адонца („*Арм. в эп. Юсг.*“, стр. 73) Часть Катаонии называлась Ликандом, на верховьях реки Пирам с главным городом Пласта, ныне Албистан. Здесь был силен армянский элемент в IX—XI веках. Близ Ликанда-Албистана находился Арабис (нын. Ярпус). См. у Н. Адонца (*ibid.*, 72—73, 84) Между прочим близ Катаонии и Мелитены по Птолемею находились области Лавзиансена и Аравена. Под последней Мюллер понимает нын. Арабан-оваси; долину реки Арабан, вливающейся в Ефрат с правой стороны ниже Самосаты. Он полагает, что долина эта в древности вероятно называлась Аравеной (см. у Адонца, стр. 72). Отмечу со своей стороны, что в надписях Муршила упоминается в этих же местах „страна города Араванда“, которая даже подчинила себе город Киши (Гашиа) у Тегарамы. В хеттском есть обыкновенное слово *агаваппа* „свободные“ в противоположность рабам. Мне думается, что страна и река Арабан южнее совр. Малатия, т. е. Аравена греко-римского времени, как и тождественная „страна города“ Агаваппа хеттского времени, первоначально могла значить „свободный“, подобно как у армян позже имеется название реки Азат, что дословно значит „свободный“ (персидск. слово), или как у русских имеется „Слобо́тка“ от пр. стого „свободный“ и т. п., хотя возможно объяснение Агаваппа как „обитель бога Ара“, что вероятнее. Имя же Лавзиансена я вижу в имени города *Lawazantia* надписи хеттского царя Телиппу (XVIII в. до н. э.) и в других надписях (см. *Bogh-St.*, III, стр. 112 и прим. 6 на стр. 113).

Если взять области по западному (правому) берегу Ефрата, начиная от его верховьев и до Мелитены, то, судя даже по хеттским надписям Муршила II, здесь было много самостоятельных племен или народов со своими владетелями или царями, со своими городами. Конечно, каждое такое племя или союз племен обязательно не должны были иметь свои обособленные языки, но что языков было несколько, а возможно и много, в этом не нужно сомневаться. Об этом свидетельствуют даже сами хеттские надписи, выделяя, например, язык палайцев, мандайцев. Нет сомнения, что Хайаса-Аззи имела также свой особый язык, вероятно очень близкий с палайским, ядро которого и вошло в поздний древнеармянский язык с его почти шеститысячным индоевропейским и заимствованным корнесловом и до 50% такими же частицами.

Но хайасцы-армяне со своим коренным языком, арменизируя все эти племена по Ефрату, в том числе и хеттов, а позже и народы и племена Урарту, естественно перенимали также много слов, а возможно и форм, что, по моему, не нужно считать качественно одинаковыми с поздними заимствованиями из иранского, сирийского и др.

Ниже в отдельных разделах мною разбирается во-первых особое значение некоторых племен или народов в связи с их хайасизацией, поскольку для этого сохранились данные в древних письменных свидетельствах. Затем я останавливаюсь на политическом значении движения киммеров (—саков), как некоторого импульса в движении хайасцев на юг и юго-восток, указывая также возможное влияние хайасцев-армян на самих этих киммеро-саков. Специально разбираю причины, источники и обстоятельства возникновения и распространения нового армянства и этнического термина *armin-* (*armen-*), которым с шестого века начали называть армян, хотя сами-то армяне и сейчас продолжают себя именовать древним этническим термином „хай“, исходящим несомненно от хайасцев царства Хайаса-Аззи. Наконец, рассматривается и влияние культуры и языка народов Урарту при завершении арменизации и оформлении этих хаев-армян.

1. О некоторых заефратских племенах или народах в связи с этногенезом армян

Пала или Бала

Народ пала или бала был видимо очень многочислен и впервые стал нам известен из хеттских надписей. Он имел особый язык, что по-хеттски звучит *palaunili* „попалайски“. На этом языке хеттские жрецы мол пели заклинания на серебро, из чего ученые делают вывод, что палайцы жили в районе современных Гюмушханэ или Байбурта, где как раз имеются богатые серебряные рудники. Судя по „пространным летописям“ Муршила II (2 BoTU. 61. A. 22'—25'), страна Пала не имела укрепленных городов или мест, где бы можно было защищаться. Как говорит эта надпись (строка 25'), Пала была страной „низменной“ (*dagan eṣan*), судя по переводу Ферд. Зоммера (*Bogh. St. X*, 67, прим. 1; см. также у Гётце, *Die Ann. d. M.*, 259—260). Она, по клинописным данным, помещалась между городами Туманна (Думанна) и Турмитта (Дурмитта). Первый из них (Думанна) я отождествляю с городом Домана (Δόμωνα), приводимым Птоломеем (V, 6, 18) западнее Саталы в направлении на Никополь (см. у Н. Адонца, Арм. в. эп. Юст., стр. 74: „Сатала, Домана, Тапура, Никополь, как города Малой Армении“). А так как по одной клинописи (*Bogh. St. III*, стр. 158, прим. 3) „люди из Дурмитты бежали в страну Ишува“, т. е. в районы современных Дерсим-Мзур-Чарсанджак-Харпут, то из этого очевидно можно заключить, что Пала находилась западнее Аззи-Хайасы, приблизительно у Герджаниса и севернее по долине реки Келькит (ср. быть может имя села Балансон у Герджаниса, не говоря о *Ḫuḫ Baḫ* севернее Камаха). Дурмитта же вероятно находилась юго-западнее, приблизительно у современного Диврига.

По данным хеттских же надписей эти города Турмитта, Пала и Туманна входили в одно время в „Верхнюю Страну“. Последняя заключала в себе не только свои первоначальные города Хакпишша и Иштахара, но и Мариш-

та. Ишхупитта, Хишашхапа, Катапа, Ханхана, Тарахна, Хаттена, Турмитта, Пала, Туманна, Кашшна, Шаппа, страну у желтой реки (см. у Гётце, Kleinasien z. Hethiterzeit, стр. 7). Восточнее этой „Верхней Страны“ как раз и находилась Хайаса-Аззи, отвоевавшая у нее земли вплоть до города Шамуха (=нын. Кэмышлы-дере у Герджаниса?).

С точки зрения многоплеменности, а возможно и начавшейся расселенности (передвижения на восток) этих палайцев, я бы указал на наличие села *Palaxoŋ* или *Balaxoŋ* („брешь или ущелье балайцев“?), что в четырех часах пути от Байбурта на запад к Гюмушхане, и *Balovit* („долина балайцев“) — лесистая долина в Хемшине (на среднем течении Чороха), где течет и река Баловит (см. Топонимич. арм. словарь Эприкяна, стр. 355). В первых частях этих имен скорее имеем этническое пала (бала), чем арм. слово *բալ* „вишня“. Ср. также соименное *Bala-hovit* у нижнего Мурад-чая.

Нам известно, что к концу восьмого века до н. э. киммеры на западе от верхнего Ефрата (севернее Мелиты) наседали на урартцев, царь которых Руса I потерпел жестокое поражение. В то же время ассирийский царь Саргон II (в 708 г. до н. э.) завоевал Мелитену. Весь седьмой век киммеры держали Малую Азию в состоянии войн и набегов, доходя до Лидии. В связи с этим многие племена и народы снялись со своих древненасиженных мест, в том числе хайасцы, пала, мосхи, губалы, хеттские манда, сала и др., и частично или полностью эмигрировали на восток в более безопасные места. Мною определено устанавливаются пути миграции или расселения хайасцев и палайцев — с одной стороны на восток по Чороху и Араксу вплоть до Сюнии, а с другой стороны на юг и юго-восток по Ефрату, доходя до армянских областей Туруберана — Арзанены. По пути движения палайцев на восток помимо Баловята на Чорохе я отмечу еще болотистое местечко в Ташире по имени „Палакацио“ (по Вахушту). Дальше мы узнаем уже о „племенах бала“ (*Balakagan*), судя по арабскому писателю Беладзури, что в позднем армянском произношении (в изменении „l“ в новое „y“) ста-
Хайаса—9

Урартские надписи восьмого века (до н. э.) из Балу, Палина и Изоглу-Кумурхана (на Ефрате, против Мелиты) подробно перечисляют многочисленные имена городов, районов, даже фамилии владельцев и т. п., но ничего не говорят о балайцах и их местах, из чего я делаю заключение, что передвижение всех этих балайцев, хайасцев, кашка, манда и пр. на новые места в Урарту, по течению Мурад-чая, имело место *только в седьмом веке до н. э.*

Сопоставление „bala“ или „pala“ хеттских надписей с поздним именем города Палу (Балу) было сделано впервые Джоном Гарстангом в изданном в 1923 г. в Ерусалиме Л. Майером „Индексе хеттских имен“ (см. у Гётце, Kleinas. z. Heth., добавление к началу), что мне было неизвестно. Дж. Гарстанг прав в своем формально-фонетическом сопоставлении, но наличие всех этих Балу (Палу), Балаовит, Палуни и пр. есть позднее явление в связи с переселением этих балайцев в седьмом веке с их территории на юго-восток в историческое Урарту, где они освоили сплошной район севернее нижнего Мурад-чая, как и саму долину этой реки, не говоря об их частичном ответвлении на Битлис и Палин у Амиды (=Диарбекира).

Гашга или Кашка

Многочисленные эти племена упоминаются в хеттских надписях с XV в. до н. э. По данным надписей хеттского царя Муршила II, почти все области на запад от верхнего Ефрата вплоть до Аззи, в том числе Пала, Турмитта и пр., были либо подвластны народам или племенам, выступающим под именем *gašga*, *kašga*, *kaška*, либо же находились под их влиянием. Этот народ или племена сближают с касситами, совершившими набеги на Вавилон (в XVIII в. до н. э.). Ассирийский царь Тиглатпилесер I (около 1115—1093) в своей надписи на призме считает этих каскайцев (^{mat} Kas-ka (a)-ia pl.) за отряды хеттов, упоминая с ними и урумайцев, а после них *Ḫimmiḥ*, т. е. Комагене, находившееся южнее Самосата на Ефрате (в надп. урартс-

наря Сардура читается Кумаха).¹ А царь Тиглатпилесер IV в 738 г. упоминает каскайского князя Dadilu (^m Da-di-i-lu ^{du} Kas-ka-a-a) после князей Гургума и Мелида (Мелитене). Пишется также Kas-ki. Фр. Грозный из этого заключает, что и по данным ассирийских надписей кашкайские племена были расположены на правом берегу верхнего Ефрата (см. *Bogh. St.*, III, 157—158).

Из описания походов хеттского царя Муршила II видно, что кашкайцы подчиняли или контролировали Аравену (хеттс. Aravanpa = нын. Арабан-оваси у реки Арабан-су севернее Самосата), Кишшию (южная Мелитена?), Тегараму (Мелитена и северные районы), а на севере смыкались с „Верхней Страной“ хеттов и владениями хайасо-аззийцев. Но так как гашгайцы притесняли, а то и подчиняли палайцев, находившихся, по моим данным, в восточной части долины Келькит (при впадении речки Герджанис?), то этих кашка нужно видеть и в этих местах. А. Гётце их по-

¹ Этих зарвавшихся кашкайцев и урумасв было четыре тысячи. Они напали на ассирийские пределы у Ефрата, чтобы отнять „субарские“ города, но получив отпор, смирились. На цилиндре-призме Тиглат-Пилесера читаем (*Cyl. II*, 100): „4000 кашкайцев и урумайцев, солдат непокорных хеттов, дерзостно отнявших подданные мне, государю Ассура, города Субарту, услышали вести о моем движении на Субарту, испугались восвать, упали к ногам“ (см. арм. перевод Сандаджяна у А. Хачатряна „История Армении в клинописный период“, Ереван, 1933 г., стр. 37). По мнению Билабеля, урумайцы являлись жителями города Урума или Урима, расположенного на Ефрате на месте современного Биреджик (*ibid.*) выше Самосата. Едва ли нужно этих урумайцев сопоставлять с поздними армянами, хотя термин игиша на вид смыкается с термином агата „арамеец“, что могло первично быть и не семитическим, о чем у меня будет сказано в конце сей работы. Упоминание после урумайцев и кашкайцев Комагены и Команы определенно говорит за их местоположение на Ефрате севернее современного Самосата и на восток до Тур-Абдина. И мне остается непонятным их помещение „на верхнем Тигре“, как это делает А. Гётце („*Kleinasiens*“, 187), вероятно Kiri-miḫ читая Kat-miḫ, что действительно было у Мардих-Мидиата. Эти кашкайцы и урумайцы названы у него „*hethitische Scharen*“ („хеттские толпы“). См. там же, прим. 3. Об Urima упоминает также Птоломей (см. его *Geographia*, изд. К. Müller'a, Париж, 1901, стр. 970), затем под именем Orima см. у Гельцера (*Georgii Cyprii descriptio orbis Romane*, стр. 152), у арм. историка Мат. Эдесского (см. у Гюбш., 6).

мешает в Понте у Черного моря. Кашкайцы же „царственно правившего“ Бихуниа смыкались с азийцами где-то в районах между Тегараммой (между Дивригом и Мелитой?) и Зиммуриа (=совр. Зимарра) и их движение на „Верхнюю Страну“, а раз и на столицу хеттов Хаттуса (которую они ограбили), совпадает с подобным же движением с северо-востока на запад и самих хайасцев, дошедших до Ганнувары и Шамухи. Столь разноместное нахождение гашгайских племен, начиная от районов Самосата вплоть до Понта, говорит о нормальном явлении расселения кочевых больших племен, иногда весьма далеко состоявших друг от друга, с промежуточно расположенными другими племенами.

Видимо очень трудно было совладеть этими разбойничьими племенами, как называли их клинописные древние тексты. С этими враждебными „гашга-людьми“ хеттские дари заключали между прочим и пакты, как, напр., о безопасном прохождении хеттских богомольцев с подарками богу грома и молнии в городе Нерик (см. Kl. F., B. I. стр. 347). Хотя Ф. Грозный этот Нерик называет важной хеттской провинцией или городом („Eine wichtige hethitische Provinz, bzw. Stadt, in dem *Tesup* verehrt wurde“; см. Bogh. St., III, стр. 29), однако из первого указания совершенно ясно, что этот Нерик находился на границе хеттов с кашкайцами, вероятно где-то на верхнем Ефрате, а может быть и в Припонтике (по Гётце).

Часть этих кашкайцев позже обосновалась на горах Загрош, в северной Месопотамии. Есть ныне и воинственные иранские (курдские) племена „кашка“ в Ширазе, около города Фирузабад в Персии, и в Ираке около города Сулеймание.

Армянская княжеская (феодалная) и топонимическая ономастика также сохранила имя этих влиятельных и долго господствовавших в приефратских западных областях племен *кашка*. Если последнее -*к(а)* рассмотреть как признак родового (племенного) происхождения, как это мы уже увидели в суф. -*ak* (*Mandak*, *Sisak*, *Balak*...) или в суф. -*k* (*Ha-k* „хай“, *sal-k* „салец“, *etrus-k* „этрусец“ и пр.),

то корнем этого этнического имени нужно считать *kaš-* (ср. *kašši*, *кассей*, *касит*), что у хеттов произносилось как *kaš-* (русское каш.) без придыхания, тогда как ассирийское писание *kaš-ka-a* говорит за *khaš-*, т. е. с придыхательным „kh“. Исходя из всего этого, я еще в своей работе „Историко-лингвистическое значение топонимии древней Армении“ (Ереван, 1940, стр. 55) говорил: Княжество *Քաջերանի* *Khaĵberuni*, занимавшее в документе о местах (*Տեղանիական ցանց* *gahnapiak*) 57-ое место, образовалось из *khaĵ*, что в армянском значит „храбрый“, и из слова *ber* „род“ (ср. в именах мест—*Tarberuni*, *Tamber*, *Taruberan*, *Arberani*, *Oliberia* и пр.) с суф. *-uni* (= „ский“). Возможно, что первая часть *khaĵ* имеет этническое происхождение в связи с *khaš-* „касит“, что могло армянами ложно этимологизироваться в связи с прилагательным *քաջ* *khaĵ* „храбрый“, хотя семантически не исключается и возможность перехода этнического имени (т. е. существительного) на его свойства; ср. арм. *skā* „гигант, великан“ и имя *saka* „сак“ (скиф), арм. *խոյ* *hoi* „скупой“ и этническое имя „хор=хуррит“, груз. *gmiri* „герои“ и этнич. имя гамиров, т. е. киммерийцев и пр. и пр.¹

Но так как в арм. области Сюник сохранились этнические и топонимические имена древней Малой Армении вроде *bal-* (*pal-*), *Aza* (из *Azzi*), *Xndzorek*, *Afinj* и пр., то мне представляется, что также сохранилось этническое древнее имя *khaš-* „касит“ в этой же Сюнии в следующих именах мест: *Քաշաթաղ գավառ* *Khašathaġ gawaġ* „Кашаквартальная область“, *Քաշաթաղ-ք* *Kašathaġ-kh* „Кашакварталы“, *Քաշի մարզ* *Khaši marg* „нива Каша“, *Քաշունիք* *Khašunikh* „Кашунии“ (= место Кашуниев), что явно этнического происхождения с суф. *-uni*. Эти топонимика приводит армян-

¹ Мне даже думается, что арм. (и груз.) *khaĵ* „сатана, бес“ также семасиически образовалось от этнического *khaš-* „кассит“, у грузин даже образовано имя места *Khaĵethi* „страна каджов“, т. е. бесов. Понятие „бесовский“ легко могло ассоциироваться с понятием „храбрый“. Ср. также арм. *ձուկ* *tsuġ* „кривой“ (т. е. „ненормальный“), но и „храбрый, богатырь“ (ср. напр., народное *Սասնա ձոր* *Sasma sōġ* „сасунские богатыри“, дословно „сасунские безумцы“).

ский историк XIII в. Степаннос Орбелян (см. его „История области Сисакан“, Тифл. 1911, стр. 617).

Не сохранило ли имя села *Քաշախ* Khasax в обл. Бит-лиса (в районе Моткана) имя племени каш'ов с суф. -ах?

Кашки западнее верхнего Ефрата, взявшие даже при Хаттушиле II столицу хеттов Хаттуса, несомненно были одной из причин распада хеттского государства. После них такими же грозными племенами выступают только киммеры.

Манда и Сала

В хеттском кодексе законов в числе некоторых племен и народов, воины которых раньше освобождались от особого вида повинностей (*luzzi, šahhan*), упоминаются „воины Manda, воины Šāla, воины города Tamalki, воины города Hatra, воины города Zalpa...“. Для меня нет сомнения, что племена Manda и Šāla (произносилось Sāla) оставили свой след или наследство в армянских княжеских родах *Մանդակունի* Mandakuni и *Սաղկունի* Salkuni (или Salkuni), где основы mandak- и salk- значат „манд-ец“, „сал-ец“. О племени манда, как о разбойничьем народе, говорят и ассирийские надписи (ср. *umman manda* „манда воины“, „люди манда“), что свидетельствует также о многочисленности и разбросанности этих племен манда. Мне трудно сказать, где в точности находились те мандайцы и салайцы, которые упоминаются как хеттские подданные, раньше освобожденные от некоторых видов повинностей. Вероятно часть их находилась в приефратских областях. Замечательно то, что племена манда-сала выступают *вместе* не только в хеттском кодексе друг за другом, но и у армян в виде княжеских фамилий Мандакуни и С(а)лкуни. Так обстоит у армянского историка Моисея Хоренского (см. его *Историю*, кн. II, § 8). Точно также в „грамоте о местах“ („о подушках“ восседания при царе) княжество Мандакуни занимает 47-ое место, а С(а)лкуни — 48-ое место. Подобное же видим и в „воинской грамоте“, где 14-ое место занимают Мандакуни, а 15-ое Слкуни, причем

обоим родам вменяется в обязанность поставить армянскому царю по 300 всадников (см. у Н. Адонца, Арм. в эп. Юст., стр. 250—251). Но эта близость обоих родов имеется и по их местожительству. Мандакуни сидели в области Аршамуния, входившей в одно время в Тарон и находившейся южнее горы Бингель, а С(а)лкуни владели крепостью Олакан (ныне Ахкан) на реке Арацани. Иначе говоря, Мандакуни находились в районе современной реки Бингель-су, впадающей в Арацани (Мурад-чай), а Салкуни южнее их, т. е. оба рода обосновались к северо-западу от Тарона.

В таблечках, раскопанных в столице хеттского государства, есть надписи, которые, как предполагают, написаны на мандайском языке с упоминанием индийских богов Индра, Варуна, Митра и др., из чего заключают об индийском происхождении самих этих мандайцев. Попадают даже индийские слова, как aikawartana „однократный“, rapšawartana „пятикратный“, saftawartana „семикратный“. Даже в собственных хеттских текстах употребляют индийские слова, которые считались заимствованными, ибо перед ними ставили особый клинообразный знак (— или Ꝁ), как, напр., перед словами tараṣu „малария“, war-wala „поколение“, mala(ṣu)—вид напитка, возлияемого богам (ср. мед. арм. диал. *math* из *mad „сваренный виноградный сок“, нем. *Met*, греч. *methu*). Мне думается также, что те индоевропейские слова, которые встречаются только в армянском и древне-индийском (санскритском), нужно выводить, конечно, не из обетованного индоевропейского „праязыка“ и не из Индии, а на базе древне-малоазийского сожительства этих индийских племен (Манда и др.) и племен хаев (=армян). Таковы: арм. *մարմին* mar-mín „тело“=санс. marmaṇa „обнаженная часть тела“; арм. *արեւ* arew „солнце“=инд. rawi „солнце“; арм. *վիշտ* višt „горе“=инд. vaṣṭa (id.); арм. *սրբ* surb „чистый“, „святой“ (откуда *սրբիւմ* sərbem „чищу“)=инд. śubhrá „чистый“; арм. *երգ* erg „песня“=инд. arká или rg (id.); арм. *արագ* arag или *արագ* arag „быстрый“=инд. raghú (id.); арм. *սալ* sal „плита“=инд. śila „камень, скала“; арм. *ինձ* indz „барс“=

инд. *sihā* (Id.); арм. *վաղր* *vagr* „тигр“ = инд. *vyagra* и др. Современное диалектическое (араратс.) *մարմանդ* *marmand* „медленный (течение речной воды), равномерный (горение огня)“ я вывожу из санскр. *mandam mandam* или *mandamandam* „совсем тихо, медленно“ (при простом *mandam* „медленный, слабый“).¹ Эти индийские слова не имеют прямых и соответствующих корреспонденций в иранских языках (древних или новых), чтобы можно было сказать о посредстве этих иранцев-персов. А что в древней Малой Азии могли быть индийские племена, так за это отчасти говорит наличие у нас цыган (арм. „боша“), считающихся выходцами из Индии подобно другим цыганам (в России и в других местах Европы). Сильное влияние эти малоазийские древние индусы оказали и на хурритов, которые переняли индийские божественные имена *Indara*, *Arunašil*, *Mitrašil*,² *Našatianna* и др., а некоторые историки и сейчас склонны верховодящий слой хурро-митанийцев считать за индийский. От последних же взято слово *maryā*—„молодой, герой, храбрый“, что в форме *maryanni*—люди“ перешло к хурритам и сирийцам в значении военной знати, командующего слоя (см. E. Meier, *Geschichte des Altertums*, II, H. 1, 1928, стр. 34 и 161).³

¹ Араратское *marmand* образовалось из **ma(n)dmand* с переходом „d“ в „r“, каковой звуковой переход имеем и в словах того же диалекта—*zarzand* (из **zadzand*) „страшный“, *harhand* (из **hadhand*) „медленный“. Для последнего слова ср. современное курдское *hedî hedî* „медленное, тише“ из простого *hedî* „медленно“ (*hedinga* „потихоньку“).

² Хурритские заимствования *Mitrašil* (от *Mitra*) и *Arunašil* (от агуна „море“) своим -šil напоминают мне хеттские—*Muṣšil*, *Xattušil*, *Blašil* и имя арм. реки *Մամուշիկ* *Mamušic* (из **Mamušil*) в Армении, в обл. большой Софены, где до прихода хаев жили хетты.

³ В книге „История Древнего Востока“ акад. В. Струве (ОГИЗ, Госполитиздат, 1941) в статье „Митаний“, написанной Н. А. Шолпо (стр. 257), по интересующему нас вопросу читаем: «В науке существует мнение, что в начале II тысячелетия к хуррийцам присоединились осколки индийских племен. Возможно, что торговые пути от среднего Тигра, через его притоки Дналу и Адем, связывали Переднюю Азию с индоиранским миром и что по этим путям проникали в Месопотамию

В итоге сказанного получается, следовательно, следующее.

Во-первых, упоминаемые в XIV в. до н. э. в хеттском кодексе законов племена манда и сала жили где-то в восточных пределах хеттского государства, ближе к Ефрату.¹ Они были однородными племенами, жили совместно, что и продолжалось позже (VIII—VII в.), когда полностью или частично переселились на территорию исторической Армении. Здесь они занимали пространства к северо-западу от Тарона (у Бингель-су), но уже в качестве армянских княжеских родов Мандакуни и Салкуни.

Во-вторых, они были вероятно иранского, а не индийского (по Fr. Hrozny) происхождения и отличались разбойничьим и отсталым характером, судя также по данным ассирийских надписей об этих „манда-людях“ южнее Таврских гор (у Диарбекира), что косвенно подтверждается и данными хеттского кодекса, когда говорится, что раньше эти племена манда, сала и некоторые другие были освобождены от некоторых повинностей, видимо в смысле поставки воинов. Даже сейчас сохранилось курдское племя

восточные племена, родственные индийским. В хуррийском языке, на котором говорили митанийцы, возможно продолжали бытовать слова индийского происхождения. Это сказывается в именах царей (напр. Гушратта, Артатама и др.), в некоторых терминах, связанных с коневодством. Так, в известном „Трактате о коневодстве“ некоего Киккули терминология чисто индийская; также колесничие, составлявшие дружину царя, названы древнеиндийским термином—марьяни. Но уже в XIV в. марьянии рекрутировались из числа хуррийцев. Наконец, надо отметить, что в двух текстах упомянуты индийские боги—Индра, Митра, Варуна, Насатья. Имена этих богов упомянуты в клятвенной формуле и не на первом месте. Позвидимо, эти боги были богами царской семьи. Мне думается, что армянские современные цыгане „боша“, возможно—остатки этих индийских племен за два тысячелетия до н. э., хотя не исключается и поздняя их миграция. О многочисленных эрезумских цыганах—боша см., напр., у Н. Саргисяна, Описание мест в Малой и Великой Армении, Венеция, 1864 г., стр. 81—82.

¹ Эти племена несомненно жили тут еще раньше, в XV—XVI веках, если не раньше этого, имея в виду слова хеттского кодекса: „Раньше племена манда, сала... повинности (luzzi, šahhan) не выполняли“.

по названию *mandaka*).¹ Иранские племена вкрапливались на территорию Армении и с востока, как это видим в отношении мидийцев (*mada, amada*), откуда армянские княжеские фамилии Амапуни, Мурацан, затем мардов, откуда области Мардалия (арм. *Մարդալի* *Mardali*), лежащая к югу от Эрзерумских гор, и *Մարդպետական* *Mardpetakan* (к югу от горы Арарат). Иранского же происхождения княжества Камсаракан, Димаксян.

¹ В связи с темой о мандах я хотел бы здесь научно поставить вопрос и об этническом имени „курмандж“, как называет себя большая часть курдов. Это *kurmanj* я рассматриваю как сложное слово *kur-manj*, причем первую часть я принимаю за *kur*, что сейчас значит „сын, мальчик“, а вторую часть вывожу из имени *manda*, этого древнего воинственного и распространенного по разным местам народа или, точнее, племен, хотя есть и поныне курдс. племя *mandaka* без изменения „d“ в „j“ (*dž*). Здесь понятие „сын“ становится как бы формальным словом для принадлежности к племени, вроде суф. *-ak* (*Armenak, Siskak., Mandak, Salak*, ирус. *Romak* „римлянин“ и пр.). Ср. такое же значение слова *сын* у ассириовавилонян: *mār ħumri* „исраэлит“ при *bī ħumri* „дом Израэля (т. е. страна И)“, *mār alī* „горожанин“ (собств. „сын города“), *mār šipri* „посланник“ (собств. „сын послания“) и др., как имеем армянское *Ska-ordi* „сакид, сак“ (собств. „сын сака“). Ср. также специфическое значение слова „сын“, как формального слова, в арабском *ibn al sabīl* „путник“ (собств. „сын пути“), арм. *ġanapath-ord* „путник“, *ajg-ord* „садовник“, *andē-ord* „настух“ (*andi* „скот“), *awri-ord* „барыня“ (от урарт. *ewrī* „господин“) и пр. Образование курдского национального имени несомненно базируется на этой древней идеологии (ср. также евангельское выражение „сын человека“ в смысле „служителя человека“). Менее удачно было бы курмандж (*kurmanj*) вывести из сложения „курд“ и „манджа“, т. е. понять как „курды (из племени) манджа“ (т. е. *manda*). В том и другом случае явствует большое влияние в древности племен *манда*. Я оставляю вопрос о сходстве имени *манда* с *матисенами* и *мадами* (=мидийцами), о чем говорилось многими учеными. С нашим этническим *манда* случайно созвучно имя религии „мандензм“ у вавилонских евреев и сирийцев („мандесев“), живших в количестве 1500—2000 человек по нижнему течению Тигра и Ефрата. Из священные книги написаны на особом сирийском наречии („мандейский язык“), а само „манза“ получилось от имени светлого бога „Манда-ди-хайя“. Мандензм возник в I в. до н. э., представлял смесь гностицизма и библейских воззрений и имел своими адептами также христиан св. Иоанна Крестителя (см. Энциклопедию Брокгауза-Ефрона, „Мандензм“).

В-третьих, те армянские слова, которые наличны также в древнеиндийском, но нет в древне- и новоиранских, нужно объяснить влиянием некоторых индийских племен, живших в древней Малой Азии и оказавших языковое и культовое (боги.) влияние также на хеттов, хурритов, а может быть и на руководство государств Хурри и Митанни в социально-политическом и военном смысле, как думают многие.

Тегарама > Тагарама

Как название города (=страны) Тагарама упоминается в хеттских надписях еще с древнего времени, напр. в надписи царя Телипины, где пишется Tagarama. Но обыкновенно в других местах читается Tegarāma или Tegarām-ma, что отождествляют с именем города Tilgarīmmu ассирийских надписей и с библейским Thōgarām (см., напр., Bogh. St., III, стр. 105, прим. 10), помещаемым многими учеными приблизительно у Мелитены.¹ По Библии сыновьями Гомера были Ашкеназ, Рифат и Тогарма. Здесь Гомер олицетворяет киммеров (=арм. gamir-kh), Ашкеназ—скифов (= „ашгуза“ клинописных текстов), Рифат—пафлагонцев, а Тогарма—армян. В армянской древней литературе это библейское Тогарма искажилось в *Թորգոմ* Thorgom, сыном которого считается Հաջկ Նալկ.

Все эти народы занимали или смежные районы или же исторически сталкивались меж собой, Гамиры-киммеры занимали главным образом Каппадокию, названную у армян Gamir-kh, скифы главным образом сосредоточились в восточных районах Закавказья и в Мидии у озера Урмия, но видимо проникали, как увидим, и в западные районы. Рифат и Тогарма—это пафлагонцы и армяне-хайасцы, причем первые были в верховьях реки Алис вместе с матвеями, а армяне занимали районы Тиль-Гариму, позднего

¹ Э. Форпер на карте к своей работе *Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches* (1921) ставит Тиль-Гаримму у реки Гюрюн, где был город Каману и где современные Диврик, Аки, Арабкир (см. у Хачатряна, стр. 238, прим. 1). Видимо хеттская Тегарама заменяла и Мелиту, ибо последняя не упоминается в хеттских надписях.

Тиль-Гурана, т. е. Гюруна, южнее или юго-западнее исторического Хайаса-Аззи. Этим соседством древних Тагарамы и Аззи-Хайаса (т. е. Армении) я хочу объяснить арменизацию (точнее хайасизацию) области Тогарамы=Торгома, адаптированного армянской национальной традицией, как первичная родина армян, ибо Хайк—сын Торгома. Само собой разумеется, что все эти имена Гомер, Ашкеназ, Рифат и Тогарма дают нам олицетворение этнической и политической ситуации с конца восьмого века до н. э., когда Армении в пределах Урарту еще не было, а само Урарту в той же Библии фигурировало в форме Арарат, как особое государство горных стран севернее верхней Месопотамии.

Мушки

Эти племена впервые выступают на историческую сцену с двенадцатого века до н. э., когда, как говорят, в Малую Азию вторгаются с Эгейских островов и Балкан разные племена и народности—фригийцы, лидийцы, ликийцы, вифинцы и др., к которым хотят причислить и мушков.¹ Но в деле разрушения хеттской государственности и частичного вытеснения хеттов на восток в сторону Мелитены, Каргемниша и северной Сирии, по-моему, еще большую роль играли кашкайцы, которые видимо были иранцами (курдами?), судя по нынешним кашкайцам в Ираке (у Сулеймание) и в Иране (в Ширазе, у города Фирузабад), не говоря уже о возможных факторах внутреннего

¹ В одной надписи египетского фараона Рамзеса III (1200—1168) об этих „заморских“ или „островных“ (египетское выражение) народах говорится следующее: „Островные народы вышли... сразу распространились. Начиная от Хеттии никакая страна не устояла перед их руками. Коде, Каргемниш, Арзава, Алашна были уничтожены. Они расположились лагерем на одном месте в стране Амурру. Ее людей они погубили, как если-бы они и никогда не существовали. Они подходили к Египту, предавая перед собой (все) огню. С ними объединились, как союзники, филистимляне, Гкkr, Š'krwš, D'jnjw и W'sš'. Они наложили свои руки на страны до края земли; их сердца были наполнены уверенностью, и они говорили: „наши планы (=цели) удаются“ (см. у А. Ötze, Kleinasien, стр. 186—187).

порядка в связи с огромными массами рабов хеттского государства, как и стремления отделиться у конфедератов и вассалов. В эту же пору нарастает движение греческих колонистов (эолийцев, ионийцев) на материк Малой Азии (западные районы, Памфилия, Крит, Понт...). Фригийцы обосновываются, главным образом, на высоких равнинах западнее реки Алис и озера Татта и в области Икония, с охватом районов на верхнем течении реки Меандер, а позже и районов Тюана и совр. Уюк (Hüyük) в западной Каппадокии, судя по фригийским надписям в этих местах. Мушкеры же преобладали в районах от Припонтиды в направлении на Мелитену и даже восточнее, вплоть до верхнего Тигра. Так как царем фригийцев в конце VIII в. (до н. э.) был Мидас, вопрошавший между прочим у дельфийского бога себе благополучие и женившийся на дочери греческого князя из Кюме (Куме), а с другой стороны царем мушкеров в это же время был Мита, то и ученые делают отсюда вывод, что было одно объединенное государство под главенством этого фриго-мушкского царя Мита. Об этом тождестве фригийского Мидаса (где „с“ греч. окончание), упоминаемого Геродотом, и мушкского Мита впервые говорил Гуго Винклер еще в 1898 г.¹ а Фр. Шахермейер даже предлагал видеть союзные отношения между этим фриго-мушкским политическим объединением и урартским государством при царе Руса (Ursana) первом (730—714), каковой общий союз был направлен против Ассирии при Саргоне II (722—705).² Фр. Билабель по этому поводу писал (см. его „Geschichte Vorderasiens und Egyptens vom XVI—XI Jahrhundert v. Chr.“, 1927, стр. 182): «После гибели хеттского государства на его востоке образовавшееся государство мушкеров, приблизительно на месте так называемой Каппадокии, играло между Алисом и верхним Тигром долгое время очень важную роль. За 50 лет до Тиглатпилесера I

¹ См. „Altorientalische Forschungen“. II серия, том I (1893), стр. 103—137 (цитирую по А. Гётце, Kleinasien, стр. 137)

² См. Fr. Schachermeyr, Etruskische Frühgeschichte, стр. 60 (цитирую по А. Гётце, ibid., стр. 189).

оно [мушкское государство] захватило области Алзи и Пурукуззи, следовательно, восточнее Ефрата... Несомненно, оно не представляло из себя центрального правительства, а союз государств, который тем самым мог выставить 20.000 человек на поле брани.¹ Страна Алзи, соответствующая урартскому Alzini, есть армянское Աղձնիք Aldznikh, греч. Αρζανή, и соответствует району гор западнее Сасуна. Ассирийский другой царь Тикульти-Нимурта II (889—884) упоминает страну мосхов, но южнее Тигра. Нет сомнения, что все это касается земель, расположенных южнее названного отрога армянских Тавров и известных под именем Алзи-Пурулумзи (Пурукуззи), т. е. приблизительно в пределах древнего Шуприа. Некоторые английские ученые, как D. G. Hogarth (в посвященных В. Рамзаю „Анатолийских студиях“, 1923, стр. 235 и сл., а также в работе „Цари хеттов“, 1926, стр. 59 и сл.), L. Woolley („Аппалы, по археологии и антропологии“ университета в Ливерпуле, 1922, 41—56), А. Н. Сайсе („Моско-хиттитские надписи“, особ. в Журнале корол. азиат. общ. Великобритании и Ирландии, Лондон, 1927, стр. 705 и сл.), предлагали в мушках видеть носителей позднешеттской культуры, что справедливо оспаривается А. Гётце („Kleinasien“, 187 и прим. 6).

О столкновениях мосхов (мушков) с Саргоном II мы узнаем из ассирийских надписей этого грозного царя. В них он говорит: „я взял сокровища (стран) Кашка, Табал, Хилакку; я прогнал царя мушков Мита. Моя сильная рука простиралась от Мидии до Кашка, Табал и Мушку, я на них наложил дань... Царь Табала Амбалис, которого я поставил на трон его отца и отдал мою дочь [за него замуж] вместе с Хилакку [—совр. Каппадокия], расширил его пределы, но он оказался неверным: чтобы приобрести от меня земли, он послал посланцев к урартскому Урсану и Мушскому Мита, и в стране Табал захватили мои об-

¹ См. у А. Хачатряна „Ист. Арм. в клиноп. период“, стр. 236—237. Эгих мосхов было 20.000 под руководством пяти „царей“. Из них только 6.000 были взяты в плен Тиглатпилесером, остальные все были уничтожены в бою.

ласти и города" (см. у Хачатряна, стр. 237). Как известно, позже эти цари были сокрушены Саргоном, а Руса I даже покончил с собой. Несомненно, это обессилие мосхов и урартцев оказалось весьма на руку только что вторгшимся через Кавказ киммерам, нанешим сильное поражение и урартцам и особенно мосхам. По армянской версии Евсевия, это поражение мосхо-фригийцев приурочивается к 696—697 году (см. у А. Гётце, *ibid.*, 189). Почти вся Малая Азия оказалась во власти этих грозных киммеров (ср. груз. *gmiri* „герой“ от имени киммеров), только лидийцы сумели на время освободиться от них. Уцелело также Урарту, которое вместе с Ассирией продолжало свое существование еще на одно столетие. Спасались от этих полуварваров киммеров не только мосхи, но и хайасцы, манда (и сала), кашка, пала (бала) и др. Быть может урартские земли оказались наиболее спокойными в этот седьмой век, ибо к этому и позднему времени (VII—VI века) мы видим эти малоазийские племена уже на новых местах в Урарту. С точки зрения значения мосхов и других, как и нового их передвижения, я хочу указать на одно место из Библии, где пророк Езекиил говорит (§ 27, строки 13—14): „Яван, Тобел, Мосох—те же рынки для продажи людей; и из дома Торгома лошадьми, всадниками и мулами наполнил твои рынки“. Или, напр., у того-же пророка (§ 39, строки 2—6): „Сын человека, направь свое лицо на Гога, Роса, Мосоха и Тобела. Вот я подниму против тебя Гога, князя Роса, Мосоха и Тобела...“ Тут упоминаются и Гомер (т. е. киммеры) и дом Торгома, что армяне связывают со своим народом и пр. Интересно здесь то, что Езекиил, живший в 592—570 годах до н. э., всегда вместе упоминает Мосоха и Тобела (*Thobel~Thabal*), т. е. мушков и тибаренов. Эти племена несомненно грузинского происхождения, и напрасно многие ученые отождествляют мосхов и фригийцев, считая первых также индоевропейцами.¹ И

¹ Если гоги и магоги скифского происхождения, то они, особенно гоги, втерлись в местоположения армян и грузин (ср. арм. *Kogo-ovii* „гог-долина“, *Gugar-kh* „Гогарена“ у реки Чорох и пр.). Имя племени „Рос“ напоминает мне внешне „Русь“, но историчнее было бы связать

напрасно также, начиная с Кречмера, имя мушк связывают с мизийцами западной Малой Азии (с корнем *muš k* = греч. *μυσ-*, где „-k“ либо знак для отношения к племени, либо же рассматривается как арм. *kh*, т. е. окончание для мн. ч.). Основное же место мосоховских племен была Каппадокия, столица которой называлась у греков Мазака (= арм. *Մաշակ* Мажак). Имя же *muš k*-и ассирийцев претерпевало много изменений у разных народов: *mosx*, *mosox*, *mešex*, *mašax*, *mesx* (>*tex*-) и пр. Позже эти мосохи, по данным Страбона (родился в 63 г. до н. э.), уже расположены были в долине верхнего Фасиса (стр. 498). Ср. также выражение Плиния „*moschozum tractus*“ (по Чороху). Интересно сведение Страбона о делении Мосхики на три части по смерти Митридата понтийского: „После смерти Митридата Мосхика была разделена на три части: одну часть захватили колхи, вторую—иберы, третью—армены“. Или, напр., (стр. 61)—„Мосхийские горы иберов [= грузин] отделяют от армян“.¹

Не выдерживает никакой критики связывание с именем *muš k*- армянского *Մոկ-ք* Мок-*kh* (род. п. Мока^с), откуда вин. п. Мок-*s*, как от **Kar kh* (род. п. Кагу^с) имеем форму вин. п. *Kars*, откуда современное „Карс“. Имя арм. области Мокс имеет корнем *mok*-. Случайно также совпадение имени города Муш в армянской области Тарон с „основой“ племенного термина *muš k*, если конечно выделить последнее „k“, что спорно.²

Хотя мосхи (месхи) скорее должны быть отнесены к грузинскому этническому коллективу, чем к фригийскому и др., тем не менее есть как будто и данные для сближения этих мосхов и с армянами, судя по фольклорным данным у Хоренского. Одно только для меня остается неопределенным: является ли эта связь, укрепляемая и данными

его с курд. именем племени „Рош-ка“ и с именем этрусского царя Раши страны Рунишмани в одной надписи урартс. царя Сардур II (см. „Арх. эксп. 1916 г. в Ван“, Петроград, 1922 г., надп. II, строка 50), что, конечно, также является голым предположением. Ср. также имя урартца Руса.

¹ См. у А. Хачатряна, цит. раб., стр. 240.

² Для имени Муш я бы сравнил хурр. *muš* „красивый“.

армяно-грузинской некоторой языковой общности, исконной на базе соседствования и взаимопроникновения еще с середины второго тысячелетия до н. э., когда хайасцы-армяне соприкасались с этими мушками, тубалами, колхами и пр., или же это есть плод позднейшего вклада, когда, напр., часть мушков (=месхов) арменизируется.

Как известно из истории М. Хоренского, „родственник“ армянского легендарного царя Арама по имени Мшак был назначен правителем Кесарии (resp. Каппадокии),¹ которая, как подчеркивается этим историком, раньше называлась у греков Мазака, что местные произносили Мажак (см. его „Историю армян“, кн. 1, § 14). Конечно, имя „Мшак“ по армянской фонетике получилось бы из „мушак“ (из чего Н. Марр и Н. Адонц даже выводили нарицательное грузино-армянское *m(u)šak* „работник“), что является полногласной формой мошак, подобно мошох'у, мешех'у, машах'у при простых мушк (мошк-), месх (мешх) и пр. Но это имя месхов, помимо древне-легендарных „родственных“ напоминаний, имеет также для армян то новое значение, что так и поныне грузины называют армян, ибо грузинское *сомехи* „армянин“, как еще указал Н. Марр, своей частью *-мехи* повторяет древнее *месхи*. Первую же половинку *со-* (*so-*) я не считаю остатком этнического *сон-* „сван“, как думал Н. Марр; она скорее является префиксом, подобно обыкновенному груз. префиксу *sa-* для обозначения места (страны), как напр. от имени народа *spen-* имеем *Saspiritis*; ср. также при Зимара новое *Сисмара*, не говоря уже о *Samcxe* (от *Ymesx-*), *Sakharthvelo* и пр. Грузины армян называли *месхийцами*, ибо, как сказано было выше, Месхетия после Митридата понтийского частью была передана армянам, и нет никаких трудностей для объяснения переноса термина арменизовавшихся месхов на самих армян, подобно как немцев французы называли *пмем* племени аллеманов, которые соседчили с ними, и т. п.

¹ По-армянски это место гласит: *Եւր թողեալ զոմի Մշակ անուն լուղի Եւրոէ*.

2. Влияние киммеро-скифов на политическую ситуацию Малой Азии в VII в. до н. э.

Как было уже отмечено, начиная со времен хеттской государственности, к западу от верхнего течения Ефрата вплоть до его истоков жили разные народы или племена более или менее многочисленные, с большим или меньшим социальным, культурным и политическим развитием. Из них важны для нас хайасо-аззийцы, кашка, бала (пала), манда-сала, мосхи-тибарены, тогарма и др. С распадением хеттской политической системы наиболее должны были выгадать народы кашка, мушки и хайасцы. Последние начали сильную этнокультурную экспансию сперва на юг по Ефрату, вплоть до Мелитены включительно, особенно в VII в. под давлением киммеров, а затем отсюда и на восток в сторону территории государства Урарту. Все вышеприведенные народы или племена, не говоря уже о неизвестных, подверглись хайасизации, т. е. арменизации, полностью или частично. *Все это оставило осязательные следы в названиях мест, княжеских армянских домов, а также фольклорных отголосков у поздних армян, как отчасти и в Библии.*

В то же время с юга шло другое, также новое, этнокультурное движение или экспансия. Это—араменеизация, проводившаяся через распространение сирийской торговли и языка. Вспомним роль этих сиро-арамейцев не только в сирийзации многих ближневосточных стран, как—Финикия, Палестина, Юго-восточная Малая Азия (до Кесарии), южная часть Урарту-Большой Армении, Месопотамия... но и позже, в деле оформления и распространения новой религиозной концепции—христианства, в своих формах и проявлениях как новой восточной идеологии. Сирийское влияние в Азии в это время доходило даже до далекой Монголии. Сирийцы еще в шестом веке до н. э. настолько сильно внедрились в Месопотамию, что персидский царь Кир при завоевании Вавилона (539 г. до н. э.) официальным языком установил не персидский или ассировавилонский, а сирийский. Но их культурный (и идеологический), экономиче-

ский и этноязыковый натиск на севере Сирии сталкивался, как сказано, с противоположным движением и сопротивлением хайасцев-армян, которые к тому времени (к седьмому-шестому векам до н. э.) успели весьма усилиться, ассимилировав многие народы и племена по западным областям верхнего Ефрата, в том числе и многочисленных хеттов. Здесь, точнее от Кесарии на восток до Мелитены и дальше по Софене на восток к Тарону, шла как бы борьба, большей частью мирная, в возобладании идущих друг другу навстречу двух разных политико-культурных объединений или миров — хайасского, имевшего явно древне-малоазиатский этно-культурный субстрат, и сироарамейского с подобным же семитическим субстратом.

При такой политико-культурной, так сказать внутренней образовавшейся ситуации, новым сильным толчком и благоприятствующим фактором для экспансии хайасцев явилось вторжение киммерских и скифских племен в Переднюю Азию, в частности в Малую Азию седьмого века. Несомненно в них были и славянские племена. С этого времени сходили с исторической сцены крупные государства Передней Азии, как Ассирия и Урарту, чему немало способствовали и эти киммеры и скифы.

Уже к концу восьмого века, судя по ассирийским документам, на западную границу Урарту наседали „гимир-ра“, т. е. киммеры, которые нанесли здесь урартскому царю Русе I сильное поражение. Вышедши из южных приморских районов России, эти киммеры продолжали оставаться в продолжение всего седьмого века в Малой Азии и восточнее. Саки (скифы) как будто более наседали на северо-западные (атропатенские) области Персии, а киммеры основательно осели к западу от Ефрата, обосновавшись, главным образом, в Каппадокии, т. е. в бывшем центре хеттской государственности. Отсюда и армянское имя этой Каппадокии в форме *Գամիր-ք* Gamir-kh, что дословно значит „гамир-ра“, т. е. „киммеры“, но и „Киммерия“, ср. библейское „Gomer“. Ассирийская форма „Gimlra“ ближе к грузинскому gmiri, что измененно значит „герой“.

Чтобы напасть на западную границу Урарту на реке

Ефрат, где были их военные опорные пункты, киммеры должны были находиться в промежутке VIII—VII веков уже в областях распространения хайасцев, т. е. по верхнему западному берегу Ефрата, начиная от Мелитены и севернее, хотя сама Мелитена к концу VIII в. продолжала еще оставаться под властью местных хеттских царей.¹ Киммеры наносили удары не только на восток или юго-восток, в сторону Ассирии, но и на запад, где в это время начало возвышаться лидийское царство при Гигесе.

Мне думается, что хайасцы в эту пору (VII век) объединились в союз с киммерами, а может быть и с некоторыми сакскими (скифскими) племенами, что часто путается, и продолжали свою дальнейшую экспансию на юг и юго-восток. Киммеро-саки немало способствовали и ослаблению Урарту, а это обстоятельство также способствовало проникновению хайасцев-армян в его западные районы.

Для меня нет сомнения, как я это и раньше подметил, что во главе хайасского движения на юг и юго-восток в одно время стали скифы, герр. киммеры. Народное армянское сказание *о первом армянском венценосце* Паруйре, из рода саков („Սկաւորդի Ska-ordi“) совершенно определенно подтверждает это мое мнение. Само имя Parojr я вывожу из имени скифского вождя *Prodod (=Протодонс

¹ В урартских надписях восьмого века упоминаются хеттские цари из династии Šah-uhi, имевшие своим центром город Мелиту и область Tsorpha=арм. Tsorph-kh (район совр. города Харпут). Конечный суф. -uhi (=рус. -ский), который иногда заменяется в урартском суффиксом -uni (ср. Eñihu~Eñuni, Velikhuhi~Velikhuni=арм. Վեղիքունի Gełakhuni), у армян нормально заменяется суф. -uni и получаем Շահունի Šahunī „Шахский“, что у Фауста Византийского применяется к этой же области Tsorph-kh (т. е. Софены) у Ефрата, а иногда заменяется и оборотом Tsorpkh Šahcaj или Tsorph-kh Šahai, т. е. Софена Шахей (Шахидская). Tsorpkh Šahunwoç. Из этого я заключаю, что когда хайасцы в седьмом веке наводнили эти районы Мелитены и Софены, еще свежо было воспоминание об этой хеттской династии Шахидов, что они, конечно, узнали от местных людей. А не происходил ли сам армянский писатель Фауст Византийский из Софены или Мелитены, т. е. из византийской Армении, сохранив и передав народные воспоминания о местном царе Шахе?

у Геродота), что через апологию должно было дать стянутую форму *Prōd (с долгим *ō*), а это легко могло превратиться в новое Projr (>Paqojr), как из иран. хōда „шапка“ имеем арм. *խոյր* хоуг (ld.), или же из иранс. gōда „медь“ и bōда- „обоняние“, получились армянские *արայր* агоjr „бронза“ и *բայր* bojr „запах“.¹ Этот армянский венецосец Паруйр имел будто-бы сына по имени *Հրաչեայ* Hračeau, что есть, конечно, чисто армянское новообразованное слово со значением „огненно-глазый“. Оба они рисуются М. Хоренским как русые, белокурые, с карими глазами и т. п., а это вполне подстать выходцам с севера, т. е. из южных районов России. Паруйр по М. Хоренскому также помогает мидянам (Варбаку) в борьбе с ассирийцами, принимая участие во взятии Ниневии (612 г.). Как видим, армянский древний фольклор, переданный Хоренским, приблизительно правильно схватил один из важных и переломных моментов политического становления новых армян уже на базе Большой Армении или, лучше сказать, в эпоху перехода или трансформации древних хайасцев в новообразованный армянский народ.

Как бы начинается новая политическая эра для дальнейшего движения и распространения хаев (армян), толчком для которого, как сказано, явилось политическое вмешательство и как бы организующе-руководящая роль киммеро-скифов. Движение шло с севера на юг по тому же Ефрату, охватывая несомненно и область Софену. Само Урарту оставалось в седьмом веке самостоятельным и не особенно пострадало, хотя его северные границы, судя по материальным свидетельствам Кармир-Блура, подвергались опустошению. Но и само урартское государство ненадолго пережило этот период „штурма и натиска“, став в начале шестого века владением мидян, а затем и персов. Киммеры и саки (скифы) оставили настолько сильное влияние на местные народы и племена, что, напр., у грузин, как

¹ Для перехода *d* (*ō*) в арм. *г* ср. также: др.-перс. *apadana*=арм. *ապարանք* *aparan-kh* „палата“, *čašmadita*=арм. *չաժմարիտ* *čəšmarit* („глазом увиденный“=правильный), сирийское *šarpaḏa*=арм. *շամբուր* *šamrhuḡ* „железный прут (для шашлыка, тонира и пр.)“ и т. п.

было сказано, первое имя („gimirra“) стало нарицательным словом „герой“ (по-груз. gmiri), а имя саков (saka) у армян стало ska (ср. Aska-naz, ассир, а́згуза и пр.), что значит „великан, колосс“, хотя его этническое значение сохранилось не только в имени Ska-ordi „сакид“, т. е. отчестве Паруйра, но и у армянских историков.¹ Скифы частью возвратились к себе на родину, а киммеры большей частью погибли в борьбе с лидийцами, а возможно и частично ассимилировались с более культурными народами, в частности с хайасцами.

Спрашивается, не отразилось ли в армянском фольклоре, языке, мифах и пр. это историческое вторжение скифских и киммерских племен, как и обратно, если принять часть этих племен за славян. Я уже выше подчеркнул легенду о первом „армянском“ венценосце Паруйре, получившем венец от мидянина Варбака (=Киаксара?), как это передается искаженно у М. Хоренского. Здесь отчетливо еще сохраняется зерно исторического факта о сношениях и скрещеннях пришлых скифо-киммеров с местными хайма-армянами. Недаром арм. писатель Корюн армян называет „асканазским (=скифским) родом“. Этот рубеж восьмого и седьмого веков, как и весь седьмой век,—переломный век в истории нового образования или трансформации хаев-армян.

Но видимо и сами скифы переняли кое-что из Малой Азии. Так, сейчас уже принят учеными факт заимствования славянского слова „кни́га“ из арм. *կնիք* knikḥ „печать“, что само взято из ассировав. *knīkḥ* или *kanīkḥ* „печать“. Я ставлю и вопрос о заимствовании рус. (слав.) *кочерга*

¹ Напр. армянский историк Аноним, говоря о Багарате Паразяв (*Բաղադրաթ Փարազյան*), происходившем мол. „из сыновей Арменака“, прибавляет: „Его сделал Аршак (=Вагаршак) аспетом армянской страны. Он был князем и повелителем всего высшего начальства государства, отцом и братом царя. Он уничтожил скаев [т. е. саков=скифов], которые собрались войском против него в сирийской Месопотамии“ (*Ինչ Կոմարեալս զհնկայն որ զորավորով եղին ի վերայ նորիս ի Միջագետք Սարգոս*). См. у К. Патк., История Себеоса, СПб., 1879, стр. 9).

из арм. (диал.) хаџ-erkath „кресто-железо“,¹ сени из арм. *սենիակ* seneak (=seni+ak) „келья, комната“, груз. senaki и колдовать, т. е. корня колд- (откуда и колд-ун) из армянского *քաղճալ* khałdeaj „халдей“. Если бы славяне взяли его непосредственно из греческого или новосемитических, то оно звучало бы не колд-овать, а холд-овать. Семасиологически нет помех для сравнения рус. колд- с арм. khałd-eaj „халдей“ (из вавил. kaldu=khałd-u), ибо последние были отличными астрологами и гадателями (ср. „цыган“ в смысле гадалщика). Возможно происхождение и слова кумир из арм. khurm „жрец“ через старое *khumr (=акк. kumru). В другом месте² я говорил и о славянском боге Яр (Ярило), который своей старой нейотированной основой Аг- столь сближается с малоазийским древним богом весны, плодородия и аграрного язычества, звучавшим Аг или Ага (почитался у армян, памфильцев, хеттов, ликаонцев, урартцев и др.). Там же мной был выдвинут вопрос и о генезисе слав. Даж-бога, что я предлагаю сравнить с хеттс. и лувийским Da(t)ta или Ta(t)a, т. е. с именем бога молнии и неба, а это имя роднится несомненно с ассирово-вавилонским Adad, божеством такого-же содержания.³ Обратим, наконец, внимание на легенду о построении города Киева тремя братьями Кий, Щек и Хорив, что, как правильно отметил Н. Марр, весьма походит на подобную же армянскую легенду о построении братьями Куарс, Мел-

¹ Это мое мнение о перенятии русскими слова „кочерга“ из арм. диалектического *խաջ-երկաթ* хаџ-erkath (собств. „крест на крест поставленные железные шесты“, а сейчас и просто одна „кочерга“ на топире или очаге) мною было высказано давно. Подобное же мнение о связи рус. кочерга с арм. словом хаџerkath было высказано (в 1945 г.) Р. Ачаряном на научной сессии Академии Наук СССР. Это заимствование может оправдаться только при условии, если арм. слово хаџ „крест“ свое значение имело еще до христианства.

² См. „Кульг Ара Прекрасного“ (на арм. яз.). Ереван, 1945 г., стр. 81—86.

³ Семитическое Adad стало у армян собственным именем *Ատա* Atat, а хетто-лувийская форма Data || Tata того же бога сохранилась, по моему, в имени хурр. (урарт.) князя Dadia из Arziza (=арм. *Արշիշ* Арчеш у Ванского озера), в имени Datvan (село к юго-зап. от Ванс. оз.) и т. п.

ти и Хореан города Куара и др. Я уже не говорю об иранизмах в русской лексике, каковы, напр., слова—бог, собака, хата, ради, хоромы (храм) и пр., соответствующие иранским *bagā*, *spara* (у мидян), *khata*, *radiy*, *harem* и др.

При всех вышеуказанных реальных аспектах о связи хаев-армян с киммеро-скифскими племенами, что несомненно далее политических, а частично и этно-лингвистических сцепляемостей и не произошло, мы не можем игнорировать и указания Библии о том, что *сыновьями Гомера считались Асканаз, Рифат и Тогарма*, т. е. кимры (гамер) были сродни со скифами (Асканаз, ср. Тарку-нази имя хеттского князя Мелиты), пафлагонцами (Рифат) и жителями государства Тогарма в Мелитене. Так как хайасцы при движении на юг (в XII—VIII вв.) ассимилировали Тогарму, то и их жители считались уже армянами, как на это указывают комментарии о родстве армян с Торгомом (сын его Хайк) не только у армянских историков, но и у церковных писателей III—IV веков Ипполита и Евсевия Кесарийского. Точно также и скифо-армянские связи, на что я указал и выше, также нашли свое отражение, напр., у армянского писателя (историка) пятого века Корюна, который армян называет *Azkhnapazean azg* „Асканазовский род (народ)“, ибо и Асканаз и Торгом, по Библии, были братьями и сыновьями Гамера. Акад. Я. Манадьян приводит имена скифских племен сарапара, сакасана и айниана, вторгшихся с восьмого века до н. э. в северные районы Армении, а после четвертого века (до н. э.) вторгаются и сарматские племена сираков и возможно гогов (см. его „Критический обзор истории армянского народа“, стр. 72—73).¹

¹ О племенах сарапара, сираков и др. см. также Н. Адонц, Армения в эп. Юст., 1908 г., СПб, стр. 424—425. Племя айнианов Адонц считал иранским.

3. Передвижения хаев в Урарту

(Новое армянство VII—III вв. до н.э.)

Хайасцы, овладевшие было почти всей территорией древней Малой Армении на юге вплоть до Мелитены („Тогармы“) включительно, а с северо-востока достигшие при Тирибазе земель таохов, эсперитов и фасианов (к концу V в. согласно „Анабазису“ Ксенофонта), под влиянием киммеро-сакских давлений, а может быть вместе с ними, продолжали к концу седьмого века и позже двигаться далеко на юго-восток от Мелитены, в сторону долины нижнего Арацани и далее за Тавры, в позднюю армянскую область Арзанену (Ardzn-kh) и далее к югу и юго-востоку. В этих географических широтах они сталкивались, как неоднократно нами подчеркивалось, с сильным семитическим этно-культурным миром в лице сирийцев-арамейцев,¹ а также с хурритами и урартцами, точнее с разными племенами южного Урарту, вошедшими в орбиту мидийского, а немного позже и персидского политического мира. Начинаясь какое-то вращение хайских переселенцев в толщу этого арамейского и субаро-урартского (наирского) этнокультурного миров, что происходило, по-моему, скорее мирным путем, чем завоеванием, хотя хан-армяне представляли серьезную военную силу, так хорошо проявившуюся при столкновениях с Дарием I. Вдобавок урартское государство очень ослабло в результате набегов скифских племен, особенно с севера, о чем наглядно говорят и раскопки Кармир-Блуря около Еревана, и в начале шестого века (585 г. до н. э.) подчинилось мидянам. В этом шестом веке и всплывает на историческую арену

¹ Имя „Дагонские горы“ южнее Муша (по армянским данным) и имя села Dagnavapa (по римским дорожникам) у Вацского озера говорят определенно о почитании сиро-арамейского бога Dagan- (Dagon) в Тароне. Бог этот почитался даже у некоторых хурритских племен, ибо в одной таблетке из Ханы (Хапа) на Ефрате (в Ханигалбат=Мытан-ни), написанной на аккадском языке, читается: „Год, в котором царь Шун храму принес жертвоприношение богу Дагану хурритов“ (J Dagan ša Hurri).

народ арменов (*Հրէշ-ու*) или точнее арминнов (от *Armina* Бисутунской надписи), под чем иностранцы понимают тот же народ, который сам себя и поныне называет хаями, т. е. именем этнического состава древнего царства Хайаса.

Разберем пути передвижения и расселения этих исторических хайасцев и последствия этого.

Их движение на юг, по западным районам верхнего Ефрата началось вероятно еще задолго до седьмого века и усилилось под влиянием вышеизложенных политических обстоятельств в связи со скифо-киммерскими вторжениями. Исходность из Хайаса-Аззи, как отправного начального центра, с более или менее однородным, но многочисленным населением, просуществовавшим у себя по крайней мере семь-восемь веков (1400—700) до их этнической экспансии, как и определенные пути их дальнейшего движения—на юг в Мелитену (с Тогармой) и отсюда на восток в Софену с ответвлением или отклонением также на юго-восток в Арзанену и до Калакене и Адиабене у нижнего течения Верхнего Зава, притока Тигра, все это точно устанавливается многочисленными фактическими данными.

Во-первых передвижение в Урарту совершили не только хайасцы, но народы хеттского государства, как пала, манда, сала, кашка и др., которые арменизировались. Если от них остались многочисленные топонимические и родовые имена в Урарту—Армении (*Paluni, Paḫin...*, *Balu, Balahovit, Baḫeš,—Balalejs...*, *Balaç ašḫarh...*, *Rotibala...*, *Mandakuni, Saḫkuni, Khaḫberuni...*, *Khaḫuni, Khaḫathaḫ* и т. п.), то от хайасцев такое свидетельство я считаю имя города *Haḫni* на притоках верхнего Ефрата (к востоку от Эгиля—Ангелены), что дано было вероятно местным хурритским народом аримов.¹ Ср. также такое же обозвание *Haḫoç-dzo* „Ущелье хаев“ (к югу от Вана), данное пришлым хаям (как их первому тут заселению) местными урартцами. А что древние имена могут сохраниться чуть не до современной поры, ср., напр., древнее *Subnat* (имя реки—верховья Тигра) и современное *Зебене-су*, имена городов *Ubbime* и

¹ Не есть ли имя городка *Ha(z)zo* (сев.-вост. от Муфаркина) перенос имени *Azzi* (>*Haza*)?

Kullimmeri, как главных городов Шуприи (в VII в. до н. э.), при современном Фум и арм. Քիլիմար Khîmar, имя древнего Attaxas и совр. Athax (ibid.), или имена городов Taršuš и Atania в древнем Кизватна=современным Тарсон и Адана в Киликии. Что хайасцы при своем движении на юг по Ефрату достигли хеттской Тегарамы (=поздней Мелитены), так на это указывает и историческое расширение Малой Армении на юг до этого бывшего хеттского княжества (Tegaramma > Melita), в связи с чем находятся и библейско-церковные традиции о родстве армян (т. е. хайасцев.) с Тогармой, т. е. армянским Торгомом.

Во-вторых, *исторически последовательное развитие, образование и географическое расположение I, II, III и IV Армений*, что политически было оформлено в новеллах Юстиниана (VI в. н. э.), а отсюда и у М. Хоренского, *очень близко определяет по их местоположениям это постепенное освоение хайасцами территории западных районов верхнего Ефрата* с севера от Хайасы-Аззи на юг до Мелитены и отсюда на восток, по нижнему течению Арацани. Еще в римское время были I Армения с Себастией на севере и II Армения с Мелитой (Малатия) на юге.

В-третьих, участники походов Александра Македонского Кирсил Фарсальский и Медий Ларисский со своими товарищами говорили, как приводится у Страбона (кн. XI, гл. 14, 12), что спутники аргонавта Арменоса из фессалийского города Армениона, иначе говоря, *армяне то расположились в Акилисене, которая раньше подчинялась Софене, то поселились в Сиспиритисе (=Шупритис) вплоть до Калакене и Адиабене*, которые находятся вне армянского нагорья.¹ Из надписи персидского царя Дария I на Би-

¹ См. Я. Манандян—Крит. обзор ист. арм. народа, стр. 14—15. У Страбона здесь читаем: „Кирсил Фарсальский, Медий Ларисский и бывшие с ними участники похода Александра говорят, что страна назвалась Арменней по имени Арменоса. Из его спутников некоторые поселились в Акилисене, что раньше подчинялось власти Софене, а некоторые в Сиспиритисе [вместо Шупритис=Шуприа] до Калакене и Адиабене, которые находились вне армянского нагорья“. Значит, по мнению соучастников похода Александра Македонского (323 г. до н. э.) Арме-

сутунской скале мы узнаем также, что хай-армяне действительно проникли столь далеко на юг от Таврских гор, дав пять раз сражение персам (в 521—520 гг.) в пунктах Зуза, Тигра, Ухиама и Отнара, находившихся в Армении, и в районе Изала в Ассирии (в районе современных гор Тур Абдин.) А эти места, как доказывают Юсти и др., расположены были далеко за Таврами, охватывая территории между Тур Абдином (южнее Амид-Диарбекира) и курдской областью Тнара в Джуламерке.

В четвертых, *тринадцатая сатрапия Дария I охватывала как раз все эти места армянских расселений*, начиная от этих южных пределов армян и через нижнюю долину реки Арацани, проходя через Мелитену вверх до Черного моря. Это я считаю последствием не только одних экономических или дорожных соображений, но и политических и этнических. Конечно, в этой сатрапии были и другие народы и племена, но армяне несомненно превалировали.

Движению хаев из Хайасы-Аззи на юг в Мелитену способствовали наконец и те *дороги*, которые были тут встарину и отмечаются еще в римское время по стоянкам и дистанциям в так называемых итинерариях („дорожниках“) императора Антонина Августа и Таблицах Певтингера. А пути от Мелитены на восток и через Тавры в Ассирию хорошо известны нам также по маршрутам походов ассирийских царей, как и по равноценной „большой дороге“ Дария I из Суз в Сарды, т. е. из столицы Персии в столицу Лидии. Здесь около 320 километров,¹ а по Я. Ма-

ния, получившая мол имя от аргонавта Армена, находилась только в верховьях Ефрата, как впервые заселенная спутниками Арменоса. Хотя область Акилисена и примыкает к этой Армении, ставшей называться с эпохи Александра македонского Малой Арменией, тем не менее это не отрицает, а скорее подтверждает первоначальную родину армян в Малой Армении, в этой древней Хайаса-Аззи. Упоминание же о том, что Акилисена находилась под властью софенских властителей, подтверждает, во-первых, ту действительную историческую ситуацию, когда Малая Армения уже простиралась до Мелитены и охватывала ее, а во вторых, что эти армяне отсюда пошли не на юг, а на восток, в Софену, игравшую большую роль, и дальше на юго-восток за Тавры.

¹ См. „Ист. арм. народа“, ч. I, Изд АН Арм. ССР, 1944 г., стр. 35.

наняну около 300—350 километров, проходило по армянским землям.¹ Я должен присовокупить также, что прото-ренняя дорога древних ассирийских царей, совпадающая в пределах Месопотамии и Армении с восточной половиной „царской“ дороги Дария I, не только существовала в древнейшие времена и видимо еще при ассирийских колонистах в Каппадокии, т. е. за двадцать веков до н. э., и не только позже служила переселенческим трактом для хайасцев, но бытовала и в сравнительно позднее время, как, напр., при персидских Сассанидах (в IV в н. э.). Армянский историк Фауст Византийский, рассказывая, напр., о вторжении персидских войск царя Шапуха под начальством ренегата армянина Меружана Арцруни, перечисляет следующие последовательные армянские провинции, лежащие по вышеприведенной дороге: „Ибо [проходя] через Алдзник [Арзанену] и Большую Софену, через Ангел-дом [Ангелену] и область Андзит и Софену Шахуни, через область Мзур и Даранали, через Екели-к [Акилесену], пределы этих областей царь Шапук персов вместе с бесчисленными своими войсками подверг набегам (и) наводняя распространялся массой, подобно многим [=обильным] водам“ (см. изд. К. Патканова, СПб, 1883, стр. 120).³

Сильный отпор, встреченный хаями в этих южных просторах как от политической власти персов, так и возможно от местных арамейцев и полуараменизировавшихся субарийских племен, в том числе быть может и аримов, заставил хаев, выступающих у персов и греков под именем этих аримов > арминов, как бы прекратить свою экспансию на юг и двинуться от Тавров на север, сперва в районы западного Урарту. Уже к концу пятого века (до н. э.), согласно свидетельству Ксенофонта, часть этих хаев-армян находилась севернее кардухов у реки Кентрит

¹ См. сго „Крит. обз.“, стр. 58.

² „Ընդ Աղձնիս և ընդ Ծոփս մեծ, ընդ Անդեղ տունն և ընդ զաւառն Անձտայ ընդ Ծոփս Շահունոց, ընդ Մղուր զաւառն և ընդ Դարանաղէ, ընդ Եկեղեցաց, զԿոմանս այնց զաւառացն Շապուհն Թաղաւորն պարսից հանդերձ անթիւ զորօքն ասպատակե(ա)լ հեղեալ ծաւալէր բազմութեամբ իրրև զՂուրս բազմամբ“:

(=Бохтан-су), т. е. восточного Тигра, близ впадения западного Тигра, и имела своим царем Оронта (=Ерванда), подчиненного персам. Другой армянский правитель, Тирибаз, властвовал в долине нижнего Арацани и верхнего Ефрата до земель есперитов и басианов (арм. Спер и Басен) включительно. Это последнее обстоятельство говорит в пользу того, что арменизация шла из Хайасы также на восток и северо-восток, т. е. по долинам Чороха и Аракса вплоть до армянской области Багреванд, лежащей восточнее Басена. Это движение достигло в четвертом веке и Араратской долины, где господствовала в IV и III веках (до н. э.) армянская династия Оронтидов, т. е. Ервандидов, в городе Армавире. Возможно, что земли бывшей Хайасы-Аззи, особенно восточной половины, вследствие ухода большей части армян, позже попали под политическое влияние местных и соседних сильных племен, ибо к 189 г. до н. э. армянский царь Арташес, имевший своим центром Арташат в Айрарате, отвоевал у халибов и моссинойков Карениту (Эрзерумский район) и Дерксену (район совр. Мамахатуна), а у катаонов он отнял Акилесену (район Ерзинганз). Движение армян с южных просторов Урарту (из Таруберана) на север до Араратской долины нашло отклик и у Мар Абаса Катины, судя по М. Хоренскому и Анониму, которые описывают пути ухода Хайка, Арменака и других с семитического юга на север, а М. Хоренский специально любит подчеркивать, что армянские народные легенды поддерживают эти сказания.

Арменизация западных районов Урарту началась уже с шестого века до н. э., когда при Кире армяне стали занимать низменные районы, вытеснив халдов (=урартцев) в нагорные места. Упоминается даже армянский царь (по армянским легендам у Хоренского это был Тигран), сыновья которого назывались Тигран и Савар. Арменизация в общем шла мирным путем, судя по тому, что армяне носили имена с халдскими (resp. хурритскими) частицами (Арах, Халдита, Араманс, Араманиак), причем у них существовали как родные боги и хайо-арминский Ара (откуда Арах) и халдо-урартский Халд (откуда Халдит). О

мирном их вращении и сливании мы читаем и в „Киропедии“ Ксенофонта (кн. III, гл. 2, стр. 17—24).

Здесь говорится о вражде между пришлыми армянами и местными урартцами-халдами из-за пользования земель. Армяне занимали низменные долины и поля, а халды горные районы, которые были укреплены. Следовательно, нельзя было взаимно пользоваться дорогами и землями для скота или возделывания. Хотя мидяне и персы воспользовались такой враждой для легкого овладения территорией бывшего Урарту, опираясь скорее на армян, тем не менее вынуждены были вмешаться и урегулировать этот спор. И, как говорит Ксенофонт, „После того, все они дали обет взаимной верности и пришли к соглашению, что обе стороны в отношении друг друга сохранят свободу, будут иметь право взаимного брака, использования своих земель и пастбищ, и защитят себя общими силами, если будет причинена несправедливость в отношении любой стороны“. Ксенофонт присовокупляет к этим своим словам, что этот договор сохранялся и в его время (430—354 г. г. до н. э.). Приводя эти и другие цитаты из Киропедии, акад. Я. Манандян справедливо замечает, что последствием мирного сожительства армян и халдов было то, что халды и другие местные народы постепенно ассимилировались с пришлыми армянами и в продолжение последующих веков создавался современный армянский народ (см. его „Критич. обзор ист. арм. народа“, стр. 40—42). Урегулирование армено-халдских отношений мирным путем с занятием горных высот Ксенофонт приписывает персидскому царю Киру (550—529), хотя халды, в качестве наемных войск у армян, продолжали существовать еще в 400 г. до н. э., когда сообща халды, армяне и марды напали в Тароне на отступающее десятитысячное войско греков под начальством Ксенофонта. В это время армяне занимали уже северное побережье реки Кентрит (Бохтан), т. е. восточного Тигра, южнее же жили кардухи. Царем этой восточной Армении был Оронт (=Ерванд).

Эта новая стадия освоения исторического Урарту, когда хайасцы выступают у иностранцев под новым име-

нем арменов, передана также у М. Хоренского и Анонима. Здесь рассказывается, что Хайк не захотел оставаться на юге у семитов (Бел есть символ семитизма с центром Вавилон), не подчинился Белу и со своим сыном Араманеак, родившимся в Вавилоне, т. е. в семитическом мире (ср. страну Агтап близ Вавилона, меж реками Азейм и Диалой), уходит на север, доходит до Харка (район современного Мелазгерда), где и дает бой преследующему его Белу и разбивает его, похоронив убитого Бела на холме. Сын же Араманеак движется на север и доходит до Арарата. Борьба же Арама на западе с малоазийскими разными народами в лице полубогов Пайапис Каалйа, на востоке с Ньюкар Мадесом, а на юге с сирийским Беелшамином („владыко небес“), т. е. деифицированными этническими мирами киммеров, иранцев и семитов сирийцев иносказательно говорит нам в пользу того, что начавшееся на грани VII—VI веков сильное движение хаев из Хайасы уже приобрело некоторую консолидацию и завершение в пределах исторического Урарту. Возможно, что армяне в этот период находили в союзе или подчинении содействие со стороны мидийцев и персов в деле борьбы с халдами-урартцами и другими народами или племенами исторического Урарту. Армяне при Дарии и Ксерксе участвовали и в их войсках при походах против греков, скифов и египтян. Более или менее полная арменизация этих и других мест Урарту закончилась только к концу третьего и началу второго века до н. э., к веку Арташеса и Зариадра, когда все армяне, как подчеркивает Страбон, понимали друг друга, были „одноязычны“, иначе говоря, все местное население потеряло свой язык и переняло в основном язык пришлых хаев, сохранив в своих диалектных элементах наследие бывших своих местных языков.¹

¹ Урартские области восточнее озера Ван, как и северо-восточнее, несомненно арменизировались позже. Район «Хайоц дзор» („ущелье хаев“), юго-восточнее города Ван, есть несомненно нареkanie халдов на своем языке, что позже переведено на арм. язык. Народ же, не понимая этого, связывает это название с легендой о Хайке и Беле. Что ветвь хаев двигалась из Тарона по южному берегу озера Ван, так это можно Хайаса—11

Хотя хаи при своем движении из Хайасы-Аззи, т. е. из районов исторической Малой Армении, и вплоть до конца III в. до н. э., попадали под политическое влияние саков (киммеров), мидян, персов, греков при Александре Македонском и Селевкидах, тем не менее это не мешало им при освоении новых земель бывшего Урарту арменизировать эти местные племена и народы. Нужно отметить удивительную способность армян в ассимилировании этих и других народов, ибо такой успешный процесс в конце концов охватил пространства от северной Сирии на юге и до Куры на севере, а с другой стороны от восточной Каппадокии на западе и до районов Урмии на востоке.

К началу второго века до н. э., после крушения Селевкидов, определились три политических центра, вокруг которых шла эта консолидация армян, *как качественно новой этники*. Это во-первых древняя *Малая Армения* (с Мелитеной), исконный источник и колыбель политической жизни поздних армян, затем — *Софенская Армения* в древней области Tsupha (арм. Տսփ-ք Tsoph-kh) по нижнему течению реки Арацани (Мурад-чай) со столицей Каркатиокерта, и наконец — *Араратская Армения* со столицей Арташат (а до этого Армавир). Фольклор араратских армян в области Չղիթ՝ Golthel, сохранный М. Хоренским, в своих прекрасных песнях об Арташесе и Сатеник наглядно показывает, как ценил народ Арташеса, основателя столицы Арташат, как символа завершения образования армянского народа, как его олицетворения. Последние два века до н. э. явились зенитом политического, этнического и культурно-экономического возвышения армян, когда под влиянием эллинизма в Арташате давались даже театральные представления, а армянский царь Артавазд, сын Тиграна Великого, объединителя всей Армении, сам выступал как автор поэтических произведений (на греч. языке).

Поддержать и именем священного села Нарек (с монастырем), находящимся на юго-востоке от Ванского озера, в районе Вастан. Хайасцы могли подобное имя хеттского священного же села Нарик перенести на новое место.

4. Индо-европейская концепция происхождения армян

До сих пор многие продолжают считать, что имя агтеп- армин-, которым нас называют персы, греки, сирийцы и др., это имя одного из индоевропейских фригийских племен, вторгшихся в Малую Азию задолго до нашей эры (1200 г.). И так как греческие писатели (Геродот, Евдокс и др.) определенно говорят о родстве по происхождению и языку между фригийцами и армянами, как «фригийскими выселенцами» (φρυγῶν ἀποικοί по Геродоту), то и делали окончательный вывод, что термин агтеп- (армин-) является привносным извне, а именно из Балкан, от этих фрако-фригийских племен, тем более, что армянский язык имеет в себе до 400—450 индоевропейских слов или корней (по НР. Ачаряну 713). На вид этот фригизм армян поддерживался учеными еще и тем, что армяне в войске Ксеркса стояли под одним с фригийцами знаменем, одеты и вооружены были подобно им. А сейчас можно прибавить, что и фригийское верховное божество Savazios возможно перешло к армянам в форме нарицательного имени astuac «бог» (из asvaz), как трактовал Н. Марр. Даже фригийский культ юного бога весны и плодородия Аттиса также оставил кое-какие следы у средневековых армян (см. у меня «Култ Ара Прекрасного», стр. 57). Не отрицая, следовательно, факта некоторого культурно-бытового, а возможно и этнического влияния или проникновения фригийцев в отношении хаев-армян, тем не менее *нет веских данных об основном формировании армян из этих пришедших фригийских племен, об их политическом и культурном руководстве, о родстве их языков и о привносе этнического имени армин- этими же фригийцами из Балкан.*¹

¹ Еще меньшую доказательность имеет сравнение двух армянских слов — *համր* hamr «смелый» (основа *hamn-*) и *սիբի* sibin «штык» с иллирийским и атаманийским (около Фессалии) *manu* и *sibyna*, что предлагает Маркварт в своей статье «Колыбель армян», (см. «Revue des études arméniens», Paris, VIII, fasc. 2, стр. 211—232; см. у Мапаид. *ibid.*, ибо

Конкретно, если взять налично известные фрако-фригийские слова числом до пятидесяти, приводимые у Дашяна („Учение клас. арм. яз.“, I, стр. 123—173), а отсюда и у НР. Ачаряна („Ист. арм. яз.“, стр. 131—133), то, как справедливо они замечают, в этих фрако-фригийских словах скорее можно найти соответствия с греческой или славянской лексикой, чем с армянской. Единственное фригийское слово *setun* „этоу“ похоже на др.-арм. *սմն* *smn* „этоу же“ от *սա* „этоу“, хотя я сравнил бы и рус. „сему“.¹ Еще в 1912 году известный лингвист А. Мейе в своей работе „*Les nouvelles langues indo-européennes, trouvées en Asie centrale*“ (Paris, 1912, стр. 7) говорил: „Без веских причин армянский относят к фригийскому, который едва-ли известен“. Армянский историк Гарагазан („Критич. история Армении“, I, стр. 7—10) также останавливался на этом вопросе, отказываясь даже принять армян за фригийских высленцев, как говорил Геродот, а Дашян, в вышеназванном своем труде обследуя все дошедшие до нас фригийские и фракийские слова и сопоставляя с армянскими, находит, во-первых, что нельзя вывести эти три языка из одной индоевропейской ветви, а во-вторых, что фракийский и фригийский скорее похожи на греческий или арийский, чем на армянский. Также отрицательно трактует армяно-фригийскую языковую связь и Маркварт в своей „*Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation*“ (стр. 4), говоря следующее: „Хотя между древнейшими армянскими памятниками и фригийским языком существует дистанция в 12 веков, тем не менее совсем нет сходства между армянским и фригийским языками“ (см. также у НР. Ачаряна, *ibid.*, 131, 133). Известный исследователь языков и культур древней Малой Азии А. Гётце, указывая на весь материал фригийского

напр., последнее слово считается заимствованным (есть и в арабском и персидском в форме *zubin*, см. у Hübschmann, а в его *Arm. Gr.* 1897 г., стр. 394—395).

¹ Приводят следующую фригийскую надгробную надпись: *ios ni setun knutanei kakun addaket ettetikmenos eitu*—кто же этой могиле вред причинит, проклятым (?) да будет (см. у Ачаряна, *ibid.*, стр. 133).

языка (надписи и собственные имена), собранный начиная с 1883 г. по 1932 г. (у В. Рамзая, В. Кальдера, И. Фридриха и др.), и на их новейшие исследования, заключает: «Оно [исследование] заставило признать для бесспорно индогерманского языка фригийцев тройное отношение [родства]: близкие соприкосновения внутреннего особоязыкового характера с фракийским и иллирийским; затем отношения к греческому, которые по времени являются раннеисторическими, по месту—балканскими; наконец, родство с балто-славянскими, что должно быть рассмотрено как доисторическое и внебалканское» (см. его „Kleinasien“, стр. 188).

Несмотря на явно отрицательное заключение о родстве армянского языка с фригийским, тем не менее продолжает и поныне держаться мнение о пришествии через Балканы на территорию Малой Азии арменов, как индоевропейских эмигрантов. Этой концепции держится и акад. Я. Манандян в своем „Крит. обз. ист. арм. народа“. Упоминают, что в „Илиаде“ Гомера (II, 2, 734) приводится имя города Фессалии *Ormenion*, повторяемый Страбоном в форме *Armenion* или *Orminion* (Страбон, кн. II); также в Вифинии (Малая Азия) была гора *Orminion*, а у Синопа на Черном море был порт *Армене*, не говоря уже о горе *Арменюп* у устья реки *Алис*. Из всего этого делали вывод, что индоевропейские армяне переправились из Фессалии через Фракию и Дарданеллы на материк Малой Азии, а здесь шли через Вифинию и по северному побережью Малой Азии до реки *Алис* и в Малую Армению. Даже ученый монах Я. Ташян был более реалистичным, когда переселение армян из Фессалии называл „сказанием, по прихоти приплетенным“.¹

Спрашивается, а почему нельзя эти малоазиатские, да и фессалийское *Armenion*, *Orminion* и прочее объяснить как более позднее нареkanie, данное этим местам уже тогда, когда армяне под этим именем известны стали гре-

¹ См. его работу „Учение классического армянского языка“, ч. I, „Бесписьменные времена“, Вена, 1920 г., стр. 182 (զրոյց ինչ էրան հայերէնի հոգեբանը).

кам с шестого века, не говоря о возможности чисто случайного созвучия этого Orminion'a и пр. с армен. Армянские маленькие поселки или колонии могли образоваться и в обратном движении, т. е. из Малой Армении на запад вплоть до Балкан. Я здесь напомним, что, напр., сирийское топонимическое название Koelesyria проникло на Балканы, где, напр., у албанцев есть город (село) Келасура, как это же имя имеется в Абхазии (на Кавказе). у древних армян (*Կէսուր* Клесур), да и сейчас в Советской Армении („Гель-асория“).¹ Даже само имя „Балкан“ я мог бы объяснить как древнее малоазийское слово, ибо имеются, напр., клинописное *Pelakinni*, затем *Belkania* у устья Мурад-чая и др.

В отрыве от конкретно-исторического процесса становления и образования армян, без изучения всех сторон и факторов, я мог бы, напр., имена города Orminion—Armenion в Фессалии (на Балканах) и горы Orminion в Вифинии, о чем сообщают греки, сравнить не только с нашим армен (*armin*) „армянин“, как делают другие, но и с именем древне-римской реки *Armenita* (=совр. *Flora*, в 80 км севернее Рима), с именем города *Arminium* (=совр. *Rimini*) в северной Италии, южнее Равенны. Я уж не говорю о внешнем сходстве и имени нумидийской (мавританской) реки *Armoniastum* или *Armoniastus* и города *Armoniastus civitas* или *Армонаса* в северо-западной Африке, о чем сообщают римские дорожники (*Itineraria Romana*, стр. 911, 950). Имя же *Армоне* или *Армене*—*Нармене* (порт недалеко от Синопа), что также сближают с армен „армянин“, можно было бы считать результатом культа бога *Hermes'a*, что особенно чтилось у лидийцев (*Armana*) и ликийцев (в сложении с *Arm-*: *Ermas* || *Armas*, *Ermaplas* || *Armaplas*. *Er-*

¹ По топонимическому словарю Эприкяна есть села: *Գլխար* (Верхний Гойласар и Нижний Гойласар) в Айрарате, затем *Գլխար* или *Գլխար* в Мазазе, далее *Գլխар* в Шатахе (Моксена) и наконец *Գլխար*=*Գլխար* на верховьях Мурад-чая в области Багреваид (=Алашкертская долина). Первичное значение *kelēsut* было „теснина, ущелье“.

madapiamis || Armadapimis...); ср. также имя города Негмионе на границе Арголиды (в Пелопонессе), имя горы „Эрмес-даг“ севернее понтийской Команы и Зиле (Зела).¹

Наконец, греки вообще любили все объяснять с их национального языкового и культурного горизонта, подобно тому, как для аргонанта Ясона было создано имя его друга Арменоса, чтобы отсюда вывести и имя всей Армении или как от имени Меден, дочери колхидского царя и супруги Ясона, образуется имя Мидия и т. п. Прав Б. Пиотровский, когда говорит: „В этом случае совершенно не было учтено, что рассказ о фессалийце Армене,² предке армян, в себе скрывает колонизаторскую идеологию античного мира, что он отражает тенденцию подкрепления колониального приоритета за отдельными областями Греции и Малой Азии. Ведь, с этим связано и то, когда Антипатрас в своем труде о Родосе Армена считает родосцем. По мнению античных писателей предки мидийцев и персов также вышли из Греции. Это вполне естественно, хотя и

¹ Этот антиисторический универсализм распространения родоплеменного агг(ин)-, фетишизирование звукового облика слова (вообще), как бы раз навсегда данное, без учета того, что изменение разнотипных слов зачастую в результате приводит к их одинаковому произношению, — все это есть отчасти следствие либо ультрамигранционной точки зрения, все выводящее из конечного одного исходного начала (праязыка, прародины), без учета многообразия, развития-изменения, новообразования и т. п., либо же из еще более субстанциональных корней-примитивов, идущих мол из первичной звуковой речи с несколькими морфо-звуковыми всезначущими и повсеместными элементами. Что-ж удивительного в том, что кельтские беры (бритты, бретонцы), басконидные иберы Испании, хамитские берберы (барбары) северной Африки, кавказские иберы и т. д. и т. п., также выводятся из того же универсального фокуса, будь это с миграционного или элементарно-тотемного и прочего аспекта. Это — не научно, антиисторично и сверхумозрительно, а практически (в учебниках и пр.) ведет к националистической установке и ограниченности.

² Об этом Арменосе Страбон (кн. XI, гл. 4, 8) говорит, что аргонант Ясон, при плавании в Колхиду, отправился с фессалийцем Арменосом до Каспийского моря, прошедши Иберию, Албанию и большую часть Армении и Мидии, что Арменос происходил из города Арменион около озера Бойбенс (в Фессалии), от которого и имя страны Армения.

очевидная неправда" (см. его статью „К происхождению арм. народа“, помещенную в „Известиях“ Арм. Ак. Наук, № 6 за 1945 г., стр. 26).

Не отрицая наличия индоевропейского некоторого, хотя и важного, слоя в армянском языке, как и во многих древнеазиатических (малоазиатских) языках, как, напр., в хеттском, лувийском и даже отчасти в хурритском и урартском (ср. напр. имен. падеж имен на -š, вин. п. на -n), тем не менее местное малоазиатское языковое наследие превалирует. Индоевропейское языковое наличие могло образоваться и не только миграционным путем из какого-то мифического индоевропейского праязыка, а путем довольно сложного скрещения через сношение или соседство некоторых древнейших индоевропейских племен из группы „S“ („satem“), как позже застаем в Малой Азии галатов (=кельтов), саков—кимров и других индоевропейцев, не говоря уже о древнейших греках (ахейцах и др.) близ Малой Азии при хеттах. Теория же пришествия армяно-фригийского или родственного с ним племени, сейчас уже отпадает, как показывает сравнение этих языков (см. выше).

Я уж не говорю о подобном древнем путании родства фригийцев с мосхами, что также делалось. Бывают, конечно, случаи, когда покоряющие племена, не оказав другого заметного влияния, придают побежденным свое имя, как, напр., это было в отношении внедрения имени франков в Галлии. Но в отношении армян мы не знаем, чтобы фригийские „армены“ вторглись в Малую Армению и завоевали ее, ассимилировав аборигенов этой страны, а в дальнейшем и жителей Великой Армении.

Факт миграции, как и ее большие последствия и влияния, никто, конечно, не может отрицать, а в частности в отношении этнических и политических новообразований VII—IV веков до нашей эры на Ближнем Востоке роль киммероскифских или сакских племен огромна. Индоевропейские армянского языка преимущественно исходят от них (ср. характерное -lo (-лэ) в славянском причастии прош. вр. и

арм. *ea-lo*, напр. мерль есмь = арм. *metéal em* (умерший есмь =) „я умер“; *смуг-л-ый* = арм. диалектич. *tug* „смуглый“ и пр.). Мы не можем придерживаться огульного противопоставления во всех своих подробностях и следствиях: либо через миграцию, либо же отрицая ее совершенно. Факты образования арм. этники и государственности говорят за то, что мы не можем исходить *только и только* из наличных, первоначально данных этнических единиц Урарту, из стабильности их расположения, без учета возможных миграций и передвижений, расселений и т. п., без учета роли ведущих этнокультурных сил, их веса и количества, их политическо-организационного значения и пр. И когда в 1938 г. В. Струве („История Востока“, арм. перев., стр. 576) говорил, что „Впоследствии в более высокой стадии общественного развития из него [урартского языка] образуется современный армянский язык“, то это несомненно было отражением механического восприятия отрицательного отношения Н. Марра (в 1924—36 гг.) к теории миграции, в противоположность индоевропейской концепции, готовой объяснить миграцией чуть не все.¹ На самом же деле армянский народ, а позже и государство, образовали хан из Хайасы, что сохранилось и в осознании армянами себя именем „хай“, через смешение с местными племенами Урарту, в первую очередь с полусирицизовавшимися хурро-субарамскими районами Ариме и Шуприа поздней Арзанены, на верховьях Тигра. Армянский язык, конечно, не получился из урартского „в более высокой стадии общественного развития“, хотя и есть частичные урартизмы в корнеслове, словооб-

¹ Начиная с 1923—1924 годов Н. Марр в рассмотрении лингвистических и этногенетических вопросов отказался признать родство языков, их генеалогическую классификацию, семьи и пр., как и фактор миграции. Но его универсализм и выдвигание только „единого глоттогонического процесса“ со стадийностью и „палеонтологией“, которые зиждятся на изначальных мол для всех языков четырех морфо-звуковых элементах и т. п., все это ошибочно противопоставлялось конкретной реальной истории данных языков с их особенностями, закономерностями, связями и пр. Но Н. Марр вначале задавался и этими вопросами, и в частности генезис армянского языка им рассматривался как „арнояфе-

разовательных и грамматических формах, что, быть может, отчасти проникло и через родственный хурро-субарский язык Ариме-Шуприи. Фактор же расселения и даже миграции отрицать не можем. Ведь переселились же англичане или турки на их современные места, или, напр., русские расселились от Днепра на восток, ассимилируя другие племена и народы *с господством своего языка* (английского, турецкого, русского). Мушки, напр., были в Арзанеце (Таврии), в Каппадокии и у Чороха (где был *moschoitragicus*), Маннен у озера Урмии и южнее Эрзерума (арм. область Мапапалі) и т. п.

Имея в виду все эти факты, а также односторонность, преднамеренность (тенденциозность) и научную схематичность индоевропейской миграционной концепции в объяснении этногенеза армян, как в отношении объяснения наличных в армянском языке индоевропейских слов и форм, что никто не отрицает, так и этнического термина „агтін“ и прочее, я прихожу к тому заключению, что *древне-малоазиатский („азианический“) этнический, языковой и культурно-исторический (в том числе и культовый) субстрат явно превалирует над всеми прочими*. И, следовательно, даже при объяснении этнического термина агтін-, который, как увидим, образовался из корня агтн- или агат-, нужно иметь перед собой прежде всего этот реальный исторический аспект местного неиндоевропейского (малоазиатского, ближневосточного...) примата. Об азианическом же качественно превалирующем характере армянского языка у меня подробно говорится в отдельной работе „К проис-

тический“, как бы равномерно смешанный из индоевропейского и афетического („кавказского“). Его сравнительные армяно-грузинские исследования в области корней и форм этих языков естественно не могли исчерпать огромного количества неиндоевропейских элементов армянского языка. В лучшем случае эти этимологии, и то не все точные, могут охватить несколько процентов. Прогрессивнее был Марр и в дифференцированном подходе к „единости“ армянского языка, выдвигая изначально генетически разные языки-ферменты, как „хайский“ или „kh“ диалекты и „армянский“ или „г“ диалекты (по признаку образования множ. числа).

хождению армянского языка" (см. также „Известия“ зом. Ак. наук, № 7 за 1946 г.).

5. К происхождению имени *Armina* „Армения“

Когда хайасцы (=хай.) к концу седьмого и началу шестого веков постепенно распространились на юг в сторону Мелитены, а отсюда уже переправившись через Ефрат двинулись по долине Арацани на восток к Тарону и юго-восточнее — в Арзамену, то они, как сказано, столкнулись с сильным арамейским или сирийским этническим миром, начавшим к тому времени араменизировать многие азиантические (урартские, наирские, хеттские, хурритские и др.) племена. Процесс араменизации охватывал Палестину, Финикию, Ассирию-Вавилонию, южные области Урарту, восточную Малую Азию и пр. Как говорит Страбон (VI, 1),¹ имя сирийцев в древности простиралось от Вавилонии вплоть до Евксинского (=Черного) моря. Даже в Каппадокии были сирийцы ($\lambda[\epsilon]υ\chi\acute{o}\text{-}\sigma\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$ „ликийские сирийцы“).² Их экспансия, благодаря торговле и передвижению, распространялась по всей Передней Азии.

¹ См. у Н. Адонца, Арм. в эп. Юст., стр. 396.

² Раньше неправильно переводили через „белые сирийцы“, что есть греческая народная этимология от $\lambda\epsilon\upsilon\chi\acute{o}\varsigma$ „белый“ имени малоазийского народа ликийцев (корень luk -). Еще при хеттах (во II тысячелетии) жители древней Арзавы назывались $luw\acute{i}$, а их язык звучит у хеттов $luw\acute{i}$ „по-лувийски“, но раз передано сумерским $UR.BAR.RA-II$, что дословно значит „по-волчий“, следовательно имя народа звучало luw - „лув-“, как еще впервые заметил А. Унгнад („Zeitschrift für Assyriologie“, N. F., I, стр. 1 и сл.). Вместо этого luw - выступает также термин luk - (Lugga еще в XIV столетии до н. э.), что видим и из документов Тель-Амарны („страна $Lu-uk-ki$ “). Об этом вопросе говорили также Грозный (Bogh.-St., V, 41; Spr. d. H., 50³), Lewy (ZA, NF., I, стр. 144 и сл.), А. Götzе, Kleinasien zur Hethiterzeit, Heidelb., 1924, стр. 28) и особенно Р. Kretschmer в журнале „Kleinasienatische Forschungen“, Weimar, 1927) в первом выпуске (стр. 1—17) со статьей „Имя ликийцев и прочие малоазийские имена“. Волк был обожествлен и почитаем в древней Малой Азии (на юге) и у пелазгов (а отсюда и у греков; ср. термин $\Delta\iota\omega\kappa\epsilon\varsigma$ „волчий“ применительно к Зевсу, Аполлону и Пану). Имя народа ликий-

Мирное и постепенное проникновение хаев в урарто-арамейские области, как встречное сирийцам историческое движение, не так резко обособлялось по культурным, экономическим, да и расовым внешним признакам или проявлениям, хотя в языковом отношении разница была огромная. И разве странным нам должно казаться, когда Страбон, ссылаясь на мнение Посейдона, говорит: „Ведь армянский, сирийский и арабский народы обнаруживают большое племенное родство по языку, образу жизни и по чертам лиц, особенно в тех местах, где они живут по соседству... Кажется, что и названия этих народов сходны между собой; *кого мы называем сирийцами, они у самих сирийцев называются армянами и арамеями...*“ (см. у Адонца, стр. 396—397). По языку сирийский (арамейский) и арабский родственны, будучи семитическими языками, но того же нельзя сказать про армянский язык, хотя армяне позже и заимствовали более двух сотен сирийских слов, частью под влиянием христианства.¹

На сирийском языке написана надпись армянского царя Арташеса I, сына Зариадра (так по надписи), найденная недавно в Нор-Баязете. И это писалось в то время (начало II в. до н. э.), когда на этом Ближнем Востоке

цев и ликаонцев в Малой Азии также идет из этой культовой обусловленности (ibid.). Для формы lukō-syroi ср. также подобные этнические сюжения: Celto-ligures „кельтские лигуры“, Celto-scythae „кельтские скифы“, Celt-iberi „кельтские иберы“ (предки современных басков во Франции), Ibero-liguri „иберские лигуры“ и пр.

¹ Таковы, напр.: գութ gub „яма“; արտր akhsor „высылка“; բարբել basrel „охулить“; գաղութ gałuth „колония“; արք dag „век, генерация“; քանութ hanuth „лавка“; ծած isom „говение, пост“; ծրար tsrag „связка, пакет“; կաթնա kathsa „котел“; կաղին kačip „топор“; կեղեւ keļew „кора, скорлупа“; կուշ kuz „куница“; կուրք kurg „смола“; հաշիւ hašiw „счет“; ղեկ řek „руль“; մագաղաթ magəłath „пергамент“; մաղաղ margał „серп“, и пр. и пр. По Ачаряну таких сирийских слов у армян 209 (см. его „Ист. армянского языка“, ч. I, 1940, стр. 336—342), хотя такие слова, как կաթնաw „куропатка“, կօլօw „корзина“, քօղ „брешь в стене“, արքել „ласка“ я не считаю заимствованиями из сирийского (для арм. քօղ ср. скорее аккадское хигг-и с тем же значением, что ближе к армянскому фонетически, своим интенсивным гг, чем сирийское хօղֵא).

господствовало влияние эллинистической культуры и греческого языка. Конечно, у нас имеются позже уже греческие надписи, как, напр., из Армавира, Вагаршапата, Апарана (Нига), как и монеты армянских царей (Тигран, Аршам, Артавазда и др.) на этом же языке.

Я уж не говорю о влиянии сирийцев в христианский период, когда, напр., рядом с домом Григория Просветителя, как провозвестника византийского влияния, выступает сиропильский дом Альбианидов, когда армянские ученые-монахи ехали в начале в сирийские просвещенные центры—Мцбин (из Naşibîna) и Эдессу (Urha) для получения образования, изобретения армянских букв, когда армянская архитектура (напр. базилики) находилась под сирийским влиянием, когда переводы священной литературы (Библия и пр.) делались вначале только с сирийского и т. д. и т. п.

Даже начальная история армян, сохраненная М. Хоренским и Анонимом, написана была первоначально сирийцем Мар Аба Катиной, который по просьбе армянского царя Валаршака (по Анониму: царя Аршака) в половине третьего века до н. э. из города Мцбин (совр. Нисибин), т. е. из резиденции армянского царя, отправляется в Ниневию и там в архиве парфянского царя Аршака находит книгу, переведенную по повелению Александра Македонского с халдейского (нововавилонского) на греческий язык. Из этой книги Мар Аба Катина почерпнул все, что относилось к армянам, и передал эту выписку на сирийском и греческом языках мифическому армянскому царю Валаршаку, брату парфянского Аршака. Дело, конечно, не в этих Валаршаках, Санатруках и прочих армянских царях из сирийского города Мцбина, а Моисей Хоренский готов был и сирийского Абгара Мцбинского считать армянином. В общем эта сирийская концепция Мар Аба Катины, при некотором утрировании и передержке, все-же правильно перечисляет эпонимов армян, ставя на первое место Хайка, а затем Араманеака, Арама и Арамаиса, выводимых им из этнического агата- „арамеец“, что, конечно, тут perso-

делием и снабжали курдов хлебом и прочими продуктами от возделывания земли. Об имени *sohexi*, которым называют армяны грузины, у меня уже было сказано (см. стр. 146) в связи с частичной арменизацией племен (или племен) месхов. Семиты же Месопотамии (ассириовавилоняне), судя по бисутунской надписи 520 г. Дария I на трех языках (на персидском, эламском и аккадском), даже после крушения урартской государственности продолжали хаев-армян, т. е. южную часть Армении (=Арзанену) называть прежним термином *Uratu*, произносимым ими *Uraštu* (переход *rt > št* и обратно очень част в ассириовавилонских словах), тем самым еще отказываясь признать новую ситуацию. Это произошло потому, что новопришедшие хайасы-армяне продолжали у этих месопотамских семитов играть в бассейне верховьев Тигра политическую роль прежних урартцев. Ср., например, такую же функциональную семантику в имени *Rom* (Рим), которым на востоке продолжали называть греков Византии („ромен“) в средние века, а ныне курды этим же *Rom* продолжают называть наследников этой Византии, а именно современную Турцию.

Разберем особо этническое *armin*, иначе говоря *arim* (>*arim*-) — агам.

Этническое имя *arim* - (>*arm*-) — *aram*-

Ученый И. Маркварт считал возможным основу *armin* имени *Armina* „Армения“ произвести от корня *arim*-, как возможного сокращения из *arim*- или *arim*-, и из урартского суффикса *-ini* или *-ina*, как имеются, напр., *Haldini*, *Muškinī*, а я бы прибавил и *Tetšebaini*, *Rusaini* и др. Выпадение же безударного гласного „i“ в корне *arim*- он приписывал и урартскому языку [подобно армянскому]. Этническую подоснову этого *arim*- он видел в имени народа *arim-oi* „аримы“, приводимом Гомером в Илиаде (В, 783). Здесь рассказывается о победе Зевса над Тифоном и закапывании им этого дракона в земле *аримов*, под огнедышащей

горой Аргайос (в Каппадокии). Впервые И. Парч¹ приурочил место этих аримов у вулкана Эрджиас (<Аргайос> близ Кесарии, а И. Маркварт в подкрепление этому подчеркивал параллель этой легенды у армян, сохранивших (у М. Хоренского кн. I, § 14) борьбу Арама с чудовищем Рајар-іs Kha[a]lea] („козлеродный пан“?), которого он гонит на какой-то остров „азнатского моря“.

Но Маркварт отвергает мнение И. Парча, повторяющего фактически древнегреческого писателя Посейдона, о том, что эти гомеровские аримы—семиты арамейцы. По Маркварту этих семитов в Киликии или южной Каппадокии не было, а упоминаются они в северных районах черноморского Понта. Независимо от правильной установки генезиса аримов я с своей стороны могу возразить Маркварту в том, что в южной Каппадокии действительно были семиты сирийцы („белые сирийцы“, точнее „ликийские сирийцы“ в Ликии), а ведь сирийцы в этно-лингвистическом отношении не намного отличаются от арамейцев.

Наконец, Маркварт арменов, как индоевропейских колонистов, помещает сперва во Фригии, в районах современной Анкары и по среднему течению Алиса, откуда эти армены мол двигаются к районам горы Аргайос (в южной Каппадокии, близ Киликии), где и упоминаются Гомером под именем аримов, а затем с этих южных просторов Малой Азии подымаются на север, к истокам Алиса в Малой Армении, откуда уже распространяются по Армянскому нагорью.² Это странное путешествие аримов, т. е. „индоевропейских арменов“, со среднего течения Алиса на юг к Киликии, чтобы поместиться у горы Аргайос, и отсюда снова на север, уже к истокам Алиса, что в западной Малой Армении, чтоб отсюда переселяться или постепенно освоить „Армянское нагорье“, т. е. Урарту, все это не выдерживает ни малейшей критики. А не было бы попроще, как это делзет акад. Я. Манандян, а в одно время и Б. Пиот-

¹ См. Jos. Partsch, *Geologie und Mythologie in Kleinasien*, Berlin, 1888, стр. 105 и сл.

² См. у Я. Манандяна, *Крит. обзор ист. арм. народа*, стр. 20—21.

ровский, этих так называемых индоевропейских аримов из Каппадокии не переселять снова на север (в Малую Армению), а передвигать прямо из Каппадокии на восток в Мелитену, Софену и т. д., что было бы географически в короче, а может быть и логичнее. Не помогает Марквартовской концепции искусственного перемещения аримов с севера на юг к горе Аргайос и упоминание в надписи урартского царя Менуи имени страны *Urmeniuš* (основа *Urmeni-* или *Ormeni-*, а *-iuš* есть суффикс), что он под влиянием Леман-Хаупта, склонен был помещать также в Каппадокии, т. е. там, где фигурируют гомеровские аримы.¹ Но мы точно знаем, что Менуа не переправлялся на западный берег реки Ефрат, да еще мол достигал пределов южной Каппадокии, а упоминаемое в его надписи из Палина (около города Балу на нижнем течении Арацани—Мурад) имя страны „Уременийской“ (суф. *-iuš* = рус. „ский“) может только и только отнестись к какому-либо району поблизости современного города Балу, а не Каппадокии.

Как видим из всего вышесказанного, Маркварт готов был *arim-* вывести из корня *arim-* народа аримов, как индоевропейцев, склоняясь в то же время с ним роднить и *туземцев* „орим“-ов страны *Urmeniuš*, где суф. *-ini* или *-ina* считал местным урартским. спрашивается, а почему же этот местный этнический термин *arim-* или *arim-*, да еще с местным же суф. *-ini* (*-ina*), должен был придаваться пришлым индоевропейцам в Каппадокии, остается мне непонятным.

Этническое имя *arim-* (>*arim-*) в связи с аримами и *Armina* „Армения“ с суф. *-ina* генетически не только не индоевропейского происхождения, как на то соглашался и И. Маркварт, но и не придавалось тем индоевропейцам, кои оказали влияние на формацию армянской этники

¹ См. у него в „Entstehung“-е (стр. 67): „Es ist nicht ausgeschlossen, dass in der Tat, wie K. F. Lehmann [-Haupt] vermutet (Sitzungsberichte der. Berl. Akad., 1900, стр. 621), in der *Ur-me-ni* einer Inschrift des Chaldeer-Königs Menuas die noch in Kappadokien wohnenden Armenier zu erkennen sind, wofür der zugrunde liegende *einheimische* Name ursprünglich **Or(i)m* gelautet hat“ (подчеркнуто мною).

и языка. Народ аримов, как и новообразованное Armina, о чем будет сказано обстоятельно ниже, *местного субаро-наирского этнического и языкового истока*, бытовавшего на обширном пространстве верховьев Тигра. Армянские фольклорные традиции, быть может, меняя и мифотворчеству, к своему этногенезу прибавляют помимо Хайка также имена от этнического агат-, что на вид дублирует имя арамейцев-семитов. Эти эпонимические армянские персонификации—Араманеак (|| Арманеак || Арменак), Араманс (|| Арманс), Арам и быть может Харма (*Հարմա* Harma). Есть, однако, данные, что агат- или агта- может и не быть семитического происхождения, а хурритского (субарского) со значением „дар, приношение, жертва“, тем более что арамейское *арам-* на почве семитических языков не объясняется. В этом отношении ср. и имя урартского царя Араме (IX век до н. э.), блестящего противника Салманасара III.

Здесь же мне хотелось бы указать на те разнообразные и многочисленные производные слова, которые существовали на этой местной субаро-урартской языковой почве и образовались от корней *arim-* (*arim-*) или *agat-* (*agm-*). Словообразовательными формативами к этим корням могут быть суффиксы *-ini* || *-ina*, *-ani*, *-ali*, *-is*, *-wir*, *-onkh* и пр., имея в виду и армянскую ономастику.

Суффиксом *-ini* в урартском и хурритском образуются притяжательные прилагательные, как от *Alzi* имеем *Alzini* (собств. „алзийский“, но и „алзнец“), откуда и арм. *Աղձնիք* *Ałdznikh* (= греч. Арзанена), или от *Hal-di* (имя бога)—*Hal-dini*, от *Teišeba* (имя бога)—*Teišebaini*..., или хурритское *hattini* „хеттский“ (от *hatti* „хетт“) и т. д. Однородный же суф. *-ina* эту притяжательность или свойственность ограничивает по месту, т. е. как место, принадлежащее кому-то. Таковы урартские: *Bialna* „место (страна) биа“, т. е. рода или племени биа, *Luluina* „место лулу“ (т. е. лулубейцев, как варваров в отношении к биаинцам), *Ḫatina* „место хеттов“, что дается в форме *Ḫattina* и в хеттских надписях (см. 2 Во ТУ. 37). Ср. также хурритские образования—

Ḥattarina¹ „страна (=город) хаттийцев“, Urartina (или Urratina)² „место урартов“, Daḫuwaḥina³ (ср. урартские Rusahi-na, Argištihi-na „Армэвир“ и пр.), Arzuhi-na, Kuzaštarina (2 Bo TU. 51. B. § 40), Almina⁴ и пр., не говоря уже об известных Palestina „страна (место) палестов“, т. е. филистимлян, Madaena „страна (место) мадов“, т. е. мидийцев (=Мидия) и т. п. На этой словопроизводственной практике субаро-урартцев нет ничего странного, что *armini могло образоваться от arim- с суф. -ini, хотя этой формы нет, но есть сородная Armina с суф. -ina.

Суффиксами *an-* или *anī-* в наири-урартских (и хурритском?) языках образовалось множественное число, видимо коллективное, как имеется у древних армян *ազատահի* azatani (от azat) „знатные, знать“, *կանահի* kanani (от kin) „женщины, гарем“ и пр. (ср. также *խորդ-եան* xord-ean „журавли“, *նախարար-եան* naḫaraḡ-ean „нахарарство“, *հոտ* hoṭ „ослы“ и пр.). Для этого я имею в виду „наирские“ *an-*

¹ Ср., напр., в тексте на хурритском языке (Bo. 2033. Col. II, стр. 40): URU Ḥattarinaḫi dGAŠAN-an dNinatan dKulitan „Иштар, Нинату (и) Кулиту города Хаттарина“ (см. в статье И. Фридриха „Zum Subaräischen und Urartäischen“, в журнале *Miscellanea orientalia*, Roma, 1935, стр. 125). Основы Ḥattar(i)- и Kuzaštar(i) городов Ḥattarina и Kuzaštarina я считаю также производными с суф. -arī, что вероятно показывало происхождение по месту, т. е. Ḥattarī значило „хаттец“, kuzaštar, „кузаштец“, для чего я имею в виду мегрельское подобное -arī, напр. в образованиях типа opizari „опизец“, somxithari „сомхитец“ (т. е. из Сомхиты), odišari „одишец“ (=мегрел) и т. п., армянское -ar или -er, напр. в сложном суффиксе -arēn или -erēn (junaren „по-гречески“, činaren „по китайски“, haġeren „по-армянски“ и т. д.). Ср. также хурритские мужские имена: Kuzari („кузец“), Tiṭinari („титинец“), приводимые у А. Гётце (Kleinasiens, 69, прим. 4), Taḫšari (ср. и сродное женск. имя Tapšari), Baġari, Siari, Kilari, приводимые И. Гельбом (см. его *Hurr. a. Sub.*, Чикаго, 1944, стр. 109).

² Говорится о некоем šadi-tešup'e из страны Урартинна (см. А. Goetze, *Methiter, Churritter und Assurer*, Oslo, 1936, стр. 104, прим. 2) хотя И. Гельб (*Hurr. a. Sub.*, стр. 82) пишет Urratina(š).

³ См. 2 Bo TU. 61. A. § 148, 31' или там же 61, B. § 148, 34'. Для этимологии этого имени ср. имя города Daḫkuwa, близ столицы хеттов Хаттуша.

⁴ См. 2Bo TU. 41. (§§ 1, 2, 5).

տղերան Tugubetan, что дословно значит „Тавру-роды“. *Արբերան* (р) Arberan(i) „Ар-роды“, как имена армянских областей у Ванского озера с запада и севера. Простое же ber „род“ имеется и в других образованиях (Tamber, Khaiberuni и пр.). Ср. и груз. суф. -ni (kaç-ni „люди“), аккадс. -ani (ilāni „боги“, от ilu „бог“, alāni „города“ от alu „город“ и пр.). Так что от этнического agim- вполне можно было бы ожидать ar(i)tan или ar(i)tanī, как и от агам- новое агатан(i), что могло бы стянуться в агтан или агтанī. Быть может, был подобный же суффикс для притяжательных отыменных прилагательных, как имеем в современном армянском gəlxani, wotnani и пр. от имен glux „голова“ и wotn „нога“ (напр. erkuglxani „двухголовый“, mi wotnani „одноногий“). В этом аспекте ср. Агатанī-ак, имя эпонима у армян (сын Хайка), откуда я произвожу *արամանեան* агатанеан „араманский“ (т. е. „армянский“), как это читаем у Гр. Магистра в его комментариях к Грамматике Дионисия Фракийского (см. Н. Адонц, Д. Фракийский и его арм. толкователи, Петроград, 1915, стр. 228: *մարմնի Արամանեան անուանվողով*). Есть также имя села (пункта) Агтанас, упоминаемый в римских дорожниках и приурочиваемый И. Марквартом и Я. Манандяном к армянскому селу *Արաման* Агатана (в Багревзиде, в 20 километрах западнее Алашкерта), упоминаемому Лазарем Парпским (см. Тифл. изд., 1904, стр. 57) и соответствующему нынешнему Хастур. Недалеко от нынешнего Степанавана (бывш. Джалал-оглы) есть армянское село Арманис, где последнее „с“ остаток вин. п. мн. ч., как это часто встречается в именах мест (ср. *Բնակիր, Խնակիր > Խնակ, Ենակիր > Ենակ, Վարդենի, Դարբի, Տարբի, Դալի, Կարի* и пр.). Возможны, конечно, и формы Erman(i), Orman(i) и пр.,¹ как имеются личное имя Erimena, имя страны (места) Ormini-uhī и пр.

¹ Напр. в урартской надписи Сардура II из ванской ниши (грома), называемой „Хазинне-капусы“, раскопанной Н. Марром и И. Орбели в 1916 г., в числе городов страны Этиуни, конкретно изрода ликов (=районы Карс. области к западу от реки Ахурия), читается имя города Ir-ma-a-ni, что может произноситься и Er-ma-a-ni (=Ermani). Надпись в этом месте гласит: „URU Irmāni URU LUGAL-nusi Ueirdainii agunāni“.

С суф. *-is* (едва ли *-ajis*) имеем от *агап-* (*agim-*) этнонимическое *Ար(ա)ճախի* *Ar(a)majis*, что опять-таки можно объяснить на данных урартского (и хурритского?) языка, где суф. *-is* или *-es* образовывал имена происхождения по месту, вроде русского *-ец* (Муромец, Ростовец, купец, торговец...) как, напр., имеются *zua-š-ili* „зуайцев“ (*-ili* для вин. п. мн. ч.) от имени места *Zua* (есть и *Zuaini* „Зивин“ около Сарыкамыша, где найдена эта клинопись Менуи), или же, напр., *zabaḥa-es-ili* „забахайцев“ от *Zabaḥa* „Джаваха“ (имя места там же), как прямое дополнение от глагола „я покорил“. Есть даже более сложная форма *šurisiḫlini*, что я перевожу „этих (*-ni*) шурийцев, от имени страны *Šuri*, столь часто упоминаемой в урартских надписях в титуле царей „царь Биайни и Шуры“ (где *Šuri*=быть может Митанни?).

Суф. *-ali* образовал имена мест, где обитало то или иное племя. Напр. имеется армянская область *Մաննալի* *Mananali* или *Մանալի* *Manali* (оба из **Mannali*), что дословно значит „область (место) маннов“, т. е. народа или племени, известного нам еще из Библии („Мянии“), клинописи (у урартцев „*Mana*“ к западу от озера Урмия). Также имеем *Մարդալի* *Mardali* „область (место) мардов“ (= известный народ, живший во многих местах, в частности в Мардастане, южнее Арарата), *Դարանալի* *Daranali* „область даранов“ (где город Кумаха—Ани на Ефрате), имя города *Balaleis* (=совр. Битлис), стянутое в армянское *Բալեշ* *Baleš*, что собственно значит „страна балов“ и т. д. Следовательно, мы вправе ждать от этнического *agim-* или *agam-* топонимическое *Agamali*, что действительно и существовало во владениях урартского царя Арама к западу от озера Ван. Ассирийский царь Салманасар III (859—825), описывая *manu gupisa ḫaibi* „город Ермани, город царский Верды („Вердский“). (что) укрепленным был, с боем я захватил“. Здесь интересны личное имя *Werda* и имя города *Ermāni* (*Irmanī*), в котором последнее *-ni* едва ли есть окончание винительного падежа ед. ч. Не есть ли этот город Эрман позднейшее село *Արմա* *Arma* в Карсской губернии, где сохранилась старинная церковка VII века. Искажение Эрман (resp. *Arman*) в *Алам(а)* вполне возможно.

поход через местность Алзи (к западу от Сасунских гор), по реке Зебене-су в долину Арацани, в страны Сухме и Дайайни, лежащие севернее Арацани, повествует при движении отсюда к озеру Ван о взятии Арзашк, столицы Арама, а еще восточнее и страны Арамали, после чего он достигает озера („море Наири“), т. е. озера Ван, где и омывает свое оружие, приносит жертвоприношения и пр. (в 858 г. до н. э.). Имя *Aramali* здесь значит просто „место Арама“, т. е. образовано от имени самого царя Арама. Но это же имя места Арамали Саргон (в 714 г.) при описании своих походов против Русы I называет немного иначе — *Armirali* или *Armarilli*¹ от основы *armir-* или *armar-* „армец“, образованного от *arm-*. В частности последняя форма *Armarilli* своим *-illi* может быть поддержана такими же топонимическими образованиями, как урартские *Argištiḫinili* (=Армавир), *Menuaḫinili* (=Ташбурун) и *Taririahinili* (говорится о винограднике в честь царицы Таририа, жены Менуи). Форма же *armar-* мне напоминает хурритские образования *ḫattar-* — „хаттец“, *kuzaštar-* — „кузастец“ и пр. (см. выше), к которым прибавляется топонимический суф. *-ina* (*ḫattarina*, *Kuzaštarina*...), как соценное *-ali* || *-ili* к *armar-* (*Armir-ali* или *Armarilli*). Суффикс же происхождения *-ar* в других обыкновенных случаях в урартском заменяется равноценным *-ḫi*, всегда выступающим с определенным *-ni*, т. е. *ḫini*, и получаем *Argištiḫinili* („Аргиштино, Аргиштово“), *Menuaḫinili* и пр.

С суффигирующим *-wir* имеем имя города *Arma-wir*² армянского заменителя урартского Аргиштихина (или Аргиштихинили), центра урартского владычества в Араратской долине. Основание этого Армавира армянские легенды (у М. Хоренского) приписывают легендарному же Ар(а)мансу. Дословно Армавир значило, по-моему, „Арама-род“, где срединное „а“ скорее относится к основе

¹ Здесь были города *Абру* „город рода отца Русы“ и *Риар* „город Сардура“. (см. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 118—119).

² У Птолемея читается *Армавира* (= *Arma-vira*) или *Армаориз* (= *Arma-uriz*)

агата-, существующей и в Ar(a)ma-is (и в Harma), а не армянское соединительное гласное. Слово wir, получившееся из wer, мы видим и в армянских сложных словах *փրիսաւէր* phesawer „из рода зятя, родич зятя“, т. е. представитель зятя (phesa) при бракосочетании, как имеем и сродное образование *հարսնաւէր* harsnawer „из рода невесты“ (harsn „невеста“). Это wer (= ver), что тут пишется неправильно через *է* *ē* вместо *և* *e*, существовал и в грузинском (ср.: напр., местности Шулавери, Цагвери, Уравели < Уравери и пр., но и в нарицательных словах на -ver*ǵ* || -var*ǵ*, становящееся -vell || -val*ǵ* при наличии второго „г“ корня).¹ А сейчас мною устанавливаются многочисленные хеттские (resp. хурро-азиянские) имена на -war (*-var*) с тем же значением „род“, о чем особо.

Наконец, я бы отметил в армянской топонимике такое имя, как *Արամաւնք* Aramawn-kh (= Aramōn-kh), ставшее через позднюю форму Aramōns (где „s“ для вин. п. мн. ч.) современным Aramus (Арамус) в районе Котайка, недалеко от Еревана. Для суффикса же -*աւն* (= *ōn*), несомненно урартского происхождения, ср. топонимические—*Բաւոն* Bawōn, *Տահաւոնք* Šaharōnkh (> Šaharōns > Šahapus, совр. Шахбуз), *Գագաւոնք* Gagkōnkh и т. п. при урартском Taguni = арм. *Տարոն* Tarōn.

Конечно возможно было бы представить и другие производные имена от занимающего нас корня arim- или агат-, как напр. с суф. -*ւի* (*Armu*ǵ*i или *Agamu*ǵ*i), с суф. -*ւն* (*Armu*ǵ*ni или *Agamu*ǵ*ni) и т. п., но таких древних образований пока не засвидетельствовано.

Таким образом совершенно реально выявляется топонимическое, этнонимическое, эпонимическое и прочее словопроизводство от древнего этнического arim- || агат- в вышепоименованных—Arime или Arme, arim-oi, Arman, Arame, Aramali, Armina, Aramana (ср. Armanas = *Արամաւնա* Aramana), aramanean „араманский“, Aram—Ar(a)maneak—Ar(a)-mais (—Harma), Aramōn-kh, Armawir и пр. Историческая

¹ См. мою работу „К происхождению груз. национального имени kharthveli“, изд. Унив. Армении, 1939 г.

аттестация некоторых из них, как Arime, Arame—Aramāli (не говоря о созвучном Arman в Месопотамии к востоку от Вавилона) ко второму тысячелетию или началу первого тысячелетия до н. э., говорит за местное происхождение, а не за заимствование с арамейского „агам“, к тому же не объяснимого на данных семитического языкознания.

Не отрицается, конечно, и возможность изменения arim- в агам- в новые agim-и, игита и игіта, отмеченные в клинописных документах. В частности народ игита или игіта упоминается южнее или юговосточнее расположения страны Arime, на пространстве между Турабдином и Ефратом.

Хочу также указать на то, что независимо от случайного созвучия (омонимности) с нашим этническим или этническими agim- и агам- есть некоторая возможность объяснения слова агам (|| arma) на субаро-хурритской языковой почве.

С этой стороны я бы обратил внимание на хурритское мужское имя Агам-musuni, известное нам из таблесток Телль-Атшанеха (у Антиохии в Сирии), времен вавилонского царя Хаммурапи (см. I. Gelb, *Hitt. a. Sub.*, 64). Но это же имя в таблестке из Ниппура выступает в форме Агам-muzni, что приводится, напр., у А. Клея (A. Clay) в его „Personal names from cuneiform inscriptions of the Cassite period“ (напеч. в *Yale Oriental series*, I, 1912, стр. 56).¹ Вторая часть этого сложного имени musuni или muzni обыкновенно пишется mušuni или mušni, часто выступает в хурритских текстах, особенно как эпитет богини Хепит (Ḫepit mušni), а иногда и деифицированно (ḫmu-šu-ni, ḫmu-šu-ni-iš, ḫmu-šu-un-ni-iš и пр., см. NPN, стр. 235), и переводится Тюрро-Данженом через „величественный, возвышенный, прекрасный“.² Первая же часть агам- хурритоло-

¹ См. NPN, стр. 235 и 203 в листе П. Пурвеса.

² Как я узнал из NPN (ibid.), перевод Тюрро-Данженом слова mušni „auguste, sublime“ был дан в 1939 г. в журнале „Revue d'assyriologie et d'archéologie“ (Paris, XXXVI, стр. 22 и сл.). Независимо от этого я в 1940 г. в своей работе „Хеттские боги у армян“ (Ереван, изд. Унив. Армении, отд. книга, стр. 30) дал такой же перевод выражению Ḫepit mušni как „Хепит прекрасная“, имея в виду соценное аккадское „Иштар прекрасная“.

гами выводится из корня аг- „давать“ (ср. и урартское аг-ubi „я дал“), так что агма должно значить „дар“, „подарок“, и Агам-tuš(u)ni дословно значило бы „дар прекрасный“, а что слово „дар, подарок“ может стать собственным именем, так это известно, напр., и из армянского лексикона (ср. *սիրփի* *ragew* „подарок“, употребляющееся и как собств. имя). Следовательно это же значение имело и имя урартского царя Араме и имя Арма в сложном мужском имени Арма-Tešuraš (=Арма-^dU-aš или ^{ld}ŠIN-^dU-aš), что дословно значило „дар Тешупа“ и фигурирует в введении к большому тексту хеттского царя Хаттушила (см. А. Goetze, Die Ann. d. M., 265). Чаше это выражение передается формой личного имени Аг-Tešuraš (напр. в письме Тушратты) с тем же значением „дар Тешупа“, как имеются теофорные Аполлотор, Диотор, Теотор (Доротей)..., иранские Митридат, Тиридат..., русск. Богдан, сербс. Божидар и пр. и пр. Для суффикса же -am в хурритском агам (> агма, ср. и арм. Нагма) „дар, подарок“, я бы указал и на хурритские имена Арšam, Нуритам, Šeham, Šennam (от слова šen „брат“), Zipšam и т. д. (см. I. Gelb, Hurr. a. Sub., 116).

Не оспаривая возможности лингвистического объяснения слова агам- или агма- „дар, подарок“ от хурритского же корня аг- „дать“, подобно как в хеттском от глагола werite- „удручаться“ имеем weritema „удручение, досада“, от wanta- „быть горячим, сердиться“ имеем wantema „жар, гнев“, от tetja- „гремять“ имеем tetjima „гром“ и т. п.,¹ я тем не менее хочу выдвинуть возможность образования агам (агма и пр.) и от однозвучного аг-, которое в малоазиатских древних языках значило „оред“, а возможно и „сokol“, и во вторых как имя бога Аг(а), выступающее в хеттском (Ага-š), в армянском (Ага) и пр. А что из имени существительного может быть образовано новое же имя с суф.

¹ Ср. также в армянском: *zgam* „пристойность, чувство меры“, употребляющееся только в соединении с ап- „без не-“, т. е. *apzgam* „непристойный, невежливый, дерзкий, нахал“ от глагола *zga*-ш „чувствую“, *xap*-ш „попечение, забота“ от глагола *xpa*-j-em „шагу, берегу“.

-ам, так на это указывает хурритское же *Šennam* от *šen(n)* „брат“ или армянское (из иранского?) *Aršam* из иранс. *arša* „медведь“, *Bagam* из иранс. *bağa* „бог“, *Gešam* из имени племени гелов и т. д. Так что имя Агам могло значить и „араид“ („от Ара“), тем более, что и образование *Agam*-*tušni* „Ара(м) прекрасный“ так вторит армянскому „Ара Прекрасному“, богу весны, земледелия, но и смерти и воскресенья. Ср. также хурритское („наирское“) *Urriburwi(h)* *Ar-bean(l)* „роды, чтящие Ар'а“ (где Ар может быть и „орел, сокол“?), как *Šurriburwi* *Tugibean* значило „роды, чтящие быка“ и т. п.¹

В заключении моего раздела о генезисе и дериватных формах этнического *agim*—*agam*- я хочу коснуться и имени города или страны *Agman*, что на вид так созвучен с армянским эпонимным *Agataneak*, откуда видимо и *agatanean* „араманский“ (т. е. армянский) и пр. Этот Арман упоминается, напр., в надписях древнеаккадского царя Нарамсина, раскопанных в городе Ур южной Месопотамии. Здесь говорится, что при прохождении Нарамсина через

¹ Аг или Агі, как божество (тотемизированное из „орла“?) весны, производства (земледелия), воды, смерти и воскресенья, сохранилось не только в самостоятельном виде (=хеттс. *Aga*, арм. *Ага* и памфильское *Eg*, груз. *Agali*, слав. *Яр* и пр.), но и в многочисленных топонимических и личных именах хурро-азианического мира, не говоря об Агі (*Urri Urriburwi* „Ари дивный“) армянских сказок, где этот Агі—символ пробуждения и смыкается (ассоциируется) также с птицей. Эти имена следующие: *Agil-bizi* „Ариева радость“ (где *-bi* есть суф. притяжательности в хурро-хеттских языках), *Agabli*—имя армянина в Бисутунской надписи, с тем же суф. из *Aga* (ср. хурр. собств. имена *Taršabli*, *Dulaḫi* и пр. с тем же *-bi*), хурритские мужские имена *Agala* или *Aria* (из табл. в Нузи), где *-ia* придано для ласкательности, *Arikka* (с суф. *-(i)ka*) при *Beli-arik* (мой господи—Арик?), *Arik-dēn-illu* (ассир. царь, сын Энлил-нирари, правил в 1345—1306 гг.), что дословно значит „Арик есть вера бога“ (правильнее писать *Arik dēn ill*), а ассирийцы брали хурритские имена и в других случаях. Наконец, топонимическое *Agatanna* (нын. Арабан-оваси у Самосата на Ефрате) и арм. *Urriburwi* *Agvan* (севернее города Балу) также говорят за *Aga* или *Ag* и значат „Обитель Ара“ (ср. имя места *Naratwani* „место обители богини Хелит“, что дается в хеттс. нероглифических надписях из Каргемиша).

Аманус (resp. „Кедровая Гора“) ему помогали „князья Субарту и владетели верхних (стран)“, что он покорил Субарту и верхние страны до „верхнего моря“ (=Ванское озеро?). Говорится и о завоеванных странах за Аманусом, т. е. в Малой Азии. Так, в одной легенде из архива в Богазкёе повествуется о том, что семнадцать царей этих мест восстали против Нарамсина, а в другой надписи приведены даже имена этих царей (отчасти аморритского наименования), среди которых фигурируют, напр., имена царей из Хатти, Канеш, Амурру, Арман, Кедровой Горы [=Аманус] и Куршаура (см. A. Goetze, *Kleinasien*, стр. 61—62).¹ Арман (Aṣṣān-um), как страна, по одному географическому тексту была расположена между Луллубу и Аккадом. Арман, как город, упоминается и в надписях ассирийских царей Ададнирари I и Тиглатпилесера I (1114—1076) и находился в „uḡar URU Šalim“, вероятно между реками Азеймом и Диалой (притоками Тигра), близ Вавилона с востока, как думают И. Гельб („*Hug. a. Sub.*“, 103) и другие. На вид этот Арман у Вавилона вторил бы армянскому

¹ Упоминается царь Армана по имени Малакина. Так как у Нарамсина часто приводятся подряд Aṣṣānum и Ibla, а это Ibla помещалось к западу от Месопотамии, то некоторые ученые (Sidney Smith, I. Lewy, Speiser, Gelb, Ungnad) этот Арман также искали к западу от Месопотамии и хотели приурочить к городу Алеппо. Против этого мнения выступил Гютербок (Güterbock) в ZA XLIV (73—75), предлагая эти Арман и Ибла не связывать по географическому соседству, ибо Нарамсин мог просто сообщить о своих важных завоеваниях, и следовательно эти два топонимика не должны обязательно соседствовать. В пользу же расположения Армана на востоке от Тигра и Вавилона Гютербок выдвигает следующие обстоятельства: 1) город Aṣṣan был в uḡar URU Šallim где-то между Азеймом и Диалой, судя по надписям Ададнирари I и Тиглатпилесера I [граница Ададнирари I с каситами проходила от страны Пиласки, что на Востоке от Тигра „from Arīnan-akarsali to Lu-umē (east of Khanīkin)“, как говорит К. Томпсон в „*The Camb. Anc. Hist.*“ (стр. 239); 2) Арман упоминается между Луллубе и Аккадом, судя по одному географическому тексту; 3) Арман (Aṣṣān-um) читается в одном тексте времен третьей династии Ура, из раскопок самого города Ура, тексты которого обыкновенно говорят о городах Вавилонии или близ нее (см. у И. Гельба в „*Hug. a. Sub.*“, 103).

народному сказанию об исходности Хайка с сыном Ар(а)-манеаком из Вавилона, но это несомненно фольклорное новоразвитие, исторически ничем не обусловленное, кроме как того, что Вавилон был центром семитического востока, откуда мол зачинается все. И в этом отношении напрасно Я. Тащян делал скороспешное заключение о происхождении имени агнеп- („армянин“) из этого Армаиа.

6. К уточнению местоположения армянов среди субаро-хурритского этно-лингвистического мира районов *Ar(i)me—Šupria*

Мы видели, что при изучении вопроса о происхождении имени и народа армян, даже их языка, истории, культуры и пр., как сильно довлело на первых исследователях то или иное высказывание сначала сирянина Мараба Катини, а затем и античных греческих писателей Геродота, Евдокса и др. Не только придавалось серьезное значение случайно составленному или через третьи руки услышанному мнению об армянах, как о „фригийских выселенцах“, или фольклорному греческому изобретательству об Арменосе, мол друге греческого героя-аргонавта Ясона, или о других подобных эпонимах греческого же истока для других народов востока, но и явно отсутствовал подлинно исторический подход в оценке всех этих высказываний, как отражений идеологии греческой экспансии на восток, с ее развитой культурой, письмом, языком, искусством, техникой и торговлей.

Этот греко-балканский подход с фриго-армянской исходностью из Фессалии, нареканием армян именем выдуманного Арменоса, друга Ясона, и прочих подобных „фактов“ вроде сомнительных топонимических *Arminion—Orminion* и пр., был заменен уже в новое время столь же тенденциозной индоевропейской концепцией, отражающей идеологию господствующих верхов уже современной всей Европы. Ведь факт, что армянский язык изучался до сих пор именно с этих позиций, а все подавляющее неиндоевропейское добро этого языка оставлялось в стороне. Ис-

пользуя „данные“ греков и некоторые общности армянского языка с индоевропейскими, современные лингвисты, а вслед за ними историки, готовы, наперекор всем подлинным фактам, этих армян, как чистых уже индоевропейцев, вывести из блаженной прародины неизвестной локализации, хотя маршрут через Балканы строго защищается на основании сказаний Геродота, Евдокса и др. По-моему же, изучение образования самих индоевропейских языков намного выиграет, если будет учтена столь крупная роль малоазийско-эгейского культурного и этнолингвистического субстрата, особенно в свете новейших открытий, когда, напр., явно выступает роль хеттского языка, индоевропейские элементы которого столь тесно примыкают с востока к тохарскому, а с запада к латинскому.

Несомненно древне-армянский фольклор меньше сохранил мифотворчества, чем это дается у греков в отношении этногенеза армян. Хотя сиропфильские устремления Марабаса и дают о себе знать, персонифицируя арамейское этническое агата- в Араме, Арменаке и Арамаисе (и Харма?) и выводя армянскую государственность из сирийского Мдбна с легендарным парфянским царем Валаршаком и пр., но историческое зерно я вижу не только в соучастии племен аримов, искаженных в „арам“ов, но и в движении Хайка с этого семитического мира на север, а также, в соучастии скифов, переданных именем ska (*սկա* > *հսկա*) и „первого венценосца“ Паройра Скаорди, отражающего вероятно скифа Протогия.

Армянский народ и самый термин *armin* не индоевропейского, а малоазийского и субаро-урартского происхождения. Вспомним, как были шатки попытки объяснения на индоевропейской языковой почве этнических „грек“, „латин“, „слав“, „кельт“ и пр. А в отношении *armin* известный лингвист и армянист Hübschmann, самый строгий и остроумный из индоевропейцев-армянистов, вынужден был говорить: «Имя *Armenia* по мнению Кипера („*Alte Geographie*“, стр. 75) от мидян.перешло к персам и грекам. Все до сих пор данные объяснения этого имени вообще неудовлетворительны» (см. его „*Die altarmenischen Ortsnamen*“ в арм-

переводе Пилезекчяна, Вена, 1904, стр. 10, прим. 3)¹. Ученый монах Я. Ташиян, хотя и верил в индоевропеизм армянского языка, но по поводу термина *arim* все-же вынужден был сказать: «Мы увидели, что очень вероятно, чтоб имя *Armen* происходило от мидян и от страны *Ar-man*, что не находилось во Фракии, ни же в Европе, но на востоке у страны армян» (см. его „Учение о классическом арм. языке“, Вена, 1920 г., стр. 133). Точно также И. Маркварт при объяснении гомеровского *arim-oi* („аримы“), несмотря на его явную индоевропейскую ориентацию в генезисе армянского народа, все-же вынужден был этот самый этнический термин вкупе с „*Ormeni*“ (*Uorim-*) и „*Armina*“ признать за туземное (*einheimisch*) слово, следуя как будто К. Леман-Хаупту.

Нет сомнения, что бытовавшие в глубокой древности этнические имена *arim*- и *agam*-, независимо от их происхождения, носили разнородные и разноязычные племена или народы. Особенно это ярко выступает, когда сам термин идеологического божественного характера вроде Халд, Ассур и пр., почитатели которых находились в крупных государствах, несмотря на их разноязычность. Потому и курды 21 села около Сгерда и сейчас себя называют халдан, а сирийцы помимо халдеев-сирийян еще частью называются мандейцами (в силу особой религии, см. у нас стр. 139), хотя сам термин *tand* как будто иранского происхождения. Наши соседи азербайджанцы и сейчас себя называют „мусульман“ независимо от национального происхождения, как курды езидской веры не причисляют себя к курдам магометанского исповедания, хотя по языку и те и другие говорят на одном языке.

Подобно как маленький этнический коллектив арамейцев (*agam*—едва ли метатеза из *amuggi*) постепенно разросся и благодаря большой торговле мог с седьмого-шестого веков до н. э. арамаизировать чуть не всю Месо-

¹ Гюбшман имел в виду объяснения, данные в исследованиях: *Murad*, „*Ararat und Masis*“ (стр. 18—19) и *M. Ströck*, *Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilschriften* (см. там же, стр. 79).

потамию, Сирию, Финикию, Палестину и пр., то одновременно с этим процессом на северной границе этой ново-семитской экспансии (от Тавров до средней Каппадокии) выступает с близким этническим названием народ аримов или арминов из хайасских и местных субарских (шуприйских) племен южного Урарту, в верховьях Тигра и южнее. Их главным этно-лингвистическим ферментом я считаю вновь явившихся многочисленных хаев. Равноценного и мозаического смешения племен и языков южного Урарту и областей арминов-шупритов здесь не могло быть. Образование армянского народа, языка, государственности, культуры и пр. нужно понять *только* в свете политического, этно-культурного и общественно-экономического состояния и обстановки данного периода истории Переднего Востока, *только* в формативной роли главных, а не всех племен этой Armina-Surgia. К этногенезу армян нужно подойти, конечно, из конкретных названных обстоятельств и фактов, так сказать конкретно-исторически, а не ограничиваться общей трактовкой проблем этногенеза и пр., как схематического отображения или продукции новых общественно-экономических сдвигов, как это делают другие.

Arime—Armina

Остановимся здесь особенно на уточнении местоположения и политико-культурной исторической роли страны Ариме с ее столицей Нихирна, откуда, по-моему, после крушения Ассирии и Урарту, началось образование новой Армины, т. е. Армении, как новой Хайасы, с руководящей ролью хаев (хайасцев). Образование в VII—III веках до н. э. этого нового армянства на новой территориальной базе древней Ариме—Армины, иначе говоря, на стыке хеттской, хурро-урартской и семитической (ассиро-вавилонской) этнокультур, политически отступавших перед возвышавшейся ролью иранцев (Мидия, Персия), было по-разному воспринято у соседей этой Ариме—Армины: для иранских завоевателей новоявленные хан — это вообще жители известной им страны Армины, это „арминцы“ (arminija), как объект завоевания, безотносительно к их этническому про-

исхождению, политическим и другим традициям, чего эти хай для иранцев не имели, а для семитов Месопотамии эти хай, также им неизвестные, фактически заступили и продолжали политическую роль издревле им известных урартцев, т. е. государства Урарту, а не полуараменизированных хурритов (шубаров) области Ариме, так часто оспаривавшейся Ассирией и Урарту и не имевшей самостоятельного политического веса.

Уверенно можно сказать, что имя древней страны Ариме, передаваемое в одной урартской надписи через *Ar-me-e*, а ассирийцами через *A-gi-me*, и по звучанию и по содержанию совпадает с именем гомеровского народа *atim-oi* „аримы“, который, как будет указано ниже, по своему языку и культуре примыкал к хурро-субарскому этническому миру. Уже одно то, что у древних греков закалывание трупа чудовища Тифона (под огнедышащей горой Аргайос в Каппадокии) связывается с именем народа аримов, будто-бы живших в этом месте, свидетельствует нам о популярности этого народа (яли племен), его известности и распространенности, быть может, не без контаминации и с именем арамейцев (—сирийцев), начавших с этих пор ассимилировать субарские разные племена и народы. Вспомним мнение Посейдона и других о путании, а то и смешении, арамейцев, армян и даже арабов (арамбов). Сказание Гомера об аримах Каппадокии, по-моему, не нужно понимать буквально, что аримы именно жили в этом месте. В действительности они жили намного восточнее, а именно в верховьях Тигра.

Точно также нас не должно смущать и тот факт, что под одним и тем же наименованием *Ar(и)ме* выступает и имя страны и имя народа. Это явление, как продукт древнего языкового мышления, сейчас уже не бытующего, известно было и во многих других случаях: ср., напр., имя *Ḫatti* в территориальном и этническом („хетт“)¹ понимании, *Assur*, *Ḫurri* и пр. в том и другом смысле. Даже в более новое время название „Русь“ имело это совместное значение.

¹ Отсюда и *Ḫatti* „по протохеттски“.

О стране Арме и ее столице Нихирна говорит надпись урартского царя Сардура (755—730). В этой надписи (см. *Corpus inscriptionum dialecticarum*, 129 d 1, табл. XXXI, на правой стороне внизу, строки 11—13) читается: *kaḡuṇi KUR Ar-me-e kaḡuṇi URU Ni-ḫi-ri-a-ni URU LUGAL-nu-usi KUR-ni-e* „он покорил (завоевал) страну Арме, завоевал город Нихирна, город царский страны“.¹ Упоминается эта страна, но в форме *A-ḡi-me*, и у ассирийцев, на так называемом „разбитом обелиске“ вместе со страной Шулприа, хотя автор, а следовательно и точное время надписи нам неизвестны. Здесь повествуется о походе в эти страны (см. D. Luckenbill, *Ancient records of Assyria and Babylonia*, Chicago, 1926—1927, I, § 390).²

Но более засвидетельствовано в клинообразных надписях имя Нихирна, столицы страны Арме. Этот город видимо имел большое торговое значение и лежал на удобных путях сообщения, имея видимо и большое стратегическое значение, как это явствует из содержания ассирийских и хеттских надписей еще задолго до восьмого века (до Сардура урартского), чуть не с конца третьего тысячелетия до н. э. Так, в одной „Каппадокийской таблице“ хозяйственного значения (см. *Cuneiform texts from Cappadocian tablets in the British Museum*, II, 49 a 13 f.) мы читаем о двух аморритах из города Нихирна.³ А мы знаем из других случаев, какую большую роль играли хурриты и аморриты в торговых операциях ассирийцев. Хурриты участвовали и в торговой жизни Вавилона (см. у Гельба, *ibid.*, стр. 61). В одной же надписи из дворца у современного холма Тель-Харири в древней области Мари (у реки Хабур) говорится о царе Бунума-Адад из города *Ni-ḫi-ri-ia*, который ученые Эйсер и Левн помещают „где-то в северной Месо-

¹ См. также у Н. Фридриха в его статье о Норбанзедской надписи Русы I (*Archiv Orientalny*, 1931, Vol. III № 2, стр. 253, прим. 2). „Er bekämpfte das Land Arme, er bekämpfte Nihiria, die Königstadt des Landes“.

² См. у Н. Гельба в его *Hurr. a. Sub.*, стр. 47.

³ *Ana Amurien ša Ni-ḫi-ri-a* „to the two Amorites of Nihria“ (см. у Гельба, *Hurr. a. Sub.* 62).

потамии (ibid., 62, прим. 102 и 103). Наконец, город Нихрия упоминается и в одном политическом трактате, заключенном между хеттским царем, вероятно Хаттушилем III, и страной Мехри, входившей в страну Папанхи (= „Горная“). Тут говорится о двух бывших походах против ассирийского царя Адад-Нирари I из-за того, что последний отнял у хеттов хурритские земли (=Ханигалбат). Один поход начался из Нихрии, а другой из города Аладарма страны Ишува (=Мзур—Софена). Здесь же упоминается и Шуприя, как дружественная хеттам страна.¹ Из этого нужно делать заключение, что Ишува и страна Ариме с городом Нихрия были подвластны хеттам или же союзны с ними, а соседящие с Ариме на востоке шуприты, как независимые, помогали этим хеттам против Ассирии. Припомним подобный же военный маршрут хеттского царя Шуппилиума, деда Хаттушила III, из той же Ишувы до Вашугани, столицы Митании. Из Ишувы он идет на Алше (=Alzi у ассирийцев и урартцев=арм. Ալձիք Aldznikh=греч. Арзанене), затем в Кутмар, т. е. в Кулимар (Kulimmar ассирийцев) или Кутемран, что на реке Батман-Нимфий, против позднего Тигранокерта-Муфаркина, а отсюда к крепости Сута в горах Тур-абдина в 31 километре севернее Нисибина и наконец доходит до Вашугани.² Эти хеттские, как и поздние урартские цари, чтобы проникнуть с севера через армянские Тавры на юг, в Арзанену, т. е. в древнюю Ариме-Шуприю, должны были проходить по истокам Зебене-су (Субнат), через знаменитый горный узел Клейсуры между современными Шавердиан и Зиль-Каркейк, где и сейчас, судя по карте, проходит горная дорога.

Кроме Ариме, соседствовавшей с запада с Шуприей в тесном смысле, рядом с последней упоминается и страна Нирбе (Nirbe).³ Когда ассирийский царь Ашур-

¹ А. Хачатрян, История Армении в клинописный период, Ереван, 1933 г., стр. 28 и 427 (на арм. яз.).

² Я. Ташян, Хетты и урарты, Вена, 1934 г., стр. 172 (на арм. яз.).

³ А. Ungnad, Subartu, Berlin—Leipzig, 1936, стр. 59.

назирбал II (883—859) перечисляет имена завоеванных им стран Нанри, Бабхи, страны шубаров (т. е. Шуприю), то вместе с последней упоминает и страну Нирбе, что, по моему, есть Niribai-ḫubī урартской надписи Аргишти I на ванской скале („Хорхорская“ большая надпись, Col. II, строка 13). Nirbe есть, конечно, ассирийское нарицательное слово niriba, переводимое через „ущелье“.¹ Урартское же Niribai-ḫubī я перевожу через „Долина (ḫubī)² ущелья“. Эту местность Нирбе (resp. Нирибаи-хуби урартской надписи), находившуюся рядом с Шуприей, я приурочиваю к современному имени и месту села Нериб в десяти километрах северо-западнее современного городка Хайни (Hajni), что в верховьях Зебене-су, в 12—15 километрах севернее Эгнля.

Главными городами Шуприи, судя по ассирийским надписям, были Ubbume и Kul(l)im(m)egī, которые, как установил Маркварт (Eranšahr, стр. 158), соответствуют крепостям Αφουρω и Χλομαρω византийского периода. Говоря о местоположении этих маленьких „крепостей“ (погреч. φρούριον или καστρου) и в частности об Ubbume = Αφουρω, Н. Адонц в своей книге „Армения в эпоху Юстиниана“ (стр. 9, прим. 2) замечает следующее: „Положение Афума известно в точности: у подошвы горы Илиджа, откуда выходит одна из речек, образующих Батман, есть местечко, по сие время именуемое Фум“. Но эти шуприйские места

¹ Bruno Meissner, Beiträge zum assyrischen Wörterbuch, в издании Вост. Инст. Университета в Чикаго, 1931 г., стр. 12—14. Специально выражение niribe ša bitāni значило „ущелье внутреннее“ (от bitu „дом“) в противоположность слову bābāni „внешний“ (от bābu „дверь, ворота“).

² Урартское ḫubī (ḫu-bi или ḫu-bi-i) я перевожу через „долина“, о чем см. мою работу „История Урарту“ (на арм. яз.), Ереван, 1940 г., стр. 209. Имеются Niribai-ḫubī, Tuaratsinici-ḫubī (ср. дословный арм. перевод в древнем Տուարատինիք), Askajai-ḫubī и пр.; ср. также имена Hubuškia, Hubišini, не говоря о хеттском Hubišna. Вероятно то же ḫubī „долина, поле“ нужно видеть и в хурритских личных именах из Нузи: Artahubi, Kulahubi, Šamharaḫubi и Hubita, что столь совпадает с арм. Ինժիմ հովի „долина“. О хурр. именах см. NPN, 218.

у ассирийцев оспаривались урартскими царями. Так, напр., в одной надписи царя Менуа, найденной в Муше (см. Г. Церетели, Урартские памятники музея Грузии, Тбилиси, 1939 г., стр. 41, § 9) мы читаем: TUPPU terubi [URU] 'Ku-ul-me-gi „надпись я поставил в городе Кулмера“,¹ а этот город в точности соответствует Kullimmeri ассирийских надписей (=арм. *Կղիմար* Khlimar). В одной же надписи ассирийского царя Эсархаддона (680—669) говорится, что беглецы из Урарту бежали в Шуприю, где был царем Инип-Тешуп („фрукт бога Тешупа“). Наконец, в надписи на призме царя Ассурбанипала (668—633?) сообщается, что урартский губернатор с хурритским именем Андариа, „который достиг города [вариант—страны] Иррите и города [страны] Куллиммери, выступил среди ночи и убил жителей Куллиммери, моих подданных, [но] ночью в большой резне никто [из них] не спасся—голову Андариа они [куллимерийцы] отрезали и принесли в Нинуа [Ниневию] при моем присутствии“. ² Мне думается, что этот урартский губернатор („governor of Armenia“, как переводит П. Пиеркорн) был урартским военачальником, ибо L₁. EN NAM в другом варианте этой же надписи передано L₁ tur-ta-[an], и при помощи урартцев хотел овладеть своей наследственной хурритской областью Шуприа с городами Уббумме и Куллиммери. А ведь при Эссархаддоне в Шуприи был местный царь Инип-Тешуп, носивший полухурритское-полуаккадское имя (из акк. Inbu „фрукт“ и имени хурр. бога „Тешуп“) и убитый этим Эсархаддоном.³ Не говорит ли

¹ Чтение у Г. Церетели Vi-ul-me-gi неправильно в отношении знака „bi“, ибо, судя по части (обломку), здесь имеется $\sum$ $\sum$, т. е. ku (qu). детерминатив же должен быть восстановлен „город“, а не „страна“, и находился не на лицевой стороне „b“, а на другой отбитой и отсутствующей стороне.

² См. А. Pierkorn, Historical Prism inscriptions of Ashurbanipal, изд. Вост. Инст. Уинч. в Чикаго, в серии Assyriological Studies, № 5, 1933 г., стр. 57.

³ См. у И. Гельба (Hurr. a. Sub., 47), который ссылается на Луккенфиля (Ancient records of Assyria and Babylonia, II §§ 592—607 и 612).

все это за то, что субары-хурриты были этнически и политически довольно живучи еще в седьмом веке до н. э. Вообще же Шуприа, как и Ариме с соседним с севера Нирбе (урартс. Нирибаи-хуби), были пограничными между Урарту и Ассирией областями и всегда служили причиной войн, быть может, не без активного содействия этих местных хурритов (аримо-шупритов); помогавших то одной, то другой стороне. Положение этих пограничных областей даже при армянской государственности сохраняло какое-то обособленное значение, ибо вся эта обширная полоса с охватом верховьев Тигра и южного Сасуна образовала полунезависимое „бдешство“ Арзанены (=арм. Արշնիք Aldznikh).

Шубары-хурриты выступают еще за два тысячелетия до н. э., доходя чуть не до Вавилона, в связи с торговлей. Но древняя Ассирия определению была хурритской этники, о чем говорят многие свидетельства; ср. хотя бы приписывание основания города Нинуа (=Ниневия) хурритам Ушпия и Кикиа, не говоря уже об обнаруженных у Керкука (в Нузи-Гасуре) хурритских надписях, наряду с аккадскими. Западнее они вкрапливались в Сирию и вероятно южнее (ср. упоминание Хора в Библии), а в частности в древнем Угарите (совр. Рас-Шамра, севернее Латакии) и Тель-Атшанехе (древнее Алаалха) около Антиохии обнаружены хурритские надписи и даже сумеро-хурритский фрагментарный словарь. В дальнейшем эти хурриты-субары под влиянием усилившихся ассирийцев и аморритов как бы оттягиваются в своей консолидации к междуречью Ефрат-Хабур, где и основывают в 1500—1200 годах до н. э. государства Митанни и Хурри. Но, после этого, субаро-хурритского какого-либо политического объединения мы не застаем, и эти народы и племена постепенно арамеизируются или сирийзируются, и только часть их сохраняется в горных районах Шуприи и вероятно Ариме, южнее Сасуна, на верховьях Тигра и Бохтана, а возможно и Хубушнии, что южнее бассейна этого Бохтан-су, в степях современного Сгерда и восточнее (само имя Хубушкина, по-моему, значит „долинная, resp. степная местность“). Некоторые ученые под этой поздней Шуприей (=Supiritis у Страбона)

склонны даже понимать весь район от верхнего Тигра до озера Ван¹. И хотя окончательное исчезновение этого замечательного народа приписывают восьмому веку (до н. э.), но, как отчасти выше было указано, их этническая живучесть как-будто дает себя чувствовать и в седьмом веке. Более того, я более чем убежден, что часть этих шупритов (хурров), благодаря недоступности² сасунских гор, непосредственно примыкавших или входивших в этот шуприйский мир, продолжала сохраняться вплоть до средних веков, когда они уже начали арменизироваться³.

Что же касается местоположения страны Ариме с ее столицей Них(и)риа, то она вне сомнения находилась западнее Шуприи, судя хотя бы по походам Хаттушила III (по маршруту Ишува—Нихриа—Кулимери). Я помещаю это Ариме по современной речке Аркана, притоке Зебене-су, где проходил древний торговый путь (тракт) как при ассирийцах, так и при римлянах (судя по дорожникам), существуя и поныне. В этой долине или бассейне рек Аркана—Зебене были крепости Аркии³ и Эгиль, в одной из коих, вероятнее всего в Эгиле, нужно видеть древнюю Них(и)рию, как главный центр области Ариме. Так как эта страна, как древнейшее политико-культурное объединение со своим крупным торговым и стратегическим городом Нихриа, приблизительно локализуется по „Тиг-

¹ См. у И. Гельба (Hurr. a Sub. 47): The land Šubria seems to have been a small state situated between the Tigris and Lake Van.

² Арм. историк Фома Арируни (XIII в.) часть хутских армян считает по языку „отошедшими от природного языка предков (հ հկերն վրիպեալը ի բնական հայրենի լիզուէն), жили разобщенно, чуть не отдельными домами. При общении же дело доходило до переводчиков (հ աղբաւ խրթնի անձանոցը արատանն առ միմեան, մինչև թարգմանաց անդամ հարտանան). См. Историю Ф. Арируни, Петербург, 1887 г., стр. 120—121.

³ О горе Аркана упоминает надпись ассирийского царя Ассур-назрбала (885—860), говорящая о ее опустошении (видимо эта „гора“ была крепостью, о чем см. А. Хачатрян, История Армении в клинописный период, стр. 26.). Эта Аркана соответствует упомянутой армянским историком Матфеем Эдесским крепости Արկնի Aṙkni, севернее которой была область и местечко Պաղին Paṭin, а южнее область Բիլխուս Bihlhusi (=соврем. Thulxum в 20 километрах от Арганы по дороге Аргана—Диарбекир). См. также у Гюбшмана, Die altarm. Ortsnamen,

ровой дороге" (Tigrisstrasse немецких ученых) для ассирийских торговцев, а сам город был даже факториумом на этом пути из Ассура в Каппадокию, точнее к ее северным районам по верхнему Апису, где были центры Капеш (=совр. Кюль-тепе) и Алишар, то мы естественно не можем не трактовать роли этой страны Ариме, т. е. народа аримов, как части общей Шуприи. А ведь эта Шуприа и стала после Акилисены вторым доменом для новоприбывших армян (см. Страбон, XI, гл. 14, 12) т. е. хаев.¹

Область древних аримов, т. е. Ариме, я приурочиваю к местоположению позднего Անգղ տան Angel tun „дом (=страна, область) Ангела“ по имени ее крепости Անգլ Angl (род. п. Angel). Я не сомневаюсь также, что эта крепость и была древней Нихирней. Само армянское имя Angel первоначально было нарицательным словом со значением „крепость“, имея в виду, что в Армении было много таких Անգլ Angl и все они оказываются укрепленными пунктами, и, во-вторых, по этимологии даже это слово (=у сирийцев Agil) есть заимствование с акк. ecallu, сум. egal „палата“, а затем и „крепость“, как значит и урартская идеограмма E. GAL, как правильно заметил и И. Фридрих. Более того, это первоначально нарицательное angl „крепость“, по-моему, передалась и на север к грузинам, у которых имя городка Manglisi образовано из m-angl-isi

арм. перевод. стр. 141. По римским дорожникам в 50 километрах севернее Амиды (Диярбекира) упоминается Arsinia или Arsanina, что приурочивают к современному городу Арсана, т. е. др.-арм. Arkn (см. *Itineraria Romana*, изд. К. Миллера, Штуттгарт, 1916 г., стр. 739). Возможно, что тут был город Արճն Arcn (Artsan) или Արճն Ardzan, сир. Arzān или Arzūn, откуда и греко-латинское имя Arzanena для всей области по верхнему Тигру, соответствовавшей древней Шуприа. Такое же обобщенное значение приобрело и сродное наименование Արճնիք Ardznikh (от урартского Alzi—Alzini, ассирийского Alzi), что охватывает также пространства всех гор Тавра (Сисун, Хойт) от Зебене на восток за реку Батман или Илджа (=арм. Քաղիք Kaghik, римс. Nymphios).

¹ Здесь со слов Кирсила Фарсальского и Медия Марниского говорится об Арменосе, что „из его спутников одни осели в Акилисене, которая раньше подчинялась власти Софены, а другие в Суниритисе до Калакене и Адиабене, кон вне армянского пагорья“ (подчеркнуто мною).

с обыкновенным для грузинского языка префиксом *ни-* и суф. *-isi* (ср. *Tbilisi*, *Khuthaisi* и пр.).

Между прочим и сам географический термин *Них(и)-риа* также нарицательного и хурритского происхождения. Так, напр., имеем из богазкёйских надписей *ni-iš-ri-ia* (KUB XXVII 34 iv 10) и *ni-ir-ḫi-ia-aš ši* (ibid., iii 13). Это же нарицательное слово с неизвестным нам значением („крепость“?) входит в хурритские мужские имена, судя по табличкам из Нузи (см. NPN, 239): *Nihri-tešur*, что иногда пишется и *Niher-Tešur* или метатезированно *Nirḫi-Tešur*, затем *Nihri-tilla* или *Niher-tilla*. *Nirḫi-tilla*, с обычной для хурритского (и армянского) метатезой *ḫr > ḫi*. Есть и сокращенное ласкательное *Nihria* (раз и *Nihrie*). О связи нарицательного хурритского *niḫr*, существующего как самостоятельно, так и в личных именах, с армянским географическим: *Nih(i)ria* говорил еще Оппенгейм в журнале „*Archiv für Orientforschung*“ (Berlin, XII, 35), о чем см. у П. Пурвеса (NPN, ibid.).

Нас не должно смущать, что по имени „Крепость“, т. е. укрепленного географического пункта *Agil > Angel*, позже стало обозначаться и его окружение и далекие окрестные районы. С распространением политического и социального влияния феодального рода, владевшего крепостью Ангел, и вся обширная область по верхнему течению Арганы и Зебене (куда впадает Аргана-су) также стала называться „дом Ангела“ (*Անգղի տուն*). Вспомним такое же географическое расширение в связи с политико-культурной ролью одного города на примере Вавилона или армянского района *Տուրք Եօթ* (окружение города Вана) от имени урартского наименования города *Tušra*, столицы Урарту.

Особенно я должен подчеркнуть, что с именем этого города-крепости Ангел у армян связывались древние традиции их политического становления и государственности, не говоря о культовом также значении. По словам армянского историка Фауста Византийского город Ангел „столицей был армян [Армении] давным давно“ (*Ոստան լիակ էր հայոց վաղ վաղ*). Здесь же, по его словам, хоронили армянских царей. Выражение сирийцев „Остан Арзона“ я по-

нимаю как столицу Ангелены, resp. Арзанены. Любопытно, что и это последнее имя, ставшее заменителем древней Шуприи, первоначально происходит из имени села (городка) Արծն Artsn = сир. Arzōn, Arzūn, подобно как из урарто-ассирийского Alzi получилось расширенное Աղձնիք Aldznikh, как название области, эквивалентное греко-латинской Арзанене. Затем нужно также особо подчеркнуть и культовое значение Ангела, ибо здесь в языческое время почитался „Торк Ангельский“ (Տորք Անգելիայ), отцом которого был Паскам (Փափրամ Paskham). Конечно, здесь мы имеем названия богов: первый (Torkh) почитался почти у всех народов древней Малой Азии с формами *Troko*, *Tarku* и *Tarhu*, передавшись грекам в форме *Tarchon*, римлянам через этрусков (*Tarquinius*), а у ликийцев *Irqq* значит „бог.“¹ Имя же Паскам (Paskham) пока не может быть объяснено, если оно, конечно, не искажено. Своим конечным -am примыкает ко многим хурритским личным именам на -am (см. у нас стр. 185), хотя возможно отделить и суф. -kham, имея в виду личные имена *Altakama*, *Tarhigama*.

Консолидация вторгшихся в Ариме (и Шуприю) хайских племен с местными хурритами (шупритами), а может быть и с арамейцами, при возможном политико-организационном, а то и военном содействии саков (скифов), происходила в благоприятных для этого условиях. Осо-

¹ Имени Торк нет в урартском или семитическом пантеонах. К армянам, точнее аримам Ангелены, это божество, по-моему, попало через лувийцев Кизватны—Арзавы, т. е. народов южной Малой Азии. Для установления путей влияния я бы обратил внимание на бытование лидийского бога *Santa(s)*, выступающего и у южных древних малоазиетцев под разными наименованиями: напр., в городе Тарсусе (в Киликии) он почитался под именем *Sandon* или *Sandes*, у лувийцев под именем *Šanta(š)*, и пр., с основой *sand* || *šand*-(*šant*-). Ср. также хеттское женское имя *Šantawia*. В одной лувно-хеттской билингве лувийский бог *Šantaš* перелан у хеттов идеограммой бога Мардука. Если с этим богом *Šanti* || *Šand* связывалось первоначально атрибутивное грома, молнии, дождя и пр., то с ним я бы сравнил армянское нарицательное слово շնիք *šanth* «молния». Вообще, нужно подчеркнуть, что проникновение на восток многих западно-малоазиатских богов, в том числе *Savazios*, *Tarku*, *Masan*, *Šantas*, *Telipi* и пр., могло происходить через посредство народов, расположенных между этими двумя концами.

бенно это могло сказаться в конце седьмого и начале шестого века, когда исчезла грабительская роль Ассирии и Урарту, и местные народы и племена обрели вероятно лучшие и нормальные условия жизни. Мидийский период также оказался благотворным для такой перегруппировки и консолидации новой этники армян на территориальной базе Ариме-Шуприи, а возможно и Тарон-Турубера, особенно если иметь в виду, что эти армяне шестого века помогали мидянам в их политической борьбе. Новая империя Дария с сатрапствами не препятствовала такой политической и этнической консолидации армян, начавших поглощать в это время уже и племена к северу. Ведь не голая случайность, что племена хаев на территориях Хайасы (Малой Армении), Мелитены, Софены и Ариме-Шуприи под новым названием арминцев были объединены в одну 13-ую сатрапию. Если бы новая Армина не имела никакого этнического и особенно политического веса, то не говоря о пятикратном сопротивлении Дарию I, эти арминцы (=хан) не явились бы в глазах семитов Месопотамии продолжателями роли урартцев, ибо Армина для них — это старое Урарту (Урашту).¹ Весь седьмой, шестой, пятый и четвертый века оказались вполне достаточными, чтобы спутники Александра Македонского Кирсил Фарсальский и Медий Ларисский могли засвидетельствовать единство этники армян и в Акилисене и в Софене и в Шуприи и далее вне Армении до Калакене и Адиабене, как говорит об этом Страбон. С хаями несомненно эмигрировали и балайцы, как об этом мной было сказано, и их общие или заимствованные с грузинского слова (вроде *saṇc* „муха“, *šupc* „дыхание“, „*sovoṛel* „учиться“, и пр.).

¹ как говорит Б. Пиотровский со слов Е. Унгера („*Urtu, Realexicon der Vorgeschichte*“, XIV, 1928, 32). «Термин Урашту имеется также и в надписях Ксеркса (начало V в.). Последний раз он встречается в надписи печали Шамаш-баракку, сына Индиктум-бела, „начальника (šaknu) над людьми Урарту и Мелиту“, отгиснутой на табличке времени Дария II (около 415 г.). См. его „История и культура Урарту“, Ереван 1944, стр. 136.

передались и аримам-шупритам, и софенцам, и туруберам и пр.¹

Я касался отчасти и обстоятельств изменения имени Ариме, как названия страны и народа аримов, в новое дериватное Армина специально для обозначения местности. Эта новая языкотворческая практика, как следствие нового уточненного мышления, мной была показана на многих примерах, как урартские—KUR Lulu „страна Лулу“, но и „страна лулубеев“, KUR H̄ate „страна Хатти“, но и „страна хеттов“ и пр., но одновременно имеются и KUR Luluina, KUR H̄atina (ср. и KUR H̄attina в 2 BoTU № 37), к чему ср. и хурритское новое URU H̄attarina „город Хаттарина“. При урартском KUR Mana „страна (и народ) Мана“ у армян позже имеется *Մանաի* Manaḥ или *Մանաի* Mananah (из *Manp-ali) „страна маннеев“, т. е. прибавляется специальный локативный суф. -ali. В ассирийских надписях читаем по аналогии даже о стране Samarina вместо обыкновенного Samaria, где -ia уже дает точную детерминацию местности (а не народа), но все-же заменяется более новым суффиксом -ina. См. об этой „gentilic form of Samaria“ у Уотермана (Royal corr. of the Ass. Empire, изд. в Мичигане. т. III, стр. 208). По такой же новой оформленности идут имена городов Naṣibina, Arzaḥina или Urzaḥina (у нижнего Зава при впадении в Тигр),² что я считаю адекватным именем к Aganzaha, хурритскому имени реки Тигр.³ Новое Armina из Arime не может быть трактуемо вне этой языковой практики своей эпохи.

В конце моей темы об „Arime—Armina“ я хочу подробно остановиться на одной маленькой, но очень ценной работе акад. В. Струве под заглавием „Новые данные

¹ Об этой языковой стороне мной будет обстоятельно изложено в готовящейся работе «История арм. языка за древний период».

² См. у Waterman'a в той же книге (т. III, стр. 316).

³ Слово zaḥ не нужно, по-моему, выводить из касситского -suḥ или zuḥ „солнце“, а есть особое слово, не только существующее в хурритском, но проникшее и в аккадский лексикон. Его значение я устанавливаю „болото, озеро“ и ставлю в связь с армяно-груз. ḡah- (ḡax-) „болото“ (см. стр. 114).

истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью" (см. „Известия“ АН. Наук Арм. ССР, № 8 за 1946 г., стр. 31—38). Мне думается, что отмеченные автором многие факты вполне идут навстречу моей концепции об этногенезе армян. Приведем вкратце все эти соображения почтенного русского востоковеда.

Во-первых, автор подчеркивает уже отмеченное другими *отсутствие Армении в списке отправших от Дария областей* (Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Мариана, Саттагидия, страна Саков), тогда как она „во всех дошедших до нас ахеменидских списках подвластных областей всегда является самостоятельной сатрапией [13-ой], отличающейся от Мидии“. Этим В. Струве возражает Ф. Кенигу, В. Гинцу и др., которые это отсутствие Армении в вышеназванном списке хотят объяснить тем, что Армения была включена в Мидийскую сатрапию. В случае же восстания армянского туземного населения эта Армения была бы названа в числе отправших сатрапий.

Во-вторых, в связи с этим *полностью отсутствует описание начала мятежа*. Повествование начинается непосредственно так: „Армянина, по имени Дадаршиш, моего подчиненного [раба], я послал в Армению [и] так ему сказал—Иди и разбей мятежное войско [которое] не признает меня“ (§ 26, также в § 29, где то же самое приказывается персу Ваумисе). Во всех других случаях, напр., при описании походов на Вавилон, Мидию, Элам, Сагартию, Персию, дается некоторое изложение начала событий, восстаний и пр.

В-третьих, Дарий отправляет армянина Дадаршиша и перса Ваумису в Армению *без войска* и говорит: „Иди [и] мятежное войско... разбей“, т. е. приказ направлен одному полководцу, а не ему и посылаемому войску. В последнем случае всегда глагол стоит во множ. числе. Напр., когда перса Видарну он посылает с войском подавить восстание мидийцев во главе с Фравартисом, то говорит: „Идите [и] разбейте то мидийское войско, которое не признает меня“ (§ 25). Так же оформлено и в приказах Тахмаспаде (§ 33). Артавардин (§ 41) и Внидафарне (§ 50), которые отправля-

ются со снаряженным для этого войском: „Идите [и] мятежное войско, которое не признает меня, разбейте“. В приказе (§ 38) персу Дадаршишу, сатрапу Бактрии, глаголы переданы в форме единственного числа („иди, разбей...“), ибо для него на месте имелось войско. Также в единст. числе оформлено отправление и Баган (Геродот, III, гл. 127—128), который использовал войска сатрапа Сард Орайты против последнего. В. Струве предполагает нечто подобное и в случае с Арменией: „тот враг, против которого Дарий из своей ставки посылает своих приближенных Дадаршиша и Ваумису, разбил сатрапа Армении, потерявшего вероятно на поле сражения и свою жизнь. Его войско отступило к южной границе Армении, опираясь на линию укреплений, соруженную против кардухов. ожидая здесь приказов из центра. Эти войска и должны были возглавить Дадаршиш, а затем и Ваумиса, которые получили, как мы видели, приказы, обращенные к ним одним лично, разбить врага. Последующий текст подчеркивает, что они из ставки Дария отправились один: „После этого Дадаршиш, герс. Ваумиса, отправился“. Что же касается тех приближенных Дария, которые получили войско в ставке Дария, как, напр., Видарна, то в настоящем тексте подчеркивается, что „затем Видарна отправился с войском“ (pasāva hanv Vidarna hada kara ašiyava, § 25).

Наконец, В. Струве обращает внимание на тот факт, что упоминаются только Агмпа, как имя страны, и агмипа, как производное от этого имени новое слово, каковы армяне Араха, наместник Вавилона, и упомянутый военачальник Дадаршиш, но не указывается по имени сам враг, убивший персидского сатрапа Армении. Этот враг Дария назван по имени страны, но не этно-географически, т. е. термином „армяне“. В. Струве предполагает, что врагами персов „не было коренное население Армении-Урарту, а племена, очень недавно вторгнувшиеся в Армению. Эти племена политически не были объединены, не имели вождя, на что обратил внимание еще И. Маркварт („Исследования к истории Ирана“, т. II, стр. 167), говоря: „армяне и тогда столь же мало были в состоянии решиться умереть

и жить за свою собственную страну и это следует недвусмысленно из полного умолчания Дария о каком-либо вожде". Это—действительно нелепое объяснение, как подчеркивает Струве, прибавляя: „что Дарию противостоял здесь лишь рыхлый конгломерат племен, подобно кашкайцам, с которыми приходилось воевать на северо-востоке Малой Азии хеттским царям". За такое понимание, по его мнению, говорит и глагол *hāgmatā* „они собрались",¹ чего нет при описании столкновения с другими врагами. Но ведь факт, что разрозненные племена угрожали державе Дария, наводнили всю Армению и, как говорит Струве, „они вторглись также и в северозападную Ассирию, где в области Изалла к северо-востоку от Харрана, между Хабуром и Мардином, Ваумиса нанес им поражение 31 декабря 522 года. Тем же путем через область Ассирии сто лет тому назад пробирались скифы около 623 г. на юг".

Имея в виду, что Страбон (кн. XI, гл. 8, § 4) говорит о вторжении саков в Армению и смежные страны, причем одна из версий легендарных рассказов об этом связана с именем Кира, нанесшего сакам поражение и в честь этого учредившего праздник („Сакейщина"). В. Струве предлагает в „мятежниках" Армении, с которыми воевали Дадаршиш и Ваумиса, видеть этих саков, включенных Киром в персидскую державу, но восставших при Дарии.²

Статья акад. В. Струве имеет то ценное для нашей темы значение, что с использованием уже сделанных на-

¹ „Когда он [Дадаршиш] прибыл в Армению, мятежники собрались и двинулись против Дадаршиша". Также повествуется и при походе перса Ваумиса.

² Как говорит В. Струве, „сакам, вторгнувшимся в Армению при Кире, предшествовали скифы, временно завоевавшие мидийскую державу при Киаксаре около 623 г. до н. э., а скифам предшествовали киммерийцы, совершавшие набеги на царство Урарту в VIII—VII веках. Движение киммерийцев было обусловлено давлением скифов (Геродот, кн. I, гл. 103), а скифов в свою очередь теснили массагеты (Геродот, кн. IV, гл. 11). Саки-массагеты (массагеты=„большие саки") должны были отступить на юг, в Армению, под ударами сарматских племен, достигших, согласно Геродоту (кн. IV, гл. 21), в V в. во всяком случае уже берегов Дона" (ibid., стр. 38).

блюдений относительно формы и содержания повествуемых данных Бисутунской надписи об Армении, сам с своей стороны дает совершенно новые установки или объяснения. Весьма вероятно, конечно, что жители южного Урарту-Армении убили персидского наместника (сатрапа) и заставили отступить персидские местные гарнизоны, которые потом и были использованы прибывшими без войска „арминцем“ Дадаршиш и персом Ваумиса для подавления сопротивления этих арминцев. Хотя эти последние и не имели единого вождя, но все-же, с каждым приходом новых персидских сил они „собирались“ вместе и давали сильный отпор, о чем свидетельствует изрядное количество убитых и пленных, исчисляемых тысячами. Но можно ли делать из этого заключение, что древнейшее местное население [аримы] не принимало в этих боях участие, или скорее наоборот, помогало персам, как предлагает это понять В. Струве. Мне это представляется сомнительным. Пятикратное жестокое столкновение с персами на больших и далеких друг от друга пространствах говорит не только о разрозненности этих новых насельников, но и об их многочисленности и храбрости. И прав В. Струве, когда говорит, что „эти племена, которые, несмотря на свою неорганизованность, угрожали державе Дария в Армении, обладали большой подвижностью“ (ibid., 37). Но почему почтенный ученый склоняется делать быстрее заключение, что эти новые племена должны быть саками. Не отрицая, конечно, появление скифов или саков в Армении, особенно в ее северо-восточной части,¹ я все-же склонен совершенно иначе объяс-

¹ О приходе саков (скифов) в северо-восточные пределы Армении, в Сакастиу, говорили еще Н. Адонц и другие, прибавляя к ним айяпанов и саранара. Акад. Я. Манандян это пополняет и уточняет новыми скифскими и сарматскими именами, но опять-таки относительно северной Армении. О генетической связи саков с армянами, которые имели своим первым венценосцем царя Паройра Скаорди, т. е. сакида, как и об армянском слове *սկա* «великан» (от имени *сак*) в том же историческом аспекте, впервые говорил я в работе «История Урарту» (на арм. яз.). Также мной отмечено наличие саков в «Месопотамии ассирийцев» (*Սաղմուր և Միջագետքի ասորացիները*), как читаем у арм. историка Анонима.

нить отсутствие в Бисутунской надписи имени мятежных племен Армении. Само это имя, как у меня доказано многочисленными языковыми и историческими фактами, значит „страна (-іпа) аримов“ (Arim-İpa), бывших здесь более чем за два тысячелетия до н. э. Возможно, что эти аримы-шуприты уже ко времени Дария частью арамензировались (сирийсировались) и даже были пассивны к иранской власти мидийцев-персов, но наводнившие их родину Армину хайские племена, естественно, еще не были знакомы этим иранцам. Трудно было окрестить эти многочисленные, разрозненные племена новым именем, и они для иранцев были „жителями Армины“, „арминцами“ „арминянами“ (*arminiya*). Уж мы не говорим, что с этими хайасцами двинулись и родственные с ними балайцы. Эти хай могли даже носить разные родовые имена. Политическая их роль, как заместителей древних урартцев, наиболее была действительна, ибо и семиты Месопотамии их не называли общим именем („хай“) или даже именами их возможных разных племен или родов, а вплоть до конца пятого века до н. э. этих хаев продолжали называть ураитцами (т. е. урартцами).

Отпор, данный персами этнической экспансии хаев на южные просторы Урарту и северной Месопотамии (в Изалле), имел то положительное значение, что заставил их стяннуться уже к северу за Тавры, в направлении к Араратской долине; ср. фольклорное отображение в уходе Хайка из Вавилона на север. Хайские племена на степных просторах северной Сирии или Месопотамии вероятно арамензировались бы, а то и поглотились персами. Нагорные же северные районы, как показала история, явились лучшими новыми доменами для консолидации и сохранения хайо-арминского народа. Как мной уже было подчеркнуто, это движение с юга на север сомкнулось в Багреванде с ветвью хайасцев, двигавшихся из Хайасы-Аззи, т. е. из Малой Армении, в сторону долины Аракса.

Хотя к концу пятого века халды, марды, таохи и др. еще не были арменизированы, но уже было господствующее положение хаев-армян, которые даже содержали наемное войско из этих халдов. Четвертый и особенно

третий век оказались как-бы завершительными периодами в деле этнического, культурного и политического освоения исторического Урарту. Местные армянские царьки были в вассальной зависимости от персов, а потом и от селевкидов, пока к началу второго века, после поражения Антиоха великого (при Магнезии) армяне окончательно не освободились. Хотя имя *армен* идет от топонимического Armina и от иранцев перешло к грекам, сирийцам и др., тем не менее после завершения процесса хаизации аримов-шупритов, так и населения Урарту, мы должны под новым именем армен, имеющим уже греческое оформление (ar-men-oi, Armen-ia), понять новое этническое качество, хотя и с возможным языковым доминантом хав. Мной в дальнейшем слово армянин (armen) будет использовано именно в этом новом понимании.¹

7. Урартизмы и хурритизмы армянского языка

Когда хан с седьмого века до н. э. начали уже проникать в районы севернее и южнее Тавров, т. е. в области Туруберапа и Арзанены, то они, естественно, должны были сталкиваться с местными субаро-урартскими племенами юга Урарту, не говоря уже о семитах (арамейцах, сирийцах), начавших было ассимилировать эти племена. Если хан и не встретили особенной вражды и сопротивления со стороны местных народов или племен, о чем нам не известно, однако с начала же шестого века они должны были испытать на себе сильное политическое давление мидян, а затем и персов, захвативших почти весь древний ближний Восток. Эти хайо-иранские столкновения нашли отклик и в армянском фольклоре, судя по их передаче у М. Хоренского (напр. о Тигране и Аждахаке, Тигране и Кире и пр.), в чем несомненно нужно понять и

¹ Прав был, конечно, И. Маркварт, когда в своем „Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation“ (стр. 7) гениально: „Die Quintessenz der sprachlichen und körperlichen Befundes ist also bis jetzt, dass die Armenter in hervorragendem Sinne ein Mischvolk sind“.

поздние столкновения с Дарием. Колонизационно-миграционное движение хаев вынужденно должно было свернуть на север, доходя к концу пятого века до среднего течения реки Арацани (у Мелазгерда и выше, т. е. армянского Харка), южных от озера Ван районов, вероятно до долины реки Хошаб („Хайоц-дзор“ = ущелье хаев), до нижнего течения Кентрита (Бохтан), где Ксенофонт свидетельствует наличие разрушенных кардухами армянских сел. До Араратской долины хаи вероятно дошли и политически освоили уже ко второй половине четвертого века, если до этих пределов уже не доходили хайасские переселенцы, двигавшиеся с верховьев Аракса. Вспомним слова Ксенофонта, что в 400 г. до н. э. Тирибас, владетель „западной Армении“, подчинил уже себе и районы эсперитов и фасианов, т. е. дошел до армянского Багреванда (см. у Ксенофонта, VII, 8, 25).

Можно было бы подумать, что господствовавшие и в общем мирно осваивавшие Урарту хаи ассимилировали все эти племена, навязывали им свой язык, культуру, богов и пр., а сами не подвергались их влиянию и ничего не перенимали. Факты, однако, противоречат этому. Всем известно, как высоко стояла культура Урарту в отношении металлообработки, керамики, каменных строений, водопроводов, орошения и обработки полей, насаждения садов, виноградников и пр. и пр. Все это, конечно, было использовано и освоено хаями, которые столь долго у себя на родине (в Хайассе) испытали столь же благотворное влияние хеттской культуры. Современные ванские армяне, эти бывшие халды-урартцы, и поныне являются лучшими ювелирами среди армян. Нельзя, конечно, сказать, что все племена или народы Урарту были одинаково культурны. Была большая разница между господствовавшими бийицами, применявшими труд рабов, и завоеванными ими разными „странами“ или племенами, из которых многие жили только скотоводством и считались у этих урартцев „варварами“, или, как написано в Звартноцской надписи Русы II, „lulu“ (luluini-še в противоположение biaini-še), где это имя lulu выводится из имени лулубеев, ставших

как-бы нарицательным понятием. Мы знаем также, что многие переселенцы и завоеватели, как немецкие племена готов, лангобардов, франков и др., или же древние касситы, почти шестьсот лет (1775—1190) владевшие Вавилоном, в конце концов претворились в местной более культурной массе, потеряв и свой язык. Хан же, т. е. хайасцы из Аззи-Хайаса, не поглотились в этнической массе Урарту, хотя и подверглись сильному их влиянию, смешавшись как в этно-культурном смысле, так и в языковом, особенно с хурритами Ариме-Шуприа.

К счастью от хурритов и урартцев осталось достаточно эпиграфического материала, что дает возможность сравнения этих языков с армянским. Язык урартских надписей (числом 205) более изучен, и мной выявлено изрядное количество сравнительного общего материала как в лексике, так и в грамматике урартского и армянского языков. Наличие этих конкретных общностей могло быть присуще и хурритскому языку, столь родственному с урартским, а потому проблема проникновения таких слов или форм в армянский язык становится отчасти более трудной и сложной.

Прежде чем трактовать эти общности между урартским и армянским, я бы хотел коснуться происхождения и личных имен арминцев Дадаршиш, Арахи (Араха) и Халдита. Эти личности могли быть или из иммигрировавших хаев или скорее из местных аримов. Первое имя (Дадаршиш) носил и один перс, полководец Дария, и определенно иранского (персидского) происхождения.¹

Арахи или *Араха* был наместником Дария в Вавилоне, но восстал против него, когда и арминцы пять раз „мятежничали“ (не подчинялись персам), быть может и для подмоги своим сородичам, но был побежден и убит. Это имя, что по хурро-урартскому словообразованию должно скорее быть прочитано *Araḫī* (как именительный падеж), а не *Araḫa*, было связано еще проф. Галеви с именем Ага, т. е. армян-

¹ Получилось из др. перс. *dadarši*=санск. *dadhṛṣi* „бесстрашный, храбрый“ (по Justi, *Das iran. Namenbuch*, 71 a; Chr. Bartholomae, *Altir. Wörterb.*, 731), см. у Ачаряна, *Словарь личн. имен*, II, 8.

ским божеством Ара Прекрасным (см. у А. Мадикяна. Ара Прекрасный. Вена. 1930 г., стр. 307), но им не было объяснено значение суффикса *-hi*. Эта частица, точно изученная уже в недавнее время (И. Фридрихом), была свойственна урартскому, хурритскому (субарскому) и видимо лийскому, придает отыменным производным прилагательным притяжательный характер, вроде русских суффиксов *-ский*, *-ов (-ев)*, *-ин*, а в отношении собственных личных имен в урартском языке образует и отчество (Sardurihi „Сардурович“ и т. п.). Ср. у хурритов—*duruhi* „мужской“, *ašduhi* „женский“, *hurruhi* „хурритский“ и т. п., *Tešur URU Udaḥi* „бог Тешур города Уда“ (собств. „Удский“), *Hašundarhi* „бог (травы) хашундар“ (см. ниже) и т. д.¹ В урартском пантеоне, судя по сакральной надписи царей Ишпуини и Менуа на „Мхеровских воротах“ у Вана, был бог Agha или Ag'a, занимавший одно из последних мест и с неизвестным значением. Едва ли имя Aghihі непосредственно связано с этим урартским божеством. Видимо было божество Aghihі и у восточных ханаанцев-аморритов, если, конечно, оно не заимствовано у хурритов, судя по суффиксу *-hi*.

¹ Хурритский суф. *-hi* вместе с предыдущей гласной „и“, как видимо конечной гласной какого-то слова, становится новым осложненным суффиксом *-uhi* в словах *ašduhi*, *duruhi*, *hurruhi* и пр. Но интересно в генетическом отношении, что подобный же суффикс фигурирует и в урартских отыменных прилагательных этнического происхождения, как „страна Etiuhi“ (при параллельном Etunni), „страна Velikuhi“ (при параллельном „Velikuni“=арм. Gelakuni), „страна Vihuruhi“ (от имени племен вихиров у Черного моря в Понте), Utmeni-*uhi*, Luēhuhi, Luēnihi, и пр. Разновидность этого суффикса *-uni*, как свойственное северо-урартским племенным языкам, вошла в имена армянских князей (Saharuni, Rastuni, Siuni, Bagratuni и пр.). Суф. *-u(h)i* наличен в имени Artuxas, соправителя или помощника армянского царя Оронтаса, упоминаемого Ксенофонтом (Анабазис, IV, 3, 4): „Эти [всадники и пехотинцы] Оронтаса и Артухаса армены и марды и халдан наемники“ (см. у Я. Манандяна, Крит. обоз., 69). Ср. также имя бога Karduxas (Կարծախս) армянские горы Meledux (в высокой Армении) и пр., а также имена стран Kadmuhi, Hattuhi и пр. в ассирийских надписях, как хурритские формы.

Халдита был отцом Арахи. Несомненно это имя произносилось с аспириком *th*, т. е. *Halditha*, от имени урартского главного бога *Haldi* и, как видим, оба имени—*Arahi* и *Halditha*—теофорного происхождения. Суффикс *-ith(a)* наличен и во многих других именах, в большинстве случаев также теофорного образования, как армянские—*Տիրիթ Tir-ith* (от имени иранского бога *Tiri*, ср. *Tiridat*, *Tiran*, *Tiričan...*), *Մանիթ Man-ith* (ср. иранск. *manu* „дух“,¹ откуда и *Մանան Manan*, *Մանակ Manak*, *Մանէճ Manēč*, *Մանաճեհր Manačehr* („семя Мана“), женское имя *Մանանյշ Mananojš*),² *Արտիթ Artith* (ср. по корню имени—*Artak*, *Artawan*, *Artawazd*, *Artuxas*³ и пр.), *Մարդիթ Mardith*, *Գնիթ Gnith* и пр. Ср. также иранское имя *Xsatriša* (из Бисутунской надписи Дария I), происходившего из рода *Uwaxšata* (Киаксара), с тем же суф. *-iša*. Но видимо этот же суффикс *-iša* (*ida* и т. п.) существовал и в хурритском языке (см. ниже о хурритизмах арм. языка).

Урартизмы армянского языка

Язык хав-армян, освоителей Урарту, подвергся некоторому влиянию урартского языка, поскольку он нам известен из официальных надписей ванских царей. Это мною устанавливается особенно на лексических общих материалах, хотя есть и морфологические встречи, конечно, не случайного характера.

¹ Имя пещеры *Մանայ-աղիք* *Manaj-ağrkh* в области Даранали значило собственно „пещеры Мана“ (пишется и *Manej-ağrkh*). Это *Man*, как личное имя бога, бывало и у лидийцев и фригийцев: *Manēs*, напр., в надписи из Отурака во Фригии. Отсюда и лидийское мужское имя *Maneh*.

² См. Н. Адонц, *Дионисий Фракийский и его армянские толкователи*, Петроград, 1915, стр. 14, 105, 140. В армянском переводе отмечается, что производные слова на *-ith* (*Manith*), как и на *-ēč* (*Manēč*, *-ak* (*Artak*), *-ēn* (*Samēn*) и пр. считаются отчествами. Интересно, что на место греческого *Πατριάρχης* в армянском заступает как пример словосложения имя *Մարդիթ Mardith* от арм. слова *մարդ mard* „человек“ (*ibid.*, стр. 16).

³ Имя *Artux-as* возможно образовалось от имени урартского бога *Ardi* (=бог солнца).

Например, глагольная тема в урартском языке на „а“ придавала пассивно-страдательное значение: *lipabi* „он пришел“, *uštabi* „он пошел в поход“ и пр., что и по теме („а“) и по окончанию (-bi || -be) соответствует армянскому окончанию -աւ -aw для 3 л. ед. ч. аориста (как и в урартском): *uḫiaw* *tes-aw* „он был увиден“ (при *uḫi* *etes* „он увидел“), *ḫiaw* *edaw* „он был положен“ (при *ḫi* *ed* „он положил“), *abḫawgwi* *šesaw* „он вырос, возвеличился“, *muḫiḫaw* *bazmesaw* „он воссел“ и т. п. Тематическая „а“ для средних глаголов и сейчас еще живет в армянских диалектах (напр. в араратском), как *ḫiḫi* *səx-el* „курить“, но *ḫiḫi* *səxal* „дымиться“, *ḫiḫi* *thəvel* „считать“, но *ḫiḫi* *thəval* „казаться“ и пр. Само же урартское окончание на -bi (-be) соответствует армянскому -ւ (-w), а это фонетическое соответствие (ур. b=арм. w (v)) есть и в других случаях. Затем я бы отметил урартское окончание для родит. падежа ед. ч. на -i (*Sarduriei*, *Menuai* и пр.), что также предлежит в армянском (*ami* „года“, *geto-j* „реки“ и пр.). Наконец, я уже отметил (см. стр. 212, прим. 1) соответствие урартской словопроизводственной частицы -uni такому же армянскому -ւնի -uni (*Sahanuni*, *Bagratuni* и пр.), существующему и в нарицательных армянских словах, как *areguni* „солнечный“, *rauni* „сохраняемый“ (на зиму)“ и т. п.

Из лексических общностей я бы указал на следующие случаи: 1) ур. *abili dubi* „прибавление я следал, придал“ (напр. *ebani ebani-ukle abili dubi* „страну к стране моей я придал“)=арм. *awel* „больше“, *jawelum* „я прибавляю“; 2) *ebani* „страна“=арм. *awan* „поселок“, мегрельскому *abani*, картв. *ubani* (id.); 3) *ewri-* (*ewri-*) „господин, господь“ при хурр. *ewri* „царь“=арм. *oreag* или *awreag* (из *awri-ag*) „владельцы, господа“ (по Н. Марру „знать“), *awreankh* (из *awri-ankh*) -id., *awriord* „дочь господина“;¹ 4) *inukani* „тот же“=

¹ Напрасно мхитаристы лексикографы, как и Ачарян, это *oreag* переводят через „люди“, имея в виду *ḫiḫi* *ḫiḫi* *ḫiḫi* *ḫiḫi* *ḫiḫi* „мужские люди“, т. е. простой люд; *awri* *awri* *awri* *awri* *awri* „люди свободного (дворянского) происхождения“, тогда как эти слова значат в первом слу-

inkhn (основа inkhean) „он сам, сам же“; 5) ul-adl „я направился“ = uli „путь, направление“ (uli „правильный, гладкий“, ulord, народное lorth „правильный“ и т. п.); 6) uduli „виноград“ = toli „дикий виноград“ (ср. арабс. duali и утиск. tol с тем же значением); 7) šani (=фонетич. san) „котел“ = san „котел“; 8) arn-uzi „поколение“ = arn „пень, остов дерева“, arn zaŋn „поколение“, arn arnat „корень“; 9) ra-ŋi „бык, корова“ = raŋi raxt „крупный рогатый скот“ (в арм. диалектах), а в др. арм. значило „олень“; 10) hat-ubi „я отделил“ = hat-anem (аор. hat) „я отрезаю“ (этот корень общ и хеттскому); 11) šerd-ulle „он рассечет, отколет“ = арм. šert „слой; щепка; кол, частокол“, ср. šertawor „носящий топор“ (этот / šerd- есть и в семит. языках с тем же значением); 12) tsue (šue) „море, озеро“ = tsov „море“; 13) tsiš-ul- „ритуал, обряд“ = tses (id.), груз. tsesi (id.); 14) kiura (qura) „земля“, что пишется иногда и kira (qira) = er-kiŋ „земля, страна“ (ср. erkragor „земледелец“), что, по моему, получилось из *ekir, а в дальнейшем, под влиянием er-kiŋ „небо“ получило новое „г“, т. е. лексически ассимилировалось (ср. и сумерское kiur „земля“)¹; 15) pili (pile) „канал“ (и хурр. pele?) = pelem „раскапываю“ (арм. -el нормативно из *-il); 16) welī „сбор, полк“ (?) в обороте welidubi „я собрал“ (собств. „сбор я сделал“)=

чае „господа (властители) простого происхождения (из черни)“, а второе „господа (властелины) благородного происхождения“, и следовательно в этом арм. oŋar (ōgar) или oŋankh из ōri (<awri-) имеем ценнейшее древнее слово от местных хурритов и урартцев, имеющее большую социальную значимость с намеком на классовую дифференциацию общества. Прав был Марр, когда впервые обратил внимание на значение этого слова awŋar („знать“), что ныне поддерживается и этимологией.

¹ Первоначально было erkiŋ-ekir „небо-земля“ с доминантом „неба“, как отражение древнего идеологического и мифотворческого мышления. Ср. также в армянском древнем стихотворении: erkiŋ ew erkiŋ „в муках рождения было небо и земля“, современное арапатское выражение jerkiŋkh-getiŋkh „небо-земля“, подобно хеттскому nepiš tē-kan(n)-a „небо и (-а) земля“ и т. п.

գիւղ gewl „село“ с основной gel (ср. род. п. գիւղ gelj) с изменением древнего wel- в арм. gel- (w>g нормативен в арм.); 17) ւիյի „жирный“ (?), как эпитет жертвуемого животного (овцы) = ւոյր jojr (id.); 18) ւիյ- „орошать“ = ւոյր uix „поток (воды)“, ср. и хеттс. laḫui „он выливает“; 19) ւղ- „возлиять, жертвовать“ = арм. диалектическому (араратс., карабахс.) ogorh-el или orph-el (из старых ogor-el>org-el) жидкость (воду, вино...) ложкой или стаканом черпать и снова лить в сосуд; 20) ւրուլи „душа“ в надписи на „Мхеровых воротах“ („AN aluše uruli we šuali „бог, который душу переводит“) и в сложном агґи-urullani (частое слово формулы заклятия), что перевожу „ближние души“ = арм. արևմտի ւրական „призрак“ и народным (в диалектах) ւг или ւга с тем же значением „душа“ („интуиция“), как в выражении ւրսմս talis а „в моей душе он [= бог?] отдает“ = чувствую, ւրես talis а (id.), где ւրես из ւга-s (> ւгај-s>ւгес-s); 21) ւղ-ւի „жизнь (и „здоровье“?) с корнем ւղ- = арм. ողջ olj „целый, здоровый“ и т. п.

Я постарался привести наиболее близкие к армянскому урартские корни (слова), которые сейчас довольно близко уточняются. Из четырех сот урартских корней (слов) около пяти процентов наличествует в армянском, но этот процент возможно возрос-бы, если-б все урартские слова были нами поняты. Нет сомнения, и в этом сходятся почти все арменисты, что урартский и особенно многочисленные другие языки и диалекты древнего Урарту внесли свой богатый вклад в лексику древнеармянского языка и особенно современных ему диалектов.

Урартский пантеон с именами почти шести десятков богов не оказал никакого влияния на армянский пантеон.¹

¹ Влияние семитических богов, точнее, вклад семитического (аккадского, арамейского) пантеона на урартский, мной трактован в связи с урартскими божествами Адарута и Шебиту. См. „Об урартском божестве Adaruthā“ (в „Известиях АН Арм. ССР, за № 6—7, 1944 г. и отдельный оттиск, на рус. яз., стр. 26—32), а так же „Об урартском божестве Шебиту“ (Изд. АН Арм. ССР, 1947 г. 1—16 стр.) Из других урартских божеств Teiše-bā есть хурритское Тешуп, бог грома и молнии, Դիւթինи своим корнем также сближается с этим хурритским

Последний за выделением иранских и семитических заимствованных богов, новых или заменителей древних имен местных богов, имеет облик преимущественно азиатический-древнемалоазийский в лице Ара, Торка, Хепит, Мажана, Мана, Тепла, Савазноса и пр. Древнейшие хайасские боги, как Таруму, Кархохо, Балтаик, Унагаст, Териттитонис и др. не сохранились у хаев-армян, уступив новым именам, новым богам более позднего времени. Дальнейшее изучение этой древнеактуальной идеологической проблемы, имеющей столь важное значение с точки зрения становления армянского этногенеза, может дать дополнительные данные, но в основном эта сторона мне представляется достаточно ясной.

Хурритизмы армянского языка

Хотя субарский (resp. хурритский) язык сохранил нам достаточный эпиграфический материал, судя по обширному письму митаннийского царя Тушратты фараону Аменхотепу III, по богазкёйским некоторым обрывкам (эпос Гильгамеша и пр.), по документам из Рас-Шамры (=древнее Угарит, около Латакии в сев. Сирии) с несколькими хурритскими текстами и сумеро-хурритским словарем, по хурритским надписям из Тель-Харипи в древней области Мари (при впадении Хабур в Ефрат), по многочисленным хурритским личным именам в аккадских надписях из древнего Нузи (=совр. Иорган-Тепе в 15 километрах юго-зап. Керкука) и т. д., тем не менее этот язык пока мало понятен и за некоторыми исключениями может быть использован с большими оговорками.

Этноко-историческим отголоском смешения субарийского (шуприйского, resp. хурритского) народа Армии с пришедшими хайассцами является упоминание у армянского историка М. Хоренского одного из родоначальников армян патриарха Хора, сына Хайка (подобно Арменаку), откуда

миром, Анарша похоже на хеттского бога Napsara, Unina на вавилонского Опа(es) или Оанн(es), Zikequni на хеттс. Zagaga, почитавшегося в городе Хубниша (Bogh. St., III, 98), Ura на вавилонского Uraš и пр.

и влиятельная армянская княжеская фамилия (род) Хорхоруни. Народным же бытовым отголоском этого исторического этнического процесса я считаю наличие у армян редкого слова *խոհ* „скупой“ с таким переходным изменением, как от имени саков имеется арм. *սկսկա* „великан“, от имени кимеров—груз. *გმირი* *gmiri* „герой“, от имени финского племени „чудь“—русские чудак, чужой и пр. Видимо субаро-хурриты, как торговый народ, оставили на пришлых хайасцев впечатление скупых, а то и негостеприимных людей.

Рассмотрим возможность сравнительного лексикологического сличения между хурритским и армянским языками. До этого отмечу то фонетическое явление, что хурриты подобно армянам имеют большое количество слов с начальным „а“ и незначительное количество с начальным „l“ и „r“. Так, напр., из изданных в „Nuzi personal names“ до трех тысяч хурритских личных имен более пятисот имен начинается с гласного „а“ и только до одного десятка с „l“ и „r“. Грамматические общности пока трудно обнаружить, но кое-какие лексические сличения мне все-же удалось сделать. Отмечу пока следующее:

Хурр. *ašt* - „женщина, супруга“ с основой *ašta-* (ср. личные имена *Aštahuta*, *Aštaqanza*, *Ašlakina*...), *aštu-* или *ašdu-* в нарицательных *ašduhhi* „женский“ (противоположное *duruhhi* „мужской“), *aštuzzi*—вид одеяния, а также в женских личных именах (*Ašdu*, *Ašduanti*, *Aštuatana*, *Ašduašar*...), *ašte-* в личных женских именах (*Ašte*, *Ašten*, *Ašteia* и пр.)= арм. *ստե-իմ ast-em* „женюсь“, откуда *ստեղ* „жених“. Их общим источником я считаю акк. *aššātu* „супруга“.

Хурр. *rap* значит „гора“ и имеет также производные образования *rapni* и *rapahhe* „горный“ и „восточный“, что стало и географическим именем местности (страны) *Babahhe* или *Parahhe*. Есть и мужские имена *Parante* (*Babante*), *Arbaba* („дар горы“), *Argi(p)-rapni* (id.?), *Tatirapni*, *Zilip-rapni*..., женское имя *Papaia* и др. И. Фридрих с этим хурр. *rap* „гора“ сравнивает и урартское *habani* „горный“. К ним я бы прибавил и арм. *արհարհ* *arhapha*

„труднодоступные скалы“, а возможно и *φωφ φαρ* или *φωφαρ pharar* „расселина в скалах“. Ср. и личное имя *φωφωφ Pharak* (из князей Палуни).

В обширном письме Тушратты часто встречаем *tivena* „слова“ (мн. ч.) от *tiv-* „говорить“, „слово“, с чем я хочу сравнить арм. *թիւ-իւ լիւոյ-եմ* „говорю речитативно“, а отсюда и значение „обвораживаю“ (ср. удвоенное *թթիւ-իւ լիւոյ-եմ* „лепечу“). Арм. *թիւ լիւ* „число“ (*թիւիւ լիւեմ* „считаю“) ближе фонетически к хурритскому *tiv-* „говорить“,¹ но отдалается по значению. Между прочим есть и фонетически близкое урартское *ti-* и хеттское *te-* „говорить“.

Во встречающихся в том же письме Тушратты *e-[e]-la* или *e-e-li-iw-wi* (см. Туш. iii 35, 37), *e-e-la-ar-ti* (iii 44)² ко-

¹ Судя по сумеро-хурритскому словарю из древнего Угарита (совр. Рас Шамра в Сирии) было и другое слово со значением «говорить»: хурр. *rališu* передано сумерским [ba]-an-tug, эквивалентом аккадского *iqbi* «он сказал», как подметил Рудольф Мейер в „Archiv für Orientalforschung“ XIII, 1939/40, стр. 147 (см. NPN, 242). До сих хурр. *√ ral-* (*ral-*), встречающийся в письме Тушратты, переводили через „просить, выпрашивать“ (ibid.), что можно будет поддерживать древне-армянским глаголом *լիւ-իւ-իւ ռալ ալ-եմ* «упрашиваю, молю», где суф. *-al* служит для выражения многократности значения (Iterativum). Хурритское *ral-* встречается и в личных мужских именах из Нузи. *Pal-tešur* (*Pal-teia*), *Pal-tilla*, *Enna-pali* (*Enna-bali*), *Paliušše*, *Palia* (*Balia*) или *Pallia*. Но в хурритском есть и корень *alum-*, что А. Уигнад (ZA. N. F. I, 1924, стр. 135) переводит через «говорить». Имеются от него формы *aluma*, *alumaín*, *alummin(n)i* и пр. (NPN, 199). Для этого *alum-* я бы предложил значение «шуметь, кричать», имея в виду арм. *աղ-իւ աղիւ* «шум, крик» (ниогда вместе с *ałak*: *ałuk ałak* «шум и крик», ср. хеттс. заимствованное *allalla* «суматоха, возмущение?»). Есть и личное мужское имя из нузийских таблесток—*Alumaštar* («крик богини Иштар?»). Наконец, в письме Тушратты встречающийся глагольный корень *kul-* также переводят через «говорить» (NPN, стр. 229).

² Хурритское *el-arti* Ф. Борк переводит через „дар сестры“, к чему нужно прибавить и *ait-arti* «дар отца» от хурр. *aitai* «отец». Значение *arti* «дар» (от хурро-урартского *ar-* «давать, дарить») я бы мог подтвердить и урартским *ardiše* с тем же значением, как еще впервые перевел А. Сейс. Урарт. суф. *-še* есть и в словах *riğuše* «радость», *ulğuše* «жизнь», *alsuiše* «величие», *usmaše* «слава», *anriše* «мужество» и пр. к чему ср. хурр. *-še* в простых *kešaše*, *nirše*, *šekaše*, *wakaše* и в личных именах женщин—*Allaiše*, *Ulaše*, *Kakkiše* (и муж. и.) *Keraše*, *Takaše* и в мужс. имени *Karmiše* (см. NPN, 253). Хурр. (из Нузы) простое *erwiše*

рень *ela* или *eli* переводят через „сестра“ (см. NPN, стр. 209). Это же слово часто встречается во второй части сложных имен женщины в форме -elli || -elle (Aqarelli, Amšarelli, Kušuh-elli, Nawarelli, Tamarelli, Ugurelli и пр., *ibid.*). Я хочу предложить новое значение „дева, девица“, ибо Нефертити хотя и была сестрой Тушратты, выданной замуж за фараона Аменхотепа III, тем не менее брат о ней мог деликатно выразиться и термином „дева“. Это мое предположение можно подтвердить и созвучным армянским *աղի՛* *ałiç* или *աղի՛* *ałiġ* „дева, девица“, откуда с суф. -ik имеется частое *աղիկ՛* *ałik* (*id.*) Само же *ałiç* (*ałiġ*) имеет суф. -iç, встречающийся и в других случаях (ср. *կալի՛*, *լալի՛*, *կորի՛*, *շալի՛* и пр.)

Столь же предположительно хурр. *en(e)* „бог“, встречающееся в письме Тушратты, богазкейских документах и в хурритских личных именах на таблечках из Нузи (в форме *enne*=*enna*), можно было бы сравнить с армянским диалектным (в Казахе) словом -*an*, входящим в сложное *Ծովի-ան* *Tsovi-an* „божество (-an) моря (tsovi-)“, понимаемое сейчас как нарицательное „молния“, если, конечно, это слово не есть фонетическое изменение из адекватного в диалектах же сохраненного *Ծովի-ալ* *Tsovi-al*, где -*al* в значении злого духа встречается в др.-арм. *ալ-ք* *al-kh*, груз. *ali*, в иранском и пр. (см. „Хеттские боги у армян“, стр. 70—71; 43). В эпосе о сасунских богатырях это имя *Tsovi-al* большей частью заменяется разновидностью *Ծովի-անք* *Tsovi-nax*, причем *nax* как „нимфа“ (первично „нимфа реки“, ср. акк. божество *Naru* от имени *paru* „река“) встречается и в других сложениях (*Helinar*, *Oskinar*, *nurin* < **narin* „чучело женщины для обливания водой“). Хотя *Tsovinax*, как нимфа моря, есть женское имя, имея также значение „молния“, иначе говоря соименное *Tsovi-an* (resp. *Tsovi-al*) также относятся к женщине, и следовательно -*an* должно было значить „богиня“, тем не менее нет препятствий для сравнения с хурритским *en (e)* „бог“. По оглашарственное» получилось либо из обыкновенного *ewri* «царь» с -šše из še, либо же из *ewrin*+šše (ср. угаритс. *e/iwri* и хеттс. *перогл.* (из Карге-мяша) *lurin* «принц» (*Hit. h. I, 64*)

совке арм. ап „божество, богиня“ так относится к хурр. ep(e), как арм. at-(iĉ) „дева“ к хурритскому ele или elli (id.?) и как арм. awri- (в awri-ag, awri-ankh и awri-ord) „господин, властелин“ к хурр. ewri „царь“ (и урартс. -ewri „господин“).

Иногда помехой для сличений является невыясненность первичного значения слова в самом армянском. Так, напр., у армян Сасуна *խորի* xorĭ или *խորթ* xorth значит „герой“, а у армян города Муша и окрестностей это же слово значит „отрок, молодчик“. Если исходить из первичности значения „герой“, то это южноармянское xori(h) легко может связаться с хурритским ħurati „воин“, урартс. ħuradi (id.) и акк. ħurati (id.). Возможно это аккадское слово (ср. šabē ħurati в Эль-Амарнских письмах) заимствовано из самого хурро-урартского. Переход же значения „воин“ > „герой“ легко объясним, а фонетический переход ħurat- в арм. xori(h) можно объяснить ударением на первом слогѣ, и следовательно хурро-урартское слово звучало xórat (ħórat).

Хурро-армянские лексические встречи были несомненно довольно многочисленны, но их выявлению мешает невыясненность значения слов в самом хурритском.

Напр., в именах из таблѣток Нузи выступает слово ber- или bir-, для чего имеются личные имена мужчин: Tem-bira, Tembiru, Tiam-biri, Tiambera., Bi-ru, Bi-i-ru, Bi-e-ru, Bi-i-ru-ii, Be-i-ru., Biru(w)a, как имя бога, Birazzina || Birlazzina, Biraz(z)ana, Biria и т. п. (см. NPN, стр. 245). Я предлагаю для bir- || ber- значение „род, племя“, имея в виду его наличие в древнеармянских именах мест и княжеских родов, как *Արբերան* (p) Arberan(i), что собственно значит „Ар-роды“ (=область к северу от озера Ван), т. е. „роды, чѣтящие Ар“ (?),¹ затем *Տարբերան* Taruberan (ра-

¹ Божество *Ար* Ar (в Arberani) я хочу связать с нарицательным *ara* „орел, сокол“, которое налично в хеттском клинописном языке в форме ħaga (или ħagan) и в хеттском иероглифическом (см. I. Gelb, Hitt. hier., II, 13, где имя A-a-ga-ga-si заменено после начального А идеограммой птицы, несомненно орла, читаемого Гельбом как *aga*, с прибавлением -ga). Если племена могли называться по имени аг-, то это может свиде-

йоны западнее оз. Ван), что собственно значило „Тавра-роды“, т. е. „роды, чтящие быка“, далее *Բաժրերուհի* Khaǰbeguni „Каджародный“ (имя княжеского арм. рода) и т. п. Даже хурритское личное имя, возможно родовое, Tiambera или Teimbiru сохранилось у армян в форме княжеского рода *Տամբեր* Tamber. Это же ber- „род, общество“ наличествует и у грузин, о чем см. мою работу „К происхождению груз. национального имени khartveli“ (Ереван, 1939 г.), где ber- || bir- с альтернативной ver- || vir- первично значило „дом“. Ср. также личное имя Beru-ahšu (в каппадокийских таблетках, см. у Стефенса, стр. 26, 82), что дословно значит „родоначальник“.

Если хурритское слово aštar первично и связано с именем богини Иштар, как полагал, напр., ученый К. Талквист, то я бы предложил для него значение „башня“, имея в виду арм. *աշտարակ* aštarak (id.). Вспомним о финикийских каменных фетишах (beth-il „дом бога“), имевших вид столба. А ведь еще Геродот сообщал о двух стелах при храмах Ерусалима, Иераполя., у храма Пати на Кип-

тельствовать об охотничьем их промысле с ловлей соколом дичи. Этот орел-сокол мог тем самым и обожествляться („тотемизироваться“), стать священным именем самого рода или племени, подобно как были „быкочительные племена“ (Tugu-begani, собств. «быкородия»), от имени туги «бык» (ср. и имя урартск. бога Tuganī). Оба имени аг «орел, сокол» и туг—«бык» наличны во многих индоевропейских языках, в том числе и славянских («ор-ел» и «тур»). Я уж не говорю о горах со значением «тур» или «тавр» (в Малой Азии, в Крыму и пр.). Вероятно и имя бога Tarku (Taṛḥu) также тотематического происхождения в связи с tarku «козел» (с таким нарицательным tarku «козел» см. у I. Gelb'a, Hitt. Hier. I. 86). Я выдвигаю и первичность значения этнического имени хурритов, т. е. ḫurri, как «бык», в том же идеологическо-хозяйственном аспекте, имея в виду, что сопровождаителями бога грома и молнии у хурритов были обожествленные быки ḫurri(š) и šari(š) (см. у Гётце. Kleinas., 121, 123 и 133), не говоря уже о грузинском несомненно сродном имени хал (ხალ) «бык». Моя трактовка термина аг—как «орел, сокол» отнюдь не исключает возможность другого омонимного Аг, как божества весны, плодородия и пр. на подобие арм. *Արա* Ага (о чем см. мою работу „Кульг Ара Прекрасного“, на арм. яз., Ереван, 1945 г.). Есть и омонимное аг «дар» (напр. в именах ʾAg-Tešupras «дар бога Тешуба», ʾAg-Tilla «дар бога жизни» и т. п.).

ре, подобно которым были и камни „хаммапим“ в Карфагене в честь бога Ваал-Хаммона (см., напр., Б. Тураев, Ист. др. Востока, II, 14). Из хурритских личных мужских имен с этим *aštar* имеются: *Ašartilla* (и обратно *Tilla-aštari*), *Aštarg(i)-tešur*, *Alum-aštar* и самостоятельнысе *Aštari* (см. NPN, 206). Ср. также *Astaruwasl* (из хеттских иероглифических надписей) и *Aštaraš* (из Ниппура). как личное мужское имя. Но могло ли слово „башня“ придаваться людям, как собственное имя? Кроме армянского *aštarak* „башня“ (где -ак суффикс.) я бы обратил внимание и на лидийское *aštrkoš* или *ašturkoš* „город, замки“ (см. *Caucasica*, Fasc. 10, Leipzig, 1932). Здесь имеется такое же расширение значения от понятия „башня“ на понятие „акрополь, крепость“, как имеем имена сел *Աշտարակ* *Aštarak* в Армении. Я уж не говорю, что каждый крупный дом мог иметь для своей защиты башню, как это до сих пор сохранилось у кавказских сванов. Еще Ксенофонт обратил внимание на распространенность этих башен в селах и городских акрополях Армении и Понтийских областей. Так, напр., при переходе через реку Кентрит (=Бохтан-су) за тридцать километров к северу греки вступили в село, в котором был дворец персидского сатрапа и „на большей части домов были башни“ (Анабазис, кн. IV, гл. 4, § 2). О таких же башнях он сообщает и в селах племени дрилов, жившего к северо-востоку от Трапезунта. Когда он говорит о взятии одного их укрепления, как главного пункта, окруженного глубоким оврагом, то прибавляет: „весь город сгорел—дома, башни, палисады и все остальное, за исключением укрепления“ (ib., кн. V, гл. 2, § 27). Особенно же разительно значение башни у моссинойков, живших западнее Кераунта, на берегу Черного моря. Само имя моссинойков, т. е. жителей „башенных сел“ (греч. *mossin* „башня“ и *oikos* „село“) подтверждает мои предположения об хурр. *aštar* „башня“. Говоря о „столице“ (*Μητροπολις*) моссинойков, перед которой было укрепление, Ксенофонт эту столицу помещает на возвышенности, где царь их жил в моссине (деревянной башне), „должен здесь оставаться постоянно, здесь его содержат на общественный счет и

охраняют" (ibid., кн. V, гл. 4, § 26). Из сказанного о древних и даже современных башнях, необходимых атрибутов акрополей и момов в селах древнего Востока, следует с очевидностью, что термин башня, особенно во мн. ч. „башни“, легко может заступать понятия „акрополь“, „замок, крепость“ и т. п. а впоследствии затерять и это значение, как имеем армянские имена сел Аштарак, в которых укреплений с башнями не сохранилось.

Видимо такого-же историко-культурного происхождения, но еще с большим географическим распространением, другое хурритское слово—*камаги*, употребляющееся как самостоятельно, так и в собственном имени *Agi(k)-kamagi* (NPN, 222). По нузийским таблеткам слово *qa-ga-gi* употребляется в значении местечка в городе Хушри, близ Нузи, а по богазкейским надписям раз читается „Тешуп владыко города Камара (*Kamaribi*) города Иррите“ (KBo I, 3. Rev. 28) или еще лучше, „Тешуп владыко гамар'а города Иррите“ (*Tešup EN gamari ŠA URU Irrite*, см. KBo I, 1, Rev. 57). Приводя этот материал, П. Пурвес (NPN, ibid.) полагал, что *Камаги*—местечко в связи с этим городом Иррите. А. Унгнад же это слово переводил через „крепость“ (ibid.). Мне же кажется, что это значение вторичное, а первоначально *камаги* значило „пояс; арка, свод; сводчатая кровля“, имея в виду наличие *камаг* с подобным значением у армян, греков, латинян (*самега*),¹ иранцев и др. Но в таком случае аркообразную или сводчатую постройку придется вывести с востока, от хурритов, для чего, конечно, последнее слово принадлежит археологии.²

Некоторые хурритские имена божеств у армян сохранились в древнем нарицательном значении, хотя такое значение не утрачено и у хурритов. Напр., бог *Kurwe* своей формой входит и в личные мужские имена *Agi(k)-Kuruve*, *Kurw-agi* (или *Kurv-atal*). Но первичное значение возможно было „сила, крепость“, судя по внешне сходному с арм. *հո-*

¹ Римляне взяли это слово у греков и передали немцам (*Kammer*) французам (*chambre*), англичанам (*chamber*) и др.

² В хеттском языке было слово *камтага*, судя по Своду Законов, но оно значило «улей пчел».

paṣ korow (id.).¹ Точно также хурритское *paṣ* в личных именах *Pai-šina* (или *Pai-zani*), *Pai-šarri*, *Pai-tešur* и *Pai-tilla*, не говоря о *Paikku*, могло значить „пан, фавн“, т. е. духа на подобие арм. *բայ* *paṣ* или *բայիկ* *paṣik* (id.), одного вероятно происхождения (ср. также каппадокийское имя *Քալապ(իս) քաղկալ* „*Paiaṣ(is)* козлинный“, приводимый у М. Хоренского).² Хурритский же бог *Šantallugan* (KUB. XXVII 6, I, 12) или *Šantalluggan* (KUB XXVI 1, II 26) с детерминативом впереди „бог“ наличествует и в личных мужских именах *Šantalluk*, *Šantaia* (см. NPS). В форме *Šanta* этот бог особенно почитался в южной Малой Азии и соответствовал вавилонскому Мардуку. Ср. лувийское *Šandaš*, критское *Šanti*, лидийское *Sandas*, хурр. мужское имя *Ar-šanta* „дар (бога) Шанта“ и пр. Но первичное нарицательное значение этого имени бога *Šant* сохранили только армяне в слове *շանթ* *šanth* „молния“. Наконец, я бы обратил внимание и на сходство имен хурритского бога *Nipatik* и армянской священной горы *Նպատ* *Npat*, на склоне которой был крупнейший и древнейший монастырь и село *Բաղանի* *Baḡawan* (собст. „богопоселок“), современное Учкилнсе к востоку от города Алашкерт (в Турции).

¹ Семаснологически ср. малоазийское *ṣiwa* «сила», входящее во многие личные имена (см. у нас стр. 74—75), а также шумерское имя *Dingir-agal* „божья сила“.

² В родит. падеже имеется *Քալապիս Քաղկալի* без конечного *-is*. Само это древнемалоазийское слово *Pai-ari* несомненно роднится с такими хурритскими личными именами, как имеются в табличках из Нузи: *Anin-ari* (A-ni-na-bi), *Umriin-ari* (Um-bi-na-bi) и *Waḥḥ-ari* (Wa-aḥḥa-a-bi или Wa-ag.ḥa-a-bi). См. NPN, стр. 201. Есть и частое *ари*, как вторая часть сложных имен, что связывают с именем одного бога или же является божественным элементом (по Оппенгейму, *ibid.*), но не отрицается и возможность заимствования с акк. *ари*, „отец“, хотя личные имена *Arukka* и *Ariška*, вероятные производные от этого *ари*, дают П. Нурвесу основание считать это слово как грамматический вариант от чисто хурритского *ari*. Эпштейн же этого армянского *Pai-ari* звучит *Քաղկալ* *Khaaḷcaj*, что И. Маркварт правильно предлагает читать *քաղկալ* *khaḷcaj* „козлинный“ от арм. *բայ* *khaḷ* „козел“, хотя в самом *Pai-* уже есть это понятие, ибо фавны (паны) изображались как люди с козлиными рогами и ногами, и такой их вид вызывал ужас и смятение (ср. выражение «паника»).

Хурритские личные имена также сохранились у армян. Даже лепетные имена (Lallwörter), созданные как будто детьми, и то довольно общи между хурритским с одной стороны и армено-грузинскими с другой. Ср., напр., хурритские Kakki (Gakki), Kakkia, Kakku, Kakkua, Kakkuzi (Gakuzi), Kik(k)i, Kik(k)ia, Kukkuḫi, Kuku (Gugu), Kuk(k)ua и пр.¹ при армянских Գագ Gag, Գագի Gagik, Գուկ Kuk., груз. Kakuli, Какуци и т. п.

Отметим следующие хурритские имена (из Нузи) в армянском, независимо от того, чисто хурритские ли они, или заимствованы из аккадского, касситского или через них из шумерского.²

1. *Akitta* (|| Akith, Akitte) = Ակիթ Akith, имя одного монаха, отмеченного Лазарем Парпским (см. его „Письмо Вагану Мамиконяну“, стр. 196, Тифлис, 1904 г.). В хурритском окончание -ii(i)a есть и в личных именах Ennita, Nupita, Ikita, Inkita, Miššita, Ukkita, Zikita.

2. *Arditi* (|| Artildi, Ardildi) = Արտիթ Artith, напр. имя одного армянского епископа из Басена; (ср. также Արտիթիս Artithes (М. Х., стр. 99 и 219). П. Пурвес делит хурритское имя на ar-titi (NPN, 203), хотя И. Гельб такое деление считает сомнительным (ib., 35). О суф. -ith в армянских именах см. у нас стр. 213, к которым нужно прибавить и Բրիթ Brith „родовитый“ (ср. груз. Beritha-švili), Ասիթ Asith (из князей Аматауни, см. у историка Фомы Арпруни,

¹ См. NPN, стр. 222, 226, 229.

² Напр., через ассировавилонян в арм. яз. перешли ագագ ագագ «участок обработанной земли», ախաг աпах «олово», Անգլ Angl—собств. имя из нарицательного «крепость» (=сум. ḡgal, акк. ekallu), առօթ աггит «сосуд» (=сум. unu) и пр. Но есть в армянском и шумерские слова, не встречающиеся в аккадском (асс.-вав.), как арм. օդ odi «овца» (=сум. udu), աղ ag «хвост» (=сум. aga «задняя часть»), աղաղի agalil «ангст» (=сум. arikgilim—птица с длинными ногами), ծագ sag «начало, исход» (=сум. zag «граница») и т. п. К этим сравнениям Карста и Сагызяна я прибавляю арм. կապառ караг «свиное» =сум. kubabbar «серебро», сасунс. ձեղիլ mezel «смотреть» =сум. mezu (id). См. также мою работу на арм. языке «Ассиро-вавилонские слова арм. языка», 1945 г., стр. 6 и 39 (отдельный оттиск из „Известий“ Ак. Наук Арм. ССР, № 3—4 за 1945 г.).

147), *Zuith*, *Gnith* (еписк. из Дерджана, см. у М. Хор., 335, 340).

3. *Bazi* (*Pazi*) или *Baza* = *ḫaz Baz*, впуск Хайка, откуда, по М. Хоренскому—княжество *Bznuni*. Хурритское имя встречается в таблках Нузи—Гасура, Ниппура, из Анатолии и пр. и считается как-бы хурро-анатолийским (NPN, 244). Есть и *Pazaku* (в Нузи), чему как-бы вторит арм. имя легендарного *ḫaznuk Bazuk*. Есть и хурр. *Bazla* || *Pazzia*, *Pazazi* (*Bazazi*, см. там же, 112); для последнего ср. арм. женс. имя *Գնձաձ* *Rasac* = груз. *расаса*, *расасина*, *раса* „малый, крошка“.

4. *Putu* или *Puddu* (*Putiu*) = арм. *Բութ* *Buth*, имя главного жреца, или *Բութ* *But*, имя князя из рода Аравелян. Особенно оно часто в хурритском женском имени *Putu-^dЦера*, что дословно значит „служительница богини Хера“ и иначе полундеографически передается *ERUM-^{he}/hi-^{pa}* „servent of Цера“ (см. NPN, 248). Ср. также груз. мужское имя *Budu*, что своей конечной гласной „u“ столь совпадает с хурритской формой. *hP*. Ачарян в своем „Словаре личных арм. имен“ (т. II, стр. 425) арм. *Bu(h)* выводит из сирийского *bud* „церковный надзиратель“. Нам же думается, что арм.-груз. формы получились независимо от сирийского, а значение „служитель“ (ср. сирийское „церковный надзиратель“) было у хурритов еще за два тысячелетия до н. э.

5. *Dada* или *Dadā*, как субарийское имя периода III династии Ура (I. Gelb, *Hurr. a. Sub.*, 95, 109) = арм. *Դադե* *Dadē* или *Դադիու* *Dadiu*. Между прочим упоминается и хурр. (урартское?) имя *Dada*, происходившего из города *Arziza* (ср. арм. *Արձէշ* *Arčēš* у озера Ван). Возможно, что эти мужские имена хурритов-субаров (ср. и груз. *Dadlani*, *Dadeš-kellani* и пр. с *Dad-*) стоят в связи с именем хеттского бога *Datta* (в клинописи) или *Tata* в иероглифском хеттском (см. у Гельба *Hitt. hier.*, III, 48), с чем я ставлю в связь и имя арм. городка *Դատվան* *Datvan* (у юго-зап. угла озера Ван) с дословным значением „[бога] *Dat*'а обитель“.

6. *Dudu kaia* (*Du-du-qa-a-a*, отец некоего *Durari*, NPN, 160) = арм. *Դուդու* *Dudu*. В хурритском *-kaia* считается сложным суффиксом (*-ka-ia*), что видим и в именах *ḫanukaia*, *Herrikaia*, *Innikala*, *Kanukaia*, *Pallakala* и пр. (*ibid.*, 222).

Ср. также арм. личное имя *Տութի* Tuta и сложное *Տութ-որդի* Tuta-ordi (собств. „сын Туте“). Есть и имя семит. божества Dûdu, к чему ср. также личные имена Dûdu, Dûdu-abušu („Дуду—его отец“), встречающиеся в нузийских таблетках. Е. Шрадер (в своем „Die Keilinschriften und das Alte Testament“, Berlin, 1902, стр. 483) имя этого божества связывал с семитическим dad, did, dūd со значением „любимый“, а отсюда и „дядя“ (см. NPN, в листе у А. Макраэ, стр. 303).

7. *Zaza*¹ = арм. *Հազա* Zaza, имя князей из рода Захаридов в XIV—XV веках. Есть и ласкательное *Հազիկ* Zazik (Ач., „Слов. личн. им., II, 163)². В соответствии хурр. z в армянском скорее нужно было бы ожидать аффрикатное ts (ժ), tš (ճ) или же их звонкие виды dz (ձ) или dž (ղ), для чего ср. быть может и армянские имена *Հաջ* или *Հաջակ*. Но соответствие хурр. z = арм. z можно видеть и в личном имени—хурр. Zige или Ziki (муж. и жен. имена)³ = арм. *Հիկ* Zik, хотя Ачарян арм. имя считает заимствованным из персидского Zik (ib., 208).

8. *Ḫinzuri*, *Ḫinzuraia* (из Нузи), как женские имена, вместе с нарицательными *ḫinzurış* (из Мари) и *ḫinzurilaš*, *ḫinzurinna*, *ḫinzuruganna* и *ḫinzurulaeš* (из Бозазкея), свидетельствуют основу *ḫinzur-*, что я перевожу через „яблоко“ = арм. *խնձոր* xəndzor (Id.), хотя в хурр. *ḫinzur* значило и имя какого-то месяца (см. у Пурвеса в NPN, 217). Сирийское *ḫazzūrā* „яблоко“ Гюбшман считал заимствованным с армянского (Arm. Gram., стр. 305), но ему не было известно наличие акк. *ḫašḫur-gi* с тем же значением, а это может говорить за исконность семитического происхождения этого термина. Армянская форма *хəndzor* получилась по нормам арм. фонетики из **xindzor*, что непосредственно примыкает к хурритскому *ḫinzur*.

¹ Это имя Zaza известно не только из нузийских таблеток, но и из каппадокийских в форме Zazla, Zaz, бога Zaza, Zazini (см. у Стефенса, Pers. names of Carr., 70, 85).

² В родном моем селе Аштарак и поныне есть фамилия *Հազիկյան* Zaz-яц и равнинная местность Zazi duz („равнина Заза“).

³ Есть и личное мужское имя из каппадокийских таблеток (см. у Стефенса, ibid., 70).

9. *Ḥuṣuše(e)* и *Ḥuṣušaia*, как женское имя, с возможными нарицательными формами *ḥuṣiṣidu* (KUB XXVII 48 obv. 13) и *ḥuṣušta* (ibid., 38 i 13),¹ хотя есть и женс. имя *Ḥuṣḥuṣu*, соответствует армянскому женскому же имени *Ḥuṣuṣ*, встречающемуся в X—XIII веках (см. у Ачаряна, стр. 562).

10. *Ḥu-ia* или *Ḥu-ū-ia*, упоминается кроме Нузи также в богазкейских документах (КВо III, 3. Col. III, Vs. 2, см. Bogh. St. III, стр. 144—145.) как правитель Каргемиша. Ср. арм. *Հոյ* *Hoj*, имя одного из легендарных правителей Армении (по М. Хор., I, § 20) в ряду—*Պերճ* *Perč*, *Արրան* *Arbun*, *Բազուկ* *Bazuk*, *Հոյ* *Hoj*, *Յակակ* *Jusak*, *Տաշազ* *Taşaz* *Kajrak* и *Սկայորդի* *Skajordī*, т. е. правителей до скифского вторжения (до VII в. до н. э.).² Для фонетического соответствия *ḥ* армянскому *h* (а не только *x*) ср. быть может и имя армянского феодального дома *Համբուշեան* *Hambuṣean* (раз и неправильно *Հարածեան* *Habusean*) при хурритском *Ḥambizi* или *Ḥaburzi* (из *Ḥabbur-^dSIN* „отпрыск бога Сина“, см. NPN, 304).

11. *Ku-ari* = арм. *Կուարի* *Kuar*, который был сыном индийского князя Деметри или Гисане в Тароне, построил село Куарс и с братьями Хореан и Мелти поставил статуи (идолы) Деметри и Гисане. Также по-хурритски звучит имя его брата *Ḥuṣuṣ* *Hoṣean*, что собственно значило „хуррит“, хотя возможна и чисто хурритская форма на *-ān* от того же корня. Лексических таких встреч между хурритскими и армянскими личными именами внешне можно отметить и такие, как хурр. *Warašama* и арм. *Վարշամ* *Varšam*,

¹ NPN, 218.

² Это хурр. *Ḥu-* имело первично нарицательное значение, что видно не только из форм этого слова *ḥu-ū-e* (KUB VIII 60 obv. 8), *ḥu-e-ni-waa-an* (ibid. I, 14), *ḥu-u-iš-ta* (KUB X 63 и 11), как указывает П. Пурвес (NPN, 217), но и из производного *ḥuip-* в именах *ḥuip-ari*, *ḥuip-erwi*, *ḥuip-tilla* > *ḥur-tilla...*; ср. также *Ḥuite(e)* или *Ḥuiti*, *Ḥui-tešur*, *Ḥui-tilla*, а возможно и имя *Ḥuišša* (*Ḥu-iš-ša*, *Ḥu-i-iš-ša*). Для нарицательного *ḥui-* (с фонетически правильным *hoj-*) я бы предложил значение „великолепный, славный“, имея в виду арм. *հոյ* *hoj-* в сложном *հայազապ* *hojazar* „велико-сложенный“ (о палате, о князе), *հայապետ* *hojaput* „великоименный“.

хур. *Hutta* (при *Hutti*, *Hutaia*, *Hutia*) = арм. *Կուժա*,¹ хур. *Zar-mia* (*Zarwia*) = арм. *զարմ* *zarm* „род, поколение“ (ср. и имя *Zarmajr*), хурр. *Attika* = арм. *Աթիկ* *Athik* и т. п. Даже чисто ассирийское личное имя бога *Adad* (бог грома и молнии), столь часто фигурирующее в личных именах у хурритов Нузи, но в семитических сложениях, *Adad uballiṣ* („Адад дал жизнь“), *Adad našir* („Адад-покровитель“), *Zupradad* (>*Zurbadda*) „Когти Адада“ и т. п., также вошло через шуприйцев аримов к историческим армянам в форме личного имени *Ատա* *Atat* (ср., напр., *Атат Гнуни*, *Атат Хорхоруни* и др.). Таким же путем можно объяснить проникновение к армянам имени касситского бога *Награ*, употребленного хурритами как личное мужское имя и в форме *Нарме* (*Ha-ar-me-e*, ср. также сложное *Ariḥagra* и *Ariḥarme*, *Haḥarba* и *Haḥarme* и т. п.) при армянском имени легендарного эпонима хайкида *Հարմայ* *Harmaj*, где конечное „j“ есть чисто орфографическое, а не фонетическое явление (менее возможна этимология арм. *Нарма* в связи с греч. *Hermes*).

Под конец обращу внимание на некоторые хурритские слова и имена из растительного мира, столь богато представленного в армянском, как остаток местного культурно-языкового вклада. Я уже коснулся возможности непосредственной близости арм. *хэндзор* „яблоко“ с хурритским женским именем *Ḥinzur*. Между прочим армянское это слово также было женским именем (см. у Ачаряна, стр. 515, *Խնձոր*, *Խնձորիկ* из документов XIII—XV веков).

У хурритов было растение *ka-an-zu-ú* (в одном листе синонимных слов), а также *ka-an-zu-uk-kam* (KUB XXVII 38 iii 18, см. NPN, 223). Видимо оно чем-то было полезным, душистым или стройным, ибо входит в женские имена *Allaiqanza*, *Astaqanza*, *Kanzala*, *Qanzu*, *Ḥasirqanzu*, *Qanzuṣalli*. Идеограмма (= детерминатив) *šammi* „растение“ перед *qanzu* не дает конечно его конкретности. Армянское слово

¹ Один из князей Сасуна, который вместе с братьями Смбат, Мусег и Нерсес по приказу византийского импер. Маврикия пошел на помощь прогнанному персидскому парю Хозрою (см. у Ачаряна, II. 555).

kaḥḥu kanjox или *kaḥḥu* kanjux „трост, палка“ имеет хурритское образование с суф. -uḥe (для происхождения) и указывает на стройность или прямую фигуру этого непонятного qanzu. Хурр. суф. -ukk(am) как бы напоминает арм. -uk -uk в именах растительного мира.

Затем нужно подчеркнуть также хурритское *šap tul-di*, т. е. „растение tuldi“ (ina Šubari „в Шубари“), употребляющееся возможно и как женское имя Du-ul-ḫu-ū. Du-ul-ḫu, и как муж. имя Du-ul-ḫu-uq-qa, Tu-ul-duk-ka (с суф. -uk) и пр. Ср. арм. *տուղտ* *tult*—растение с большими цветами (из семейства Althaea), что у нас в араратском диалекте сейчас звучит *տուղտ* *tuld* (напр. в Аштараке).¹

Но особенно интересны некоторые имена хурритских божеств растительного олицетворения с суф. -ḫi или -uḫḫi, как, напр., Piša(i)šarḫi, Tarpanṭuḫi, Hašuntarḫi, Šurubḫi, приводимые в богазкейских клинописных документах.² Остановимся на Tarpanṭuḫi и Hašuntarḫi, которые я считаю обожествлениями растительного мира.

Первое имя (Tarpanṭuḫi) с известным суф. -uḫḫi или -uḥe следует сблизать с малоазийским и субарским tarpanṭ-, заимствованным, по моему, греками в форме terebinthos (ср. подобные же заимствования малоазийских labyrinthos, Korinthus и пр.), т. е. с именем известного хвойного дерева, из надрезов которого выходит жидкость терпентин, отсюда терпентинное масло — скипидар, почитавшийся в Сирии.³ Не знаю, в какой связи стоит его корень terp-

¹ По сообщению Вардана Петояна, уроженца Сасуна, армянки этой горной страны сушат цветы этого растения, превращают в порошок и, когда заканчивают мытьё головы, в конце обсыпают этим порошком голову, чтоб причесок легко прочесывал волосы.

² См. в статье И. Фридриха „Zum Subaräischen und Uraltäischen“ напеч. в *Analecta Orientalia*, № 12, Roma, 1935 г., стр. 127.

³ О теребинте в Высокой или Малой Армении (близ халибов) говорит Ксенофонт (в 401 г. до н. э.). Его солдаты из-за снега и сильных холодов «стали разводить костры и намазываться, так как здесь много было мази, которую употребляли вместо масла; (она составлялась) из свиного жира, кунжутных семян, горького миндаля и теребинта. Встречалось и благовонное масло из этих же предметов» (Анабазис, кн. IV, гл. 4, § 12—13).

с именем арм. տերփուկ terephuk или տերփուկ terphuk, род растения, по-лат. centaurea serotina Bor. (по-турецки kantaron çiçeи).

Имя же Hašuntar-*hi* точно отложилось в армянском հաշտըղի хаšəndel—род растения (rheum), служащего как лекарство для рожениц, а также как слабительное („ревень“). По форме армянское слово хаšəndel так относится к хурритскому hašuntar, как арм. ճակըղի ճakəndel (= beta gara) к иранскому čugundar (ср. афганс. čugundar и др.), лидийскому čakundidar и пр., причем грузинское čakundela, как и иранские формы. Ачарян считает заимствованиями с армянского, где есть и самостоятельное ճակն ճakn с тем же значением. Вторая же часть -dar, существующая и в иранском čavdar „рожь“, gendumdar „пшеница“, значит „травя, растение, злак“ и в армянском народноэтимологизировалась с арм. դեղ del „травя, злак“ (откуда takhdel „перец“, delel „отравить“ и т. п.). В армянском есть и растение կապըղի kapndel (из *kapundara?), что по-латыни передают через ligusticum levisticum. Не есть ли это армянское слово также азианско-хурритского происхождения?

Быть может растительного происхождения и имена хурритских божеств Piša(i)šar-*hi* и Šuru(*h*)*hi*. Первое имя с суф. -*hi* (ср. также Դիտենի Դiten-*hi* из *witen-*hi* „водяной дух“?), т. е. основа piša(i)šar- могла в дальнейшем (у армян и других) стянуться в *pšar и через прогрессивную диссимиляцию двух „р“ стать pšat, что и предлежит в имени армянского деревца փշատը phšat (elaеagnus) с мучнистыми плодами, наподобие фиников. Во втором же имени Šuru(*h*)*hi* или Šuru*hi* я хочу конечное -(*h*)*hi* считать за коренной звук и все слово сравнить с семитическим (еврейским) שורק sorekh (пишется и שורק sorek), что через священное писание перешло и к армянам. Это растение было видом виноградного куста с отборным черным плодом. Возможно что это же имя с изменением в значении (что часто бывает) продолжает бытовать и в нынешних армянских диалектах, где имеются שורק sorok (напр. в Нор-Баязете), שורק sorəkh (в Буланыхе), שורק sorі (в Ване, из sorik?), означающие „с узкими и длинными листьями, с желтыми цветками че-

«большое растение, из мелких и черных семян которого выделяется горькое масло» (=турецкое халта, см. в словаре С. Амадуни *Հայոց բառարանը*, стр. 508).¹

Все вышеприведенные языковые лексикологические общности между армянским и хурро-субарским, как первые пока мои изыскания, являются вполне достаточным фактом для установления исторического проникновения хурритского языкового материала в новообразовавшийся с VII в. до н. э. армянский язык, будет ли этот хурритский языковый субстрат чисто местным или передаточным с аккадского, аморритского или даже касситского. Дальнейшие успехи в понимании все обогащающихся хурритских текстов несомненно дадут для арменоведения и грузиноведения новые лексикологические, а может быть и грамматические материалы.²

¹ Хурритское имя божества *Šurūhhe* и *Šurūhe* из богазкёйских источников смыкается с одновременным нузийским подобным же словом *Šurūhe*, входящим в личное мужское имя *Atir-Šurūhe* („дар виноградного бора“?). Но в ассирийских документах также фигурирует божество *Šurūha* (в так называемой „адресной книге богам“ (Götteradressbuch), приподимой О. Шрёдером в его „Keilschrifttexte aus Assur verschiedenem Inhalts“ (см. в листе А. Макара, NPN, стр. 316). Отсюда и ассирийское сложное *Šurūh-ilu* (>*Šurūh-il*), как личное имя. Есть и *Šurūha-ili-ai-a*, как и *Šurūhaia* (как хурритизированные формы?). Как правильно отмечает А. Макара, такие имена как и *Adad-Šurūha* или *Šurūh-Adad* говорят за первоначальную нарицательность слова *Šurūha* (ibid.).

² Из словообразовательных суффиксов, общих в хурритском и армянском, отмечу *-ita*=арм. *-իթ* *-ith*, как в хурритских именах мужчин *Ennita* (при *Ennia*), *Ikita*, *Inkita*, *Miššita*, *Ukkita*, *Zikita* (при *Zike*) и пр. при армянских *Արտիթ* *Artith*, *Մարտիթ* *Mardith*, *Տիրտիթ* *Tirith*, *Ակիթ* *Akith* (=хур. *Akitta*) и пр. Этот суф. был и в имени армянина *Haldita*, отсюда Арахн. В хурритском наличен и суф. *-uk(ka)*, *-uk*, как, напр., в именах *Dašuk*, *Šušuk*, *Hašuk* (жен. и.), *Kaltuk*, *Kizzuk*, *Naḥaruk* и пр., что также налично в армянских ласкательных = *Arjuk* (от *arj* „медведь“), *Sewuk* (от *seaw* „черный“), *Hawuk* (от *haw* „лед“), *gaṭnuk* „ягненок“ (от *gaṭn*) и т. п. В хурритском выделяется и суф. *-iši(a)*, напр. *Taḥirišiti* (при *Taḥiri*), *Ennišita* (при *Ennia*), *ihūšita* (при частом *√ith-*), *Inišiti* и пр., что сохранили и урартцы (ср., напр., в имени царя *Arg-išiti*).

8. Роль Малой Армении

Значение и роль царства Хайаса-Аззи, как первоначальной родины армян (хаев), распространившихся с седьмого века до н. э. не только до Мелитены—Тегараммы включительно, но в дальнейшем и по всему Урарту, напоминает мне подобную же роль славян Киевской Руси, которая, консолидировавшись в политическом и культурном отношении на дороге „из варягы в греки“, в дальнейшем послужила ядром для политической экспансии в междуречье между Окой и Волгой, положив тем самым основание для новой крупной государственности—Великой России. А ведь Арменией в глазах греков, например Геродота, вначале была только Малая Армения, противопоставлявшаяся позже образовавшейся Великой Армении только с четвертого века, при Александре Македонском. И когда Геродот говорит (I, 72, 60), что река Алис вытекает с армянской горы, как и Ефрат из Армении, то это вместе с другими фактами свидетельствует о *родине армян только в верховьях Ефрата и Алиса*, т. е. в поздней Малой Армении, распространившейся к тому времени далеко на запад к Себастии и Никополю. И когда за какие-нибудь 60—70 лет до этого царь Дарий I также говорит о жителях Армины, т. е. страны древних аримов-хурритов, под чем нужно понять пришлых хаев (а не скифов, как полагает В. Струве), и это на больших просторах за Таврами вплоть до устья нижнего Зава, то это может только и только засвидетельствовать о том, что эти „армины“ (armīnija) страны Армины (Armina), т. е. хаи, и расселившиеся с верхнего Ефрата по Мелитене и Софене армяне греков представляют одну и ту же народность. Иначе говоря, здесь констатируется начальное исходное состояние и конечное новое. Термин же armin „армянин“ из Armina, ставший у греков armen-(armen-oi, Armen-ia) вследствие изложенного процесса, как первоначальное неправильное нареkanie со стороны мидийцев и персов, стал у всех иностранцев общим заменителем национального „хай“.

Миграционный процесс из бывшей Хайасы-Аззи, т. е.

поздней Малой и отчасти Высокой Армении, видимо был неравномерен, а может быть и по другим неизвестным нам причинам восточная половина этих мест настолько поредела от хайских (армянских) масс, что области Акилисена, Дерксена, Каренита подпали под власть катаонов, халибов, моссинойков и др., и армянскому царю Арташесу к 189 г. до н. э. пришлось отвоевать их обратно, наступая с Араратской долины на запад. Но зато сильна была западная часть этой Малой Армении со столицей в Себастии. Мы знаем, что ее царь Митридат (190—156 г. до н. э.), родственник Антиоха Великого, совершает нападения на Каппадокию с целью расширения пределов своей страны. Он и его преемники, продолжавшие ту же завоевательную политику, были в союзе с Понтом. Как говорит Страбон — „здесь, как в Софене, властвовали свои собственные цари, которые то находились в дружеских отношениях с другими армянами, то держались независимо. Они держат в подчинении халдаев и тибаренов, так что власть их распространяется до Трапезунда и Фарнакии“ (см. „История арм. народа“, изд. АН Арм. ССР, 1944 г., стр. 44). К несчастью эта Малая Армения в дальнейшем не вошла в состав Великой Армении при Тигране II, когда последним были объединены Софенская и Араартская Армении. По договору, заключенному между Тиграном II и понтийским царем Митридатом, Малая Армения досталась последнему, а позже вошла в состав Рима и Византии, став на путь денационализации. Тем не менее, когда грузинские цари Митридат и Парсман в первой половине I века н. э. собирались при помощи римского войска овладеть Великой Арменией, то Котюс, царь Малой Армении, став во главе местных князей, хотел было выступить против названных агрессоров. Однако угроза римского императора Клавдия заставила этого Котюса отказаться от своих намерений. При императоре Веспасиане (см. Güterbock, Römisch-Armenien, стр. 5 и 23) Малая Армения была присоединена к Риму и вошла в состав Каппадокии, а при Феодосии I была разделена на Первую Армению с главными городами Себастиа

и Сатала и на Вторую Армению с главным городом Мелита (= нын. Малатия) в период между 378—386 годами.

Что Малая Армения была исходной страной в деле расселения армян, так в этом сходятся все исследователи, понимая однако под этническим этим содержанием индоевропейцев, пришедших из Европы.¹ Но в этой первоначальной своей родине армяне все-же оставались, а в одиннадцатом столетии под давлением Византии в эту Малую Армению переселилось несколько сот тысяч (400.000?) армян из Васпуракана во главе с его царем Гагиком. Это население продолжало тут жить вплоть до первой мировой войны (1914—1918), когда при явном попустительстве, а то и содействии „культурных“ европейцев они были окончательно истреблены. В одном только вилайете Себастии армян было до 165.000 человек.

Выдвигая историческую роль политического объединения Хайаса-Аззи, этой поздней Малой Армении, подчеркивая специально, что из всех древне-малоазийских народов только хайасцам-армянам, как и грузинам, удалось до сих пор сохранить политическую преемственность и культурное наследие этого малоазийского (азианического) и урартского миров, я этим самым отнюдь не переоцениваю роль этого этнокультурного субстрата в дальнейшей судьбе и развитии новых армян. Для меня Хайаса не только национальный символ этих армян, оформившихся как народ в VII—III веках до н. э., не только одно этническое наименование, столь родное для слуха этих армян, но и их первичный домен или колыбель, их прародитель и главный этнофермент, их языковый и культурный первоисток, их этнологический облик.

Когда легендарный армянин Арам, эта народная персонификация армянской этники на базе южного Урарту, ведет решительную борьбу на западе в Мажаке (= в Кесарии) против полубога (пана) Пайапис Ка(а)лья („козлеродный“?), захватившего пространство между Черным и

¹ Ср. также слова И. Маркварта: «Der Ausgangspunkt der armenischen Wanderung war ohne allen Zweifel das spätere Kleinarmenien» (см. его «Entstehung», стр. 11).

Средиземным морями, что вероятно указывает на киммерское вторжение, когда, затем, на юге он побеждает сирийца Баршамина (т. е. Бе'ел-шамина „владыко небес“), и, наконец, на востоке схватывает мидийца Ньюкар-Мадеса, убивает и пригвождает к стене города Армавир в долине Аракса, то все это, по-моему, свидетельствует в пользу того, что исторически уже оформился новый армянский народ на базе уже Великой Армении с центром в Айрарате, что имеем не родоплеменные союзы или группировки с некоторой социальной дифференциацией, а новое этнокультурное, политическое и общезыковое среднее состояние, выработавшееся в длительный период передвижения хаев из своего Хайаса-Аззи с процессом ассимиляции и освоения племен и культуры исторического Урарту, в борьбе против западных, южных и восточных противоборствующих враждебных сил.

Превалирует у армян и количественно и качественно древний малоазиатский субстрат или начало, и это не только в языке, но и в соматическом отношении (антропологически и пр.), в культовом отношении, когда бытуют у них древние малоазиатские боги (Ара, Тарку, Мажан, Савазнос, Тепла и пр.), вытеснившие хайасские наименования подобных божеств, но и сами уступившие место более новым наименованиям под влиянием иранского, христианского и сирийского миров, хотя и с преимущественным сохранением местного содержания. Мы уж не говорим о других проявлениях материального и духовного порядка, когда армяне продолжали отчасти наследие хайасцев, и особенно урартцев в деле обработки металла, камня, керамики, в постройке каналов, крепостей..., в разведении разных насаждений, виноградников и пр.

Исчезли древние народы и государства ассири-вавилонян, хурритов, хеттов, фригийцев, урартцев, лидийцев и др., которые в той или иной мере вершили судьбами древней Малой или Передней Азии, и на их месте возникли новые этнические и культурные объединения: в середине, на месте хеттского и урартского миров образовалась армянская народность, к северу от которой началась концентрация грузинского этнического коллек-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под конец в виде заключения считаю нелишним сделать некоторое обобщение в форме общих положений или установок, и то в отношении главных вопросов или тем, непосредственно касающихся нашего предмета исследования.

1. Интересующая нас страна („царство“) Хайаса-Аззи, качественно тождественная, составляла за пятнадцать веков до нашей эры единое политическое (=союз племен с „царем“) и этническое целое с несомненным преобладанием племен *hala-* „хай“, что есть национальное имя современных армян, называющих с пятого века и поднесь себя *հայ*, *haj*. Это последнее мнение было высказано многими учеными, иногда независимо друг от друга. Суффикс *-sa* (или *-ša*) в имени страны *Ḫaiasa*, образованный, по моему, от окончания род. надежа на *-s* с прибавлением к нему локализирующего „а“, существует в многочисленных топонимических образованиях древней Малой Азии. Таковы, напр., *Ḫattusa* (столица хеттов на месте совр. Богаз-кёй), что собственно значит „место хеттов“, *Ḫurlusa* или *Ḫurlasa* „место хурригов“, *Zazzisa* (находился южнее Хайасы) „место заззи“, что быть может связано с именем курдов заза в Дерсиме и пр. Также переводят хеттологи лувийские (по южной Малой Азии)—*Tarḫuntassa*, *Dattassa*, *Ninassa* и пр., трактуемые учеными как „(место,) относящееся к богам Тархунт, Датта, Нина“ и др. Этот локализирующий суф. *-sa* более свойственен местам западнее Ефрата, о чем

говорят и имена мест из греко-римских источников, как Cunissa, Cybossa, Tomisa, Camisa (=Comassa), Kiskilussa, Gundusa, Daskusa и т. п. Этому суф. -sa функционально и территориально (западнее Ефрата) вторит суф. -nda или -ntha, тогда как восточнее и южнее встречается эквивалентный суф. -ha или -ina видимо субаро-урартского происхождения; ср. ур. *Bia-ina* („страна племен биа“), *Lulu-ina* („страна племен lulu“, т. е. лулубеев-варваров), ур. *Ḫat-ina* „страна хеттов“ при хеттс. *Hatti* и ур. *Ḫate* (id.), хурр. *Ḫat-tar-ina* „страна хаттаров“ (=хаттейцев, хурр. образование), *Nahar-ina* „страна рек“, *Palest-ina* „страна филистимлян“, *Arm-ina* „страна ар(и)мов“ и т. д., а для суф. -ha ср. имена городов Паранџа („гористое место“), Kunzurḫa, Alaiḫa, Pi-maḫa, Šamuḫa, Gašmīaḫa и пр.

2. Местоположение страны Хайаса-Аззи нужно приурочить в основном к пространству между верховьями Ефрата (=Кара-су), Чороха и Аракса, иначе говоря, к пределам древней Малой и Высокой Армении. На западе граница Хайасы приблизительно доходила до линии Кара-гиссар—Зимара, а на востоке возможно до Эрзерумских болот („моря“). Вокруг Зимары и южнее я помещаю район кашкайцев Тибна с городом Заззиса, ограбленным хайасо-аззийцами. Выражение хеттских надписей „Страна верхняя страны (города) Аззи (или Хайаса)“ может указать на политическую и этническую экспансию племен хайасцев далеко на запад в сторону районов у реки Келькит (Ирис) и южнее, хотя это же выражение может говорить об отнятой хеттами у хайасцев части этой „Верхней Страны“ (MUH=UGU). При одном движении хайасцев на запад границей стала местность у города Šamuḫa (но есть и Šammaḫa), что, по-моему, значит „заросль камыша“ („Камышинск“) и возможно идентично позднему армянскому Elegarsina римских дорожников на линии Draconis-Zimara, проходившей восточнее линии Nicopolis-Zimara. Н. Адонц приурочивает Елегарсину к нынешнему Камышли-дере на реке Герджанис, впадающей в Лик (см. его „Армения в эпоху Юстиниана“, стр. 80). Центральными областями в Хайаса-Аззи я считаю следующие армянские локализации: 1) *Даранали*,

где древне-хайасский город Куммаха (=совр. Камах), упоминаемый при описании столкновения хайасского царя Карании с хеттским царем Тудхална III (1410—1380), а также в одной другой надписи (в выражении „KUR URU Kummaḫaz KUR URU Haiasaš“); 2) *Акилисена*, арм. *Եկեղեց* Ekeleaç, область современного Ерзинкана, где в третьем тысячелетии (в XXVI веке до н. э.) упоминается в ассирийских надписях город *Ḫaḫ(m)*, что я приурочиваю к имени села *Ḫaḫ* Хах, затем город Tell, что собственно по семитически значит „холм“ (Bo 2048. Vs. 36: URU Tell URU Haiasa) и мной приурочивается к арм. *Թիլ* Thil недалеко от Ерзикана, и наконец город Batti(arig), что так походит на *Բեթառիճ* Bətharīč близ того же Ерзикана (был и хеттский Battiariga или Pittiariga); 3) *Спер*, который возможно был первоначальным хайасским доменом, если принять мое отождествление арм. городка *խալէք* Xaḷekh (в 50 км юго-западнее Байбурта) с именем Хайаса, но в другой ее форме *Ḫaiasa*, с частым суф. -ḫa вместо соценного -sa.

Если же власть хайассцев доходила до эрзерумских районов, где были города Арипса и Дукама, то тем самым Хайаса-Аззи охватывала и армянские области Держдан (=совр. Мамахатун) и Карину (Эрзерум). Хайаса-Аззи была противоборствующим хеттам политическим объединением во весь период новохеттского государства (1400—1200).

3. Хеттские документы помимо имен Azzi („страна“ или „город“), *Haiasa* („страна“, „город“, см. A. Goetze, Die Ann. d. Murš., 324), упоминают там еще города: Kummaḫa, Ura, Aripša, Duqqam(m)a, Ḫalimana, Lahirhila, Arnia, Paḫḫutela, Tamatta, Gazū, Arhita, Dukkammaḫa (тождественно с Dukkama?), Barrata (Parrata) и Gašmīḫa, не считая уже названных выше городов Batti(ariga) и Tell („Tell-Hajasa“), хотя последний пункт Э. Форрер помещает в хеттском государстве, ибо он фигурирует в одном хеттском листе о разделе владений. Был и город Sapagurvanta, в котором помимо местных богов почитался и бог молнии и грома страны Аззи (Bo. 434. IV. 18). Крепостной город Ура возможно находился вокруг современного Алтын-Тепе у села Джимин в Ерзинджанской долине, хотя внешне он так по-

ходит на Урек, село на Ефрате недалеко от Камаха-Ани (имя сел Урек часто встречается как в древности, так и позднее). Имя Azzi я хочу пережиточно усмотреть в Аза или Наза римских дорожников и писателей, что находилось западнее Саталы. Возможно, что хайасские переселенцы это родное свое имя перенесли (передали) на Аза в современной армянской области Չողթն Golthn (Голтена), как имеем Ани на Ефрате (против Камаха) и Ани на реке Ахуриан (столица арм. династии Багратидов), Арипса в Хайасе и Аравис в Сюнии (в районах Хабанда, Еринджак и Сотк). Ср. также разноместность Куммаха (у хайасцев), Куммаха (у Самосата, по ассир. и урартс. надписям), Камах (в районе Гюзель-дере Битлисского вилайета) и т. п.

4. Многие слова, наличные в хеттском, армянском и грузинском языках, с очевидностью доказывают промежуточное местоположение хайасцев между хеттами и грузинами, что также говорит в пользу расположения Хайаса-Аззи на просторах между верхним Ефратом, Чорохом и Пархарскими горами с севера. Но еще больше имеется слов и форм между армянским и хеттским языками, что могло бытовать как общее азианическое (малоазийское) добро в период соседствования хайасцев и хеттов, хотя не исключается в некоторой части и заимствование, особенно когда хетты частично слились с хайами-армянами в период 1200—700 г. до н. э. на территориях Тогармы-Мелитены и Софены.

5. Политический вес царства Хайаса-Аззи был в новохеттский период довольно высок, хотя и хайасские цари признавали иногда себя вассалами этих хеттских царей, заключая с ними договоры. О хайасском царе Анниа говорится даже, что он был kīlwaṇa (Bo. 3281). т. е. полунезависимым правителем вроде позднеармянских или грузинских бдешхов. Даже могучий Шуппилиума, основатель и восстановитель новохеттского государства, вынужден был брачными узами закреплять политические узы между ним и Хуккана. Но был еще договор о дружбе между Тудхалиа III и хайасцем Каранни, хотя в сохранившемся обрывке договора их имен нет, а есть только заключительная часть с призывом в свидетели главных богов

обеих сторон. Э. Форрер кроме того склонен считать некоторые клинописные обрывки (Bo 3281 и в „Hittite Texts from Boghazköi“ № 85) остатком договора между Муршилом II (1345—1320) и хайасцем Анниа, с которым упоминается в одном случае „муж Габилдий, а в другом случае „муж Мариа“, хотя под последним именем упоминается один хайасец и при Хуккане. Э. Форрер даже говорит о договоре с войском этого хайасского царя. Большую осторожность и даже боязнь проявляет один из последних хеттских царей, Тудхалиа IV, когда обращаясь к начальникам своих пограничных крепостей стран Аззи, Гашга и Лукка, требует от них не брать их добра (rānuḡu?), не обижать и пр. Упоминание на первом месте аззийцев (хайасцев), а затем воинственных гашга и новоявленных ликийцев (lugga), быть может, говорит в пользу усиления Хайасы-Аззи, действия которой вкупе с гашгайцами и ликийцами, как и ряд внутренних причин, и послужили причиной распада хеттской государственности через какие-нибудь 30—40 лет после этого Тудхалиа IV.

6. Огромное значение для состояния материальной культуры страны Хайаса-Аззи имеют те бронзовые и серебряные предметы, кои были случайно обнаружены в 1938 г. на восточном склоне холма „Алтын-Тепе“, в 60 метров высоты над ерзинганской долиной (в четырех километрах южнее села Джими). Этот холм, как крепость, таит в себе еще скрытые в большинстве галлерей и камеры, выстроенные помещения с прямоугольно-обтесанными камнями, крепостные еле заметные стены. Комендант его высек в скале могильный придел, т. е. склеп, откуда и обнаружены разные предметы. Во-первых, обнаружен большой бронзовый котел с крышкой и треножником на подобие котла на изображении мусасирского храма урартцев, хотя еще более походит на подобный сосуд с треножником из Эрлангена (в Баварии), что этрусского происхождения, и на сосуд из Франции, из кургана у Ла-Гарени, восточный источник которых признается большинством ученых. Найден в Алтын-Тепе также штендер-треножник с вертикально-выступающими из него пятью стержнями,

державшими наверху на ободьях четыре краткогорлых шаровидных сосуда из бронзы, большей частью пострадавших. Наконец, обнаружены бронзовые части и фрагменты из мебельных обшивок, из четырех листовых венцов, из надеваемых на концы бревен капюшонов, один колчан, несколько прямоугольных бляшек, как остатков от панцыря, подобно найденным в хурритском городе Нузи (около Керкука) и в хеттском Богазкёе. Ученые Остен, Боссерт и др. эту крепость Алтын-Тепе и найденные там предметы хотят считать достоянием урартцев, хотя, по моим данным, их власть не распространялась на эти пределы. Скорее всего здесь мы имеем наследие хеттов или местных хайасцев. Отсутствие бронзовых подобных предметов у хеттов еще ничего не говорит, ибо подобные предметы, если окончательно не уничтожены, еще могут быть найдены. Крепость „Алтын-Тепе“ возможно была разрушена киммерами в VIII—VII веках до н. э. Обильные месторождения меди, серебра и пр. районов Хайасы-Аззи, Пала и у припонтийских племен (халибов и др.) еще в классический греко-римский период служили для изготовления отборных предметов, не говоря о позднейших армянах из Ерзингана и Эрзерума, слывших за лучших мастеров в обработке меди.

7. Долина верхнего Ефрата не только была удобным и единственно возможным между горными хребтами путем для вторжения или проникновения хеттов („Einfallsstrasse vom Hatti-Reich nach Chosarmenien“, см. у Фоппера, *Caucasica*, Fasc. 9, стр. 1), но служила вообще и передатчиком этой хеттской малоазийской культуры. Раскопки в Цалке (Грузия), как и на Северном Кавказе (в Кубани), обнаруживают предметы с хеттскими орнаментальными мотивами („хеттский стиль“), как указывают археологи. Есть и другие показатели, относящиеся уже к позднему, а именно, греко-римскому периоду, когда также обнаруживается культурная роль передатчика этой *via haitasica*, подобно тракту мосхов у Чороха.

8. Нигде у древних армян не было такого обилия и пышности богопочитания (культы), как в Малой Армении.

Так, напр., почиталась *Анаита* в городе Ериза (=совр. Ерзникан), *Нане* в селе Тиль, *Арамазд* в городе Ани (Камах=древ. Кимана), *Митра* в селе Багаарич (в области Дербжан, совр. Мамахатун), не говоря о других Багааричах („Богопоселках“) к северо-востоку от Камаха, в горах Марик. Многие имена армянских богов или демонов, как *Ара*, *Торк*, *Тепли* (ср. хеттс. Telipī боги), *Хепит* (в нарицательном арм. hērit „кокетка, ряженица, обольстительница“), определенно малоазийского древнего происхождения. Почитание же *Мажана*, этого заместителя позднего иранского Арамазда, сперва как жреца в городе Ани, а затем и бога в багревандском Багаване (=совр. Учкилиса близ Алашкерта), где для него воздвигли храм и учредили всенародный праздник в начале нового года, показывает, по моему, миграцию хайасцев из пределов Хайасы (=Малой Армении) на восток по долине Аракса до Багреванда включительно. Возможно лидийское происхождение этого Мажана (ср. лид. Masan-es), как и такое же западное (фригийское) происхождение армянского нарицательного *Ստուած* Astuac „бог“ из имени главного бога фриго-фракийцев Savazi(os). Имена древних хайасских богов и демонов примыкают к хурро-малоазийскому миру и не сохранились у поздних армян. В хетто-хайасском трактате, заключенном вероятно между Тудхалиа III (1410—1390) и хайасцем Каранни, сохранился этот хайасский пантеон в лице главного бога, переданного либо идеографически (^d U. GUR), либо чисто фонетически (^d Ugur), что является местным заменителем вавилонского Нергала, бога подземелья. Можно предположить, что при идеографическом понимании этого Угура, хотя он част и у хурритов в его фонетическом писании, здесь имеем бога смерти и воскресенья Ара, наличного у армян, ибо и египетский подобный бог Озирис потом стал только богом подземелья. Жена Угура идеографически передана знаками для Иштар, звуча вероятно Хепит или Нана. Бог Угур (=Ара?) почитался в городе Хайаса, а его супруга в г. Паттеарич (=арм. *Բաթարիճ* Bātharič близ Еризы) и в городе Хайаса (КВо. II. 9. Col. I). Но кроме этих главных богов, написанных на

первом месте, были и другие хайасские боги—Загга(га), Таруму, Териттитун (из города Таматта), что возможно значило „трехножный“ (tri+titun?), Унагаста (из городов Газу и Паррая), сомнительное Удагсаина (из г. Архита), Балтайк (из г. Дуггамана)—вероятный бог здоровья или жизни (ср. акк. balṭu „жизнь“), бог (Кар)хохо, почитавшийся в городе Гашмиаха (ср. у арабкирских армян хохо, коим пугают детей). Особенно почитался бог грома и молнии, ибо он упоминается для городов Хайаса, Аззи (Во. 434. IV. 18), Паххутея, Сапагурванта. Возможно, что его имя было соименно с хеттским Datta-, вытесненным позже Мажаном, а еще позднее иранским Арамаздом.

9. Киммеры и саки, эти перекронтелы этнической и политической карты древней Малой Азии, начиная с конца восьмого века до н. э. оказывают сильное давление и на хайассцев, либо подчинив их себе, либо же сделав их своими союзниками в борьбе с ассирийцами, а возможно и с урартцами. Припомним поражение полководцев и принцев Русы I (на Ефратском рубеже) от „гимирра“, т. е. киммерийцев. Армянский первый „венценосец“ Паройр Ска-орди (т. е. „сын сака“) несомненно сакского (скифского) происхождения, и недаром арм. историк Корюн армян называет „асканазским домом“ от имени Ашкеназ (в Библии), считаемого скифом (саком). Даже само имя Pərojr я этимологизирую от имени вождя скифов Protothyos, упоминаемого Геродотом. Основа Protot- или Prodod могла стянуться в Prōd (ср. Artašašat > Artašat, курноносый > курносый и пр.), а эта форма по нормам армянской фонетики легко могла стать Projr (> Pərojr), как иранское gōda- „медь“ (из сумерс. gōda „руда“) дает арм. arojr „латунь, бронза“, иранс. bōda „запах“ дает арм. bojr (id.), иранс. xōda „шапка“ дает арм. xojr (id.) и т. п. Переход иностранного d или ð в арм. г известен во многих других случаях. Сами же саки, отчасти вернувшись на свои родные места с северного Причерноморья (южно-русские степи), переняли из этого мало-азиатского культурного мира, отчасти через хайе-армян, некоторые слова, как „книга“ (из арм. knikh „печатать“=акк. kunik), „колд-овать“ при арм. khaḏeaj=

акк. *kaldai* „халдей“, имя бога Яр (Ярило) из *Ар=арм. Ара и пр., не говоря уже о легенде об основании города Киева тремя братьями Кий, Щек и Хорив, что так походит на подобную же легенду у армян об основании города Куарс братьями Куар (ср. хурр. имя *Quarī* || *Kuarī*), Хорреан (собств. „хуррит, хуррский“) и Мелти.

10. Армянский язык есть живое детище процесса образования своего народа и в древнейшей стадии своего зачатия несомненно исходит из языка племен Хайасы, родственного протохеттскому и хеттскому, в том числе и иероглифическому хеттскому, затем балайскому, судя по хайасо-балайской этнико-политической участи, и наконец грузинскому, особенно его западным представителям, мегрело-чанским диалектам. Мы исключаем, конечно, заимствования, которые могли быть с обеих сторон. Этот письменно неаттестованный хайасский язык, отраженный пока в именах его людей, богов и местностей, но и легший, по моему, в основу исторического армянского, позже претерпел сильную трансформацию через скрещение с одной стороны с какими-то индоевропейскими языками типа славяноскифских и греческих, а с другой стороны с хурритским (шуприйским) языком страны Ариме—Шуприа в верховьях Тигра, а возможно и Турубера, чем и объясняют некоторые родственные элементы, лексические и формально-грамматические, между армянским и хурро-урартским языками. Только *ведущие* этнические объединения хайасцев, арминов-хурритов и индоевропейцев при действительном (активном) их культурном и политическом возобладании могли образовать армянскую народность и язык, а остальные народы (племена) и языки позже освоенного обширного Урарту поглощались этими новообразовавшимися историческими армянами, варьируя в лучшем случае образование местных армянских диалектов. Равномерной роли и мозаики участия десятков языков и племен государства Урарту не могло быть, ибо они могли только ассимилироваться. В армянском языке, выступающем на историческую сцену только с V в. н. э., нет не только превалирования его индоевропейского слоя в качественном и количественном отно-

шении, но нет и его равновесия с местным азианико-хурритским основным ядром, как это можно было понять из первоначальной трактовки Н. Марра о „двуприродном ядре“ мешаного „арио-яфетического“ армянского языка (см. предисловие к его „Грамматике др.-арм. языка“, Петербург, 1903 г.). Эта его установка, конечно, была более правильной, чем у индоевропейцев-арменоведов, но все-же носила немного общий характер, используя для своего обоснования данные только одного грузинского языка.

11. Квалификация древними писателями (Евс. Кесарийский, Корюн, М. Хоренский) генезиса армян, как хайкидов, торгомидов, асканазидов и арамидов, также показывает исторические вехи и совокупность процессов образования армянского народа в связи с хайасцами, Тогармой-Тегараммой, т. е. хеттской этникой и культурой, скифами-саками, и хурритскими аримами Арзанены, т. е. древней области Ариме и Шуприи.

12. Армено-индийские общие слова, числом с десятков, исходят не из мифического индоевропейского праязыка, как и не переданы из Индии через посредствующих иранцев, у которых этих слов нет (и не было), а переняты малоазийскими прадедами современных армян еще в то время, когда в Малой Азии и особенно в хурритской Митании середины второго тысячелетия (до н. э.) жили некоторые индийские племена. Последние влияли на пантеон Митании, где видим имена индийских богов *Mitra*, *Waguna*, *Indra*, *Našatia*), на общественную верхушку этого государства с индийскими на вид именами царей (ср. н. „марианни-люди“) и даже на хеттскую лексику, где эти индийские заимствования иногда отмечаются особым спереди поставленным маленьким клином (одним или двумя). Ср. подобное же влияние ассирийских торговцев-колонистов за 20 и более веков до н. э. на хайасский (в лице армянского) и грузинский языки, судя по изрядному числу этих семитических слов и даже имен мест (*Тилль* „холм“, *Экели* „равнина и пр.).

13. Хайасцы у себя на родине имели общение или столкновения с хеттами, палайцами и воинственными гащгайцами. Но не только они, но и другие племена и народы

бывшего хеттского государства, вынуждены были частично или полностью перемещаться со своих насиженных древних мест. Причина этого была в движении по Малой Азии сперва фриго-фракийцев и вообще „заморских“ племен, в том числе лидийцев и лидийцев, а затем с конца VIII в. до н. э. вторглись грозные киммеры, которые с немного позже прибывшими скифскими племенами основательно изменили всю этническую и политическую карту древней Малой и Передней Азии. Эти перемещения и политико-экономические новые ситуации способствовали бывшим и новым племенам составить новые политические объединения, новые союзы племен, новые народы и государства. Лучшим и ближайшим пристанищем для всех этих хайасцев, пала (бала), манда, сака, кашка (гашга), мосхов и др. явились мало пострадавшие обширные пространства государства Урарту, к тому времени (конец VIII и весь VII век) ослабленного ассирийцами, а позже и скифами. Расселения хайасцев и названных племен происходила как по Ефрату на юг к Мелитене и Софене, так и на восток по долине Аракса, оставляя в обоих случаях топонимические свидетельства. Отголоском южного и юго-восточного движения хайасцев к верховьям Тигра я считаю во-первых наличие имени городка *Հայինի* Хайини (из *Haj-ini*, как от *Alzi—Alzini*) на притоке Зебене-су, затем на юге от озера Ван наличие священного местечка Нарек, отзвука хеттского священного же Нерика близ хайасо-гашгайской границы, и наконец имени долины *Հայոց ձոր* *Hajoc dzor* „ущелье хаев“ на реке Хошаб к юго-востоку от города Ван, что могло быть дано только местными урартцами пришлым хаям, засевшим в этой долине. Для восточного же направления ср. имя города Ани на верхнем Ефрате (против Камаха) и имя того же наименования на притоке Аракса, знаменитого багратидского Ани, затем Аза у Саталы в Малой Армении и Аза (Верхняя и Нижняя) у Аракса в Сюнии, наконец Арипса, страны Хайаса дублируется именем трех сел Аравис в той же Сюнии (в районах Еринджак, Хабанда и Сотк). Точно также племена пала или бала, жившие в равнинных незащищенных местах у рек Герджаниса или Лика (за-

паднее хайасцев) по тем же причинам вместе с хайасцами двинулись на новые места. На юго востоке они насели в области *Բալահովիտ* Bala-hovit „долина балов“ на южном течении Мурада, у города *Բալու* Balu, близ которого и село *Պալին* Palin (из *Palina), в княжестве *Պալունի* Paluni, что немного севернее, названное и *Պալանկան տուն* Palapanakan тип „паланский дом“. Наконец, имя *Բալեհ* Balēs (из Balaleis) „Битлис“, села *Բալական* Balakan (у Битлиса и в Сасуне), как и деревни *Պալին* и местечко *Պալին* Palin к северу от Амиды — все они несомненно новые топонимические последствия этих пришлых палайцев. Но они оставили такие же исторические свидетельства в своих стоянках, временных или постоянных, и при движении в восточном от Ефрата направлении. Ср. село *Բալ* Bal в 25 километрах севернее Камаха, затем *Palaxori* на реке Чорохе, *Palakaçi* (Палакаци) в области Ташир. Далее мы имеем балов в армянской Сюнии, где есть район *Բալազ աշխարհ* Balaz aşxarh „страна балов“, *Բալաберդ* Balaberd „крепость балов“ и пр., не говоря уже о *Balakaran* „бала племена“ > Карабаг (ср. *Daštakaran* „равнинные племена“, *Phajtakaran* „пайт-племена“, кои с гор. родком *Balakan* „Байлакан > Белукан“ (собств. „балайцы“) находились в Албании (совр. Азербайджан). Наконец, восточнее этого Балакарана (Карабага) имеется и речка *Rot-i bala* „река балов“ (=Balanrod, соврем. Булгарчай). От имени хеттских кашка (гашга), если каш- звучало также khaš-, мы имеем в исторической уже Армении, княжеский дом *Քաջերունի* Khaġberuni, что собственно значит „Кашародный“, и в Сюнии местности *Քաջա թաղ* Kaşaç thaġ „квартал кашов“, *Քաջունի* Khaşuni и пр. Быть может и груз. *Khaġethi* связано с этими кашкайцами. От имени племен *манда* и *сала*, упоминаемых вместе в хеттском государстве, специально в кодексе законов, мы имеем поздние княжеские роды у армян — Мандакуни и С(а)лкуни, которые совместно выступают и в армянских исторических документах. Наконец, от имени племен месхов, весьма многочисленных и разбросанных (в Каппадокии, в Мелитене и пр.), мы имеем *sohexi* (сомехи), грузинское название

армян, где *so-* есть, по-моему, префикс, а *-texi*, как правильно указал еще Н. Марр, есть изменение имени месхов.

14. Приводимое Страбоном мнение греков Кирсила Фарсальского и Медия Ларисского о расселении армян с Акилисены (resp. с Малой Армении) на юг в Софену, которой подчинялась эта сама Акилисена (= арм. *Եկեղեց* Ekeleas), а далее из Софены за Тавры в Шуприю (т. е. Арзанену) и далее до Калакене и Аднабене, во-вторых, географическое расположение (дислокация) четырех Армений (у М. Хоренского и в юридических новеллах Юстиниана в VI в. н. э.) с северного Ефрата до Софены и восточнее, затем и возможности географического характера, бытовавшие в этих же направлениях еще при походах ассирийских царей, при персидском царе Дарии с его „царской дорогой“ от Суз до Сард, проходившей 300—350 километров по армянским землям, при римлянах с их дорожниками этих мест и при сассанидах (ср. путь нашествия Меружана Арцруни на Армению), и наконец, расположение 13-ой сатрапии Дария I с охватом всех армян по тем же путям,—все это говорит в пользу того, что хайасцы шли по известному проторенному и единственно возможному пути, а именно из Малой Армении на юг в Мелитену и Софену, затем ветвью по южному берегу озера Ван, а большей частью через Тавры в Арзанену, т. е. древнюю Ариме и Шуприю и далее до Аднабене и Калакене, кои вне исторической Армении. Здесь они были остановлены Дарием I в 522—521 годах до н. э. Места боев (Зуза, Тигра, Ухнама, Отиара) названы в Армении, а раз и в Ассирии (при Изала). Немного позже, в пятом веке, Геродот (484—425) под названием „Армения“ понимает только Малую Армению, откуда выходят реки Алис и Ефрат (см. у него книгу I, 72, 180). Ясно, что первоначальная Армения (= Хайаса-Аззи) и поздняя Армения за Таврами, т. е. хурритские области Ариме и Шуприа, суть начало и конец одного и того же заверщенного процесса расселения и оформления новоармян с начала седьмого века до н. э., кончая третьим и началом второго века до н. э., когда при Арташесе и Зариандре полностью оформился этот народ.

15. Движение хайасцев по двум направлениям—из юг и юго-восток по Ефрату (через Софену в Арзанену и далее) и на восток по долине Аракса—через какие-нибудь сто двадцать лет после Дария, а именно в конце пятого века, судя по Анабазису Ксенофонта, получило большое расширение. Армянин Оронт уже владел Тароном, Арзаненой и бассейном Бохтан-су (восточный Тигр), а Тирибаз владел помимо Малой Армении (с Софеной?) еще землями эсперитов и фазианов, т. е. областями Спер и Басен. При такой исторической обусловленности и взаимосвязанности движения и расселения хайасцев из одного и того же центра (=Хайаса-Аззи), не говоря о подобном же двунаправленном движении палайцев и др., мне представляется совершенно неприемлемой концепция разновременного движения, независимо друг от друга, „индоевропейских“ арменов из Каппадокии на восток через Мелитену в Софену и далее и неиндоевропейских хаев и других с райнов поздней Малой Армении, что выдвигает академик Я. Манандян, поддержанный было вначале и Б. Пиотровским. Но последний впоследствии изменил несколько это мнение о вторжении „индоевропейских“ арменов с запада через Мелитену, предложив видеть первоначальную родину этих арменов в стране Арме урартцев, где город Нихириа, по его мнению, есть поздний Нфркерт (Муфаркин), т. е. древний Тигранокерт. Но ведь последний был основан Тигравом II на земле „племени Ори“ или, как сказано, в местности „Олибериа“, против чего находился на левом берегу город Климар (арм. *Քլմար*), т. е. древнее Kullimeri, столица Шуприи, а не Ариме.

16. Хотя упоминаемая в Бисутувской надписи Дария страна Armina охватывает как будто широкие просторы бассейна верхнего Тигра вплоть до Изаллы в северной Ассирии и гор Тур-Абдина южнее Амиды, однако не трудно догадаться, что тут имеем географически расширенное понимание имени страны и народа Ариме, упоминаемого в более древнее время только на истоках Тигра западнее Шуприи (с городами Куллимер и Убуме). В древнее время местность и ее племя обыкновенно передавались

одним словом, как, скажем, под „Русь“ понимались и страна и народ. Также обстояло и с именами *Ḫatti* (у урартцев пишется *Ḫate*), *Lulu*, *Assur*, *Ḫurri* и пр., и только с известного периода выступает практика лингвистического разграничения обонх содержаний (страна и народ) в двух сородных названиях. И мы встречаем уже в древности деривацию нового имени для страны с суф. *-ina* (в других случаях с суф. *-sa*, *ḫa*, *ali* и пр.), и получаются, напр., у урартцев *Ḫattina*, *Luluina* и пр. (т. е. страна хеттов, страна лулуйцев). Подобное же случилось и с именем *народа и страны Ар(и)-ме*, когда впоследствии выделяется специфическое *Armina* (с суф. *-ina*) только для обозначения страны этих армян, упоминаемых у Гомера (*arimoi*) ошибочно в Каппадокии. Но так как у иранцев шестого века (при Дарии) не осознавался уже этнический древний субстрат этой страны *Armina*, частично арамеизированный, то ее жители обзывались новообразованным термином *arminiša* (с иранс. суф. *-iša*) „житель Армины“, „арминец“, под которым могли разумеаться и пришлые хай (хайасцы), совершенно изменившие политико-этническое состояние этой Армины. Произошло смешение хайасцев с этими хурритами и арамеями Армины, и нет ничего странного в том, что иранцы продолжали этих неизвестных им многочисленных хаяв называть от имени известной им страны Арима, подобно как грузины называли армян сомехами по имени арменизовавшихся пограничных им месхов. Передача же Армины в вавилонской (аккадской) версии надписи того же Дария, как и при Ксерксе и позже вплоть до 415 г. до н. э. (см. Б. Пиотровский, Урарту, стр. 136), именем Урашту, т. е. Урарту, показывает нам, что политические функции древнего Урарту были уже освоены пришлыми хаями, подобно как именем древнего Рима („Ром“) называли его заступители Византию, а курды и Турцию продолжают называть этим именем „Ром“. Упоминание у Страбона, как мнение Кирсила Фарсальского и Медия Ларисского, о том, что армяне на юге насели в Шуприи, показывает нам правильность освоения пришлыми хаями („армянамп“) территории Ариме и Шуп-

рин, т. е. областей, упоминаемых еще за второе тысячелетие до н. э. Первая из них (Ариме) соответствует, по моему, исторической армянской Ангелене (*Անգեղ անեն* Angel tun „дом Ангел“), где крепость *Անգղ* Angl заменила своим именем древнюю Нихирию, столицу Ариме. Еще арм. историк Фауст Византийский эту крепость называл *столицей армян для древнейших времен* (*«Անտան լեալ էր հայոց լեալ լեալ»*), где хоронились армянские цари даже поздних времен. Культовое значение Ангелены с почитанием „Ангельского Торка“ (*Տորք Անգեղեան*) также говорит в пользу известности древнего Ариме-Шуприн, этого пограничного яблока раздора между Урарту и Ассирией. Шуирийцы (т. е. субары) этих пограничных мест, как последние представители исчезающего в восьмом веке культурного и многочисленного хурро-субарского народа, большей частью арменизировались, о чем говорят хурризмы армянского языка. Возможно, однако, что часть населения Сасуна удерживала этот язык, ибо они (хутцы) говорили еще в XIII веке (н. э.) на непонятном для соседей (армян, сирийцев, персов) языке или диалектах, нуждаясь, как говорит арм. историк Фома Арцруни, даже в переводчиках.

17. Факт упоминания в Бисутунской надписи имени народа страны *Armina* [что ожидалось бы *ar(i)tm*], на что справедливо обратил внимание акад. В. Струве,¹ дает ему основание предполагать, что „врагами двух названных полководцев [Дадаршиша и Ваумисы] Дария не было коренное население Армении-Урашту, а племена, очень недавно вторгнувшиеся в Армению“ (стр. 6, подч. мной). Хотя, по мнению Струве, эти разрозненные и многочисленные племена и не имели одного вождя, но им вначале все-же удалось разбить персидского местного наместника, который вероятно даже был убит. А кто же были эти недавно вторгшиеся племена? Почтенный русский востоковед предлагает в них видеть саков (resp. скифов), проходивших

¹ См. «Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью», напеч. в «Известиях» Акад. Наук Арм. ССР, 1946 г., № 8.

в 623 г. до н. э. между прочим районы у современного Мардина. Мне же думается, что под „арминцами“ (arminijs) как раз нужно понять вторгшихся и вероятно мирно расселившихся колонистов из Хайасы-Аззи. Эти хан (хайасцы) под давлением персов вынуждены были остановить свою экспансию на юг и стягиваться на север, в сторону Туруберана и далее, чему вторит и древнеармянский фольклор, изображающий Хайка уходящим из Вавилона под давлением Бела (= Дарий?) на север в районы Урарту (*Սրիւրիտ Արարդ*).

18. Древне-армянский фольклор у Анануна, М. Хоренского и др. отражает движение хайасцев, т. е. хаев, в лице персонифицированного героя Хайка, обожествленного в созвездии Орион, только с южных просторов, из семитической Месопотамии, на север в Урарту. Происхождение самого Хайка от Торгома, т. е. из Тегарамы хеттов (= Мелитене и северные районы библейской Тогарма), может указать на движение хаев (= хайасцев) из Хайасы-Аззи, примыкавшей к этим хеттским районам Тегараммы и „Высокой Страны“, иначе говоря. здесь имеется отголосок и происхождения армян из этого малоазиатского-хеттского мира. Когда же Хайк, resp. наплывшие в северную Ассирию и южную часть Урарту хайасцы, вынужденно направляются на север для усвоения урартских земель, то тут все известные местности или племена (народы) в своих именах превращаются в сыновья, внуки, правнуки и праправнуки Хайка, хотя часть этих племен и мест даже выходила за пределы Урарту=поздней Армении. Рождение сына Хайка Араманеака в Вавилоне может намекнуть на страну и город Арман к востоку от Вавилона. В лице внука Араманса имеем несомненно намек либо на арамейцев, либо же на урартского царя Араме (с местом Aramali), по звуковой внешности близких к этническому хурритскому Ариме. Этот хурритский этноисточник видим и в имени Хора, сына Хайка, откуда княжество Хорхоруни (по М. Хоренскому). Затем от хайкида База имеем место и род Бзнуни (к западу от озера Ван), что отражает урартское топонимическое Buzuni (ср. и хурр. личное имя „Баз“).

Имя внука Хайка Кадмос отражает первую горную страну к северу от сирийских равнин, а именно клинописное Kadmušī (место к северу от Мардина). Имя Кардоса, сына хайкида Ара, есть персонификация страны и народа карду (кардухов). Имя Гегам (Gelam) с владениями Gelakuni отражает урартское Velikuni, местность к западу от озера Севан и т. д. и т. п. Обилие этнонимических и топонимических древних наименований—Aḡmān, aḡamāi—„арамец“ (страна Арама=Сирия), Aḡime (народ aḡimoi „аримы“ у Гомера), uḡimāi „урумед“, Oḡmini-ubī (местность у Палина+Балу) и т. д.—все это народом отложено в At(a)manak=Armenak, Aḡamāis (=Aḡmais), Aḡam и быть может в Naḡma (ср. касситское имя бога Naḡba || Naḡma), не говоря о топонимических чисто-армянских именах сел Aḡmanas в римских дорожниках (=соврем. Хастур у Алашкерта), Aḡmanis (недалеко от Степанавана) и пр. Армянский народ, глубоко переживший свое бывшее рождение и крещение на базе этнокультурного скрещения (смещения) малоазийских древних хайасцев с новым хурро-урартским и семитическим (арамейским) этническим и культурным миром, естественно должен был создавать в древности многочисленные легенды с героями или царями, своеобразно отображавшие этногенез армян в VII—III веках до н. э. Эти легенды, бытовавшие в народе еще при М. Хоренском, своими многочисленными именами на aḡim, oḡim, uḡim, aḡim, aḡam и пр. давали повод „научным“ толкованиям еще в древности. Авторитет М. Хоренского сириянина Мар Абба Катина, знавший эти легенды, как и многочисленные эти имена, столь похожие на имя родного ему семитического народа aḡamāi „арамеец“ (Aḡam), естественно армянскому этногенезу давал сиропфильскую подоснову, выводя даже армянскую государственность из Сирии с армянскими царями, имевшими свою резиденцию в Мдбине (совр. Нисибин).

19. Не более научна грекофильская концепция у Геродота, Евдокса и др., готовых вывести из Балкан (Греции) многие народы ближнего востока, в том числе и армяны. По их наслышке (через третьи руки) армяне фригийского (resp. фракийского) происхождения и имеют с ними

много общего в языке, одеянии, вооружении и т. п. Но, как сейчас уже доказано, такая языковая связь не устанавливается, хотя и не отрицается возможность смешения части фригийцев с жителями древней Хайаса-Аззи, т. е. Малой Армении. Если греки выводили армян из Балкан, то новейшие ученые индоевропейцы и за ними плетущиеся лингвисты-арменисты (а за ними и историки и др.) готовы армян уже вывести из выдуманной прародины индоевропейских племен или народов, причем Балканы уже становятся промежуточной временной стоянкой армян. И это все основывается на нескольких стах корней и форм армянского языка, общих с этими индоевропейскими языками, пренебрегая тысячами заимствованных корней и форм того же армянского языка и реальные исторические факты и процессы. Даже при объяснении этнического имени „армянин“ они вслед за греками исходят из греческих форм *Armenia*, *armenoí*, т. е. за основу (корень) берут *armen-*, а не более древнее *Armina* Бисутунской надписи, т. е. *этнотермин armin...* Ведь нельзя уйти от ассирийско-субарского образования имен мест на *-ina* (*Bia-ina*, *Hattar-ina*, *Nahar-ina*, *Lulu-ina*, *Urrat-ina* или *Ugart-ina*, *Palest-ina* и пр.), внешне дублирующих с индоевр. подобными именами на *-ina* (*Argent-ina*, *Flor-ina*., *хиж-ина*, *родина*, *вотч-ина* и пр.), не говоря уже о наличии этнических имен *arim-*, *agam-* и пр., столь обильно представленных в исторических местах верховьев Тигра (и северной Сирии), где как раз и начинается новая завершительная фаза в трансформации новой этники армян. Имя или имена индоевропейских племен, частично сросшихся с армянами, нам неизвестны.

20. Первоначальным политическим и даже этническим доменом армян всеми учеными считается Малая Армения, которая так стала называться только позже. Она действительно была „Пра-Арменией“ („*Ur-Armenien*“, как говорил И. Маркварт) или „колыбелью национальной политической жизни армян“, как правильно отметил Н. Адонц. По его выражению, эта Армения „отстаивала себе политическую независимость на развалинах Ахеменидской империи“

и пользовалась властью родных царей задолго до возникновения царств Зариадра в Софене и Артаксия в долине Аракса" (см. "Армения в эпоху Юстиниана", стр. 66). Мной в этой работе доказывается, на основании многочисленных и разнородных фактов, что роль Малой Армении для армян и поздней Великой Армении, на подобие роли Киевской Руси для восточных славян и Великой России, еще раньше, с половины второго тысячелетия до н. э., заступало единое "царство" страны Хайаса-Аззи, этой действительно первоначальной колыбели политической и культурной жизни хаев (хайасцев), как одного из главных двух-трех этно-культурных и языковых ферментов современных армян, если, конечно, не первого фермента.

В конце сей работы я хочу питать живительную надежду, что новые эпиграфические древние материалы, как и будущие большие раскопки в центрах древней Хайаса-Аззи, особенно у городов Ани, Ериза, Тилль и др., прольют окончательный свет на многие затронутые здесь проблемы. Вещественные памятники из Алтын-Тепе являются пока первыми цветочками.

... Если когда-то у нас довлела церковная историография в пользу одной Великой Армении, как подчеркивал еще Н. Адонц, то в отношении начальной истории армян пожалуй подобную же роль играла позже концепция и методологическая установка претенциозного индоевропеизма, игнорирующего подлинные исторические процессы и многочисленные факты.

Вопреки новым важным открытиям, меняющим во многом наши представления о роли и значении древнего Ближнего Востока, в том числе и Малой Азии, мы все-же оказываемся недостаточно решительными в деле переоценки существующих предвзято-схематических концепций для лучшего понимания прошлых судеб армянского народа, особенно в начальной фазе его исторического становления, его этногенеза, его истории.

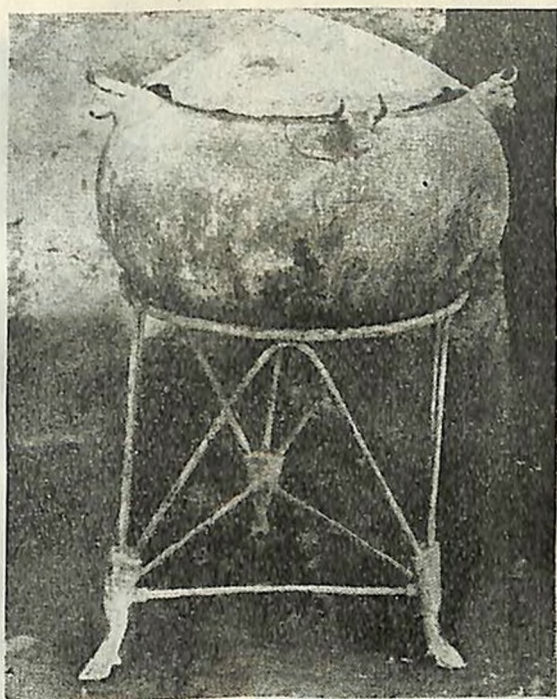
ТАБЛИЦЫ
и
УКАЗАТЕЛИ

A full-length portrait of a man in a dark suit and white shirt, standing against a light background. The man is facing slightly to the right. The image is somewhat faded and has a vintage appearance.

TABLET

RECENT

The following is a list of recent publications and articles. The list includes titles, authors, and brief descriptions of the content. The text is arranged in a columnar format, with the title of the publication on the left and the author's name on the right. The descriptions are provided in a separate column.

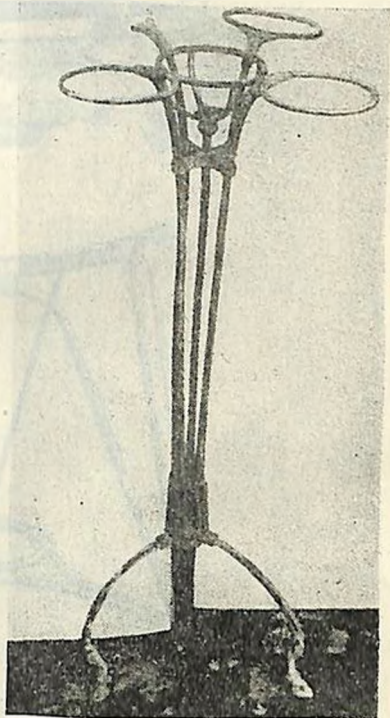
Большой бронзовый котел с крышкой и под-
стойкой-треножником. Алтын-Тепе (Хайаса)

Рис. 1. Вид с юго-запада. В центре — здание, в правой части — здание с колоннами.

Двойные волюты—фрагменты
мебельных обшивок (оправ),
сделанные из бронзового листа
и заполненные асфальтом.
Алтын-Тепе (Хайаса)

Стойка (штендер) с пятью прутьями
(штангами) и ободками, на которых
стояли четыре краткоголовые шаро-
видные сосуды из бронзы.
Алтын-Тепе (Хайаса)

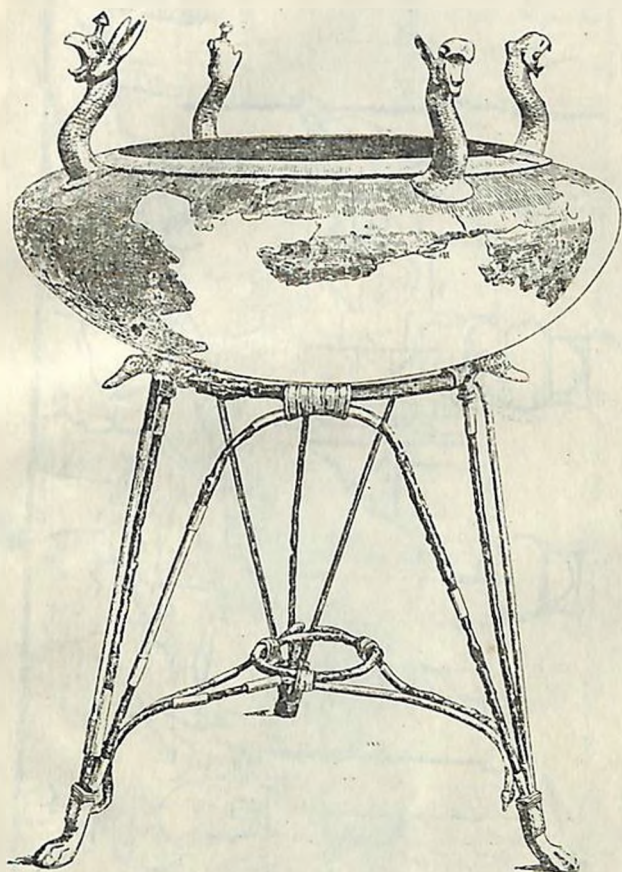
THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Бронзовый котел из холма у Ла-Гареннь в южной Франции
(греческое искусство 6 в. до н. э.).

Уруртский храм бога Халда в Мусасире с двумя ритуальными большими котлами

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

У К А З А Т Е Л И

Указатель цитированных главных работ

- Адоиц Н. Армения в эпоху Юстиниана, Петербург, 1908.
- Днионий Фраккийский и его армянские толкователи, Петроград, 1915.
- Archiv Orientalny*, Praha, Vol. II, № 1; Vol. III, № 2.
- Арируни Фома, История дома Арируниев (на арм. яз.), Петербург, 1887.
- Ачарян НР., История армянского языка (на арм. яз.), ч. I, Ереван, 1940.
- Корневой словарь арм. языка (на арм. яз.), т. I—VII, Ереван,
 - Словарь личных арм. имен (на арм. яз.), Ереван, I—III, 1942—46.
- Bartholomae Chr.*, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg.
- Boghazkoi-Studien*, I—X, Leipzig.
- Византийский Фауст*, История Армении (на арм. яз.), Петербург, 1883,
- Вестник Древней Истории, изд. АН СССР, 1947, № 2.
- Cambridge Ancient History*, II Vol., 1931.
- Cumont Fr. et Eugène*, *Studia Pontica*, Voyage d'exploration archeologique dans le Pont et la Petite Arménie, II, 1905, Bruxelles; арм. перевод в серии „Нац. библ.“ № 81 венских мхитаристов.
- Cuneiform texts from Cappadokian tablets in the Britisch Museum*, II.
- Эфрикян Х., Топонимический армянский словарь (*Բնակավայրերի բառարան*).
- Захаров А. и Кончено Ж., Хетты и хеттская культура, в серии „Культура Востока“, Москва.
- Forrer E.*, *Hajasa—Azzi*, *Caucasica*, Fasc. 9, Leipzig, 1931.
- Für die Griechen in den Boghazkoi-Inschriften, в журн. *Kleinas. Forsch.*, B. I, H. 2.
 - Die Boghazkoi-Texte in Umschrift (41. und 42. Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient—Gesellschaft), ч. II. Сокращено 2 BoTU.
 - Forschungen I—II. 1926—1929.
- Friedrich Johannes*, Zu den kleinasiatischen Personennamen mit dem Element *muwa*; см. *Kleinas. Forsch.*, B. I. Heft 3.
- Zum Subartäischen und Urartäischen. *Miscellanea Orientalia*; см. в журн. *Analecta Orientalia*, Roma, 1935.
 - Aus dem hethitischen Schrifttum, 1—2 Heft, Leipzig, 1925. в серии *Alte Orient*. т. 25.
 - Kleinasiatische Sprachdenkmäler, Berlin, 1932.
- Gelb J., Purves P., Mac Rae A.*, *Nuzi personal names*, Chicago, 1943, Сокращенно NPN.
- Gelb I.*, *Hurrians and Subarians*, Chicago, 1944.
- Hittite hieroglyphs. I—III, Chicago, 1931—1942.

Goetze A., Zur Geographie des Hethiterreiches; см. Kleinas. Forsch., B. I.
 • Heft 1, Weimar, 1931.

• Kleinasien zur Hethiterzeit, Heidelberg, 1924.

• Kleinasien, в серии Kulturgeschichte des Alten Orients, III. Abschnitt, I. Lieferung, München, 1933.

• Kizzuwatna and hittite geography, New-Haven 1940.

• Hethiter, Churriter und Assyrier, Oslo, 1936.

• Die Annalen des Muršiliš, в серии Mitteilungen der vorderasiatisch-ägyptischen Gesellschaft (MVAeG), 38. Band, Leipzig, 1933.

Hittite Texts in the Cuneiform Character from Tablets in the British Museum, London, 1920.

Hrozny Fr., Code hittite, Paris 1922.

• Die Sprache der Hethiter (Bogh.-St. 1), Leipzig, 1917.

Hübschmann H., Armenische Grammatik, Leipzig, 1897.

• Die altarmenischen Ortsnamen, Strassburg, 1904, см. арм. перевод Билизекчяна, Вена, 1907.

„Известия“ Ак. Н. Арм. ССР, 1945 № 6 (Общ. серия).

История армянского народа (учебник для школ), ч. I, Ереван, 1944.

История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1946.

Капанцян Гр., Chetto-armeniaca, Ереван, 1931—33.

• К происхождению груз. национального имени kharthveli, Ереван, 1939.

• История Урарту (на арм. яз.), Ереван, 1940.

• Хеттские боги у армян, Ереван, 1940.

• Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении, Ереван, 1940.

• Культ Ара Прекрасного (на арм. яз.), Ереван, 1945.

• К происхождению арм. языка, Ереван, 1946 (см. также „Известия Ак. Н. Арм. ССР, 1946 № 7, Общ. науки).

• Ассиро-вавилонские слова арм. языка (на арм. яз.), Ереван, 1945.

Keilschrifttexte aus Boghazköi (31. und 36. Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft), сокращ. KBo.

Keilschrifturkunden aus Boghazköi, изд. Госуд. Музея Берлина, с 1921 г.; сокращ. KUB.

Кипишидзе И., Грамматика мингрельского (иверского) языка, Петербург, 1914.

Kleinasiatische Forschungen, I—III, 1927—1930.

Kretschmer P., Die nationale Name der Armenier Halkh, см. резюме в журн. Handes Amsoreaj, 1933 г., июль—август, Вена.

Латышев В., Известия древних писателей греческих и латинских о скифах и Кавказе, Петерб., 1890.

Luckenbill D., Ancient records of Assyria and Babylonia, I—II. Historical records of Assyria. Chicago, 1926—27.

Мадикян А., Ара Прекрасный (на арм. яз.), Вена, 1930.

Манандян Я., Критический обзор истории армянского народа, т. I, Ереван, 1945 (на арм. яз.).

- См. его же статью в „Известиях“ Института Наук и Искусств Армении, № 5, Ереван, 1931.
- Marr H. и Орбели Н.*, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, Петроград, 1922.
- Marr H.*, Грамматика др.-арм. языка, Петерб., 1903.
- Marquart I.*, Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation, Potsdam, 1919.
- Meillet A.*, Les nouvelles langues indo-européennes, trouvées en Asie centrale, Paris, 1912.
- Meissner Br.*, Beiträge zum assyrischen Wörterbuch, Chicago, 1931.
- Miller K.*, Itineraria Romana, Stuttgart, 1916.
- Орбелин Ст.*, История области Сисакан (на арм. яз.), Тифлис, 1911.
- Osten Hans*, Neue urartäische Bronzen aus Erzincan, см. „Сообщения“ VI интернационального конгресса по археологии, Берлин, 1940.
- Парпский Л.*, История Армении (на арм. яз.), Тифлис, 1904.
- Pierkorn A.*, Historical Prism inscription of Ashurbanipal, Chicago, 1935, (изд. Вост. Инст. Унна) в серии Assyriological Studies № 5.
- Пиотровский Б.*, История и культура Урарту. Ереван, 1944.
- Саргисян Н.*, Описание мест Малой и Великой Армении (на арм. яз.), Венеция, 1864.
- Срвандзтян Гар.*, Торос ахпар (на арм. яз.), Константинополь, 1879.
- Stephens Ferr.*, Personal names from cuneiform inscriptions of Cappadocia, New-Haven, 1928.
- Струве В.*, История древнего Востока, ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
- Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью, см. „Известия“ АН Арм. ССР, Общ. науки, 1946 № 8.
- Sturtevant E.*, Hittite glossary, I. Edition, Baltimor, 1931; II. Edition, Philadelphia, 1936.
- Ташян Я.*, Хетты и урарты (на арм. яз.). Вена, 1934.
- Учение о классическом армянском языке, ч. I. Бесписьменные времена (на арм. яз.), Вена, 1920.
- Тураев Б.*, История древнего Востока, I—II, Петерб., 1910.
- Ungnad A.*, Subartu, Berlin—Leipzig, 1936.
- Хачатрян А.*, История Армении в клинописный период (на арм. яз.), Ереван, 1933.
- Хоренский Моисей*, История Армении (на арм. яз.), Тифлис, 1913.
- Церетели Г.*, Армазская билингва, Тбилиси, 1941.
- Урартские памятники музея Грузин, Тбилиси, 1939.
- Waterman*, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, ч. I—III, Мичиган.
- Weidner E.*, Politische Dokumente aus Kleinasien (Bogh.-St., № 8 und 9), Leipzig, 1923, см. также арм. перевод у А. Хачатряна в конце его книги „Армения в клинописный период“.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

А. ИМЕНА ЛИЦ И БОГОВ.

- Авашухур, жен. и. 114
 Агалиуман, муж. и. 58
 Агафангел, историк 68, 86
 Адад, бог 100, 152, 230
 Адад-Нирари I, царь 187, 194
 Адарута, урартская богиня 216
 Адонц Н., ученый 44, 45, 50, 56, 62, 67, 68, 87, 89, 126, 128, 130, 136, 146, 153, 171, 172, 174, 180, 195, 207, 213, 240, 257, 258
 'Аза (Haza), муж. и. 42, 43
 Аззиа, жен. и. 43
 Азира-(ш), муж. и. 72
 Аиссиа (Аишшиа), муж. и. 24, 77
 Аайк (Hajk), эпоним и божество 39, 40, 70, 130, 133, 140
 Айтагама (Айтакама), муж. и. 28, 201
 Акапелли, жен. и. 220
 Акиа, муж. и. 72
 Акит к (Aih), муж. и. 226, 233
 Акитта, муж. и. 226, 233
 Аккан, муж. и. 69
 Алаксанд, муж. и. 125
 Алдинус, писатель 15
 Аллаиканза, жен. и. 230
 Аллаише, жен. и. 219
 Алумаштар, муж. и. 219, 223
 Альбианиды, 173
 Амасиа, патриарх армян 72
 Аматауни, арм. феодальный род 139, 226
 Аматауни С., лексикограф 233
 Амбалис, царь 143
 Аменхотеп III, фараон 217, 220
 Аммамма(ш), хеттский бог 89
 Амурру, бог 70
 Амшарелли, жен. и. 220
 Ана, божество 101
 Анаита, см. Анахита
 Анан, абхазское божество 86
 Ананун, см. Аноним
 Анапша, урартское божество 217
 Анат, богиня 85
 Анахита, богиня 85, 86, 91, 121, 122, 245
 Андариа (Антариа), муж. и. 72, 196
 Аниа-апи, муж. и. 225
 Анитаил, муж. и. 73
 Анитани, муж. и. 69, 73
 Анит(т)а, муж. и. 73
 Аннан, жен. и. 69
 Анниа, царь 19-21, 24-26, 28-30, 34, 51, 52, 54, 58, 64, 65, 68, 71-74, 77, 109, 119, 122, 242, 243
 Анниса, муж. и., см. Анниа
 Ан(н)итти, жен. и. 43, 73
 Аноним, историк 151, 161, 173, 255
 Антиох Великий, царь 209, 235
 Антипатрас, греч. писатель 167
 Антонин Август, римс. царь 43-45, 87, 88, 157
 Апара(ш), хеттс. бог 62, 89
 Аполлотор, муж. и. 185
 Аполлон, бог 171
 Апука, муж. и. 225
 Апушка, муж. и. 225
 Апшам, муж. и. 185
 Ар, см. Ара
 Ара, бог 70, 76, 90, 98, 110, 126, 152, 159, 174, 185, 211, 212, 217, 221, 222, 237, 245, 247, 256
 Ара Прекрасный (=бог Ара) 88, 90, 98, 152, 186, 212, 222
 Аравегян (Arauelean), арм. феодальный род 227
 Арайа, муж. и. 186
 Арали (=Арало), бог 186
 Арам, муж. и. и эпоним армян 146, 161, 174, 176, 178, 181-183, 186, 189, 236, 256
 Арамазд, бог 36, 109, 245, 246
 Арамаис, эпоним армян 159, 173, 174, 178, 180-183, 189, 255, 256
 Арамансак, эпоним армян 159, 161, 173, 174, 178, 180, 183, 186, 183, 255, 256
 Араманиак, см. Арамансак
 Араме, царь 178, 185, 255
 Арам-мушуни (Арам-мусуни), муж. и. 184, 185

- Арамузни, см. Арам-мушунни
 Араха, см. Арахи
 Арахи, муж. и. 159, 186, 205, 211—213, 233
 Арбаба, муж. и. 218
 Арбун, муж. и. 229
 Аргшти I, царь 14, 15, 57, 60, 96, 112, 125, 195, 233
 Арджук, муж. и. 235
 Арди, бог 213
 Ардити, муж. и. 226
 Арешкан, муж. и. 69
 Арзанахшу, муж. и. 36, 60, 116
 Ари, бог 39
 Ари, см. Ар
 Ариа, муж. и. 72, 186
 Ари-Арманеаи, герой-бог 136
 Арик-ден-илу, муж. и. 186
 Арикка (Арик), муж. и. 185
 Ари(к)-камари, муж. и. 224
 Ари(к)куме, муж. и. 50
 Ари(к)-Курупс, муж. и. 224
 Ариперха(н), муж. и. 96
 Арип-угур, муж. и. 90
 Аришшурихе, муж. и. 233
 Ари-харме, муж. и. 230
 Арих-би(з)и, муж. и. 24, 77, 78, 186
 Ари(х)-харпа, муж. и. 77, 230
 Арихуха, муж. и. 96
 Арихха (Ариххайа), муж. и. 77
 Ариххаманна, муж. и. 77
 Армава, лидийский бог (Гермес) 166
 Армаис, см. Армаис
 Арманеак 178
 Арма-Тешуп(аш), муж. и. 185
 Арменак, эпоним армян 130, 151, 159, 178, 189, 217, 256
 Армен(ос), аргонавт 156, 157, 167, 188, 199
 Арнуман, муж. и. 55, 94
 Артавазд, муж. и. 86, 162, 173, 213
 Артаван, муж. и. 213
 Артавардия, муж. и. 204
 Артак, муж. и. 213
 Артаксий (= Арташес), царь 258
 Артатама, царь хурритов 138
 Артахуби, муж. и. 195
 Арташес I, царь 6, 83, 86, 153, 161, 162, 172, 235, 251
 Артемида, богиня 86
 Ар-Тешуп(аш), муж. и. 185, 222
 Ар-Тилла, муж. и. 222
 Артит (Artith), муж. и. 213, 226, 233
 Артитес (Artithes), см. Артит! 233
 Артухас, муж. и. 212, 213
 Арунашил, бог 137
 Арцруни Фома 198, 226, 258, 254
 Аршак, муж. и. 151, 173
 Аршакиды, династия 109, 118
 Аршам, муж. и. 173, 186
 Ар-шанта, муж. и. 225
 Асаргадон, царь 106
 Асиа, муж. и. 14, 72, 77
 Асит (Asith), муж. и. 226
 Асканаз, муж. и. 140, 141, 151, 153, 246
 Асканазовский род, 153
 Ассур (Ашшур), бог 39, 70, 100, 190, 192
 Ассурбанипал, царь 196
 Ассурназирбал, царь 198
 Ассур-Убаллит, царь 21, 74
 Астарува(си), муж. и. 223
 Атат, муж. и. 152, 230
 Атат Гнуни, 230
 Атат Хорхоруни, 230
 Атик (Athik), муж. и. 230
 Атрей, муж. и. 125
 Аттенан, жен. и. 69
 Атика, муж. и. 230
 Аттис, бог у фригийцев 86, 90—92, 98, 163
 Ачарян h1, ученый 45, 49, 62, 63, 71, 82, 85, 152, 163, 164, 172, 211, 214, 227—230, 232
 Ашду, жен. и. 218
 Ашдуанти, жен. и. 218
 Ашдуашар, жен. и. 213
 Ашдувар, муж. и. 36
 Ашкашепа, бог(иня) 89
 Ашкеназ, см. Асканаз
 Аштаканза, жен. и. 218, 230
 Аштакина, жен. и. 218
 Аштара (Аштари), муж. и. 223
 Аштар(и)-Тешуп, муж. и. 223
 Аштар-Тилла, муж. и. 225
 Аштахута, жен. и. 216
 Аште, жен. и. 216
 Аштейа, жен. и. 218
 Аштен, жен. и. 216
 Аштикумис, муж. и. 50
 Аштуатана, жен. и. 218
 Ашублан, муж. и. 69
 Ашур-зулуи, муж. и. 97
 Ашурназирбал II, царь 194
 Ашшиас, муж. и. 77
 Ашшур-Убаллит, см. Ассур-Убаллит

- Багаи, муж. и. 205
 Багак (bāgāk), муж. и. 130, 133
 Багам, муж. и. 186
 Багари, муж. и. 179
 Багдасар, муж. и. 95
 Багратуни (Багратиды), 212, 214, 242
 Баз, муж. и. 227, 235
 База, муж. и. 227
 Базази (Пазази), муж. и. 227
 Бази (Пази), муж. и. 227
 Базиа, муж. и. 227
 Базук, муж. и. 227, 229
 Балтаик (Балтаиг), бог 23, 30, 95, 97, 217, 246
 Балтукашид, муж. и. 95
 Балтуахи, муж. и. 95
 Балтушар(у), муж. и. 95
 Бардаицан, древний ученый 87
 Бартоломэ Хр., ученый-иранист 67
 Баршамин (Be'sal-shamīn), бог 161, 237
 Бел, бог 161, 235
 Бела(дзури, араб.), писатель 66, 129
 Белиарик, муж. и. 126
 Белк, ученый 17
 Бервахшу (Беруахшу), муж. и. 36, 60, 116, 222
 Бзнуни, феодальный род 227, 235
 Биашил, муж. и. 137
 Биззия (Бизиа), жен. и. 73
 Билабель Фр., ученый 132, 142
 Бириа, муж. и. 221
 Бир(и)аззина [Бираз(з)ана], муж. и. 221
 Биру (Биеру, Беиру), муж. и. 221
 Биру(в)а, бог 221
 Бихуниа, царь кашкайцев 21, 27, 54, 64, 72, 74, 101, 133
 Борк Ф., ученый 96, 219
 Боссерт, ученый 106, 244
 Брит (Brith), муж. и. 226
 Броккельман, ученый 49
 Буду, муж. и. 227
 Бунума-Адад, муж. и. 193
 Бут, муж. и. 227
 Ваал-Хаммон, бог 223
 Вагаршак, царь 151, 173, 189
 Валтасар, царь 95
 Вальтер А., ученый 30
 Вандип-угур, муж. и. 90
 Ванний, личность 25, 63, 73, 76
 Вантешуп, муж. и. 77
 Вантин-угур, муж. и. 90
 Варани, муж. и. 69
 Варашама, муж. и. 229
 Варбак, муж. и. 150, 151
 Варуна, бог 126, 138, 248
 Вархила, муж. и. 60
 Варшам, муж. и. 229
 Ваумиса, полководец Дария I 204—207, 234
 Вахр-апи, муж. и. 225
 Вахушт, географ 129
 Вейсбах, ученый 67
 Верда, муж. и. 181
 Веспасиан, царь 235
 Видарна, полководец Дария I, 204, 205
 Византийский Ст., писатель 13, 15
 Византийский Фауст, историк 108, 109, 149, 158, 200, 254
 Виндафарна, полководец Дария I 204
 Винклер Гуго, ученый 9, 72, 142
 Вртанес, епископ 109
 Вуллей А., ученый 143
 Габилдий, муж. и. 25, 65, 73, 76, 243
 Гаг, муж. и. 226
 Гагик, муж. и. 226, 236
 Гайанэ, жен. и. 110
 Галеви, ученый 211
 Гапилтий, см. Габилдий
 Гарагашян, историк 164
 Гарстанг Джон, ученый 131
 Гаттаха(ш), бог 89
 Гегам (Ge'am), муж. и. 136, 256
 Гезиод, греч. писатель 63
 Гелип-угур, муж. и. 90
 Гельб Игнатий, ученый 30, 36, 43, 60, 68, 69, 76, 77, 90, 94, 96, 175, 184, 185, 187, 193, 196, 198, 221, 226, 227
 Гельцер, ученый 58, 132
 Георгий (св.), 37
 Геродот, историк 17, 142, 150, 163, 164, 188, 189, 205, 206, 222, 234, 246, 251, 256
 Герицфельд, ученый 106
 Гетис А., ученый 9, 10, 18, 22, 27—29, 33, 36, 38, 16, 49, 51, 55, 62, 64, 69, 75, 92, 96, 101, 111, 112, 114, 116—121, 128, 129, 131—133, 141, 143, 144, 164, 171, 179, 183, 187, 222, 241
 Гигес, царь 149
 Гилгамеш, герой 95, 217
 Гилу-Хепа, жен. и. 91
 Гира, бог огня 114

Гисанс, жрец 229
 Гнит (Gnith) муж. и. 213, 227
 Гогарт Д. Г. (Hogart D. G.), ученый 143
 Гомер, греч. писатель 165, 175, 176, 192, 253, 256
 Гомер (=Гамер), муж. и. 140, 141, 144, 148, 153
 Григорий Магистр, писатель 180
 Григорий Прозвешатель 109, 110, 173
 Грозный Фр., ученый 12, 72, 132, 133, 138, 171
 Гюшманн Г. (Hübshmann H.), ученый 15, 49, 58, 112, 113, 116, 130, 132, 164, 189, 190, 198, 228
 Гютербок, ученый 187, 235

Даган (=Дагон), бог 76, 154
 Дагон, бог 90, 92, 154
 Дада, муж. и. 227
 Дадарши(ш), полководец Дария I 204—207, 211, 254
 Даде, муж. и. 227
 Дадиа, муж. и. 152
 Дадилу, муж. и. 132
 Дадлу, муж. и. 227
 Дарий I 154, 155—158, 161, 175, 202, 204—208, 210, 211, 213, 234, 251—255
 Дарий II 202
 Дата, см. Да(г)га
 Да(г)та, бог 10, 53, 76, 97, 152, 227, 239
 Дашук, муж. и. 233
 Дашян Я., ученый-мхитарист 164
 Деметр, жрец 229
 Деркетто (Атаргатис), богиня 92
 Джадж, муж. и. 228
 Джаджур, муж. и. 228
 Димаксян 139
 Дингир-агал, муж. и. 225
 Диндимена, богиня 86
 Диодор, см. Сицилийский Дисдор
 Дуду, муж. и. 227, 228
 Дуду-кайа, муж. и. 227
 Дукади, ученый 106
 Дулахи, имя 186
 Дуладу, жен. и. 231
 Дулдукка (Тулдукка), муж. и. 231
 Дулиа, муж. и. 72
 Дуппи-Тешуп, муж. и. 46
 Дурари, муж. и. 227

Евдокс, греч. писатель 17, 163, 186, 189, 256

Евсевий, см. Кесарийский Евсе-
 вий
 Евстратий, (св.) 69
 Езекиил, пророк 144
 Енсен, ученый 78

Заг(г)ага, бог 89, 93, 97, 217, 245
 Заз(а), муж. и. 228
 Заза, бог 228
 Зазиа, муж. и. 228
 Зазик, муж. и. 228
 Зазуни, муж. и. 228
 Зариандр, царь 6, 161, 172, 251, 258
 Зармайр, муж. и. 230
 Зармиа (Зарвча), муж. и. 230
 Захариды, 228
 Захаров А., ученый 11
 Зевс, бог 171, 175
 Зибаруа, божество 12
 Зиге (Зике), муж. и жен. и. 228
 Зик, муж. и. 228
 Зикекуни, бог 93, 217
 Зики, муж. и жен. и. 228
 Зикита, муж. и. 226, 233
 Зилиа, муж. и. 97
 Зилиппаппи, муж. и. 97, 216
 Зилихарпа, муж. и. 97
 Зилулу, муж. и. 97
 Зипшам, муж. и. 185
 Зоммер Ферд., ученый 44, 53, 128
 Зуит (Zuhh), муж. и. 227
 Зулили, муж. и. 97
 Зулула, муж. и. 97
 Зулули-Иштар, муж. и. 97
 Зупрадад (/ \ Зурбада), муж. и. 230

Иаррис (=Яррис), бог 89
 Ивишти, муж. и. 96
 Изида, богиня 92
 Икита (Инкита), муж. и. 226, 233
 Инд(а)ра, бог 136—138, 248
 Инин, богиня 86
 Инип-Тешуп, муж. и. 196
 Иништи, муж. и. 233
 Инникайа, муж. и. 227
 Иоанн Креститель 139
 Ипполит, церк. писатель 153
 Ипсен, ученый 106
 Ипхуха, муж. и. 96
 Итхип-угур, муж. и. 90
 Итхишта (Итхишти), муж. и. 96, 233
 Ишбудахшу, муж. и. 117
 Ишпуини, царь 93, 212
 Иштапариа, жен. и. 72

- Иштар, богиня 89, 91—93, 100, 179, 184, 219, 222, 245
 Иштар Ниневийская, 53, 92
 Иштар Семитическая, 59, 85
 Иусик, муж. и. 109
 Каджберуни, феоd. род 151, 155, 180, 222, 250
 Кадмос, муж. и. 256
 Каенеус, муж. и. 68
 Кайпак, муж. и. 229
 Какки (Гакки), муж. и. 226
 Ка(к)киа, муж. и. 72, 197, 226
 Каккише, муж. и жен. и. 219
 Какку, муж. и. 226
 Каккуззи (Гакузи), муж. и. 226
 Каккуиа, муж. и. 226
 Какули, муж. и. 226
 Какуци, муж. и. 226
 Калтук, муж. и. 233
 Кальдер В., ученый 165
 Камсаракан, феоd. род. 139
 Канзайа, жен. и. 230
 Канзан, жен. и. 69
 Канзу, жен. и. 230
 Канзушшалли, жен. и. 230
 Канукайа, муж. и. 227
 Каранни, царь 18, 26, 47, 48, 53, 58, 61, 65, 67—69, 74, 88, 109, 119, 122, 241, 242, 245
 Каранус, муж. и. 68
 Кардос, муж. и. 256
 Кардухас, бог 70, 212
 Кари, муж. и. 59
 Кариа, муж. и. 68
 Кариизи, муж. и. 69
 Кариу, муж. и. 69
 Каришше, муж. и. 69
 Кармише, муж. и. 219
 Карст, ученый 79, 226
 Кархуку (=Кархохо), бог 95—97, 217, 246
 Кашшу, бог 70
 Кениг Ф., ученый 204
 Кераше, жен. и. 219
 Кесарийский Евсевий, церкв. писатель 144, 153, 248
 Киаксар, царь, 151, 206, 213
 Кибела, богиня 86, 92
 Кибэрха(н), муж. и. 96
 Киззук, муж. и. 233
 Кий, муж. и. 152, 247
 Ки(к)ки, муж. и. 226
 Ки(к)киа, муж. и. 226
 Килари, муж. и. 179
 Кинахшу, муж. и. 36, 60, 116
 Киперт Х., ученый 189
 Кип-угур, муж. и. 90
 Кипшидзе И., ученый 44
 Кир, царь 147, 159, 160, 206, 209
 Клавдий, царь 235
 Клей А., ученый 184
 Коенус, муж. и. 68
 Контено Г., ученый 60
 Коронус, муж. и. 66
 Корюн, писатель 151, 153, 246, 248
 Котюс (Котис), царь 235
 Кранни, см. Каранни
 Кречмер Пауль, ученый 10—13, 15—18, 75, 145, 171
 Ксенофонт, греч. писатель 13, 14, 16, 98, 121, 154, 158, 160, 210, 212, 223, 224, 231, 252
 Ксеркс(ес), царь 161, 163, 202
 Куар, муж. и. 153, 229, 247
 Куари, муж. и. 229, 247
 Кубабат, божество 101
 Кузари, муж. и. 179
 Кук, муж. и. 226
 Ку(к)куиа, муж. и. 226
 Куккули, муж. и. 226
 Куку (Гугу), муж. и. 226
 Кукуллани, муж. и. 68, 70
 Кулахуби, муж. и. 195
 Кули(т)та, богиня 179
 Купапа-шарпа, муж. и. 43
 Курвари или Курватал?, муж. и. 224
 Курве, бог 224
 Куфтин Б., ученый 108
 Кушухелли, жен. и. 219
 Кюмоны Евг. и Фр. 44—46, 85, 89
 Лакс К., ученый 105
 Ларисский Мслий, 156, 199, 202, 251, 253
 Латышев В., ученый 15, 16
 Лахира, муж. и. 60
 Лахрахшу, муж. и. 36, 60, 116
 Леви И., ученый 171, 187, 193
 Леман-Хаупт К., ученый 13, 14, 17, 106, 177, 190
 Лилип-угур, муж. и. 90
 Лильвани (Аельвани), богиня 61, 89
 Лимурушуман, муж. и. 56
 Луккенбиаль Д., ученый 193, 196
 Лукула, римский полководец 35
 Лухадуман, муж. и. 58
 Лухрахшу, муж. и. 116
 Лушан Ф., ученый 17
 Маврикий, царь 230

- Мадакина, муж. и. 187
 Мадикян А., ученый 212
 Мажан, бог 86, 217, 237, 243, 246
 Майер Л., ученый 131
 Майер Эдуард, ученый 10, 137
 Македонский Александр, царь 156, 157, 162, 173, 202, 234
 Макрей А., ученый 69, 226, 233
 Малиа(ш), бог 89
 Мамиконян, фео. арм. род 97
 Маммиа, муж. и. 72
 Ман, бог 213, 217
 Манак, муж. и. 213
 Манан, муж. и. 213
 Манандян Я., ученый 11, 23, 153, 156, 157, 160, 163, 165, 176, 180, 207, 212, 252
 Мананойш, жен. и. 213
 Манапататта, муж. и. 28
 Маначехр, муж. и. 213
 Манда-ди-хайа, бог 139
 Мандакуни, арм. фео. род 135, 136, 138, 155, 250
 Манели, муж. и. 213
 Манес, бог 213
 Манеч, муж. и. 213
 Манит (Manith), муж. и. 213
 Манутахшу, муж. и. 117
 Мар Аб(б)а Катина, древний историкограф 159, 173, 183, 256
 Марабас, см. Мар Аб(б)а Катина
 Мардит (Mardith), муж. и. 213, 233
 Мардук, бог 201, 225
 Мариа, муж. и. 19, 20, 25, 26, 65, 69, 71, 72, 77, 119, 243
 Маркварт И., ученый 14, 15, 23, 44, 164, 175—177, 180, 190, 195, 205, 209, 225, 236
 Марр Н., ученый 32, 49, 79, 83, 114, 146, 152, 163, 169, 170, 174, 180, 214, 215, 248, 251
 Масан(ес), 36, 201, 245
 Матиа, муж. и. 72
 Матиуаза, муж. и. 114
 Махирахшу, муж. и. 117
 Модея, жен. и. 167
 Мейе А., ученый 164
 Мейер Рудольф, ученый 219
 Мейснер Бруно, ученый 47, 195
 Мелти, муж. и. 152, 229, 247
 Менандр, виз. писатель 56
 Менуа, царь 14, 15, 42, 93, 95, 125, 130, 177, 181, 182, 196, 212, 214
 Меружан Арцруни, князь 109, 158, 251
 Мессершмидт, ученый 78
 Меша, царь Колхиды 16
 Мидас, царь 142
 Милетский Гегатей 15
 Миллер Конрад, ученый 23, 45, 88, 126, 132, 199
 Мита (=Мидас), царь 142, 143
 Митра, бог 86, 156—158, 245, 248
 Митрашил, бог 137
 Митридат, царь 3, 145, 146, 165, 235
 Михр, бог 36
 Мишшита, муж. и. 226, 233
 Моваттал, см. Муватталли
 Мосох, племя 144
 Мува, муж. и. 75
 Муватта (Мувати), муж. и. 75
 Муватталли (Моваттали), муж. и. 64, 74, 75
 Мурад, ученый 190
 Мурацан, фео. род 139
 Муршил II, царь 6, 10, 20—22, 24, 26—35, 37, 38, 46, 47, 51, 52, 54, 58, 65, 72—74, 191, 109, 115, 117, 122, 126—128, 131, 132, 137, 243
 Мутта, муж. и. 75
 Мутталли, муж. и. 75
 Мутти, муж. и. 24, 26, 33, 63, 71—75
 Мушер (Muşer), муж. и. 230
 Мушку, племя 143
 Мшак, муж. и. 146
 Наварелли, жен. и. 220
 Нана, богиня 86, 245
 Наназити (=Nana-LU-iš), муж. и. 22, 38
 Наниа, муж. и. 72
 Нанип-угур, муж. и. 90
 Нанэ, богиня 59, 86, 91, 121, 245
 Напсара, божество 217
 Наптера, жен. и. 120
 Нарамсин, царь 186, 187
 Нару, божество 220
 Насатья, см. Напата(на)
 Нахарук, муж. и. 233
 Напата(на), боги 137, 138, 246
 Нельеке, ученый 116
 Нергал, бог 25, 89, 90, 245
 Нерсес, муж. и. 230
 Нефертити, жен. и. 220
 Нидиктум-бел, муж. и. 202
 Нимахшу, муж. и. 36, 117
 Нин, богиня 36
 Нина, богиня 239
 Нина (св.), 110
 Нината, богиня 179
 Нин-Гал, бог 98

- Нипас, бог 101
 Нирах-зулули, муж. и. 97
 Нихер-Тешуп, муж. и. 200
 Нихер-тилла (Нирхи-тилла), муж. и. 200
 Нихри-Тешуп (Нирхи-Тешуп) 200
 Нихри-тилла, муж. и. 200
 Нишхуха, муж. и. 95
 Нуард, жен. и. 91
 Нуванза, полководец хеттов 22, 28, 35, 37, 38, 51, 54
 Нупатик, бог 225
 Ньюкар-Мадес, муж. и. 161, 237
 Оани(ес) [Они(ес)], мифическое существо 217
 Озирис, бог 90, 92, 245
 Оппенгейм, ученый 200, 225
 Орайта, сатран Сард, 205
 Орбели И., ученый 18, 32, 180
 Орбелян Степанисс, историограф 42, 130, 135
 Оронт (=Ерванд), муж. и. (царь) 159, 160 252
 Оронтас, муж. и. 212
 Оронтиды 159
 Оскинар, жен. и. 220
 Остен Ганс, ученый 102, 105—107, 244
 Отран, ученый 49
 Пазазы (Базазы), муж. и. 227
 Пазак, муж. и. 227
 Паззия (Базия), муж. и. 227
 Паизани, муж. и. 225
 Паизина, муж. и. 225
 Паикку, муж. и. 225
 Паи-тешуп, муж. и. 225
 Паи-тилла, муж. и. 225
 Паи-шарри, муж. и. 225
 Паишкумми, муж. и. 50
 Пайап(ис) [Ka(a)ṣai? (Kaḥ-ai)], миф. существо 161, 176, 225, 236
 Пайт, племя (?) 66
 Палиа (Балиа, Паллиа), муж. и. 219
 Палиушше, муж. и. 219
 Палла-кайа, муж. и. 227
 Пал-теиа, муж. и. 219
 Пал-тешуп, муж. и. 219
 Пал-тилла, муж. и. 219
 Пан, бог 171
 Папаиа, жен. и. 218
 Папак (Phaak), муж. и. 219
 Папанте (Бабанте), муж. и. 218
 Параян Багарат, феодал 151
 Парпский (Парпеци) Лазарь, историк. 41, 180, 226
 Паройр Скаорди, муж. и. 149, 150, 151, 189, 207, 246
 Парсман, царь 235
 Паруйр, муж. и., см. Паройр Скаорди
 Парч И., ученый 176
 Паскам, бог (?) 201
 Пацац, жен. и. 227
 Перч, муж. и. 228
 Петерсен Вальтер, ученый 32
 Пиеркорн А., ученый 196
 Пизату, жен. и. 78
 Пизиа (Бизиа), жен. и. 78
 Пизуне (Пизуни), жен. и. 78
 Пиотровский Б., ученый 14, 106, 167, 176, 182, 202, 252, 253
 Питиаксес, муж. и. 116
 Пиша(и)шапки, бог 231, 232
 Плиний, писатель 45, 46, 63, 145
 Помпой, римский полководец 44
 Поссидон, писатель 95, 172, 176, 192
 Прокопий, писатель 44, 50
 Прототий, вождь скифов 189, 246
 Птоломей, греч. географ 47, 48, 56, 89, 126, 132, 162
 Пудду (Путту), муж. и. 227
 Пудухепа (Путухепа), жен. и. 120, 227
 Пузур-угур, муж. и. 90
 Пурвес П., ученый 50, 69, 77, 90, 184, 200, 224—226, 228, 229
 Пута, муж. и. 227
 Пуштейа, муж. и. 72
 Рамсей В., ученый 44, 143, 165
 Рамзес II, фараон 117
 Рамзес III, фараон 141
 hРачя, муж. и. 150
 Рашу, муж. и. 145
 Рипсимэ, жен. и. 110
 Рифат, муж. и. 140, 141, 153
 Родосский Аполлоний, греч. писатель 16
 Рос, племенное имя 144
 Рот Карл, ученый 11
 Рошка, имя племени 145
 Руса I, царь 105, 129, 142, 144, 145, 148, 182, 193, 246
 Руса II, царь 210
 Рута, бог 60
 Рштуни, 212
 Сааруни, феодал 212, 214
 Савази(ос) (Суазис), бог. 35, 98, 163, 217, 237, 245

- Савар, муж. и. 159
 Сагызян, ученый 226
 Сала, плем. 135
 С(а)лкуни, фео. род 135, 136, 138, 155, 250
 Салманассар III, царь 174, 176, 181
 Самен, муж. и. 213
 Санатрук, царь 109, 110, 173
 Санта(с) [Санда(с), Санд(ес), Сандон], бог 201, 225
 Саргисян Н., 138
 Саргон II, царь 94, 103, 125, 129, 142, 143, 144, 182
 Сардур II, 16, 33, 41, 42, 60, 106, 112, 125, 132, 145, 180, 182, 193
 Сассаниды, 158
 Сатеник, жен. и. 162
 Себеос, писатель 151
 Севук, муж. и. 233
 Сейс А., ученый 143, 219
 Селевкиды, 162
 Семирамида, жен. и. (богиня) 91
 Сиари, муж. и. 179
 Сидней Смит, ученый 94, 167
 Силлили (?), бог 69, 94
 Сил-тешуп (Зилтешуп), муж. и. 97
 Симнуман, муж. и. 58
 Син, бог 229
 Сини, муж. и. 14
 Сиуни, родовое имя 212
 Сицилийский Диодор, писатель 16
 Скаорди, 149, 151, 239
 Слкуни, родовое имя 135
 Сибат, муж. и. 230
 Софайнетос, писатель 13
 Спейсер, ученый 78, 187
 Эрвандзян Гарегин, арм. фольклорист 41
 Стефенс Ф., ученый 57, 58, 60, 91, 94, 95, 97, 222, 228
 Страбон, географ 50, 57, 68, 121, 145, 156, 161, 165, 167, 171, 172, 197, 199, 206, 235, 251, 252
 Струве В., ученый 3, 157, 159, 203—207, 234, 254
 Стуртсвант, ученый 80, 94
 Сундвал, ученый 75
 Табшари, муж. и. 179
 Тавагалава, см. Этеска
 Таваиннана, титул хетте, царя 120
 Таду-Хепа, жен. и. 91
 Такаше, жен. и. 219
 Таккист К., ученый 60, 222
 Тамарелли, жен. и. 220
 Тамбер, фео. род 134, 180, 222
 Та(м)муз, бог 90, 91
 Тапшахи, жен. и. 179, 186
 Тарамкубе, муж. и. 94
 Тарберуни, фео. род 134
 Таририа, жен. и. 72, 182
 Тарку (Тарху), бог 58, 96, 201, 222, 237
 Таркунази, муж. и. 153
 Тармаккади, жен. и. 94
 Тармана, муж. и. 94
 Тармапу, муж. и. 94
 Тармиа (Тармека), муж. и. 94
 Тармизизза, муж. и. 54
 Тарми(к)куту, муж. и. 94
 Тарми(н)нину, муж. и. 94
 Тармипташени, муж. и. 94
 Тармитешуп, муж. и. 94
 Тармитилла, муж. и. 94
 Тарми(ш)шимики, муж. и. 94
 Тарпантухи, бог 231
 Таруму, бог 89, 94, 97, 217, 246
 Тархигама, муж. и. 201
 Тархунта, бог 10, 239
 Та(т)та, см. Да(т)та
 Татип-папи, муж. и. 218
 Тахири, муж. и. 233
 Тахиришти, муж. и. 96, 233
 Тахмаспада, полководец Дария I 204
 Ташян Як., ученый 44, 88, 165, 188, 190, 194
 Тейшба, бог 178, 216
 Телипи, боги 201
 Телипину, бог и царь 89, 94, 98, 126, 140
 Тембира (Тембиру, Тиамбири, Тиамбера), муж. и. 221, 222
 Теннер, ученый 51
 Тепла (Тепли), низший дух 217, 237, 245
 Терикан, муж. и. 69
 Териттитун (=Теритгитон), бог 89, 94, 217, 246
 Техуп-пизуни, муж. и. 78
 Тешуп, бог 10, 50, 70, 77, 97, 133, 185, 196, 212, 216, 222, 224
 Тиватапара, муж. и. 43
 Тивашарпа(ш), муж. и. 43
 Тиглатпилесер I 14, 15, 77, 121, 132, 142, 143, 187
 Тиглатпилесер IV 132
 Тигран, царь 159, 173, 209
 Тигран II Великий 35, 63, 162, 235, 252
 Тигран III (IV) 119

- Тикульти-Нимрута II 143
 Тилла-аштари, муж. и. 223
 Тиран, муж. и. 213
 Тири, бог 213
 Тирибаз, муж. и. (царь) 154, 159, 210, 252
 Тиридат, муж. и. 183, 213
 Тирит, муж. и. 213, 233
 Тиричан, муж. и. 213
 Титинари, муж. и. 179
 Тифон, бог 175, 192
 Томашек, ученый 16, 126
 Томпсон К., ученый 187
 Торгом, 10, 140, 141, 144, 153, 156, 255
 Торк, бог 98, 201, 216, 217, 245
 Торк Ангельский, 201, 254
 Тритон, бог 95
 Троко, см. Торк
 Тудхалиа III 18—20, 23, 26, 65, 72, 88, 109, 119, 122, 241, 243, 245
 Тудхалиа IV 25, 26, 126, 243
 Туккизан, муж. и. 69
 Тулдукка, см. Дулдукка
 Тураев Б., ученый 223
 Турани, бог 222
 Тута, муж. и. 228
 Тутеорди, муж. и. 228
 Тушратта, царь 19, 26, 96, 138, 185, 217, 219, 229
 Тюр-Данжен, ученый 94, 184
 Увахшатра, муж. и. 213
 Угур, бог 89—92, 95, 97, 110, 245
 Угурари, см. Угур-атал
 Угур-атал, муж. и. 90
 Угур-киба, муж. и. 90
 Угур-шарри, муж. и. 90
 Угур-элли, жен. и. 90, 220
 Уккита, муж. и. 226, 233
 Укур-таб, муж. и. 90
 Умпин-апи, муж. и. 225
 Унагаста, бог 95, 96, 217, 246
 Унгер Е., ученый 202
 Уннад А., ученый 9, 171, 187, 194, 219, 224
 Унина, бог 217
 Ункубизи, муж. и. 78
 Уотерман, ученый 203
 Ура (Urā), бог 241
 Ураш, бог 217
 Урсана, царь 145
 Урхатарми, муж. и. 94
 Утакшанна (?), бог 97, 246
 Утани, муж. и. 39
 Утупурши (Утупурси), муж. и. 14, 15
 Ушпиа, муж. и. 197
 Фарсальский Кирсил, 156, 199, 202, 251, 253
 Фауст, см. Византийский Фауст
 Феодосий I 235
 Феодосиополь (=Эрзерум) 56, 67
 Ферухан Б., 48
 Финикия 72, 147, 171, 191
 Форрер Эмиль, ученый 5, 9, 11—13, 18—28, 32, 38, 46—48, 55, 58, 65, 69, 74—76, 88, 90, 92—94, 96, 97, 118, 119, 125, 140, 241, 243, 244
 Фравартис, мидиец 204
 Фракийский Дионисий, грамматик 180, 213
 Фридрих Иоаннес, ученый 10, 11, 22, 29, 31, 37, 43, 54, 74, 75, 78, 111, 118, 165, 179, 193, 199, 212, 218, 231
 Фуртвенглер, ученый 106
 Хабурзи, муж. и. 229
 Хавук (Hawuk), муж. и. 233
 Хайк (Hajk), патриарх и бог 69, 70, 141, 159, 161, 173, 174, 178, 180, 188, 189, 208, 217, 227, 255, 256
 Халаше, жен. и. 219
 Халд (Халди), бог 70, 93, 106, 159, 178, 190, 213
 Халдит(а), муж. и. 159, 211, 213, 233
 Халлара, бог 89
 Халпавара(са), муж. и. 36
 Халуканни, муж. и. 65—70
 Хамбизи, муж. и. 78, 229
 Хамбужеан, родная фамилия 229
 Хаммурапи, царь 184
 Хамтишо, муж. и. 78
 Хантедашшу, бог 89
 Ханукайа, муж. и. 227
 Хапат, см. Хепит
 Харанат(ум), бог 101
 Харба, бог 256
 Харма, эпоним-патриарх 178, 183, 185, 189, 230, 256
 Харме, муж. и. 230
 Харпа, бог 230
 Харувандули, муж. и. 43
 Хаттушиль I 120
 Хаттушиль II 135
 Хаттушиль III 94, 112, 194, 198
 Хачатрян А., ученый 11, 69, 119, 121, 132, 140, 143—145, 194, 198
 Хашипканзу, жен. и. 230

- Хашип-угур, муж. и. 90
 Хаштаяр, жен. и. 126
 Хашук, муж. и. 233
 Хашундархи (Хашунтархи), бог 212, 231, 232
 Хашхарба, муж. и. 230
 Хашхарме, муж. и. 230
 Хспат, богиня 227
 Хспат, богиня 92
 Хспит, богиня 28, 62, 77, 85, 91, 92, 98, 111, 184, 188, 217, 245
 Хермес (=Гермес), бог 230
 Херрикайа, муж. и. 227
 Хикиша, бог 101
 Хинзурайа, жен. и. 228
 Хинзур(и), жен. и. 223, 230
 Хиштахшу, муж. и. 36, 60, 116
 Хндзор, жен. и. 230
 Хндзорик, жен. и. 230
 Хоггана, см. Хоккана
 Хозрой, царь 230
 Хой, муж. и. 229
 Хоккана (Хоггана), царь 18, 20, 71, 74, 118, 119, 124
 Хор, муж. и. 197, 217, 255
 Хоренский (Хоренаци) Мсисей 86, 87, 108, 112, 135, 145, 146, 150, 151, 156, 159, 161, 162, 173, 174, 176, 182, 209, 217, 225—227, 229, 248, 251, 255, 256
 Хорив, муж. и. 152, 247
 Хоррсан, муж. и. 153, 229, 247
 Хорхоруни, феод. род 218, 255
 Хосрой Нуширван, царь 56
 Хохо, бог 96
 Хубита, муж. и. 195
 Хуващанна, бог 89
 Хуггана, см. Хуккана
 Хуззия, муж. и. 72
 Хуип-апу, муж. и. 229
 Хуип-ерви, муж. и. 229
 Хуип-тилла (Хуптилла), муж. и. 229
 Хуите (Хуити), муж. и. 229
 Хуи-Тешуп, муж. и. 229
 Хуи-тилла, муж. и. 229
 Хуишша, муж. и. 229
 Хуйа, муж. и. 72, 229
 Хуккана, царь 26, 34, 65, 69—71, 118, 119, 242, 243
 Хунниа, муж. и. 72
 Хупита, муж. и. 226
 Хупитам, муж. и. 185
 Хурланни, муж. и. 68
 Хурри, бог 39, 58, 70, 222
 Хута (Xutha), муж. и. 230
 Хутайа, муж. и. 230
 Хутиа, муж. и. 230
 Хутип-угур, муж. и. 90
 Хутта (Хутти), муж. и. 230
 Хутуини, бог 216
 Хуха(и), муж. и. 69, 95
 Хуханани, муж. и. 66
 Хухашарпа, муж. и. 43
 Хушум, жен. и. 229
 Хушумайа, жен. и. 229
 Хушуме, жен. и. 229
 Хушхушу, жен. и. 229
 Хшатрита, муж. и. 213
 Церетели Г., ученый 110, 196
 Шади-Тешуп, муж. и. 179
 Шакриуман, муж. и. 58
 Шалахшу, муж. и. 36
 Шамаш-баракку, муж. и. 202
 Шаминива, бог 89
 Шамхарахуби, муж. и. 195
 Шанда, ученый 15
 Шанта (Шанда, Шанги), бог 201, 225
 Шантавиа, жен. и. 43, 201
 Шантайа, муж. и. 225
 Шанталлуган (Шанталлугган), бог 225
 Шанталлук, муж. и. 225
 Шапук, царь 153
 Шари, бог (бык) 222
 Шатам-кари, муж. и. 69
 Шаушга, богиня 91
 Шак, муж. и. 125, 149
 Шахермейр Фр., ученый 142
 Шахухи (Шахуни), династия Шах'а 149
 Шесбиту, богиня 216
 Шеннам, муж. и. 185, 186
 Шеннани, муж. и. 69
 Шепиа, муж. и. 72
 Шехам, муж. и. 185
 Шооло Н. А., ученый 137
 Шрадер Е., ученый 228
 Шеллер О., ученый 233
 Штрек М., ученый 190
 Шубеахшу, муж. и. 117
 Шубеуман, муж. и. 58
 Шубишхуха, муж. и. 96
 Шубунахшу, муж. и. 117
 Шуммитара, муж. и. 72
 Шунухрамму, царь 154

- Шуппилиума, царь 6, 18—20, 26, 34, 35, 37, 69, 74, 75, 111, 115, 117—119, 122, 124, 194, 242
 Шурихайа, муж. и. 233
 Шурихилу (Шурихил), муж. и. 233
 Шуру(х)хе [Шуру(х)хи, Шурихе, Шуриха], бог 231, 233
 Шухурзи, муж. и. 114
 Шухурнайа, жен. и. 114
 Шушук, муж. и. 233
- Щек, 152, 247
- Эачи, муж. и. 77
 Эвар-кари, муж. и. 69
 Эдесский Магфэй, арм. историк 132, 198
 Эйсер, ученый 193
 Эллат, боги 39
 Элиил-нирари, муж. и. 180
 Энна-папи (Энна-бали), муж. и. 219
 Энниа, муж. и. 72, 73, 233
 Эннита, муж. и. 226, 233
- Энништа, муж. и. 96, 233
 Эприкян Х. 41, 50, 53, 56, 129, 130, 166
 Эр, см. Ар
 Эрато, царица 119
 Эри, см. Ара
 Эрмаданиамис (Армаданимис), муж. и. 166—167
 Эрмапиас (Армипиас), муж. и. 166
 Эрмас (Армас), муж. и. 166
 Эрмес (Гермес), бог 166
 Эрханатал, муж. и. 90
 Эссархаддон, царь 196
 Этеокл, муж. и. 125
 Эхлип-угур, муж. и. 30
 Эшмун-Адонис, бог 90
- Юсак, муж. и. 229
 Юсти, ученый 157, 211
 Юстиниан, царь 156
- Яван, муж. и. 144
 Яр (Ярило), бог 152, 166, 246
 Ясон, муж. и. 157, 186

Б. ИМЕНА МЕСТ (ТОПОНИМИКА)

- Абру, город 182
 Абхазия, страна 166
 Аварайр, село 51
 Агарак, село 52
 Агванис, см. Айванис
 Агин (Ajin), село 63
 Агиовит (Aji-ovit), район 118
 Агтамар (Ahtamar), остров 22, 23
 Агулис, село 62
 Адана, город 40, 62, 156
 Адем, река 137
 Адиабене, район 153, 156, 199, 202, 251
 Адир (=Umr Alar), село 23
 Аза, село (в Голтене), Верхняя и Нижняя, 57, 249
 Аза (Аза или Наза), город в Малой Армении 43—46, 59, 88, 134, 242, 249
 Азейм, река 161, 187
 Азербайджан, страна 47, 53, 66, 130, 250
 Аззи, страна 5, 9, 10, 12, 25, 27 — 38, 40, 42, 43, 51, 54, 59, 61, 64, 69, 74, 97, 99, 101, 110, 119, 128, 131, 134, 155, 240—243, 246
 Аззи-Хайаса, см. Хайаса-Аззи
 Айванис, село 46
 hAjk (Haj-kh), страна 13, 124
 Айрарат, область 7, 159, 166, 237
 Аканц, село 94
 Акилисена, см. Екегеад
 Аккад, страна 187
 Акн, город 36, 40, 109, 140
 Алададеариза, см. Аладарариза
 Аладалсариза, см. Аладарариза
 Аладарариза, село (городок) 44, 46, 82
 Аладарма, город 112, 194
 Алаалейс, крепость 50
 Алаалха (Аалха), город 40, 49, 53, 197, 240
 Алаамн, село 181
 Алашиа (=остров Кипр), 53, 141
 Алашкерт, городок 87, 180, 225, 245
 Алашкертская долина, 40, 47, 166
 Албания, страна 66, 130, 167, 250
 Албистан, город 37, 126

- Арзон, город 199—201
 Арзун, см. Арзон
 Арзухина, город 179
 Ариза (> Hariza), село 44
 203, 211, 217, 247, 248, 251—256
 Ар(и)ме, страна 3, 112, 169, 170, 183,
 184, 188, 191—194, 197, 199, 201 —
 Ариминиум, город в Италии 186
 Ариндж, село 134
 Аринна, город 20, 89, 120
 Ариннанда, гора 51
 Арипса (Арипша), город 22—24,
 28, 32, 35, 36, 54—57, 59, 241, 242,
 249
 Арич (> Ариндж), село 44, 134
 Аркана, гора 198
 Аркана, речка 198
 Аркни, крепость 198, 199
 Армавир, город 42, 159, 162, 173,
 179, 182, 237
 Армавира (Армауриа), см. Арма-
 вир
 Армази, город 108, 110
 Арман, город 161, 183, 184, 186—188,
 190, 255, 256
 Арманас см. Арамана
 Арманис, село 180, 256
 Арманум, см. Арман
 Армирали (Армирали), местность
 94, 182
 hАрмене, порт 165, 166
 Арменион, город 156, 163—167, 188
 Арменита, река 166
 Армения 10, 11, 18, 40, 43—45, 48,
 49, 56, 63, 66, 79, 85, 98, 110, 113,
 119, 125, 132, 134, 137—159, 141,
 149, 153, 155—158, 160, 162, 164,
 167, 171, 174, 175, 177, 183, 184, 189,
 190, 191, 195, 196, 199, 200, 202, 204
 — 210, 223, 229, 234, 240, 250, 251,
 254, 255, 257
 Армина 7, 79, 124, 135, 171, 175,
 177—179, 183, 190, 191, 202, 203, 205,
 208, 209, 234, 240, 252—254, 257
 Армина-Шуприа 191, 254
 Армирали, см. Армирали
 Армонака, см. Армения-циви-
 тас
 Армоне (Армене), см. hАрмене
 Армониака-циви́тас, город 160
 Армониакум, река 166
 Армянское нагорье 176
 Арна, город 94
 Арниа, город, 60, 69, 93, 94, 97, 241
 Арнис, село 94
 Арсания (Арсиния), станционный
 пункт 199
 Артаз, область 51
 Арташат, город 159, 162, 246
 Артин, гора (=пик. Богутлу?) 68
 Архита, город 60, 83, 96, 241, 246
 Арцап, село 47
 Арци, город (село) 199, 201
 Арчеш, город 152, 227
 Аршамуни(я), область 130, 136
 hАсанкала, город 37
 Ассирия, страна 22, 57, 74, 100, 106,
 112, 142, 144, 148, 149, 157, 191—194,
 197, 202, 204, 206, 251, 252, 254, 255
 Асси́ро-Вавилония, страна 171
 Ассур (Ашшур), страна 74, 111,
 132, 199, 253
 Ата́ния, см. Ала́на
 Ата́х, крепость 40, 49, 50, 156
 Афум, село 195
 Ахкан, село (=крепость) 136
 Ахлат, город 48
 Ахурия, река 45, 57, 180, 242
 Ашка́ла, город 24
 Аштарак, село 223, 224, 228, 251
 Аштата, город 21, 36, 120
 hАштиан-k (Hāštan-kh) (Аштиа-
 нен), область 118, 130
 Ашти́шат, город 122
 Ашхарпайа, гора 61
 Бабанхе (Папанхе), страна 118
 Баберд, см. Байбурт
 Бабхи (Папхи), страна 195
 Бавон, село 183
 Баг (Bağ), село 126, 250
 Багаарич, село 86, 92, 245
 Багаберд (Bağaberd), крепость 130,
 250
 Багаван, село 76, 87, 225, 245
 Багаки кар (Bağaki khar), местеч-
 ко 130
 Багаку амроц (Bağaki amroç), ме-
 стечко 130
 Багаридж, см. Багаарич
 Багац ашхар (Bağac ašxarh), страна
 130, 155, 250
 Багац еркир (Bağac erkir), страна
 130
 Багац тун (Bağac tun), место 130
 Багеш (Bağeš), город 130, 155,
 181, 250
 Багk (Bağ-kh), местность 130
 Багнайр, село 50
 Баграванд, область 47, 56, 159, 166,
 180, 210, 245
 Баджи-Кардаш, горы 41

- Байбурт, город 41, 92, 128, 129, 241
 Байлакан (Белукан), город 250
 Бактрия, страна 203
 Балакан, село 250
 Балакаран, имя племени и местности 66, 129, 250
 Баладэйс, город 130, 155, 181, 250
 Баланрод, река 130, 250
 Балансон, село 123
 Бала-ховит, долина 13, 129—131, 155, 250
 Балахор, см. Палахор
 Балканы, полуостров 18, 125, 141, 163, 165, 166, 139, 256, 257
 Баловит, место 129
 Балу, город 61, 130, 131, 155, 177, 250, 256
 Барка, страна 72
 Баррайа (Паррайа), город 89, 96, 241
 Бассан (Басен), долина 37, 41, 56, 106, 159, 226, 252
 Батман, река 194, 195, 199
 Батрич, см. Бытариш
 Баттиариг (Бадтейариг, Баттейарига, Баттиарига) 20, 24, 59, 92, 89, 241
 Баязид, город 47
 Бейрут, город 72
 Белкания, место 166
 Бердак, село 55, 59, 113
 Беркри, район 94
 Биайна, страна 39, 43, 59, 178, 181, 240, 257
 Биггайнарешша, город 23, 31, 58
 Бинарама, город 101
 Бингёль, гора 136
 Бингёль-су, река 136, 138
 Биреджик, город 132
 Бисутунская скала 156
 Битлис, город 40, 47, 48, 130, 131, 135, 181, 250
 Ближний Восток 106, 168, 172, 209, 258
 Бнунис, село 130
 Богла-кэй, село 6, 34, 37, 69, 105, 119, 187, 228, 239, 244
 Боглан, место 130
 Бойбеис, озеро 167
 Большая Армения 68, 125, 147, 150
 Большой Багарич, село 86, 87
 Большая Софена, страна 109, 158
 Бохтан, см. Бохтан-су
 Бохтан-су 37, 197, 252
 Бубалиа, станционный пункт 88
 Бузуни, страна 255
 Буланых, город 232
 Булгар-чай, река 150, 250
 Бурушханда, город 12, 111
 Бытариш (Бдарич), село 52, 59, 92, 93, 241, 245
 Вавилон, город 48, 115, 131, 147, 161, 184, 187, 188, 192, 197, 200, 201, 205, 208, 211, 255
 Вавилония, страна 171, 187, 193
 Вагавер (Vağawer), село 37
 Вагаршапат (Vağarşapat), город 173
 Ван, город 39, 43, 59, 112, 145, 155, 161, 200
 Ван, озеро 12, 14, 15, 22—24, 42, 48, 55, 70, 94, 98, 152, 154, 161, 162, 180—182, 187, 198, 210, 221, 222, 227, 249, 251, 255
 Вани, место 76
 Ван-кале, крепость г. Вана 105
 Варденис, село 180
 Варсапа, город 47
 Васпуракан, область 41, 236
 Вастан, город 162
 Вашуганни, город 194
 Вашхания, город 101
 Великая Армения 11, 115, 138, 168, 234, 237, 238, 258
 Великая Россия 234, 258
 Великуни (Великухи), страна 149, 212, 256
 Верхний Бассен 37
 Верхний Ефрат (Кара-су) 10, 12, 19, 22—24, 40, 135, 148, 159
 Верхний Зау, река 155
 Верхняя Армения 9
 Верхняя страна 10, 12, 21—23, 37, 40, 46, 60—62, 64, 116, 128, 129, 132, 133, 240
 Византия, страна 175, 235, 236, 253
 Вифиния, страна 165, 166
 Вихирухи, страна 16, 212
 Вторая Армения 126, 136, 156, 236
 Высокая Армения 6, 12, 18, 19, 27, 63, 65, 124, 212, 231, 235, 240
 Высокая страна 54, 63, 64, 255
 Гарконк, село 133
 Газзапа, город 46
 Газзиура, крепость 45
 Газу, город 46, 60, 89, 96, 241, 246
 Гамирк, страна 140, 118
 Гандза, город (село) 110
 Ганнувара, город 21, 22, 28, 31, 36—38, 54, 60, 61, 64, 133

- Гарахна, город 89
 Гарсагн, см. Карсат
 Гасур, местечко 227
 Гатапа, см. Катапа
 Гатхариа, город 16
 Гашан, богиня 179
 Гашга, см. Кашка
 Гашиа, см. Кишиа
 Гашмиаха (Гасмиаха), город 60, 89, 95, 240, 241, 246
 Гегакуни (Geğakuni) 149, 212, 256
 Гегамские горы, 87, 110
 Гелакун, см. Гегакуни (Geğakuni)
 Геласори (Гэйласар, Глассор, Гелизор), см. Келасура
 Геллу-Хайек, село 41
 Гергеры, город 52
 Герджанис, река 45, 46, 53, 87, 88, 128, 129, 132, 240, 249
 Гогарена, область 116, 144
 Гобляжук, озерко 24
 Голт(е)н, район 37, 46, 57, 162, 242
 Горис, село 180
 Греция 167, 256
 Грузия 52, 63, 107, 108, 110, 196, 244
 Гуварс, место 130, 247
 Гугарк, область 83, 144
 Гундуса, село 240
 Гургум, место 132
 Гюзель-дерс, район 242
 Гюмушханэ, город 13, 40, 43, 128, 129
 Гюрун, место 141
 Дагестан 238
 Дагнавана, см. Дагневана
 Дагневана (Догнавана), место 23, 76, 154
 Дагонские горы 154
 Дадима (Датим), город 56
 Дазимон-итис, город 38
 Дайайни (Дайясни), страна и народ 15, 182
 Дакувахина, город 29, 179
 Данкува (Танкува), город 21, 29, 30, 34, 35, 36, 50, 61, 179
 Даранаги (Daranagi), область 27, 48, 86, 99, 109, 112, 158, 181, 213, 240
 Даранаги, см. Даранаги
 Даскуса, село (город) 240
 Датван, село 23, 48, 76, 152, 227
 Датташша, город 10, 239
 Дашкепри, село 16
 Даштакаран, область и племена 66, 250
 Девоца, село 87
 Дерджан, область 27, 85, 86, 227, 241, 245
 Деркессна, область 65, 159, 235
 Дерсим, страна 14, 61, 64, 128, 239
 Джавах, страна 131
 Джавахата, см. Забаха
 Джавахетия, 41, 110
 Джахук, село 42
 Джезирэ, город 111
 Джимин, село 52, 53, 93, 101, 241, 243
 Джуга, город 62
 Джуламерк, район 25, 157
 Джыгимар (Dzəjimar), страна 23
 Дзираб, поле 47
 Дзуар, село 48
 Диала, река 137, 161, 187
 Диарбекир, город 40, 112, 131, 138, 157, 198, 199
 Диау(с)хи (=Диано), страна и племя 14, 15, 95
 Дивриг (Диврик), город 128, 133, 140
 Доганис, город 56, 68
 Доге (Doğs), село 180
 Домана, город 128
 Донебанк 23
 Дракон(ес), город (село) 44, 45, 87, 88, 110, 240
 Драконис, см. Дракон(ес)
 Дукка(м)ма (Дуггама), город 54, 57, 68
 Дуккама(на) [Дугга(м)ма(на)], город 22—24, 28, 32, 36, 56, 57, 59, 68, 89, 95, 241, 246
 Дума(н)на, город 128, 129
 Дунапа, город 46, 53
 Дуна, город 46, 89
 Дурмитта, см. Турмитта
 Египатруш (Eğiratuş), село 93
 Египет, страна 115, 120, 141, 204
 Екегсац (Ekeğsac), арм. область 27, 65, 85, 86, 99, 109, 113, 156—159, 199, 202, 235, 241, 251
 Екелик, см. Екегсац
 Елсгарсина, дорожный пункт (станция) 62, 63
 Елегиа, город 63
 Ерахани, село (город) 97
 Ереван, город 76, 154, 183
 Эрзерум, см. Эрзерум
 Эрзерумские болота 51, 59

- Ерз(и)нган, см. Ерз(и)нкан
 Ерзинганская (Ерзинджанская) долина 22, 53, 106, 107, 109, 241
 Ерзинганская (Ерзинджанская) равнина 105
 Ерзинджан, см. Ерз(и)нкан
 Ерз(и)нкан, город 26, 27, 40, 43, 44, 52, 59, 63, 85, 86, 91, 92, 99, 101, 102, 107, 112, 113, 122, 123, 159, 241, 244, 245, 258
 Ерзнка, см. Ерз(и)нкан
 Ерзнкайская долина, см. Ерзинганская долина
 Ерзнкайская область 52
 Ериза, см. Ерз(и)нкан
 Еринджак, район 242, 249
 Ермаани, город 180
 Ерусалим, город 131, 222
 Ефрат, река 7, 10—12, 19, 23, 24, 27, 37, 39—41, 45—48, 51, 52, 53, 57, 58, 62, 63, 58, 73, 78, 86, 87, 108—112, 122, 124, 126, 127, 129—153, 138, 139, 143, 147—150, 154—157, 171, 174, 177, 181, 184, 186, 197, 217, 234, 239, 240, 242, 244, 245, 249—252
 Ефрат—Карасу 61

 Забаха (= Джаваха), страна 15, 181
 Зав, река 203, 234
 Заваха, см. Забаха
 Загата, город 46
 Загрош, горы 133
 Заззиса (Заззиса), город 12, 34, 36, 37, 60, 61, 239, 240
 Закавказье, 107, 110, 140
 Залпа, город 135
 Зангезур, район 130
 Зара, город 56
 Зебенс(-су), река 155, 194, 195, 198, 199, 200, 249
 Зейтун, город 37
 Зенджирли, город 106
 Зивин, село 15, 161
 Зизиола, дорожный пункт 44, 45
 Зилс (Зела), город 61, 167
 Зиль-Каркейк, место 194
 Зима(р)ра, город 27, 51, 62, 63, 88, 133, 146, 246
 Зимарриа (Зихурриа?), город 12, 133
 Зиппаланда, город 20, 39
 Зиулила, город 61
 Зихурриа, см. Зимарриа
 Зуа, см. Зуайни
 Зуайни, город 15, 181
 Зухма, страна 116

 Иберия, страна 167
 Ибла, город 187
 Иераполь, город 222
 Иза(а)ла, район 157, 206, 208, 251, 252
 Изоглу, село 41, 52, 151
 Икизари, см. Кизари
 Икония, город 142
 Иламуша (Еламуша), город 16
 Илинджа, гора и река 195, 199
 Ингалава, город 22, 31, 36, 54, 60
 Индия, страна 136, 137, 242
 Иорган-Тепс, местечко 217
 Ирак, страна 103, 133, 141
 Иран, страна 63, 141, 205
 Ирис, см. Келькит
 Ирмани, город 180
 Ирритс, город (страна) 196, 224
 Испания 167
 Италия, 166
 Ишмиригга, город 22, 34, 36, 60, 69
 Иштахара, город 64, 128
 Иштитина, 21, 29, 34, 36—39, 50
 Ишува, страна 22—24, 57, 60, 77, 91, 95, 96, 112, 113, 123, 194, 198
 Ишхубитта (Ишхупитта), город 96, 129

 Карзован (Karzovan), село 76
 Кадгирт (Khağirt), река 199
 Кадеш, город 117
 Каджсти, страна 134, 250
 Кадмух(и) (Катмух), страна 132, 212, 256
 Казан-Кайа, горы 52
 Каззапа, см. Газзапа
 Кайсери (= Кесария), город 6, 37
 Калакене, место (район) 155, 156, 199, 202, 251
 Калашма, город 20, 56
 Калтиорисса, дорожный пункт 44
 Каману, город 140
 Камар(и), город 224
 Камах, город 27, 40, 42, 46, 63, 48, 49, 52, 53, 58, 61, 66, 67, 109, 128, 241, 245, 249, 250
 Камиса (Комаса), город и дорож. пункт 56, 249
 Камышлы-дерс, местечко 63, 129, 240
 Кангвар, крепость 37
 Канеш, город 99, 101, 111, 121, 137, 199

- Каниувара (Ганиувара), город 51, 60
Капан, город 130
Каппадокия, страна 45, 50, 57—60, 63, 94, 95, 99, 100, 111—113, 115, 116, 121, 122, 124, 140, 142, 143, 145, 146, 148, 158, 162, 170, 171, 176, 177, 191, 192, 199, 235, 250, 252, 253
Карабаг, область 46, 62, 66, 130, 250
Кара-гиссар, город 240
Карана, город 63
Каранитис (Каранитин), область 68
Карапа, место (город) 47
Кара-су (=Верх. Ефрат), река 10, 48, 51, 240
Каратутш, село 52
Карахисар, город 63
Карахна, город 29
Каргамиш, город на Ефрате 21, 22, 31, 38, 65, 72, 95, 97, 120, 125, 141, 186, 220
Каргемиш, см. Каргамиш
Каренита, область 159
Карин, см. Эрзерум
Каринита, область 235
Каркапа, город 53
Каркатиокерта, город 162
Кармир-блур, урартская крепость 150, 154
Карс, город 145, 180
Карсагис, дорожный пункт (=Герджание) 88
Карсат, см. Карсагис
Картапа(ха), город 46, 49
Карфаген, город 223
Карцах, село 41
Катаония, область 126
Катапа, город 46, 39, 129
Кашатаг(k) (Khašathā), район 134, 155
Кашах, село 42, 50, 135
Кашац таг (Khašac thaṭ), место 250
Каши марг (Khaši marg), место 134
Кашка (Гашга), племена и местность 20, 25, 53, 74, 135, 143, 243
Кашула, город 53
Кашуни(k) [Khašuni-(kh)], район 134, 155, 250
Кашшиа, город 126, 129, 132
Кедровая гора, см. Аманус
Кейик, село 41
Келасура, место (село) 166
Келькит (Килькиг), река 27, 88, 124, 128, 130, 132, 240
Кемах, см. Куммаха
Кемухи, курдс. село 48
Кентрит (Боктан-су), река 158, 160, 210, 223
Керасунд, город 22, 223
Керкук, город 197, 217, 244
Кесария (=нын. Кайсери), город 45, 99, 110, 143—148, 176, 236
Кесс-Мехмет, село 55, 59
Кетарич, город (село) 44
Кибосса, село (город) 240
Киев, город 152, 247
Киеская Русь 234, 258
Кизари (=Лаодика), крепость 57
Кизван-Даги, место 23
Кизватна, страна 20, 50, 58, 60, 62, 111, 117, 156, 201
Кизувар, город 36
Киликия, страна 40, 50, 62, 117, 156, 176, 201
Кинза, город (страна) 23, 117
Кипр, остров 222—223
Киркук (Керкук), город 40
Кискилусса, город 240
Кишшиа, см. Кашшиа
Кларджетия, область 83
Клейсура (Клесур), город (село) 50, 166, 194
Климар, город 156, 196, 252
Кобайри (=Кобер), село 59
Коговит, район 144
Коде, страна 141
Кослесирия, место 166
Койли-Гиссар, см. Анниака
Колеберд, крепость 41
Колхида, страна 16, 106, 167
Комагена (Комагенс), страна 47, 131, 132
Комана Каппадокийская, город 121
Кома(н)на, город 28, 40, 58, 61, 132, 167
Комаса, см. Камиза
Корду-к, страна 14
Коринтос, город 231
Котайк, район 163
Котур, городок на верх. Ефрате 109
Крит, остров 125, 142
Крым, полуостров 222
Куарс, город 152, 229
Кубанская область, 166
Кубань, область 244
Куварс, см. Гуварс
Кузаштарина, город 179, 182

- Кулзила, страна (город) 53
 Ку(у)лимар (Khjimar), город 194
 Кул(а)им(м)ери, город 23, 156, 195, 196, 198, 252
 Кулмери, см. Кул(а)им(м)ери
 Кулаха (=Колхида), страна 16
 Кумаваара(си), место 36
 Кумайри, город 50
 Кумаха, город (близ Самосата) 47
 Кумиала, село (близ Амасии) 50
 Куммани, город 50
 Куммаха, город Хайасы 18, 19, 23, 26, 36, 40, 47—51, 53, 61, 65, 73, 89, 92, 109, 241, 242, 245
 Кумме(ни) [Кумми(ни)], город 50
 Куммешмаха, река 50
 Куммух (=Катмух?), город 131
 Кумурхан, село на Евфрате 11, 131
 Кунзурха, город 40, 49, 240
 Кунисса, село (дорожный пункт) 44, 45, 240
 Кунтара, город 53
 Кура, река 162
 Кур-Оглу-Калеси, местность 21
 Куршаура, страна (город) 187
 Кутаси, город 200
 Кутемран (=Кулимери), город 194
 Кутмар, город 194
 Кушшара, город 73
 Кцха, село 41
 Кчав, село 47
 Кюль-Тепе, см. Канеш
 Кюме, место (город?) 142
 Кюменск, см. Кома(н)на
 Кяхта, городок 52
- Лавазантиа, город 126
 Лавиансена, область 126
 Ла-Гарени, место во Франции 106, 243
 Ладарариза, село (город) 44
 Лалха, см. Алаалха
 Лаодика, см. Кизари
 Ластиверд, место (город?) 82
 Латакия, город 197, 217
 Латарарич, село (город) 88
 Лахирхила, город 60, 69, 93, 241
 Латарич (Latharich), село 44, 88
 Лидия, страна 125, 129, 157
 Лик, река 63, 67, 240, 249
 Ликанд, область 126
 Ликия, страна 176
 Литта, город 96
 Лихзина, город 20, 69
 Личк, село 24
- Лори, район 47
 Лугга (Лукка), страна и народ 20, 25, 171, 243
 Лусрухи, страна 212
 Лусехухи, страна 212
 Лукка, см. Лугга
 Луллубу (=Лулуме), страна 187
 Лулу, страна (народ) 203, 253
 Лулуина, страна 178, 240, 253, 257
 Лулуме, страна 187
 Луха, город 111
 Лухазатиа (Лухузатиа), город (торговый пункт) 61, 111
 Лухма, город (страна) 53
 Люсиормон, село (город) 44
 Лютарариз, село (город) 41
- Магнезия, город 209
 Мадасна, страна 179
 Мажак (=Кесария), город 145, 146, 236
 Мазаз, район 166
 Мазака (=Кесария), город 145, 146
 Мазгерд, город 106
 Майкоп, город 108
 Майония, область 86
 Майпаркат, город 56
 Малатия (=древняя Мелита), город 40, 41, 52, 111, 126, 156, 236
 Малая Азия 5, 7, 9, 13, 17, 36, 46, 49, 57, 63, 68, 73, 75, 80, 85, 86, 89, 100, 101, 107, 108, 110—113, 115—117, 120, 123, 125, 129, 137, 140—142, 144, 145, 147, 148, 151, 163—165, 167, 168, 171, 172, 176, 187, 201, 206, 222, 225, 237, 239, 246, 248, 249, 258
 Малая Армения 6—8, 10, 11, 13, 27, 43—45, 47, 56, 63, 64, 85, 87, 89, 108, 110, 121, 124, 125, 128, 134, 138, 154, 156, 157, 162, 165, 166, 168, 176, 177, 202, 208, 231, 234—236, 240, 244, 245, 249, 251, 252, 257, 258
 Малдиа, страна 118
 Малый Багарич, село 86, 87
 Мамахатун, город 21, 27, 40, 59, 109, 159, 241, 245
 Мамахатун, область 63, 86
 Мамушер (Mamushar), река 127
 Мана, страна 203
 Мана(й)-Айрк, гора (пещера) 110, 213
 Манали, см. Мананали
 Мананали (Манали) 170, 181, 203
 Манаскат, река 130
 Манаскерт (Мелазгерд) 15, 95

- Манглиси, городок 114, 196
 Манда, племя (место) 135, 136
 Мансай-айрк, см. Мана(й)-Айрк
 Мараш, город 57, 125
 Маргиана, область 204
 Мардали (Мардалия), область 139, 181
 Мардин, город 32, 111, 206, 255, 256
 Мардпетакан, область 139
 Мари, область 50, 71, 193, 217, 228
 Марик, гора 37, 245
 Маришта (Мариштаха), 28, 49, 128
 Масис, гора 37, 190
 Маша, город 46, 53
 Меандер, река 142
 Мелазгерд (= Миазкерг), город 161, 210
 Меледух, гора 41, 212
 Мелида (=нын. Малетия), город 132, 202
 Меликшериф, местечко 38
 Мелита (=нын. Малаатия), город 111, 129, 131, 133, 149, 153, 156, 236
 Мелитена (Мелитене), страна 7, 10, 111, 125—127, 129, 132, 140—142, 147—149, 153—157, 162, 171, 177, 202, 234, 242, 249—252, 255
 Мелитена южная 132
 Менуахиини (=Ташбугун), город 182
 Менье, см. Мейония
 Месопотамия 63, 85, 99, 111, 113, 133, 137, 141, 147, 158, 175, 184, 186, 197, 192, 193, 202, 207, 208, 255
 Месхетия, область 110, 146
 Мехри, страна 134
 Мзур, область 109, 128, 158, 194
 Мидийская сатрапия 204
 Мидия, страна 140, 143, 167, 179, 191, 204
 Минни, страна 161
 Мира-Кувалиа, страна 117
 Митанни, страна 26, 29, 34, 37, 36, 115, 140, 154, 174, 181, 194, 197, 248
 Мкнарнич, село 44
 Мокс, область и город 145
 Моксена, область 47, 166
 Монголия, страна 147
 Мосхийские горы 145
 Мосхика, страна 145
 Моткан, район 42, 50, 133
 Мурад(-чай), река см. Арацани
 Мурч, речка 55
 Мусасир, город 93, 106
 Мусасирский храм 106
 Муфаркин, город 155, 252
 Муш, город 40, 62, 145, 154, 196, 221
 Мхеровские зорота («Мхер-капу-си») 212, 216
 Мцбин, город 173, 169, 256
 Мцхита (Мцхета), город 95, 108
 Назибина (Naşibina), город 203
 Наири, страна 182, 195
 Нарвер, село 36
 Нарек, местечко 152, 249
 Нахарина, страна 174, 240, 257
 Нахита (=нын. Нигде), город 56
 Нахчаван (=Нахиджеван), город 42, 76
 Нериб, местечко 195
 Нерик, город 133, 162, 249
 Несферкерт, см. Ефркерт
 Ниг (=Апаран), район 93
 Нижняя страна 111, 118
 Никая, город 39
 Никополь, город 27, 43—45, 56, 62, 68, 73, 87, 38, 128, 234, 240
 Никте (Нигде), городок 56
 Нимруд, город 104
 Нимфиос, река 199
 Нинашша (Ненашша), город 111, 239
 Ниневия, город 150, 173, 156, 197
 Ниуга (=Нисвия), город 196, 197
 Ниппур, город 75, 154, 223
 Нирбе, страна 194, 195, 197
 Нирибай-хуби, страна 195, 197
 Нисибин (=Назибина), город 173, 194, 256
 Них(и)риа, город 111, 112, 191, 193, 194, 198, 199, 200, 232, 254
 Нор-Баязет, город 172, 232
 Но(р)ширакан, область 115
 Нпат, гора 225
 Нриус (из *Нриунис), село 180
 Нузи (=сов. Йорган-Тепе), город 50, 69, 72, 75, 77, 90, 94, 95, 97, 105, 114, 186, 195, 200, 217, 219—221, 224—230, 244
 Нухашше, см. Нухашши
 Нухашши (Нухасси), город 21, 53, 117
 Нфркерт 50, 252
 Огакан (Oğakan—нын. Ахкан), крепость 136
 Олибериа, местность 50, 134, 252
 Олотодариза (=Аладарариза), город 44, 88
 Орднав, село 17

- Орима, город 132
Орион, созвездие 39, 70, 255
Ормени, страна 177, 190
Орминион, гора 153, 166, 188
Орминион (Орменион), город 165, 166
Ормини-ухи, страна 180, 236
Осха, село 41
Отиара, местность 137, 251
Оток, село 42
Отурак, место 213
- Паганакан тун (Paġanakan tun), см. Пагнатун
Пагин (Paġin), село 13, 68, 106, 130, 131, 155, 177, 198, 250, 256
Пагнатун (Paġnatun), область 130, 150
Пазкарич, село (у Эрзерума) 44
Пайтакаран, область 66, 250
Пала, страна и народ 12, 13, 46, 58, 118, 128, 129, 131, 244
Палакаци(о), село 129, 250
Паланакан тун, см. Паганакан тун
Палахор (Балахор), село 129
Палахори (на Чирохе), местечко 250
Палестина, страна 147, 171, 179, 191, 240, 257
Пали, местечко 139
Палу, см. Балу
Палуни, область и феод. род 13, 130, 131, 155, 219, 250
Пальмира, город 23
Памфилия, страна 90, 142
Папанха, город 49, 53, 240
Папанхи (Бабанхи), страна 194
Папшен (Pharphšen), село 46
Париандр, горы 23
Паррайа (=Баррайа), город 60, 241, 246
Партав, город 47
Партахуина, город 53
Парфия, страна 204
Пархарские горы, 16, 52, 242
Пассинская долина 106
Пати, место 222
Патрич, село 93
Паттсарик, город 53, 93, 245
Пахува, страна 118
Па(х)худейа 90, 89, 97, 241, 246
Пелакинни, место 166
Пелопонес, полуостров 167
Первая Армения 156, 235
Передняя Азия 114, 137, 148, 171, 237, 249
- Персия, страна 18, 135, 146, 157, 190, 191, 204
Печерич, село 92
Пигаинареша, см. Биггаинареша
Пиласки, страна 167
Пимаха, город 40, 49, 53, 240
Пирам, река 126
Питашиша, страна 20
Питтиарига, см. Баттиарига
Пласта, см. Албистан
Понт, страна 40, 41, 46, 50, 125, 133, 142, 176, 212, 235
Понтийские области. 223
Порр, село 48
Припонтида (Припонтика), страна 133, 142
Причерноморье, страна 246
Пурукуззи, см. Алзи-Пурулумзи
Пюрк (Никополь), село 43, 16, 53
- Равенна, город 166
Рас-Шамра, местечко 197, 217, 219
Риар, город 182
Рим, город 166, 175, 235, 253
Римини, город 166
Родос, остров 167
Ром, см. Рим
Ромейская Армения, 56
Россия, 137, 148, 150
Ротибала, река 130, 155, 250
Руад, город 60, 72
Руишиани, страна 145
Русахина, город 29, 179
Русь, 144, 192, 253
Руфайс, см. Герджанис
- Сагартия, страна 204
Садаг, см. Сатала
Сакасина, место 207
Саламбриа, место 89
Саллим, город 187
Самарина, см. Самария
Самария, страна 203
Самосат, город 40, 47, 52, 126, 131—133, 186, 242
Самцхе, страна 146
Сангар, река 91
Сапагурванта, город 25, 97, 241, 246
Сабрабра, город 89
Сарды, город 157, 205
Сарикамыш, город 15, 181
Саспиритис, местность 146
Сасун, страна 29, 143, 197, 199, 221, 230, 231, 238, 250, 254

- Сатала, город 27, 43—45, 57, 59, 86,
89, 128, 236, 242, 249
Саттагидия, страна 204
Сгерд, город 15, 190, 197
Себастья, город 56, 57, 61, 156,
234—236
Себастиополис, город 37, 62
Севан, озеро 57, 236
Северная Сирия 61
Северный Кавказ, 110, 224
Северо-западная Армения, 3, 10,
12, 18, 27
Сивас, город 56, 61, 101
Сидон, город 53, 72
Синервас, дорожный пункт 88
Синоп, город 22, 165, 166
Сипикор, горы 88, 110
Сирия, 21, 23, 38, 40, 48, 49, 61, 87,
117, 125, 141, 148, 162, 184, 191, 197,
208, 217, 219, 256, 257
Сисмара, место 146
Сиспиритис, местность 156
Советская Армения 166
Сомхита 96, 179
Сотк, район 57, 242, 249
Софена (=клин. *Šupa*, арм. *Կորի-
հ*), страна 6, 7, 22—24, 77, 84,
125, 126, 137, 149—150, 155—157,
177, 194, 199, 202, 234, 235, 242, 249,
251, 252, 258
Софена Шахэя, см. Софена Шаху-
ни
Софена Шахидская (Шахуни) 109,
149, 158
Софенская Армения 162, 235
Спер, область 13, 27, 63, 65, 159, 241,
252
Средиземное море 237
Средний Ефрат 21
Степанаван, город 181, 256
Субарту, страна 132, 187
Субнат, см. Забене-су
Сузы, город 157, 251
Суисса, дорожный пункт 66
Сукав, место 47
Сулеймание, город 133, 141
Сулусерай, см. Себастиополис
Сункарис, село 45
Суспиритис (=Шуприа), страна 199
Супса, городок 52
Сурмайри, местность 30
Сута, крепость 194
Сухме (Сухми), страна 14, 15, 182
Сюник, см. Сюния
Сюния 57, 129, 130, 134, 242, 249,
250
Табал, местность 143
Тавиум, город 47
Таврские горы 138, 157, 174
Тавры 111, 143, 154, 157, 158, 191,
194, 208, 209, 234, 251
Тагавард (Պախարդ), село 82
Тагавер (Պախար), село 36
Тагарама, см. Тегара(м)ма
Тадмур (Тадмор), город 23
Тайк, область 13, 14, 83
Талин, село 68
Тамалки, город 135
Таматта, город 60, 85, 94, 241, 246
Танкува, см. Данкува
Таптина, город 58
Тапура, город Малой Армении 128
Тарауни, страна 183
Тарахна, город 129
Тарикариму, гора 60
Таркума, город 58
Тарон, область 7, 15, 56, 130, 136,
138, 145, 148, 154, 160, 161, 171, 183,
202, 229, 252
Тарсус (Тарзон), город 62, 156, 201
Таруберан, область 33, 134, 159
Тархунташша, город 10, 239
Татван (Тадван), горсдок 23
Татта, озеро 142
Татах, крепость 50
Тахарпа, город 69
Ташир, местность 129, 250
Тбилиси, город 110, 200
Тегара(м)ма, город (область?) 10,
31, 61, 111, 126, 132, 133, 140, 156,
234, 248, 255
Теджир-Даг, гора 61
Телави, город 47
Телль, город 25, 59, 241
Тель-Амарна, город 171
Тель-Атшанех, 40, 49, 184, 197
Тель-Харири, 71, 193, 217
Темиа (Тимил), город 36
Тенха, село 41
Терсуц, место 45, 88
Тиара, область в Джуламерке 157
Тибиа, страна 12, 21, 27, 29, 34, 36,
37, 54, 60, 61, 72, 74, 101, 240
Тигр, река 111, 132, 137, 139, 142,
143, 155, 157, 159, 160, 175, 178, 187,
191, 192, 197—199, 203, 247, 249,
251, 252, 257
Тигранакерт (=Муфаркин) 50,
194, 252
Тил, село 26, 59, 86, 112, 113, 241
Тилгаримму, место 140, 141

- Ти(л)аль, городок 59, 91, 245, 248, 258
 Тиль-Гарима, см. Тилгаримму
 Тиль-Гурана, см. Тилгаримму
 Тимелкиа, город 61, 111
 Тишмурна, город 101
 Тлахум (Тулухум), село 198
 Тобел, страна 144
 Тогарма [=Тегара(м)ма] 10, 140, 141, 153—156, 242, 246, 255
 Толорс, село 183
 Томисса, городок 240
 Топараван, озеро 110
 Топрак-Кале 103, 105, 106
 Тордан, село 109
 Тортум, область и река 41, 42
 Тосп, район Вана 43, 200
 Тохма-су, река 62
 Трапезунд, город 9, 223, 235
 Третья Армения 156
 Тсопк, область 149
 Тсуна, страна 149
 Туарацатап, область 195
 Тувана, город 77
 Тузлу, речка 109
 Туманна, см. Дума(н)на
 Турабдин, 132, 157, 184, 194, 252
 Турмитта, город 12, 96, 118, 128, 129, 131
 Турубран, область 70, 129, 179, 180, 186, 202, 209, 247, 255
 Турция 6, 37, 43, 48, 96, 175, 225, 253
 Тушпа, город (=сопр. Ван) 43, 59, 200
 Тюана, город 142
 Уббу(м)ме, город 155, 195, 196, 252
 Убурда, город 112
 Угарит, место 53, 197, 217
 Уда, город 62, 111, 212
 Укиам, место 42
 Улаш, село 61
 Ур, город 186, 227
 Ура, город 53, 187
 Ура, крепость 21, 28, 50, 36, 51 — 53, 60, 109
 Уравели, село 36, 183
 Урарту 7, 12, 17, 49, 84, 98, 106, 107, 113, 125—127, 131, 141, 144, 147 — 150, 154, 155, 158—162, 169, 171, 175, 176, 182, 191, 192, 195—197, 200, 202, 205—211, 213, 216, 234, 236—238, 247, 249, 253—255
 Урахи, город 41
 Урашту, см. Урарту
 Урск, село 41, 4*, 52, 242
 Урски, село 55
 Урзахина, см. Арзахина
 Урима, см. Урума
 Урмениухи 177, 212
 Урмия, озеро 43, 140, 162, 170, 181
 Уртап, село 47
 Урратина (Урартина), страна 179, 257
 Урума (Урима), город 132
 Урха (=Эдесса), город 53
 Утуха, город 15
 Ухиама, местность 157, 251
 Учкисиса, см. Багаван
 Уюк, город 142
 Фазимонитис, город 58
 Фарнакия, район 235
 Фасис, река 145
 Фессалия, страна 63, 163, 165—167, 188
 Фиора (=Арменита), река 166
 Фирузабад, город 133, 141
 Фис (Фейс), село 30
 Фракия, страна 165, 160
 Франция 106, 243
 Фригия, страна 176, 213
 Фум, деревня 156, 195
 Хабанда, район 57, 242, 249
 Хабур, река 71, 193, 197, 206, 217
 Хабурата, город 101
 Хавза, город 58
 Хаза, см. Аза
 Ха(з)зо, городок 155
 Хайаса, страна 5, 6, 9—13, 15, 17—20, 22, 23, 25—28, 30, 31, 36—40, 46—48, 51, 53, 59, 63—65, 69, 74, 76, 84, 89, 92—94, 97—99, 107, 108, 110, 112, 118, 121, 124, 125, 126, 155, 159, 161, 169, 191, 202, 210, 236, 239—242, 245—247, 249
 Хайаса-Аззи 5—7, 9, 10, 12, 13, 18, 22—27, 29, 30, 34—38, 42, 43, 46, 48, 51—55, 58—60, 63—65, 71, 73, 75, 78, 80, 84, 35, 92, 99, 101, 107—110, 112, 115, 117, 121—124, 126, 127, 129, 141, 155—157, 159, 162, 208, 211, 234, 236—244, 251, 252, 255, 257, 258
 Хайастан, 10, 11
 Хайаша, см. Хайаса
 Хайаша-Аззи см. Хайаса-Аззи
 Хайск, город 41, 59, 92, 241
 Хайк (Hajk), село 59, 153
 Хайк (Haj kh), страна 124
 Хайни, городок 155, 195, 249

- Хайоц-дзор, местность 155, 161, 210, 249
 Хакпишна (Хакписса), город 64, 128
 Халаб, см. Хална
 Халдан, местность 53
 Халимана, город 33, 36, 37, 60, 73, 74, 241
 Халпа, город 20, 89
 Хана, место (город) 154
 Ханигалбат, страна 154, 194
 Ханикин, город 186
 Ханхана, город 129
 Хапалла, река 117
 Хапатвания, город 77, 186
 Харанаваия, город 77
 Харберд, город 14, 41, 52, 112, 113, 128, 149
 Харис (Haris), дорожный пункт 83
 Харк, местность 23, 161, 210
 Хармене, гавань 166
 Харпут, см. Харберд
 Харпутская долина 38, 109, 118
 Харран, город 31, 77, 111, 256
 Харшама, город 56
 Хаса, село 40, 46
 Хас-гюх, село 40
 Хас-кей, село 40
 Хассис (Hassiss), дорожная станция 44—46
 Хастур, городок 40, 160, 236
 Хатап, ущелье 47
 Хате, страна 240
 Хатина, страна 125, 240, 255
 Хатра, город 135
 Хаттарина, город 173, 182, 203, 240, 257
 Хаттена, город 129
 Хатти, страна 13, 20, 33, 62, 89, 187, 192, 203, 240, 253
 Ха(т)гина, город 111, 176
 Хаттуса (Хаттуша), город 6, 32, 33, 37, 99, 118, 133, 135, 179, 239
 Хатэ, см. Хатина
 Хах, село 112, 241
 Хахх(ум), город 61, 161, 111, 241
 Хемшин, местность на Чорохе 129
 Хетгия 25, 36, 115, 119, 124, 126, 141
 Хилакку, страна 143
 Хишашхапа, страна 47, 129
 Хизорек, село 134
 Хнус (< * Хнунис), городок 160
 Хозан, место 41
 Хойт (=Сасун) 15, 17, 29, 199, 238
 Хошаб, река 210, 240
 Хубишна, город 89, 93, 217
 Хубушкиа, страна 195, 197
 Хурлуша (Хурлаша), город 10, 37, 63, 239
 Хурма, город 58, 89
 Хурри, страна 9, 20, 37, 140, 192, 197, 253
 Хушри, город 224
 Цагвери, село 36, 183
 Цалки (Цалкэ), место 107, 123, 244
 Цанах. (Tsapah), местечко 42
 Цаплавар (Tsarivav), село 37
 Цезаря, город 45
 Цопк (Tsorh-kh) = Клин. Supra, страна 158, 162
 Цуртави, город 47
 Чагар-Базар, местность 69
 Чалдыр, озеро 16
 Чарпанак, местечко 23
 Чарсанджак, район 128
 Черное море, 15, 16, 22, 52, 55, 133, 157, 165, 212, 223, 236
 Черноморье 54
 Четвертая Армения 22, 156
 Чиман-даг, горы 88
 Чорох, река 7, 10—12, 14, 27, 41, 42, 63, 78, 110, 124, 129, 145, 159, 170, 240, 242, 244, 250
 Чорохская долина 110
 Шабин (Шапин)-Карахиссар, город 44, 88
 Шавердиан, местечко 194
 Шагверд (Şilverd), река 82
 Шаддупа, город 29
 Шалати, город 96
 Шалативара, город 36
 Шалатувара, город 101, 111
 Шалахшу(в)ара, город 36, 101
 Шалим (Саллим), город 187
 Шалапа, город 47
 Шамик, село 88
 Шамлушна, город 63
 Шаммаха, город 49, 61, 63, 240
 Шамуха, город 16, 26, 36, 49, 61 — 63, 89, 111, 120, 133, 240
 Шапиуа, город 20, 89
 Шаппа, город 129
 Шатах, местность, город 37, 40, 50, 166
 Шахапонк (=Шахбуз), село 183
 Шашилу, город 15
 Шейран-су, река 98
 Шериан-су, река 47

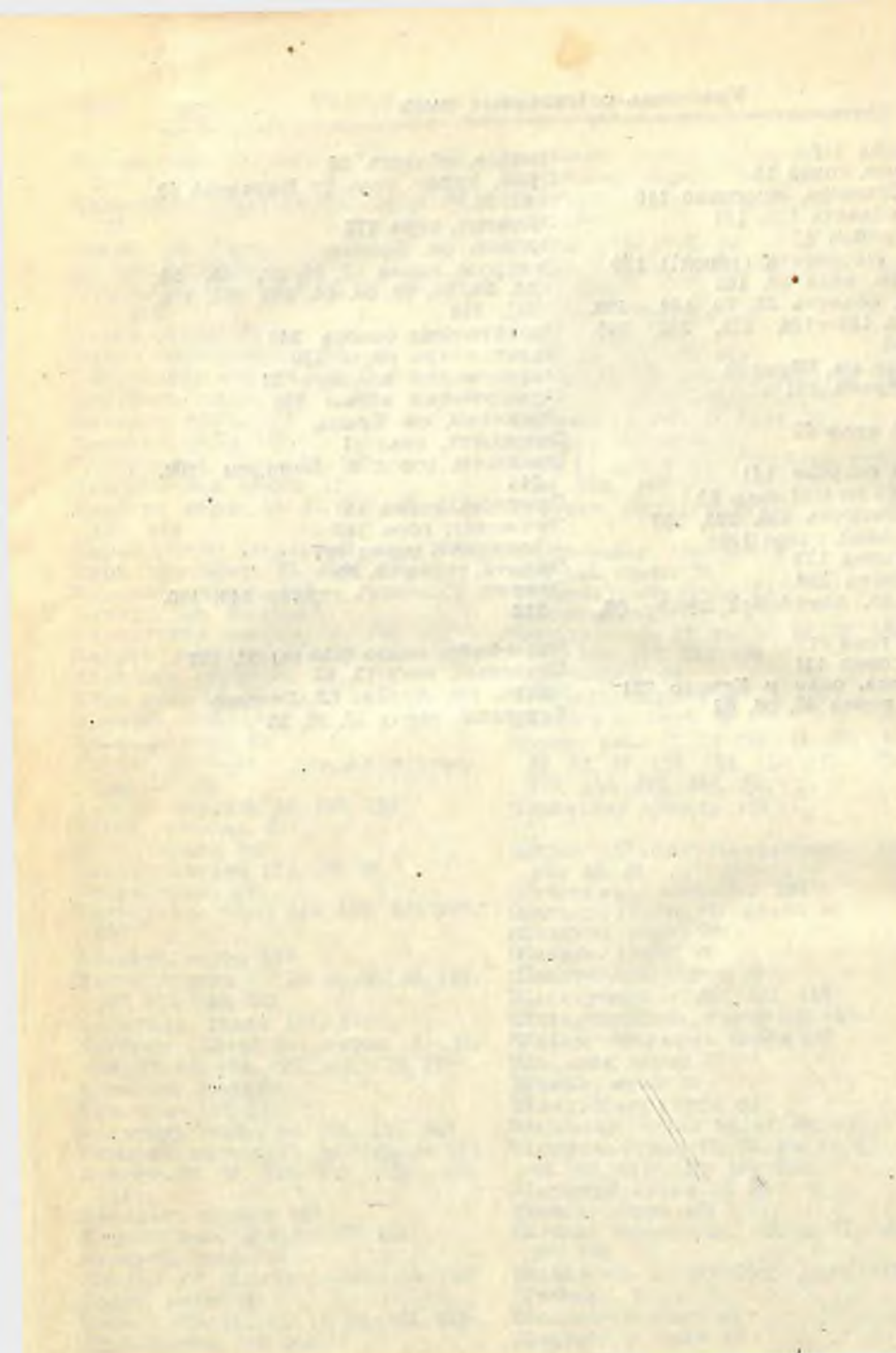
- Шеха, река 117
Шешетини, город 15
Шипек-Саномер, местечко 110
Шираз, область 133, 141
Ширак, район 42
Шугзиа, местность (город?) 120
Шулавери, село 36, 183
Шуприа, область 23, 79, 143, 156, 169, 170, 193--199, 201, 202, 248, 251--253
Шупритис, см. Шуприа
Шури, страна 181

Ынкузск, село 42

Эгейские острова 141
Эгизард (Eliward), село 62
Эгиль, крепость 155, 195, 198
Эгин (=Аки), город 109
Эдесса, город 173
Элам, страна 204
Элегарсина, дорожный пункт 88, 240
Эллуриа, гора 51
Элухат, город 111
Эль-Амарна, село в Египте 221
Эндерес, город 43, 56, 68

Энзита, область 96
Эрах, курдс. селс (у Битлиса) 40, 42, 50
Эрджияс, гора 176
Эреван, см. Ереван
Эрзерум, город 12, 24, 27, 45, 55, 56, 59, 62, 63, 67, 68, 101, 107, 170, 241, 244
Эрзерумские болота 240
Эрзерумские горы 139
Эрзерумский вилайет 21
Эрзерумский район 159
Эрзинкан, см. Ериза
Эринджак, село 37
Эрланген, город в Баварии 106, 243
Эрман(и), город 181
Эрмес-даг, гора 167
Иермионс, город 167
Эрхита, город 60, 96
Этиуни (Этиухи), страна 149, 180, 212

Язлы-кайа, место (скала) 92, 107
Язлы-таш, село 15, 95
Ярлус, см. Арабис (Албистан)
Яхрешша, город 28, 31, 56

Топонимика клинописного периода передана в научной транскрипции (латинскими буквами)

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ

(Оглавление)

	Стр.
Введение	5— 9
Часть I. Hajas-a-Azzi (9—123)	
1. К истории интерпретации имени и местоположения страны Хайаса—Аззи	9— 27
2. Данные хеттских надписей с стране Хайаса—Аззи и уточнение ее местоположения	27— 64
Хайаса—Аззи	37— 42
Аззи	42— 46
Куммаха	46— 51
Ура	51— 54
Арипса и Дуккам(ма)	54— 58
Общее о топонимике и границах Хайаса—Аззи	58— 64
3. Цари и мужи из страны Хайаса—Аззи и этимология их имен	64— 78
Карани	65— 69
Хуккана и Марна	69— 71
Анна и Мутти	71— 75
Ванний и Габильдий	75— 77
Арихбиззи и А(й)иссна	77— 78
4. Факты армянского языка и культа за местоположение Хайаса—Аззи	78— 99
Данные армянского языка	78— 84
Данные культа у армян	84— 99
5. Культурно-историческое состояние страны Хайаса—Аззи	99— 123
Часть II. Haja-kh=Armina (123—239)	
1. О некоторых эефратских племенах или народах в связи с этногенезом армян	128—147
Пала или База	128—131
Гашга или Кашка	131—135
Манда и Сала	135—140
Тегара(м)ма—Тагарама	140—141
Мушки	141—147
2. Влияние киммеро-скифов на политическую ситуацию Малой Азии в VII в. до н. э.	147—154

3. Передвижения хаев в Урарту	154—163
4. Индоевропейская концепция происхождения армян	163—171
5. К происхождению имени <i>Armina</i>	171—183
Этническое имя <i>armīn-</i> (> <i>arm-</i>)— <i>арам-</i>	175—188
6. К уточнению местоположения армянов среди субаро-хурритского этно-лингвистического мира районов <i>Arime-Supria</i>	188—209
<i>Arime-Armina</i>	191—209
7. Урартизмы и хурритизмы армянского языка	209—234
Урартизмы армянского языка	213—217
Хурритизмы армянского языка	217—234
8. Роль малой Армении	234—239

Заключение (239—258)

Таблицы и указатели	259—287
Таблицы	260—261
Указатель цитированных главных работ	261—263
Указатель собственных имен	264—287
А. Имена лиц и богов	264—271
В. Имена мест (топонимика)	274—287

Карта

Ответ. редактор *А. С. Гарибян*

Техред. *М. Капелян*

Корректор *Л. Абовян*

Сдано в производство 17/IV 1946 г. Подписано к печати 5/VIII 1947 г.

Об'ём 18 1/4 п.л. + 5 вкл. в п. л. 38.400 печ. зн. ВФ 03396. Зак. 395.

Изд. № 370. Тираж 3000.

Типография АН Армянской ССР, Ереван, ул. Абовяна 104.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637
U.S.A.

[1500pp]

ԳԱՆ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

906000742

Dokayk
742